

Борис Докторов

Нескончаемые беседы с классиками и современниками

Опыт историко-биографического анализа

УДК [316.2+82-92]
ББК 60.54Г
Д63

На обложке – портреты героев этой книги, фотографии
отвечают порядку расположения биографических очерков:

Первый ряд: Джордж Гэллап, Хэдли Кэнтрил,
Дэвид Огилви

Второй ряд: Б. А. Грушин, Т. И. Заславская,
Ю. А. Левада, В. А. Ядов

Третий ряд: А. Н. Алексеев, В. Б. Голофаст, Г. С. Батыгин

Докторов, Борис Зуسمанович

Д63 Нескончаемые беседы с классиками и современниками. Опыт историко-биографического анализа : Монография [текст] / Б.З. Докторов. – М.: ЦСП и М, 2018. – 440 с.

ISBN 978-5-906001-52-8

Настоящая книга отражает двухдесятилетний опыт работы Б.З. Докторова в области методологии и практики историко-биографического анализа. Книга рассказывает о людях, внесших значительный вклад в теоретические и прикладные разделы социологии. Если иметь в виду университетскую программу, то содержание книги может найти свое отражение в курсах по истории советской / российской и американской социологии и при освоении возможностей биографического метода. История социологии раскрывается через биографии исследователей, а их жизненные пути прочерчиваются в реальных исторических обстоятельствах.

Книга обращена к тем, кто изучает и преподает социологию, к аналитикам общественного мнения и исследователям рынка, к широкому кругу читателей, интересующихся становлением и развитием современной социологии.

УДК [316.2+82-92]
ББК 60.54Г

ISBN 978-5-906001-52-8

© Докторов Б.З., 2018
© ЦСП и М., 2018

Книга Доктора Бориса Зусмановича, наиболее успешного историка российской социологии и биографа-аналитика, пожалуй, всех предшествующих поколений российских социологов, – это углубленная «разверстка» его личных изысканий и проведенных им персональных интервью с социологами. Эти изыскания и интервью синтезированы им в ряд монографий, которые были опубликованы в России в последние два десятилетия¹. В стремлении найти личностные мотивы жертвенных усилий российских социологов 1960–1980-х годов, направленных на «реформирование» советского общественнознания изнутри, автор также обращается к американскому опыту зарождения опросов общественного мнения в 1930-х годах, как неоспоримому признаку демократизации политической жизни под влиянием возрастающего динамизма экономики, обновления потребности масс в материальных символах новой рыночной цивилизации. В результате, научные изыскания автора выходят за рамки опыта советской социологии и успешно реализуются на уровне истории американской социологии массового сознания и биографии американских полстеров, заложивших основы теории и методов изучения потребности масс и социальной функции общественного мнения.

На стадии зарождения и американской, и советской социологической практики речь шла о совершенствовании методов социального управления путем отказа от теолого-идеологического (в политической практике называемого директивным, часто – диктаторским) управления обществом и переходе к учету возросшего производственного и потребительского динамизма поведения масс, ее интеллектуального потенциала по причине модернизации технического и технологического содержания труда.

В книге в аналитической форме представлены биографии ряда наиболее выдающихся российских и американских социологов, отличающихся не только генетической тягой к познанию социальных явлений, но и высокой гражданской позицией в своем стремлении сделать общественную науку более конструктивной и востребованной для практики политического управления. Освещая зарождение американской социологической практики посредством биографии первопроходцев изучения общественного мнения –

¹ С большинством историко-биографических книг Б.З. Доктора можно ознакомиться на сайте: www.socioprognoz.ru

Джордж Гэллап, Хэдли Кэнтрил, Дэвид Огилви, – из российской практики изучения общественного мнения автор приводит также три известных персоналии: Б.А. Грушин, Т.И. Заславская, Ю.А. Левада. В дальнейшем, не без основания, приведенный ряд российских социологов расширен исследователями, внесшими большой вклад в развитие российской политической социологии и методов анализа социальной практики: В.А. Ядов, А.Н. Алексеев, В.Б. Голофаст, Г.С. Батыгин.

Практика и методы изучения общественного мнения, заложенные американскими полстерами в 1930-е годы, в дальнейшем составили основу формирования и функционирования служб опроса населения в экономически развитых странах всего мира, а также в бывших социалистических странах, еще до трансформации их авторитарной политической системы в рыночную. Что касается развития социологии в России, и в плане распространения социологической культуры, и в плане содействия демократизации общественной жизни, неопределимы первые в СССР опыты изучения общественного мнения, проводившиеся Б. Грушиным, а также практика первого в советской стране самостоятельного Центра изучения общественного мнения, созданию и функционированию которого, наряду с Б. Грушиным, всемерно содействовали Т. Заславская и Ю. Левада.

При всей практической значимости изучения общественного мнения, такие исследования органически встроены в общую теорию социологии и в этом аспекте, если иметь в виду методологию и методы прикладной социологии, большинство российских социологов формировались на знаниях, которые в советскую общественную науку внес своими социологическими работами В. Ядов.

Уникальной является жертвенность и преданность социологии, которую в течение всего своего творческого пути проявил А. Алексеев. Методы его научной работы – достойный подражания образец бескомпромиссного служения науке в столь конъюнктурной области, как социология политики.

Самобытный стиль эвристического подхода к социальному познанию отличает В. Голофаста: вечный поиск, порождающий вечные вопросы и вновь стимулирующий к поиску – это образ творческой личности, вбирающей в себя все аномалии общества. Его методы исследования по праву

позволяют заключить: социология – это диагностика «социальных болезней».

Творчество Г. Батыгина отличается глубиной анализа и перманентной неудовлетворенностью результатом. Он стремился узнавать все глубже и глубже, структурировать социальный объект до «скелета». Его выдающейся заслугой является постановка проблемы интерпретации социологических эмпирических данных, которую он развернул в теорию, заслуживающую дальнейшего развития.

Несомненно, книга Б. Докторова – это мастерски оформленное посредством биографий зеркало гуманистического познания и гуманизма в социальной науке. Она представляет собой новое видение творческого процесса, сфокусированное не на объект познания, а на внутренний мир познающего.

Франц Шереги
Москва 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процесс работы над этой книгой представлен в Разделе 1, но если все свести к нескольким словам, то оправданно сказать, что я работал над ней с первых дней этого столетия, причем – ежедневно. Речь идет о многоуровневом и многоцелевом исследовании истории рождения и развития американских опросов общественного мнения и истории современной, послевоенной советской / российской социологии. Казалось бы, это – разные предметно-объектные ниши и нет ничего общего между этими двумя темами. Но в действительности, есть. Фокус моих поисков сосредоточен на ученых, творцах. Результат деятельности одних – методология и система методов изучения мнения населения Америки. Вторые – доказали необходимость, правомерность существования в СССР социологии как самостоятельной науки и создали концептуальные схемы и инструментальные приемы анализа социальных процессов в СССР/России. Я исхожу из того, что в науке главное – исследователь и что прорывы – удел относительно немногих, а здание науки возводится поколениями ученых.

Поначалу я не догадывался, что делаю эту книгу, потом – стал замечать, что нечто подобное складывается, затем – пришло понимание необходимости написания некоего сводного текста. Более того, приходило ощущение того, что процесс осознания этого обстоятельства затягивается, ибо я никак не мог приступить к действию. Был написан и опубликован ряд книг по обеим линиям проекта, но целостность всего историко-социологического поиска оставалась в тени, не заострялась. Нужен был внешний импульс, доброжелательный толчок. И такой момент настал, причем весь переход от размышлений о том, что «надо бы», к решению – «делаю» произошел мгновенно, за несколько часов.

Все началось с того, что 21 марта 2018 года в нашей переписке Ирина Чечель – руководитель образовательных программ Фонда эффективной политики и шеф-редактор интернет-журнала «Гефтер» при обсуждении моих последних публикаций в этом издании заметила: «Вам, разумеется, нужно сделать сборник». Я не стал переубеждать Ирину и рассуждать о невозможности этого, а отправил ссылки статей на «Гефтере» моей коллеге, заместителю главного редактора «Социологического журнала» Ларисе Козловой. Она хорошо знает мою работу, в нескольких интервью

мы обсуждали и планы исследования, и промежуточные результаты. В ответном электронном письме, а общение наше – постоянно и с ответами мы не затягиваем, она не говорила о необходимости подготовки сборника – отчасти, думаю, потому что лучше многих других понимает, насколько это сложно. Однако из ее слов и из тона письма я понял, что она приветствовала бы такую работу.

Хотя прошло всего ничего после предложения Ирины Чечель, я уже видел структуру будущей книги и сразу написал моему давнему другу, социологу, равно успешно изучающему многие стороны социальных отношений в России, методологу и историку советской социологии 1920-х годов Францу Шереги. Помимо собственно исследовательской деятельности, он известен в нашем цехе как опытный издатель социологической литературы. В последние годы Франц издал несколько моих книг по истории американских опросов и российской социологии. Он уже знал и положительно оценил статьи, размещенные на «Гефтер.Ру», я сообщил ему о позиции Козловой и Чечель и добавил, что в целом просматриваю книгу и хотел бы увидеть ее изданной в онлайн-формате. Шереги – с типичной для него определенностью – ответил, что постарается издать книгу на диске, а если будет возможность, то и небольшим тиражом в бумажном варианте.

Удивительно, но в течение одного дня, а точнее – нескольких часов, возникло предложение о книге и определился механизм ее издания. И в тот же день я написал Шереги: «...мне твоя идея сборника воспоминаний нравится... накопилось немало биографических очерков о наших коллегах. От А (Алексеев) до Я (Ядов). И суть в том, что я не очень различаю собственно воспоминания (о тех, кого знал) от написания биографии даже тех, кого не мог знать (к примеру, Гэллап, Огилви, Кэнтрил...). В моей философии нет большого различия между реальным интервью и мысленным разговором с человеком, которого я не знал, но изучил по книгам, воспоминаниям о нем... для меня, это все один процесс – общение с человеком, а формы – разные... найду ключ к такому сборнику, подумаю о названии... напишу тебе».

Так что первое, что мне хочется сделать, это поблагодарить Ларису Козлову, Ирину Чечель и Франца Шереги, без добрых советов, которых эта книга появилась бы нескоро или ее вообще не было бы.

Теперь – кратко о структуре, хотя в целом она была обозначена в приведенном выше письме Шереги.

Раздел 1 – методологический, он вводит читателя в содержание работы и представляет героев книги. И главное здесь – обстоятельный «Разговор через Океан» десятилетней давности с В. А. Ядовым. В нем были подведены итоги первых трех лет изучения прошлого российской социологии и намечены общие направления продолжения исследований. Прошедшие года показали, что движение моих историко-социологических поисков происходило путями, обсуждавшимися с Владимиром Александровичем.

Раздел 2 – «Беседы с классиками». Это – биографии Джорджа Гэллапа, Хэдли Кэнтрила и Дэвида Огилви, уже при жизни признанных классиками изучения общественного мнения и рекламного бизнеса. Методологические находки, сделанные при анализе и описании их биографий, активно использовались в работе над портретами советских / российских коллег.

Различие между Разделами 3 и 4 – скорее технологические, чем содержательные. Оба они – о наших современниках. Раздел 3 содержит биографии двух социологов: Б. А. Грушина и В. А. Ядова, о которых в последние годы мне удалось издать небольшие книжки. По-моему, это первые в нашей стране попытки написания достаточно объемных материалов жизни и деятельности отечественных социологов.

Раздел 4 содержит пять биографических текстов о российских социологах разных поколений. Первое поколение представлено рассказами о Т. И. Заславской и Ю. А. Леваде. Они – из той же профессиональной когорты, что Грушин и Ядов. Три следующие биографии: А. Н. Алексеев (Поколение II), В. Б. Голофаст (Поколение III) и Г. С. Батыгин (Поколение IV). Это одновременно и рассказы о конкретных ученых, и стремление определить перспективность поколенческого подхода при изучении прошлого нашей науки.

Всех этих социологов я знал и общался с ними в разных обстоятельствах. Текст об Алексееве был написан при его жизни, все остальные – вскоре после смерти моих коллег. Так что мысленные беседы с ними стали продолжением реальных.

И они – не закончены.

МЕТОДОЛОГИЯ

Первая главы этого раздела вводит читателя книги в процесс многолетней работы автора по двум методологически родственными проектам.

Сначала возник интерес к рождению и развитию научной технологии изучения общественного мнения населения Америки. И так все сложилось, что первичными стали не собственно технологические аспекты выборки и поиска формулировок вопросов, ибо к настоящему времени эти темы обстоятельно рассмотрены в учебниках по методам социологии. Много менее изучена «человеческая» сторона возникновения процедур и культуры опросов общественного мнения.

Через три-четыре года мне показалось целесообразным расширить предметно-объектные границы моих историко-социологических поисков. Так в поле зрения оказалась история современной (послевоенной) советской / российской социологии, и опять центре внимания оказался исследователь.

Вторая глава предлагает читателям мое обсуждение ряда принципиальных вопросов исследования истории социологии с Владимиром Александровичем Ядовым. Все началось с его электронного письма, полученного мною 3 января 2008 г., в нем было сказано: «Не знаю, хватит ли мне времени и способностей, но хотел бы предпринять интервью с тобой наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это было бы и справедливо, и поучительно. Главное, что представляется мне ценным, – артикулировать узловые точки твоей методологической саморефлексии, лабораторию мыслительного процесса». Принципиально новым для меня в этой беседе оказалось фокусирование Ядовым широкого спектра вопросов, относящихся именно к методам, приемам моей работы по историко-биографической тематике. В этой беседе были подведены итоги первых трех лет изучения прошлого российской социологии и намечены общие направления продолжения исследований.

Может возникнуть естественный вопрос: «Почему в сборник не включен один из более поздних методологических текстов автора или почему не написан новый текст для

этой книги?». Ответ очевиден. Мне кажется самоценным показать активное участие В.А. Ядова в анализе многих важных аспектов данного проекта. Тем более, что в следующие годы, до самой его смерти, я старался обсуждать с ним все главные события в развитии моей работы.

О КНИГЕ И ЕЕ ГЕРОЯХ

Настоящая книга обращена в первую очередь к тем, кто изучает и преподаёт социологию. Она рассказывает о людях, внесших значительный вклад в теоретические и прикладные разделы этой науки. Может ли знание биографий таких людей учить чему-либо? Мне представляется, что может и должно, ибо такое знание заставляет размышлять о развитии науки, о преданности избранному пути, о трудностях и радостях познания. Все вместе это – фрагмент большого урока о жизни и творчестве, который любой человек познаёт постоянно. И поэтому я хотел бы рассматривать эту книгу своего рода учебным пособием.

Если иметь в виду университетскую программу, то содержание книги может найти свое отражение в курсах по истории социологии и при освоении возможностей биографического метода. Специфика изложения материалов книги определяется моим стремлением к синтезу истории науки и биографий ее творцов. История раскрывается через биографии, а жизненные пути исследователей прочерчиваются в реальных исторических обстоятельствах.

Последние почти два десятилетия автор работает по двум историко-социологическим направлениям. Сначала возник интерес к процессу зарождения и развития технологии, культуры американских опросов общественного мнения. Результаты поисков и аналитических построений, охватывающие почти 200-летний период, изложены в ряде книг о разной глубине прошлого и о текущем состоянии методов изучения общественного мнения в США [1], [2]. Во многом эта тематика оказалась в поле моего зрения, поскольку с 1994 года я живу в Америке. Но на рубеже 2004–2005 годов возникло понимание необходимости обратиться и к современной истории российской социологии. Причины этого более, чем очевидны. За плечами были почти три десятилетия работы в советской / российской социологии и память сохраняла впечатления о сотрудничестве со многими исследователями разных поколений. Сделанное в этой предметной нише также отражено в нескольких книгах [3], [4] и значительном числе статей.

Безусловно многое различает «американский» и «российский» проекты, но, в моем понимании, это не два са-

мостоятельных исследования, а одно, просто развиваемое в двух разных пространственно-временных и, конечно же, – социальных обстоятельствах. Указанное единство обнаруживается во многих пластах, составляющих этого большого, сложно организованного историко-наукоедческого проекта. Априори такой задумки не было, но, с другой стороны, и иного развития этого исследования не могло быть. И, в конечном счете, именно указанное единство и определило появление данной книги. В ней представлены три биографии американских и семь – российских исследователей общества, населения, человека.

Вообще говоря, у меня не было планов заниматься историей социологии, но через несколько лет жизни в Америке, в течение которых я был далек от любой научной деятельности, меня задело разговоры окружающих о том, что опросам общественного мнения нельзя верить, поскольку они проводятся по небольшим выборкам. Поскольку я – математик по базовому образованию и в России много лет занимался изучением общественного мнения, я не сомневался в оправданности использования при изучении установок населения двух огромных стран – Америки и России выборки, объем которых варьирует в диапазоне 600–1500 человек. Но мои ссылки на теорию репрезентативности не убеждали людей, далеких от статистики. Конечно, еще в начале 1970-х годов я знал об опросах Джорджа Гэллапа, о его многолетних точных предсказаниях итогов президентских выборов в США, и здесь я увидел, что опыт Гэллапа может помочь мне в моих обсуждениях. Ничего не оставалось сделать как отправиться в библиотеку, найти материалы об электоральных опросах Гэллапа и статистику его прогнозов. Я знал, что искать, потому быстро обнаружил все необходимое и написал статью для выходившей в Сан-Франциско русской газеты «Взгляд». К моему счастью, человек, которого я попросил прочесть набросок статьи, – он работал в этой газете – посоветовал не ограничиваться цифирью опросов и хоть немного рассказать о Гэллапе.

При существовании большого числа биографических справочников это было легко сделать, и в марте 2000 года во «Взгляде» и еще одной русской газете – «Посреднике» (Филадельфия) увидела свет моя статья «Джордж Гэллап всегда знал, кто будет новым президентом Америки».

Конкретная цель была достигнута – было показано, что при верно организованной выборке ученые могут давать прогнозы президентских выборов. Но меня заинтересовала фигура Гэллапа, когда я еще крайне мало знал о нем, какие-то детали его жизни подталкивали меня к тому, чтобы знать больше. И я начал искать литературу непосредственно о его жизни и работе и о его мире. Постепенно сложилось так, что Гэллап оказался моим гидом не только в прошлое своей многопоколенной семьи, но и в историю Америки, и конечно же он приоткрыл мне процесс зарождения и развития технологии опросов общественного мнения.

В одном из интервью с Гэллапом я прочел, что свою исследовательскую деятельность он начал с изучения читаемости рекламы, т.е. с анализа факторов, определяющих интерес, запоминание и – в конечном счете – действие рекламного текста. Так исходное стремление полнее узнать о методах работы Гэллапа, затем – желание познакомиться с его биографией достаточно быстро «завели» меня в историю американской рекламы. Оказалось, что это – чрезвычайно интересная область маркетинга и многое сделанное при исследовании потребительских установок прямо или опосредованно повлияло на изучение политических предпочтений. Помимо всего прочего, не только Гэллап, но и другие пионеры познания общественного мнения в США создали это исследовательское направление, пройдя хорошую школу исследований прессы и радиорекламы. Достаточно назвать здесь Арчиальда Кроссли и Элмо Роупера.

Один из героев этой книги – Дэвид Огилви, выдающийся копирайтер и исследователь общественного мнения и предпочтений киноаудитории. Он – друг и последователь Гэллапа, на практике доказавший полезность методических, процедурных рекомендаций Гэллапа при изучении общественного мнения и создании рекламы.

Третий американский герой книги – Хэдли Кэтрин. Он – академический ученый, много сделавший в исследовании разных аспектов общественного сознания и поведения. Как консультант президента Франклина Рузвельта он начал вводить информацию о состоянии общественного мнения американцев в контур управления общественными процессами. Также Кэтринилом много сделано в области развития

методология измерения массовых установок и разработки соответствующих университетских курсов. Кэнтрил – уже сложившийся ученый-психолог увидел в методах Гэллапа большое будущее для познания интересовавших его социально-психологических феноменов, познакомился с ним, принял приглашение Принстонского университета и переехал в Принстон, где жил Гэллап и где располагался его Институт изучения общественного мнения.

Таким образом, легко понять, что трое американских героев книги – это не только уникальные специалисты и выдающиеся личности, но это и неформальное объединение, связанное общностью мировоззренческих и профессиональных взглядов, ценностей.

Отвлекусь от представления других героев книги и раскрою смысл ее названия: «Нескончаемые беседы с классиками и современниками». Многим, особенно людям, помнящим советские времена, известна интересная, многотомная серия книг «Классики и современники», знакомившая читателей с лучшими образцами русской классической и современной литературы. Мне представляется, что понятие «классики и современники» вполне применимо для характеристики людей, биографии которых здесь представлены. К классикам в полной мере относятся Дж. Гэллап, Х. Кэнтрил и Д. Огилви. Во-первых, сделанное ими еще при их жизни признавалось классикой, во-вторых, время, прошедшее после смерти каждого из них (Огилви умер в 1999 году, Кэнтрик и Гэллап – раньше), подтвердило высокую значимость их наследия. Современниками с полным правом можно назвать советских / российских социологов, с биографиями которых знакомит эта книга.

Но замечу известную условность понятий «классик» и «современник». Классики – это такие ученые, писатели, художники и т.д., чье творчество не стареет, остается интересным, актуальным для новых поколений. И в этом смысле классик всегда современен. Замечу, моя первая журнальная статья о Гэллапе, опубликованная в начале 2000 года, называлась: «Дж. Гэллап – наш современник. К 100-летию со дня рождения» [5]. Но есть основания говорить о том, что с течением времени наиболее ценное в современном признается классикой.

Теперь о том, что скрывается за словами «нескончаемые беседы». Для меня работа над биографией – это общение с человеком, чью жизнь и чье творчество я изучаю и описываю. Без такого рода взаимодействия биографа и человека, биография которого создается, никакого серьезного жизнеописания не может получиться. Общение является одновременно и импульсом к работе, и сложнейшим интеллектуальным и эмоциональным процессом, это погружение в характер и во время жизни человека. Это общение бесконечно индивидуально, оно полностью замкнуто на героя.

Сложно строилось общение с американскими классиками. До начала работы над их биографиями я знал некоторые работы Гэллапа и Кэнтрила, последнего даже считал своим «заочным» учителем, но я ничего не знал об их жизнях. Что касается Огилви, то с ним меня познакомил Гэллап. Вхождение в биографии этих людей происходило одновременно с моим вхождением в Америку, историю страны, традиции, с изучением основ маркетинга. Ведь к тому времени я прожил в Америке менее 10 лет. К тому же я живу в небольшом калифорнийском городке Фостер Сити, в котором нет ни научной библиотеки, ни университета или колледжа, библиотеками которых можно было бы пользоваться.

Меня выручило то, что я задумал серьезно изучить историю американских опросов общественного мнения и рекламы, а также наличие в Америке мощной научно-информационной структуры. Я увидел, насколько ответственно библиотеки страны и архивы относятся к запросам не известных им специалистов и насколько открыты американские ученые для контактов, взаимодействия с теми, кто интересуется изучаемым ими предмете. Некоторые детали процесса моих поисков освещены в опубликованных книгах и приведены в расположенных ниже статьях. Но в целом я должен сказать, что уже на рубеже веков Интернет и электронная почта представляли огромные возможности для поиска и получения информации о прошлом и установления контактов с исследователями. Мои бесконечные письма не пропадали, архивы быстро исполняли мои просьбы, часто высылали ксерокопии редчайших документов бесплатно, в подарок, а авторы статей и книг присылали мне

свои работы. Мне повезло, когда я начинал свои поиски, еще были живы дети и коллеги первопроходцев изучения общественного мнения, их помощь не только обогатила меня конкретной, ценнейшей информацией, но была для меня серьезной моральной поддержкой.

Анализ этого рода информации, погружение в нее происходило медленно, я ощущал новизну пространства, в которое задумал войти, приходилось все проверять и перепроверять и задумываться о том, в какой мере мои наблюдения и размышления о жизни того или иного человека, мои слова о нем были бы им приняты. Я постоянно задумывался о реакции этого человека, которого я лично не знал, даже не видел, я хотел, чтобы наша мысленная беседа была взаимно комфортной.

Летом 2004 года, когда уже были написаны и опубликованы первые статьи о пионерах изучения общественного мнения в Америке и большая статья о классиках американской рекламы, в которой Огилви только упоминался, я задумал сделать несколько статей о моих российских коллегах – исследователях общественного мнения. Всех их я знал лично и не видел сложностей в реализации этой задумки. Вне каких-либо сомнений первой в этой серии должна была быть статья о Борисе Андреевиче Грушине, признанном лидере в разработке этой тематике в СССР / России. Ряд обстоятельств способствовали реализации этого замысла, и в осеннем выпуске журнала «Телескоп» такая статья была опубликована [6]. Она была одобрена Грушиным и его друзьями, а редактор «Телескопа» Михаил Евгеньевич Илле предложил мне вести рубрику «Современная история российской социологии». Фактически это и было рождением нового проекта.

Он сразу стал разворачиваться по двум линиям: макро- и микроподходы. Макро – это проведение интервью с советскими / российскими социологами разных поколений, микро – это историко-биографические статьи, эссе, позже – книги. В совокупности оба эти подхода и позволяют масштабно посмотреть на становление и развитие отечественной социологии. К настоящему времени – начало лета 2018 года – проведено 180 интервью и написано не менее полутора десятков биографических текстов, так что макро- и макро- дополняют друг друга.

В мысленных беседах с американскими и российскими героями этой книги много общего, но есть и одна принципиальная разница. Мысленные беседы с первыми базируются лишь на прочитанном, с российскими – на глубоком личном, многолетнем общении. Когда я пишу о моих коллегах, я вижу их глаза, слышу их голоса, я возвращаюсь в прошлое, причем совсем близкое.

Лишь по техническим причинам биографические материалы о российских современных социологах собраны в двух разделах: о Б. А. Грушине (1929–2007) и В. А. Ядове (1928–2015) мною написаны небольшие книжки, о других российских героях – пока лишь статьи.

В основании книги о Грушине [7] лежит моя статья о нем 2004 года, кроме того использован богатый материал, увидевший свет после его смерти. При этом я старался максимально представить в книге текст статьи, ибо сказанное в ней было принято Борисом Андреевичем.

В книгу о Ядове [8] также включены фрагменты статей о нем, написанные при его жизни и принятые им. Кроме того я активно использовал материалы нашего странного интервью 2005 года и архив нашей переписки. Особенно дороги мне очень личностные письма Владимира Александровича, которые он разрешил мне публиковать после его смерти («Решил отправить тебе на случай, когда сыграю в ящик»).

Книга о Ядове была подготовлена через несколько месяцев после его смерти, когда я еще не в полной мере осознавал, что его уже нет и что надо привыкать жить без него. Дело в том, что на протяжении нескольких лет я постоянно советовался с ним о планах работы и высылал для ознакомления и критики написанное. Книга готовилась к открытию VI Грушинской социологической конференции, проводившейся ВЦИОМом, и для меня это было символично. Грушин и Ядов были не только социологами и личностями одного масштаба, но многолетними друзьями. Вышедшая двумя годами раньше книга о Грушине открывалась предисловием Ядова...

Завершающий раздел книги содержит мои статьи о пяти ученых, этот материал подобран так, чтобы представить биографии исследователей четырех первых поколений советских / российских социологов. Биографические очерки

о Т. И. Заславской и Ю. А. Леваде продолжают анализ жизненных путей Грушина и Ядова; все четверо – яркие представители первого Поколения – создателей отечественной социологии.

Так сложилось, что, давно зная работы Заславской и Левады, я познакомился с ними лишь в 1988 году, когда пришел работать в созданный Грушиным и ими ВЦИОМ. Это было светлое, яркое время, мы были зажжены идеями, атмосферой Перестройки, понимали новизну и общественную значимость того, что делали.

Второе поколение социологов здесь представлено биографическим очерком об А. Н. Алексееве, ленинградском / петербургским социологе. Материал был написан в 2009 году по случаю его 75-летия, и я не хочу разрушать его. С Алексеевым меня связывали многие годы работы в СССР / России и многолетняя, зачастую – ежедневная переписка. Он ушел из жизни совсем недавно, 29 сентября 2017 года; должно пройти какое-то время, и я буду писать о нем.

Поколение III иллюстрировано биографией В. Б. Голофа-ста, тоже представителя ленинградской социологической школы. Я не успел провести интервью с ним, т.к. начал их проведение в 2005 году, а Голофа-ста не стало в конце 2004 года. Моя активная переписка с ним оборвалась буквально накануне его скоростижной смерти, возможно, эта накопленная инерция регулярного общения проявляется в том, что я написал о Голофа-сте уже несколько статей и планирую продолжить эту работу.

Поколение IV представлено здесь биографией Г. С. Баты-гина. Мой историко-биографический проект можно рассма-тривать как движение по пути, проложенном им в 1990-е годы. До моего отъезда в США мы достаточно тесно обща-лись, виделись мы в Москве и во время моих редких «наез-дов» из Америки. Однако нам не пришлось обсуждать его планы изучения истории современной российской социоло-гии.

Думаю, сказанное приоткрывает смысл слов «несконча-емые беседы», действительно, я постоянно мысленно об-рацаюсь и к классикам, и к современникам. Скажем, по-сле первой статьи о Гэллапе, опубликованной в небольшой русскоязычной газете в Сан-Франциско, были более круп-ные статьи, затем главы в книгах, наконец – биографиче-

ская книга [9]. Но и после этого я неоднократно обращался к биографии и наследию Гэллапа. Сказанное относится и к мысленным беседам с Грушиным и Ядовым, с другими коллегами.

Что касается подзаголовка книги: «Опыт историко-биографического анализа», то он прочерчивает цели этой работы, указывает ее место в системе подготовки новых поколений российских социологов. В моем представлении, российская социология вступает в новый этап своего развития, когда знание, представления о прошлом будут более востребованы, чем в прошедшие годы. Укажу два аргумента в защиту этого утверждения. Первый – «внешний», общенаучный, имеется в виду процесс историзации знания. Он включает в себя многое и, в частности, сохранение и анализ достижений предшествующих поколений исследователей. По меркам истории современный этап развития советской / российской социологии – весьма короткий, непродолжительный, семь десятилетий или несколько более, вместе с тем, он включает в себя многое. В том числе, очевидно, этот этап не однороден, он состоит из двух звеньев: советский период и постсоветский, или российский. И взаимоотношения между ними – достаточно непростые, требующие направленного рассмотрения.

И второй аргумент – «внутренний», или частный, его можно обозначить как смена поколений в социологии. Это – естественный процесс, но он имеет множество последствий, в том числе – разрушающих традиции в науке, во взаимоотношениях разных когорт нашего сообщества и осложняющих передачу опыта старших младшим. Концепция социологических поколений в российской социологии была введена мною в 2007 года, она описана во многих публикациях, обсуждается в следующем параграфе с В.А. Ядовым и рассматривается при обсуждении некоторых биографий. В целом же это система 12-летних периодов, задающих годы рождения социологов каждого поколения.

Опуская многие детали, замечу, что годы рождения социологов Поколений I и II заключены в интервале 1923–1934. Следовательно, младшим в этой когорте уже не менее 83 лет, а старшие приближаются к 95 годам. Еще 5–7 лет назад представителей этих славных поколений можно было увидеть и услышать на крупных профессиональных форумах, обсудить

с ними те или иные проблемы, получить автограф на их книгах, просто поприветствовать их. Сейчас ученых этой группы осталось мало (замечу, их никогда и не было много), и активность живущих как правило невелика. Таким образом, если совсем недавно российское социологическое сообщество можно было представить в виде полной семиступенчатой пирамиды, то теперь ее верхние этажи мало населены. Пройдет еще несколько лет, и лишь небольшая доля представителей младших поколений будет говорить, что видела, слышала, помнит создателей нашей науки.

Таким образом, будет расти интерес к мемуарам этих людей, воспоминаниям о них, биографической литературе. Одновременно, актуализируются вопросы сохранения памяти о них и их делах, а также – изучения биографий отечественных социологов.

В настоящей книге предлагается опыт подобного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений. От Гэллага до Грушина. М. Фонд «Общественное мнение». 2-е издание. 2017. <http://fomlabs.ru/files/BOOK-pervoprohodcy-mira-mnenij-ot-gehlaga-do-grushina2017.pdf>
2. *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. М.: ЦСП. 2008. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=35>
3. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013. [http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol\(1\).pdf](http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol(1).pdf)
4. *Докторов Б.З.* Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс] / редактор-консультант Алексеев А.Н., редактор электронного издания Григорьева Е. И. М.: ЦСПиМ. 2016. http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm
5. Дж. Гэллаг – наш современник. К 100-летию со дня рождения // *Телескоп*. 2000, №2, с. 2–18 http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1257324236203949file.pdf
6. *Докторов Б. Б.А.* Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2004. № 4. С. 2–13;

7. *Докторов Б.* Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370>
8. *Докторов Б.* Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. – М.: ВЦИОМ, 2016. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451>
9. *Докторов Б.* Джордж Гэллуп. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО «Полиграф – Информ», 2011 <http://www.romir.ru/GGallup_ru.pdf>

РАБОТА НАД БИОГРАФИЕЙ – ЭТО ОБЩЕНИЕ С ТЕМ, О КОМ ПИШЕШЬ¹

В. Ядов: Начиная с 2005 года в журнале «Телескоп» регулярно публикуются интервью Бориса Доктора с российскими социологами. Находясь в США, наш земляк и мой друг пишет историю становления социологии в советское время и, как я считаю, очень продуктивно. Недавно он прислал мне фрагменты своей новой книги об истории становления опросных методов в США, где рассматривает свой предмет, опираясь на сведения о жизненных судьбах первопроходцев массовых опросов. В заключении автор излагает далеко не тривиальные соображения относительно методологии работы с такого рода источниками.

Пару лет назад Борис Докторов брал у меня интервью [1], теперь я предложил ему поменяться ролями и взял у него интервью *on line*. Мы договорились для начала ограничиться обсуждением его работы над историей рекламы и опросов общественного мнения в США, потому что, реализуя именно этот проект, он в основном и разработал свою особую методологию. Рассматривая рассказ моего респондента-летописца в качестве своего рода методологического практикума, я расчленил текст на подразделы. Так легче вникнуть в особенности системы действий исследователя. Назову ее *док*-методологией интервью с экспертами.

Особенности исследовательской методологии

ВЯ: Боря, твой титанический труд по реконструкции истории отечественной социологии на основе интервью с ее деятельными со-созидателями – шестидесятниками и следующими поколениями – представляется мне ценным как минимум в двух ракурсах. Один, само собой, – собственно история, как ты справедливо пишешь, вторичного становления, а не возрождения социологии в СССР. И второй ракурс – методология твоего подхода к предмету. Меня очень

¹ Докторов Б. «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В.А. Ядову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 40–50.

заинтересовало стремление отрефлексировать именно методологию реконструкции становления методов опроса в Америке и следом – историю нашего прошлого. В начале 1990-х мне казалось, что по свежим следам невозможно более или менее адекватно, то есть непредвзято, по рассказам ветеранов социологии описать историю ее становления в СССР [2]. Но твоя работа вызвала в этом сомнения. Похоже, что тебе удалось найти методологическое решение проблемы. Давай поговорим об этом. Предлагаю тебе реконструировать лабораторию твоих реконструкций. Согласись, что концептуальные опоры, которые помогают понять что-то большее, непосредственно невидимое в описываемых событиях, – это наши конструкции социальной реальности. Они могут быть более или менее эвристичными, но у нас нет доказательств их истинности (= полного соответствия сущности изучаемых процессов). *Как ты смотришь на такую постановку вопроса в общем виде?*

Борис Докторов: Прежде всего, Володя, спасибо тебе за твое постоянное внимание к моей работе, твои реакции на то, что я стараюсь делать, всегда крайне ценны для меня. Сейчас, когда мною накоплен некоторый опыт сбора и анализа биографической информации и прилагаются усилия, чтобы использовать ее для воссоздания нашего профессионального прошлого, указанные тобой две историко-научные проблемы и мне представляются важными, во всяком случае – заслуживающими направленного анализа.

ВЯ: Кроме того, я прочел твое заключение к еще не опубликованной книге «Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов». Ты заметил, что это историко-научное исследование. Разверни смысл такого определения с опорой на биографию ученого как первоисточник.

БД: Я думаю, что наше обсуждение должно охватить оба моих проекта – «русский» и «американский». В последнее время я рассматриваю их как элементы единого историко-научного исследования, охватывающего четырехвековое прошлое-настоящее рекламы и опросов общественного мнения в США и пятидесятилетнее развитие отечественной социологии. Их и объединяет общая методология, позволяющая, как мне кажется, предложить такое

толкование истории науки, в котором центральными фигурами оказываются ее создатели. Иногда я об этом говорю, как о стремлении писать историю с «человеческим лицом».

Продвижение по каждому из направлений – американскому и российскому – требует решения двух важнейших задач: как изучать биографии, и каким образом строить переход от биографий к истории. Причем я трактую эти задачи не просто как проблемы общеметодологического плана (как надо делать?), но как области исследовательского поиска, то есть отыскиваю решения задачи непосредственно в процессе изучения и написания биографий творческих людей и перехода от анализа их судеб к воссозданию исторических процессов, в которых они являются главными участниками. Мне самому интересно, отвечая на твои вопросы, суммировать сделанное и аргументировать, почему я делал именно так, а не Как-то иначе.

В итоге мне хотелось бы показать, что, следуя определенной методологии изучения биографий, то есть жизни и творчества ключевых участников становления того или иного раздела науки, оказывается возможным высветить главное в истории самой науки: понять ее дух и раскрыть ее потенциал. Вместе с тем, безусловно, исследование прошлого любого фрагмента бытия предполагает много больше, чем рассмотрение жизни участников и свидетелей этого прошлого, и существует огромная литература, конкретизирующая это положение применительно к истории науки, искусства, прогресса в целом [3], [4], [5], [6], [7].

Исследование прошлого рекламы и опросов общественного мнения ведется мною уже восемь лет, изучение ряда аспектов становления и развития российской постхрущевской социологии – лишь три с небольшим; оно – в самом начале. И, хотя в методологическом плане они сейчас для меня едины, что не означает тождественности их методологии, сфокусируем наше обсуждение на рассмотрении сделанного.

Результаты исследований истории американской рекламы и творчества отцов-основателей изучения общественного мнения в США регулярно появлялись на страницах «Телескопа», так что многого я могу не конкретизировать, а ссылаться на уже опубликованное. В целом на основе этих материалов были написаны две книги [8, с. 83], [9], вышед-

шие в 2005 и 2006 годах, они же составили и содержание рукописи третьей, названной выше.

ВЯ: В науковедении, как ты знаешь, сосуществуют разные подходы. Томас Кун опирается на историю развития научного знания, Роберт Мертон ввел в анализ социальную среду ученого, Бруно Латур и Стив Вулгар, другие этнометодологи наблюдали «повседневную жизнь лаборатории». Ты предлагаешь, если я не ошибаюсь, свою парадигму, не встречавшуюся в науковедческой литературе. *Вопросы: (а) верно ли последнее? (б) Как бы ты сформулировал особенности своей методологии для учебного пособия?*

БД: Не знаю содержится ли некая новая парадигма в моих попытках изучить то, как происходило становление рекламы и опросов общественного мнения в США, а также в моем подходе к анализу недавнего прошлого российской социологии. Во-первых, сам термин *парадигма* слишком многозначен. Во-вторых, за последние десятилетия в науковедении, социологии науки и знания сделано так много, что трудно предложить что-либо действительно новое. Мне кажется, что даже в самых инновативных концепциях эксперты увидят продолжение построений, предлагавшихся еще учеными XIX века. В-третьих, все последние годы я был настолько погружен в собственно историко-науковедческие исследования биографической окрашенности, что не мог «со стороны» посмотреть на свою методологию.

Тем не менее, я думаю, что характер задач, которые я ставил и продолжаю ставить перед собою, комплекс используемых аналитических приемов, нормативы научности, которые я разделяю, стилистика изложения (риторика) результатов – все вместе, возможно, содержит некую новую методологию. Твой вопрос я понимаю, как просьбу указать, какие научные школы или кто из ученых оказали на меня наибольшее влияние, что особенно близко мне по духу. Однозначного ответа нет, в разное время у меня были разные пристрастия, хотя никогда ранее обсуждаемая с тобой проблематика не находилась в центре моих профессиональных интересов. Я попытаюсь сказать, почему, но сам не знаю, зачем еще в начале 1970-х годов я стал читать историко-науковедческую литературу.

Если говорить о последних годах, когда я втянулся в собственно исторические штудии, то идеи Т. Куна явно

не довели надо мною, его аппарат максимально эффективен при исследовании проблем перехода науки из одного состояния в другое, меня же интересовал, прежде всего, процесс зарождения выборочных опросов общественно-го мнения. Калибр орудия, сконструированного Куном, слишком крупен для использования в моих явно тактических боях.

Теоретические построения Р. Мертоня настолько универсальны и настолько глубоко сидят в сознании, что в той или иной степени они всегда присутствуют в наших рассуждениях. Мне хотелось бы думать, что мой подход к анализу генезиса методов изучения общественного мнения и становления рекламы в определенном смысле дополняет (конкретизирует) модели Мертона, ведь я рассматриваю становление рекламы и науки об общественном мнении на тех этапах, когда они еще не были институционализированы. Да и российская тематика в значительной степени будет относиться к тому времени, когда отечественная социология была слабо институционализирована.

Биографический метод входит в арсенал понимающей, феноменологической социологии, и в этом смысле мне близко многое из того, что делается учеными-этнометодологами. Однако, по моему мнению, их внимание в большей степени сосредоточено на процессе развития науки, генезисе научного знания, мне же более интересна личность и природа деятельности ученого.

В целом, то, что я пытаюсь делать, скорее относится не к социологии науки, не к тому, что и в российской литературе часто обозначается аббревиатурой STS (science and technology studies), но к социологии и психологии творчества, в частности – научного, и собственно к истории науки. Мое понимание личности формировалось, давно это было, в процессе участия в известном ленинградском семинаре Б.Г. Ананьева, при чтении Б.М. Теплова, А.Н. Леонтьева, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского и И.С. Кона. Если говорить о работах историко-научоведческого плана, то это, прежде всего, исследования А.В. Ахутина, Л.М. Баткина, В.С. Библера, А.Я. Гуревича. Но, пожалуй, самое сильное впечатление оказали на меня историко-биографические книги Б.Г. Кузнецова, В.П. Зубова, У.И. Франкфурта, И.И. Канаева и некоторых других историков науки. Это од-

новременно и глубокие научные исследования, и блестящие художественные произведения, в них через анализ судеб и творческого наследия гигантов науки показано становление и динамика их представлений о картине мира. В этих книгах есть то, что я теперь называю «биографии в истории» и «история в биографиях». Именно эта литература обратила меня к чтению Куна, Мертона и этнометодологов.

Так что моя методология является полипарадигмальной и междисциплинарной. Мне кажется, что это продуктивнее, чем, вообще говоря, всегда мифическая «чистота жанра».

ВЯ: С последним совершенно согласен. Увы, мое слабое место – стремление каким-либо образом генерализовать теоретические или методологические подходы. Здесь уместно вспомнить, что в психологии науки выделяют два типа исследователей – «партикуляристов» и «джерналистов», а далее – промежуточные с уклоном в ту или иную сторону. Будучи ближе ко второму типу, я бы отнес твою, извини, парадигму к мертонианской, так как ты стараешься схватить воздействие социальной среды на формирование и творчество ученого. Известно из Мертона, что одни и те же исследователи, попадая в научную среду, где более всего ценится практический вклад, публикуются намного реже, чем когда им приходилось работать в академическом секторе.

Если продолжить разговор о классификации исследовательской методологии, ты хорошо определил свою как междисциплинарную, и уже потому полипарадигмальную. Я практически не знаком с работами историков науки, так что мне не пришли бы в голову определения «биографии в истории» и «история в биографиях». Интересно обсудить, какова же все-таки эвристическая функция макро- и микро-теоретизирования? Проблема обостряется тем, что мы наблюдаем всплеск увлечения качественной методологией, этнометодологией в частности. Видео-социология подчас вводит меня в ступор. Дальнейшее развитие в этом направлении увеличивает разрыв между объясняющими моделями и понимающими интерпретациями. А хотелось бы диалектически совместить макро- и микро- анализ или, следуя метафоре Пера Монсона, проплыть на лодке по аллеям парка [10]. Может, твой подход как раз отвечает этой цели: «биографии в истории» и «история в биографиях»? *Ты намеренно стремился к такому совмещению?*

БД: Я вообще не стремился к созданию какой-либо методологии, не видел такой цели в качестве самостоятельной. Мне просто хотелось решать здесь-и-сейчас интересующие меня историко-биографические задачи, но делать это, отчетливо понимая ограниченность моих возможностей. Я мог опираться лишь на собственные теоретические представления и предпочтения и собственный многолетний опыт использования разных методов.

Сначала – по поводу отнесения моей методологии к мертонианской на основании того, что я «стараюсь схватить воздействие социальной среды на творчество ученого». Грешно отказываться и от того, что я действительно пытаюсь это схватить, и от того, что мне близки идеи Мертонна. Но в той же мере я отношу себя и к марксистам, хотя конструктивистский позитивизм Пойи, Лакатоса, Бунге мне всегда был ближе. Вместе с тем замечу, что деятельность моих героев я вижу не как павловское-уотсоновское реагирование на социальную среду, но прежде всего как следствие их личностного отношения к данной среде. Не мне судить, чего в этом больше: мертонианства или следования взглядам этнометодолов.

Теперь остановлюсь на происхождении ставшего для меня сейчас главным двуединого ориентира: «биографии в истории» и «история в биографиях». Замечу, поиск обозначения того, что я делаю в связи с изучением прошлого рекламы, и опросов общественного мнения, шел постоянно, но устраивающая меня формулировка возникла, лишь когда я начал заниматься историей российской социологии.

Получив от меня интервью с Борисом Фирсовым [11] (мой первый опыт интервьюирования коллег), тюменский социолог и культуролог Юлия Михайловна Беспалова, давно занимавшаяся биографическим анализом, написала, что видит здесь «биографии в политике» и «политику в биографиях». Мне показалось, что говорить лишь о политике – узко, и я стал думать об истории. Это было в начале 2005 года, но лишь в конце следующего года я начал искать, как дать выход той энергии, которая, мне казалась, присутствует в «игре слов» «история» и «биография» [12].

Возможно, тебе покажется странным, но для меня две исследовательские линии: «история в биографиях» и «биографии в истории» соединяют микро- и макроанализ.

Реализация первого направления должна выявить, как история, то есть вся совокупность политических, экономических, социокультурных и иных обстоятельств, формирует, проявляется, отражается в биографиях ученых, творческих личностей. Исследования по второму направлению должны показать, как деятельность людей создавала историю рекламы, опросов общественного мнения в США, как происходило становление постхрущевской советской социологии.

ВЯ: Какой из типов мышления тебе ближе в дихотомии партикуляризм – дженерализм?

БД: Мое историко-наукоедческое исследование по определению двухобъектно. Первый объект – это история развития определенных разделов научного знания, второй – люди, создававшие эту историю. Каждый объект имеет сложную структуру, и если ядра этих структур могут быть локализованы достаточно четко, то обозначение их границ представляется затруднительным и малоперспективным. При изучении биографий необходимо быть партикуляристом, исходить из признания важности множества социокультурных факторов, обстоятельств, формирующих личность человека. Здесь крайне сложно оперировать логическими конструкциями высокого уровня абстракции. Наоборот, лишь позиция дженералиста позволяет отыскивать и удерживать в поле внимания множество событий, в их единстве создающих историю. Некоторые философы науки отмечают конвергенцию партикуляризма и «дженерализма». Междисциплинарность и полипарадигмальность моего исследования удерживают меня от необходимости занять крайние позиции в этой дихотомии.

ВЯ: Принимая твою методу, прошу резюмировать кратко в логике Маркса, который различал историческое и логическое в развитии знания:

- *Какие (в порядке значимости) авторы или научные школы заметно повлияли на твою работу?*
- *Какие моменты твоей научной биографии (опять – в порядке важности их влияния на твою работу), были особо значимы?*

БД: Для меня эти два вопроса – едины, я вижу в них твою попытку сделать со мною то, что я пытаюсь сделать с героями моих биографических поисков, связать их дея-

тельность с особенностями их социализации и профессионализации. Потому постараюсь вспомнить и ранжировать в порядке значимости, хотя, замечу, в ранние годы становление личности логическое и историческое часто имеют общую временную локализацию. Во всяком случае, в моей жизни все главное в этом плане вмещается в 10–15-летний интервал.

Летом 1959 года после окончания школы перед самым поступлением на математико-механический факультет Ленинградского университета один молодой физик-ядерщик рассказал мне о двух книгах [13]. Автором первой является один из крупнейших физиков XX века Эрвин Шредингер, второй – физик, работавший в Принстоне с Эйнштейном, и популяризатор науки – Леопольд Инфельд. Эти работы были трудны для выпускника школы, но, поступив в университет, я вскоре осилил их, более того, они стали для меня настольными. Книга Шредингера [14], физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. Кроме того, это была первая самостоятельно прочитанная книга по философии, и она привила мне вкус к позитивизму. Инфельд рассказал о гениальном математике Эваристе Галуа [15], погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Эта книга породила интерес к изучению творчества ученых, к истории науки.

На третьем-четвертом курсах я стал заниматься математической статистикой и ее применениями в биологии и познакомился с работами Рональда Фишера и Карла Пирсона. Пожалуй, до конца 1970-х, отдавая большее внимание и время работам по другим темам, я изучал философию и математическое наследие Пирсона, думал когда-нибудь в будущем обобщить все это в книге. В начале 1960-х я начал изредка ездить в Москву и останавливался в квартире своего родственника Бориса Григорьевича Кузнецова – историка и философа науки, знатока эпохи Возрождения, автора большого числа книг, из которых наиболее известны биографии Эйнштейна [16] и Галилея [17]. Беседы с ним расширили мое видение истории науки, но делать из этого профессию я не собирался. В те же годы я начал сотрудни-

чать с университетским психологом Иосифом Марковичем Палеем, который, кстати, когда у них в лаборатории не было денег на полставки лаборанта, просил деньги из бюджета твоей лаборатории. Сначала я просто писал программу для ЭВМ по факторному анализу и обрабатывал психологические наблюдения, но обсуждения с Палеем получаемых результатов заставили меня погрузиться в методологию этой математической техники. Через несколько лет Борис Герасимович Ананьев согласился стать титульным руководителем моей кандидатской диссертации по факторному анализу и указал на важность изучения миграции методов. Хотя историко-научоведческими исследованиями я занялся более тридцати лет спустя, этот поворот, несомненно, произошел под влиянием работ Кузнецова и семинара Ананьева по комплексному изучению человека.

Теперь отмечу три события, определивших всю мою последующую работу, боюсь, здесь историческое и логическое неразделимо. Первое, поступление на математико-механический факультет, где был блистательный состав преподавателей и удивительно демократичные отношения между профессурой и студентами. Второе, многие годы участия в неформальном (он не был в сетке часов) «Биометрическом семинаре», который создал более 40 лет назад и как-будто продолжает вести сегодня Олег Михайлович Калинин. (Он – на четыре-пять лет старше меня, всегда отличался нестандартным мышлением и резким неприятием марксизма.) На семинаре обсуждались и собственно математические проблемы, и широчайший круг общенаучных, мировоззренческих тем. У нас многократно выступал биолог и философ Александр Александрович Любищев, мы много раз слушали генетика-антидарвиниста Раису Львовну Берг, наброски своей теории пассионарного этногенеза излагал Лев Николаевич Гумилев. Третье событие – 1968 год, начало работы в социологической команде Андрея Здравомыслова [18] в Ленинградской высшей партийной школе (ЛВПС) и через пару лет знакомство с Фирсовым. Так я «прикипел» к проведению опросов общественного мнения и вместо того, чтобы заниматься прикладной математикой или историей науки, начал погружаться в социологию.

И последнее событие – переезд на постоянное место жительства в США. Я вынужден был заново начинать жизнь и

готов был вообще отойти от социологии и вернуться к математике, программированию. Я был безработным, закончил колледж, более четырех лет работал секьюрити и потом медленно возвращался к науке. Летом 1999 года после пятилетнего молчания я опубликовал в Петербурге две статьи о развитии российского Интернета, и весной следующего года с небольшой заметки в Сан-Франциско русской газете [19] начались мои публикации по истории гэллаповских опросов. Я делал выбор в пользу историко-методических исследований, поскольку это было продолжением методических разработок, которыми я многие годы занимался в СССР / России, и позволяло надеяться на использование собственных знаний в области истории науки. Было еще одно обстоятельство: останавливаясь на этом исследовательском направлении, я приобретал полную независимость, мне не нужно было согласовывать планы с кем-либо, отчитываться перед кем-либо и искать организационную или финансовую поддержку.

Добавлю также, что в силу известной отстраненности от политики я всегда занимался методикой социологических исследований и лишь в самом начале 1990-х сделал несколько работ по изучению сознания россиян. Отчасти это было связано с моим интересом к использованию оригинальной многомерной типологии ценностных ориентаций. Приехав в США, я в принципе не думал о работе, связанной с анализом российской реальности.

ВЯ: Очень интересно, и в частности тем, что в который раз убеждаешься, насколько занятые в науке по-разному делают свое дело. Из названных тобой, Б.Г. Ананьева и Иосифа Палея я бы отнес к тем, кто оказал и на меня сильное влияние, Ананьев – особенно. Благодаря ему я стал заниматься проблемами личности, общение с ним «толкнуло» в эту проблематику. Игорь Кон, Палей, Галина Андреева, другие мыслящие психологи и социологи помогли сделать что-то нетривиальное в этом плане. Интересно также, насколько разнятся наши с тобой стили исследовательской работы. Всю свою жизнь я сознательно следовал правилу, которым руководствовался мой научный руководитель по кандидатской Василий Петрович Тугаринов, – искать новую или как минимум новую для меня проблему, глубже продавливать собственную колею мне очень скучно. И что

получается? Выходит, что, как это установил В.С. Мерлин, люди разных типов характера используют свой «индивидуальный стиль» в реализации заданной каким-то образом «социальной схемы». Можно сказать, что наши жизненные траектории сложились по обстоятельствам, от нас зависящим далеко не полностью, а то и вовсе не зависящим. Я утверждаю, что мой стиль в исследовании – искать новую проблематику. *Как ты определишь свой стиль?*

БД: Это верно, наши жизненные траектории случились по обстоятельствам, от нас во многом не зависящим, но их сближает, как мне кажется, общий жизненный оптимизм. Отсюда и общая установка – поиск новой проблематики. Не буду уходить в прошлое, в годы советской жизни, расскажу лишь о темах, которые я осваивал уже после переезда в Америку.

Все началось с изучения российского Интернета, я разработывал эту тему как «курсовую» при обучении в колледже в 1998–1999 годах. На рубеже ушедшего и нового веков совместно с Александром Ослоном и Еленой Петренко мы искали «компактный» путь для обзора динамики общественного мнения россиян в эпоху Ельцина; мне представляется, что введение принципа «кульминационных точек» позволило решить эту задачу [20]. В начале 2000 года родилась «гэллапиада» – изучение биографии Гэллапа, вскоре переросшее в исследование четырехвекового процесса становления в США опросов общественного мнения. При этом мне пришлось основательно погрузиться в прошлое американской рекламы. Методология исторического поиска привела меня к концепции меняющегося «толстого настоящего» и отсюда – к футурологическим размышлениям. Это позволило говорить о наметившемся движении к постгэллаповским опросным технологиям, за развитием которых я пристально наблюдаю уже ряд лет. Президентская избирательная кампания 2008 года в США должна дать ответы на многие методологические вопросы относительно перспектив онлайн-новых зондажей электората. Ну и, наконец, последние годы отданы изучению современной российской социологии.

ВЯ: *«Толстое настоящее»?* Поясни, что ты имеешь в виду под этим термином.

БД: Видение настоящего как «толстого» и постоянно меняющегося в конфигурации пятна возникло в попытке дать

для себя определение «современного», что для исторического исследования крайне важно.

В заголовке моей первой статьи о Гэллапе [21] стояли два слова, во многом определивших направленность дальнейших постоянных размышлений и детерминировавших предмет исследований в его биографическом и внебиографическом аспектах. Эти слова – «наш современник». Тогда я привел ряд аргументов в подтверждение того, что Гэллап – «наш современник», но они не касались интерпретации понятия настоящего как социально-исторической категории. Вскоре мне стало ясно, что временные границы пространства историко-биографических поисков не были очерченными. Оставалось множество вопросов: например, следовало ли, рассматривая становление выборочной технологии опросов общественного мнения, обращаться к генеалогии Гэллапа? к столетней истории соломенных (донаучных) опросов? к философии рекламы Барнума [22]? к ранним исследованиям рынка Чарльза Парлина? Ведь формально все это «удалено» от прямых истоков гэллаповской процедуры опроса. Сегодня мой ответ на подобные вопросы однозначен: да, следует. В противном случае прошлое не открывается и человек, наследие которого изучается, не раскрывается.

Историко-методологический анализ сжимает прошедшие годы, приближает прошлое и одновременно заставляет вглядываться в будущее. Или иначе: такой анализ раздвигает границы настоящего, *утолщает* его. В историческом взгляде на развитие тех или иных процессов настоящее не ограничивается временными рамками, как-то: вчера, сегодня, завтра, – но задается внутренней логикой этих процессов. События, удаленные от «сегодня» (в его буквальном понимании) на сотни лет, не кажутся далекими, древними, если их следы обнаруживаются в текущей повседневности. Люди, определившие развитие этих событий, оказываются современниками не только своего окружения, но и всех последующих поколений.

Статья, написанная в начале 2000 года о делавших первые шаги онлайн-опросах [23], не рассматривалась мною, тогда как часть историко-научных поисков: они – касались прошлого, а Интернет – это настоящее-будущее. Но обращение к перипетиям становления соломен-

ных опросов и изучение возникновения приборных методов измерения радиоаудитории уже после публикации указанной работы позволило увидеть в лишь зарождавшейся истории сетевых опросов многое из того, что было мне знакомо по изучению гэллаповской опросной процедуры; «горячее настоящее» сразу «удлинилось» на сотню лет. Изучение прошлого, вырванного, отгороженного от современности, генерирует лишь вопрос: «А что было раньше?», тогда как историческая тематика, встроенная в «настоящее», добавляет к нему: «А что будет потом?» Я постоянно пытаюсь «утолщить» настоящее, перетащить из прошлого в наше время то, что мне кажется необоснованно забытым, отброшенным. Я не могу освободиться от мысли о том, что настоящее – лишь точка в развитии различных процессов. И в целом прошлое, настоящее и будущее не абсолютны в социальном пространстве-времени, в каждой его клеточке существует «свое» прошлое, настоящее и будущее.

Результаты проводимого мною исследования подтверждают выводы о нелинейности развития науки, в частности, общеметодологическое значение приобретает тот факт, что измерения общественного мнения огромным числом уже прослеженных и еще не известных нам нитей связаны с методическим арсеналом исследований рынка. Законы истории универсальны, и потому сказанное относится не только к прошлому, но к настоящему и будущему.

ВЯ: Да, хороший термин, ассоциируется с «плотным описанием» по Клиффорду Гирцу – описанием фактов в широком контексте. Я обратил внимание на то, что политика тебя не очень интересовала, исключая период перестройки. Но в роли декана я непременно говорю абитуриентам в день открытых дверей: «Ребята, кого не волнуют социальные проблемы, советую на наш факультет не поступать». Конечно, социальные проблемы и политика не одно и то же, но связь между ними теснейшая. *Просвети, как понимать замечание, что политика тебя не интересовала, а вместе с тем ты начал идентифицировать себя именно как социолога, то есть исследователя социальных процессов?*

БД: Ты абсолютно прав, молодому человеку нельзя выбирать социологию как профессию, если он не горит пусть даже утопической, мифической, абсурдной идеей совершенствования мира социальных отношений. Юрий Левада шел

на философский факультет в поисках правды [24], Борис Грушин – пришел в университет «в кожанке и с маузером» [25], мои интервью с Татьяной Ивановной Заславской [26], Здравомысловым, тобою ясно указывают на то, что вы несли в себе некие социальные идеалы и считали, что именно вы сможете улучшить мир. Потому – в моих представлениях – и возникла постхрущевская социология. В очерке памяти Грушина [27] я писал, что его идеи были продолжением его идеалов, это относится и ко всем (почти всем) тем, кто стоял у истоков рождения нашей науки.

После окончания школы я выбирал между математикой и физикой, но никогда не задумывался о философии, истории или какой-либо иной общественной дисциплине. Я пришел в социологию случайно, и мне понравилась не наука, а ее методы и люди, которые ее делали [28]. Может, потому я, в конце концов, и занялся обсуждаемой нами сейчас тематикой?

ВЯ: Ты говорил, что частью твоей методологии является стиль, риторика изложения материалов исследования. Что ты имеешь в виду?

БД: Когда моя исследовательская тематика стала разворачиваться от анализа методики опроса к изучению деятельности ее создателей, встал вопрос о стиле изложения материалов. До отъезда из России я занимался вопросами использования математических методов, выборки, проблемами надежности измерения в социологии; это особая область научных разработок и это специфический язык оформления результатов. Теперь же требовалось что-то иное.

Начну с того, что я решил обращаться в своих текстах не только к социологам-методистам, но к более широкому кругу специалистов, к тем, кто интересуется общими вопросами социологии, историей, развитием науки. Это требовало отказа от использования узкопрофессиональных терминов, формул, графиков, минимизации количества таблиц. Необходимо было найти более доверительную форму общения с потенциальным читателем, наполнить тексты деталями, удерживающими его внимание. Нужно было поверить в способность человека самостоятельно соединять многие факты и потому избегать дидактичности. Как упорядоченный набор движущихся с определенной скоростью кадров складывается в голове зрителя в фильм, так вну-

тренняя логика и динамика текста должны побуждать читателя к самостоятельным размышлениям.

Я помню, с каким трудом писались первые страницы, ведь, кроме всего прочего, началу этой работы предшествовал пятилетний простой. Постепенно возникавший стиль письма стал нормой, я уже мог не думать о нем, он сам начал немного управлять моей работой. В начале 2004 года я писал Валерию Голофасту: «У меня <...> новый запой. Не успел проспать от Кроссли, а принялся за новый сюжет. Думал, ну прогуляюсь слегка, а снова влип» [29]. Зато мне было радостно найти в осеннем письме крайне придирчиво относившегося к текстам Голофаста слова: «... твоё пятилетие отвлечения-мучения позволило тебе радикально переосмыслить, определить, писать, воспринять ... твой мыслительный мир. Ты не забыл прошлое. Просто оно заняло более скромное место в твоей голове. Это как очистить стол от старых бумаг – и писать заново и начисто, по иному» [30].

ВЯ: Боря, я обратил внимание на то, что ты часто употребляешь безличные глаголы («было выявлено» и т.п.). У Майкла Малкея [31] я вычитал такое наблюдение: естествоиспытатели прибегают к безличным оборотам, сознательно или бессознательно повествуя «от имени самой природы», тайны которой им удалось выявить. Одновременно замечу, что ты часто пишешь «моей», «мною». Не свидетельствует ли это об отношении к работе как истинно научному поиску? Некоторые коллеги избегают таких оборотов, и это, как я догадываюсь (судя по себе), есть намек на несколько иное восприятие гуманитарной науки, каковая отнюдь не science. Что скажешь?

БД: Использование безличных глаголов, сам я этого не замечаю, явно восходит к моему математическому образованию. Для математических текстов типичны обороты: как было показано, как предполагалось и т. д. Я не очень задумывался о том, относится ли то, что я делаю к science или не science, но полагаю, что в моем историческом исследовании присутствует множество элементов science. Во-первых, одним из предметов моего анализа является развитие эмпирического метода, использование которого позволяло Гэллапу относить свою деятельность к науке (science). Во-вторых, как указано выше, моя методология формировалась под

влиянием позитивистских исследований истории и методологии науки.

Когда-то Палей говорил мне, что человек, рассказывающий о чем-то личном, часто обращается к собеседнику, жестикулируя левой рукой, правая рука сопровождает суждения более общего типа. Возможно, что использование местоимений «моей», «мною» есть аналог жестикуляции левой рукой.

ВЯ: Психологи нашли также, что при обдумывании сложной проблемы, человек иногда расхаживает взад-вперед, размахивая правой рукой – эффект правосторонней ассиметрии. Правой рукой мы «помогаем» левому полушарию рассуждать логически. *Продолжим... Ты много лет изучал наследие Гэллапа, что определяло последовательность твоих действий?*

БД: Прежде всего скажу, что никакие гранты, структуры не финансировали мою работу, потому формально у меня не было причин для планирования работы. Меня «заходил», затягивал в процесс работы интерес к ней, а позже возникло ощущение обязательности, ответственности перед теми, кто оказывался в поле моего зрения.

До середины 2002 года все сводилось к освоению жизненного пути и ряда аспектов деятельности Гэллапа; исследование еще не было ни биографическим, ни историческим: Гэллап был единственным героем, не было осознания необходимости углубляться в далекое прошлое, рекламная тематика была лишь заявлена. Абсолютно неожиданное для меня появление на горизонте фигуры Эмиля Хурьи с его методикой [32] построения электорального прогноза, занимающей «промежуточное» положение между правилами предсказания, использовавшимися «Литерари Дайджестом» и Гэллапом, высветило для меня два новых момента. Во-первых: необходимо прислушиваться к пробивающимся из прошлого голосам и следовать за ранее неизвестными персонажами, и, во-вторых: в истории современных выборочных опросов общественного мнения, хотя она не столь уж продолжительна, многое забыто и требует восстановления.

Собственно, тогда появилось осознание важности и обязательности изучения широкого круга создателей рекламы и опросной технологии, стало формироваться понятие «толстого» настоящего и возник новый взгляд на планирование

моего исследования, совсем не тот, которым я руководствовался ранее. Исследованию, пронизанному принципами понимающей, мягкой методологии, должно отвечать и мягкое планирование, допускающее, более того – оправдывающее требование постоянной готовности к уходу с основной дороги на вдруг обнаружившиеся тропочки. Когда обнаруживалось что-либо новое для меня в конструировании рекламы или в технике опроса, я сразу же старался узнать как можно больше об авторе этой инновации, с другой стороны, если в текстах встречал неизвестное мне имя, пытался найти и анализировать сделанное новым для меня человеком. Это лишь кажется, что подобное реагирование на «случайное» уводит от основного пути, в действительности это – сигналы, на которые нельзя не обращать внимания. Так, неожиданно на сайте Музея и библиотеки Президента Трумэна я встретил Самуэля Хейза-мл., он был на десять лет младше Гэллапа, но смог провести общенациональный электоральный опрос в 1932 году, то есть на четыре года раньше его. Это заставило меня задуматься о том, почему регулярные замеры общественного мнения начались в 1936 году, а не раньше, что, в свою очередь, привело к интересным выводам о соотношении идей и идеалов как стимулов творческой деятельности.

Но все же во время моего путешествия в прошлое я постоянно прислушивался к советам двух главных гидов. Первый – Гэллап, чья жизнь и творчество реально и виртуально были связаны с жизнью и деятельностью огромного числа людей, оставивших яркий след в американской науке, культуре и политике. Второй – Дэвид Огилви [33], последний классик американской рекламы XX столетия, который в серии книг не только описал свою жизнь и карьеру, но и проанализировал творчество многих, на чей опыт он опирался в поисках своего собственного стиля создания эффективной рекламы.

ВЯ: Позволь заметить, что я вижу здесь особый стиль именно историка, которому важны детали. Будущие историки, возможно, по-иному осмыслят написанное тобой. Как далеко не историк, я, напротив, вымарываю у своих диссертантов все, что прямо не относится к рассматриваемой проблеме по существу. Наверное, когда ты занимался факторным анализом, тоже убирал или опускал в подстрочник соображения, возникавшие «по ходу дела»?

БД: Диссертация – это особый жанр и всегда ограниченный объем. Моя работа по факторному анализу была защищена без малого сорок лет назад, я забыл, как справлялся с изложением того, что мне казалось важным. Наконец, по сути, единственное замечание-предложение, полученное мною от Б.Г. Ананьева, касалось усиления исторического раздела: необходимо было прописать пути миграции факторного анализа из психологии образования (измерение способностей) в другие разделы психологической науки.

Работе над биографией – это общение с ее героем

ВЯ: *Существуют разные типы биографических исследований, как ты классифицируешь биографии, которые описываешь и анализируешь?*

БД: Действительно, скорее всего, можно построить континуум биографий исторически значимых людей. На одном его полюсе будут располагаться различной полноты материалы, предлагаемые биографическими справочниками «Who is who?» или «Who was who?» По сути это сугубо информационный материал. На другом – романтизированные биографии, в которых авторы разрешают себе описывать переживания своих героев, их диалоги с другими историческими личностями, это, по выражению Данила Данина, «кентавры», совмещающие в себе научность и художественность. К удачным примерам кентавристики относятся и его книги об Эрнесте Резерфорде и Нильсе Боре. Голофаст писал мне: «...ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков» [34].

Мне представляется, что очень близко я к этой грани не подхожу, ибо создаю лишь «профессиональную биографию», то есть показывающую человека в профессии и для профессии. Такая биография должна рассказывать о выборе человеком профессии, об овладении ею и собственно о том, что им было сделано, содержать анализ мотивации его деятельности и описание его профессионального окружения. Заметный выход за эти рамки, стремление к описанию внешности биографируемого, образа его жизни, внутрен-

него мира (помимо идеалов), его семьи и прочего грозит переходом из области написания биографии ради изучения истории в область биографической литературы.

ВЯ: В заголовке завершаемой тобою книги «Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения и судьбы творцов» есть слово «судьба». Что оно для тебя означает?

Действительно, это сложный вопрос, ведь соотношение таких сложных субстанций, как биография и судьба, пытаются постичь не только наука, но литература и религия. Слово «судьба» вынесено в заголовок, но я его крайне редко употребляю в тексте книги; скорее им характеризуется мое отношение к биографическому материалу, выбор некоторых акцентов в интерпретации фактов жизни моих героев.

В конце 2003 года Юлия Беспалова подарила мне свою небольшую книжку о западносибирских предпринимателях [35]. Я прочел ее, но, поскольку тогда только «вкатывался» в изучение биографий «отцов-основателей» опросов общественного мнения и приходилось читать очень многое, непосредственно относившегося к их жизни, я забыл про эту работу. Но в начале 2005 года я обратил внимание на тот раздел ее книги, в котором она трактовала соотношение биографии и судьбы, и тогда этот мотив стал для меня весьма существенным.

Для меня биография человека – это совокупность всех его действий и мыслей, приходящихся на годы его жизни. Дальнейшее движение истории, развитие сферы деятельности, в которой работал человек, не в силах изменить траекторию его жизни и «плотность» окружавшего его социокультурного пространства, ибо все это уже произошло, и в этом смысле жизнь нельзя переписать, прожить заново. Но будущее всегда придает прожитой им жизни новый смысл, и значит – детерминирует, проявляет его судьбу.

Судьба в моем понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведет его по жизни и что связано с ним после ее завершения. У биографии есть начало и конец, судьба – теоретически бесконечна, точнее сказать – судьба обычно дольше, продолжительнее жизни. Судьба – многомернее биографии. И, говоря по су-

ществу, историки и биографы имеют дело не с биографиями, а с судьбами. Ученые, писатели оказываются во власти судеб своих героев уже тогда, когда берутся за изучение их биографий, а часто – и много раньше.

В свете сказанного и учитывая дальнзоркость истории, историк, как правило, имеет дело не с собственно биографией человека, но с биографией как частью, элементом, слоем его судьбы. И очень часто, чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и за более короткий срок, биография «пропитывается» судьбой, происходит мифологизация образа человека.

ВЯ: Понадобится поразмыслить над тем, что ты сказал. Сейчас спрошу: *Методология твоего американского проекта фактически ориентирована на изучение жизни всех тех, чья деятельность прямо или опосредованно была связана со становлением рекламы и опросов. Разверни этот момент.*

БД: Если отвлечься от технической стороны поиска биографической информации и пытаться сконцентрироваться на существенных аспектах узнавания нового человека, то здесь можно говорить об общении биографа и биографируемого. Процесс изучения и создания биографий целесообразно обсуждать в рамках социологии и психологии общения. Итог такой работы зависит от:

- 1) готовности (установки) к общению с героем, то есть моей способности понять его и рассказать другим о сделанном им и о нем самом;
- 2) подготовленности к общению с героем (информированности), то есть полноты информации о сделанном им и о его жизни;
- 3) наконец, характера самого общения, или диалога; в силу многих объективных и субъективных обстоятельств оно может оказаться плодотворным для решения историко-научоведческих задач, но может не быть таковым.

Прежде всего, успешность биографического анализа зависит от установки на контакт, на общение с людьми, оказавшимися в поле зрения биографа. Иногда позитивная установка в силу каких-то причин возникает сразу, ино-

гда ее надо культивировать и ждать ее созревания. Когда я впервые в много раз читаной книге Гэллапа и Сола Рея «Пульс демократии» обратил внимание на финское имя Эмиль Хурья, я сразу подумал, не было ли у меня с Хурьей общих знакомых, ведь в 1980-е годы я активно контактировал с ведущими финскими полстерами. И это чувство дало импульс к поиску информации о Хурье. Но могу привести и пример другого типа: я семь лет «знаю» Даниэля Старча, классика изучения рекламы, который мог стать одним из «отцов» опросов общественного мнения. Он блестяще окончил Университет Айовы несколькими годами раньше Гэллапа, причем учился у тех же профессоров. Он прожил долгую жизнь и многое сделал. Но пока я написал о нем крайне мало. Почему? Не могу объяснить.

Есть разница между мысленными диалогами с теми, кто закладывал основы современной американской рекламы и технологии изучения общественного мнения, и непосредственным общением, скажем, интервью с коллегами. Но в обоих типах диалога есть и много общего: оба они могут протекать легко или трудно, тяготеть к обмену мнениями или затяжным монологам, быть тематически узкими или широкими и т.д. Тот факт, что человека, с которым я веду мысленный диалог, давно нет в живых, не означает, что он находится, скажем, вне рамок контекста моего общения с ним. Все мои герои – живы, даже если жили много десятилетий назад, – они всегда «здесь-и-сейчас».

ВЯ: Ты не скрываешь своей пристрастности к героям. Это так? А если да, то возможны упреки в необъективности.

БД: Да, верно. То обстоятельство, что процесс создания биографии я рассматриваю как форму общения, диалога с биографируемым, без сомнений, – эффект чтения М.М. Бахтина. А вот, откуда возникла идея пристрастности в отношении к героям, я не знаю, скорее ее появление – следствие растянутого во времени двухэтапного процесса.

Возможно, что в ее основе лежит мой интерес к философии физики и мое представление о неизбежном влиянии наблюдателя на результаты измерений. Другими словами, взгляд историка – это продолжение моих давних метрологических размышлений [36]. В своей «Драматической

социологии» Андрей Алексеев приводит фрагменты моего отзыва на рукопись его книги «Познание через действие», написанного в январе 1990 года; тогда я занимался только жесткими социологическими методами и не думал об изучении биографий. Там сказано: «Автор пристрастен. Эта пристрастность заявлена и в названии. Она и в методологической установке, при которой сам исследователь становится не только субъектом, но и “объектом” эксперимента. Эта нацеленность внимания к событиям, без которых нет автора и которых нет без автора, дает все основания быть пристрастным и будущим читателем, и рецензенту» [37]. Пристрастность я ставил в «плюс» работе.

Но про этот отзыв я давно забыл и перечитал его лишь недавно, так что при изучении биографий я пришел к «пристрастности» снова и, возможно, следовал чему-то из Бахтина или Библера, или из Ю.М. Лотмана. Но, мне представляется, что это скорее навеяно тем, что говорили А. Ахматова и М. Цветаева о своем видении творчества Пушкина. И если поэтам можно иметь «своего Пушкина», то почему историку опросов общественного мнения и рекламы нельзя иметь своего Гэллага или Огилви? Говорят ведь об истории Н.М. Карамзина, М.Н. Покровского... и ничего. Все – авторское. История всегда авторская.

Во всяком случае, признаюсь, о «личностном знании» [38] Майкла Полани я узнал лишь из отзыва Дмитрия Rogozina на мою книгу о первопроходцах мира мнений [39], а вскоре на близость моих рассуждений и идей Полани мне указал Алексеев. Но я не сторонник крайностей. Пристрастность – не единственный «недостаток» в работе историка.

От биографии к истории

ВЯ: *Не мог бы ты показать на примерах, как ты выскочил за границы жизни отдельного героя и решил рассматривать длительные периоды времени?*

БД: Если говорить о принципе, то такое движение мне подсказал сам биографический материал. Я его внимательно читал и пытался понять, как я могу использовать информацию о жизни человека в раскрытии его профессиональной деятельности. Полагаю, что во многих случаях

было бы сложно сделать подобный шаг, но мне повезло с первым объектом моего историко-биографического анализа – Джорджем Гэллапом.

В одном из биографических справочников я прочел, что Гэллап – американец в десятом поколении, и мне сразу показалась интересной мысль о связи времен, об ответах на вызовы предков и так далее. Проверка этого короткого сообщения вывела меня на Ассоциацию членов семьи Гэллапов (The Gallup Family Association) и на поиски людей, к которым я мог бы обратиться с просьбой о новой информации об этом клане. Я стал изучать сайт этой организации и обратился к некоторым людям, чьи рассказы об их предках показали мне наиболее интересными. Так я познакомился с Джоном Гэллапом (John Hoagland Gallup), в то время одним из активистов Ассоциации, и он подарил мне уникальную книгу по генеалогии семьи Гэллапов [40], содержащую краткие заметки о тысячах представителей этой семьи, представляющих ее 14 поколений. Первым был Джон Галлоп I, достигший берегов Нового Света 30 мая 1630 года. Он принадлежал к пуританской общине, оказавшейся самой важной и наиболее влиятельной среди всех, прибывших в Северную Америку. Община привезла с собой пуританскую, или протестантскую этику, определившую специфику американского капитализма, именно в ней и выходцами из нее были выработаны фундаментальные принципы организации и функционирования властных институтов и заложены основы американской демократии. Сам Джон был авторитетным человеком в среде первых поселенцев Новой Англии, владельцем и капитаном первого корабля, построенного в Америке. На картах Бостона и прилегающей территории в середине XVIII века были отмечены места, названные его именем: верфь Галлопа, аллея Галлопа. Есть остров Галлопа в гавани Бостона, сейчас он является исторической частью города.

Для монографии о Гэллапе, которую я, может быть, когданибудь напишу, у меня готова серия очерков о членах этой огромной семьи. Изучая только ее можно многое увидеть в процессе зарождения американского общества и американской культуры. Гэллапы всегда стремились знать и помнить своих предков, результаты первого исследования истории американской семьи были опубликованы

в 1893 году, а в 1902 году была образована The Gallup Family Association. В частности, интересовались генеалогией отец Джорджа Гэллапа и он сам, знают ее и его дети. Я не удивился, увидев строки выдающейся американской поэтессы Эмили Дикинсон: «Успех всегда так сладок / Не ведавшим его» в начале книги сыновей Гэллапа. Дикинсон – представительница девятого поколения Гэллапов.

Трудно удержаться от того, чтобы не привести еще один факт из истории семьи Гэллапов. Внучка Джона Гэллапа I из четвертого поколения в 1821 году вышла замуж за Обадии Буша, предки которого по материнской линии прибыли в Америку с первой группой пилигримов 11 ноября 1620 года на легендарном «The Mayflower». В 1988 году их правнук Джордж Буш-старший (представитель 11-го поколения Гэллапов) стал 41 президентом Америки, а в 2000 году – его сын Джордж Буш-младший – 43 президентом.

Я писал о сумме обстоятельств, предопределивших начало проведения Гэллапом регулярных опросов общественного мнения в США, о его глубоком демократизме, огромном опыте маркетинговых опросов, но, несомненно, одним из значимых факторов является и его причастность к истории страны. Чувства членов этой семьи отражены в письме вышеназванного активиста Ассоциации Джона Гэллапа: «... конечно, Джордж Гэллап был самым настоящим американцем. Длительная история нашей семьи заставляет нас принимать близко к сердцу все, происходящее в стране, усиливает чувство причастности к ней. Мы гордимся тем, что являемся частью истории великой страны. Мы ничуть не больше американцы, чем все остальные, но, живя здесь с 1630 года, знаем, кто мы такие и какова наша роль в этом великом потоке истории» [41].

Сюжет с долгой историей семьи Гэллапа мог бы стать лишь красочной иллюстрацией к его биографии, но он приобрел статус базового при определении того, насколько следует углубляться в прошлое при изучении истории выборочных опросов.

ВЯ: История семьи Гэллапов хорошо иллюстрирует не новую мысль, а именно: решающие различия русской и американской ментальности в общем виде заключаются в том, что американцы в силу самой истории страны видят цель прогресса в расширении степеней индивидуальной свободы,

отсюда – индивидуализм как черта национального характера, а русский образ идеального общества – не индивидуалистический, но коммунитарный – царство справедливости. Здесь и коренится проблема особого пути России в миросообщество. Впрочем, это не только проблема России. *Что ты об этом думаешь?*

БД: На оси «индивидуализм» – «коллективизм» (название полюсов бывают разными) страны Европы, Северной и Южной Америки заполняют весь континуум, и Россия расположена в области «высокого коллективизма». Это фиксируют как культурные антропологи, так и социологи, применявшие методы многомерного шкалирования при изучении ценностных ориентаций национальных общностей. Хотя ряд тенденций глобального характера, такие как, например, рост гедонизма, с одной стороны, и угрозы терроризма – с другой, заметно сказываются на изменении ценностных структур разных групп населения.

Вместе с тем отмечу, что в России природа американского индивидуализма понимается плоско – как эгоизм; в действительности индивидуализм следует рассматривать в связке с ответственностью, уважением к другой личности и толерантностью к другим культурам. Многие из моих героев уже в 7–9 лет начинали работать в домашнем бизнесе или на стороне, чтобы помочь семье, они рано уходили из дома и начинали жить самостоятельно, неся полную ответственность за себя. Не достигнув двадцати лет, они открывали свое дело, то есть отвечали уже не только за себя, но и своих работников, преподавали, пробовали себя в проповеднической деятельности. После первых крупных успехов в своем деле они активно участвовали в благотворительных акциях и проектах, финансировали значительные суммы на развитие культуры и науки, часто за символическое вознаграждение работали в правительстве или консультировали его. Хэдли Кэнтрил, один из первых в изучении общественного мнения, писал о Джерарде Ламберте, выдающемся бизнесмене и рекламисте: «Джерри был в высшей степени талантливым и творческим партнером в той огромной работе, которая делалась для Рузвельта во время войны, а его щедрая финансовая помощь давала мне возможность проводить те исследования для Рузвельта, которые я считал необходимыми, вне зависимости от того,

будут ли они поддержаны каким-либо правительственным фондом» [42].

ВЯ: Позволь заметить, что в отличие от расхожего мнения обществоведы вовсе не считают индивидуализм, присущий западной культуре, элементарным эгоизмом, они отмечают развитое на Западе чувство персональной ответственности (в «научение» молодым, да и немолодым тоже). *Теперь вопрос. Ты говорил, как перешел от анализа биографий к исследованию исторических процессов. Мог бы ты развернуть это в понятиях социологии и истории науки, передачи опыта в науке?*

БД: Расскажу итоги одного микроисследования, фактически длившегося четыре года [43]. В начале работы над биографией Гэллапа обнаружилось несовпадение данных в разных энциклопедических словарях о том, когда он учился в Айовском университете и какие ученые степени им были получены. Для внесения ясности в этот вопрос я отправил запрос в архив университета. Ответ оказался в высшей степени неожиданным и в значительной мере стимулировавшим последующие исследования жизни и творчества Гэллапа. Это была ксерокопия трехстраничного текста (выписка из «личного дела») студента Джорджа Гэллапа, содержащего исчерпывающую информацию о том, какие курсы в какие годы он изучал и как были оценены его знания. Замечу, мне не известны историко-наукovedческие работы, в которых этого рода документы анализировались бы с целью «измерения» процесса передачи научного опыта.

Ознакомившись с выпиской, я понял, что недостаточно знать, какие предметы изучал Гэллап, крайне важно, кто их преподавал. Я отправил новый запрос в архив университета и через некоторое время получил документ с указанием фамилий и инициалов преподавателей. В некоторых случаях по фамилиям и инициалам можно было отыскать в справочниках и в Интернете базовые данные о заинтересовавших меня ученых, но когда имеешь дело с распространенными фамилиями, типа Knight, Haynes и подобными, найти релевантную информацию практически невозможно; пришлось вновь обращаться в архив.

Гэллап поступил в университет 26 сентября 1919 года и завершил свое образование 23 августа 1928 года, получив степень доктора наук (Doctor of Philosophy) по прикладной

психологии. Кроме того, он имел специальную подготовку в теоретической психологии и экономике. Отталкиваясь от этих данных, я выбрал одиннадцать профессоров и преподавателей, обучавших Гэллапа психологии, и начал изучать их жизненные пути и творчество. Я искал необходимую информацию в энциклопедических справочниках, в книгах по истории психологии, в воспоминаниях людей, работавших в те годы в Айовском университете и учившихся примерно в те же годы, что и Гэллап. Я приобрел многие книги этих ученых, чтобы понять, что мог знать Гэллап по избранной им профессии.

Оказалось, что одна группа профессоров Гэллапа (старших по возрасту) принадлежит к ведущим психологам Америки, основателям ряда направлений психологических исследований, они учились у основоположников американской психологии и у крупнейших европейских ученых. Другая группа – это ученики профессоров из первой группы, которые тоже стажировались в ведущих психологических лабораториях США, Германии, Франции и Англии.

В целом обнаружилось, что Гэллап имел блестящее по тому времени психологическое образование, и удалось выделить «траектории преемственности», соединяющие Гэллапа через его преподавателей с классиками психологической науки Гальтоном, Джемсом и Фехнером.

Безусловно, научный опыт передается через множество каналов: книги и статьи, научные форумы, письма, архивные документы и прочее, но наиболее эффективными в течение столетий были и остаются сейчас прямые контакты учителя и ученика, преподавателя и студента. В этой коммуникации передается не только собственно научная информация, не только навыки исследовательской работы, но сам дух, этика профессионального сообщества. Преемственность в науке имеет множество аспектов и составляющих, она не сводится лишь к прямым формам коммуникации между учеными разных поколений. Однако трудно говорить о преемственности, если ученые новых поколений оказываются плохо или вообще не знакомыми с работами своих предшественников.

ВЯ: Нынешняя система университетского обучения у нас все более обезличивается. Профессор нередко общается со студентами по электронной почте, семинар на дому про-

фессора, что я еще застал, будучи студентом, немислим, тексты рефератов и эссе доминируют над разговором лицом к лицу. *В Америке те же тенденции?*

БД: Я не большой специалист по американской системе образования, но уверен, что студенты, ориентирующиеся на личное общение с профессорами, всегда имеют возможность побеседовать с ними. К тому же многие студенты постоянно общаются с преподавателями, работая вместе с ними в лабораториях, на кафедрах, ведь в США наука делается прежде всего в университетах.

ВЯ: Насколько я понимаю, ты придаешь принципиальное значение построению и анализу коммуникационной сети, связывающей всех твоих героев: тех, кто создавал и изучал рекламу и тех, кто заложил основы современной практики изучения общественного мнения. *Как ты выстраивал коммуникационную сеть, с чего начинал?*

БД: Использование коммуникационных сетей в науковедении – дело давнее, и к нему обращаются многие науковеды. Это помогает понять роль формальных и неформальных связей между учеными, раскрыть механизмы формирования научных школ и направлений, описать пути распространения нового знания и новых методов. В целом мне все это знакомо, но в начале работы у меня не было плана создания такой конструкции, ибо исходно исследование планировалось как историко-методическое, я не думал, что оно будет историко-биографическим.

Реально импульсом к построению коммуникационной сети стал небольшой фрагмент одного из последних интервью Гэллапа, где он подводил итоги сделанного более чем за полвека [44]. Там ничего не говорилось о становлении системы измерения общественного мнения или об элементах стиля деятельности Гэллапа, но был указан один из ключевых моментов его жизни и названы имена людей, много значивших в его личной и творческой судьбе. Сначала этот короткий диалог помог мне построить изучение биографии Гэллапа по принципу: «к Гэллапу от Гэллапа и от людей, окружавших его». Далее, реализуя этот план, я пришел к необходимости изучения широкого круга людей, контактировавших с основными героями моего исследования.

Очевидно, что *априори* было невозможно очертить архитектуру коммуникационной сети ни в отношении числа ее

уровней, или слоев, ни в отношении ее профессионального состава. Был виден лишь главный критерий для включения того или иного человека в эту сеть: причастность к поискам приемов создания эффективной (продающей) рекламы, изучения установок и поведения, и совершенствования процедур изучения общественного мнения. Понятие причастности трактуется мною очень широко и в «пользу» субъекта; лучше включить тех, кто – по мнению иных исследователей – «не причастен», чем не указать действительно заслуживших право присутствия в истории.

Исторический процесс – итог взаимодействия людей, и потому методологически ошибочно сводить анализ динамики многовекового процесса к освещению деятельности ограниченного числа акторов, каким бы значимым их личный вклад в эту историчность не был.

Существующая сейчас коммуникационная сеть включает сотни людей, ее частью являются генеалогические цепи основных героев исследования. Значительная часть «точек» сети – это ученые, наследие которых оказалось важным для первых поколений аналитиков рынка и общественного мнения, а также профессора, готовившие их к самостоятельной исследовательской деятельности. Многие в истории проведения рекламных кампаний определялось капитанами бизнеса, которые выступали заказчиками рекламы и инициаторами привлечения науки к изучению механизмов воздействия рекламы на потенциальных покупателей. Если говорить о становлении опросов общественного мнения, то здесь во многом решающее значение имели позиции журналистской элиты и политиков. Они – тоже члены этой коммуникационной сети.

Численность элементов сети и ее ярусность, по сути, определяют «толщину» и границы настоящего, о чем я говорил выше. Замечу одно принципиальное свойство строения коммуникационной сети: вообще говоря, ее можно создавать, начиная движение с любой точки, процесс ее конструирования – сходящийся, и результат, финальное строение сети, при соблюдении определенных критериев слабо зависит от ее строителя. Я начинал исследование истории опросов общественного мнения и возведение коммуникационной сети с изучения биографии Гэллапа, но я имел бы тот же результат, если бы первым на моем пути были Роупер, Кроссли,

Кэнтрил или любой аналитик, оставивший заметный след в изучении мнений, в проведении опросов.

ВЯ: Какого рода связи ты артикулировал и анализировал?

БД: В данном исследовании было непродуктивно выделять формальные и неформальные связи – ведь стремление к творчеству, желание быть независимым в бизнесе, успешность карьеры практически всех моих героев по сути означает, что чисто функциональный тип отношений между ними – явление крайне редкое. Здесь целесообразнее говорить о прямом, непосредственном диалоге субъектов коммуникации и диалоге внутреннем, или мысленном.

Прямой диалог означает личное знакомство и предполагает существование различных форм коммуникации между его участниками: профессиональной, дружеской и проч.; такие контакты могут быть непосредственными или опосредованными, например – обмен письмами. Мысленный диалог тоже может быть формой общения знающих друг друга людей, однако в рамках этого исследования под подобной формой коммуникации подразумевались, прежде всего, «мысленные разговоры», «внутренние диалоги» живущих, активно действующих людей с их предшественниками, размышления по поводу жизни и наследия последних. В таких диалогах реальное «я», не порывая с собою, постоянно спрашивает о чем-то лично неизвестном ему «историческое» «не-я» и самостоятельно пытается ответить за него на эти вопросы. В момент внутреннего диалога реальный субъект общения «удваивается»: он говорит за «я» и за «не-я».

Я подробно рассматривал многолетний и в высшей степени плодотворный мысленный диалог Гэллапа с лордом Брайсом, понимание которым природы и истории американской демократии стимулировало проведение Гэллапом «выборочных референдумов», то есть опросов общественного мнения. Редко цитируемая книга Гэллапа «Грядущее чудо» [45] о психобиологических основах мышления и памяти – свидетельство его, как сказали бы сегодня, «виртуального общения» с Фрэнсисом Бэконом. Возможно, об этом диалоге можно было бы здесь и не говорить, но признание ценности бэконовских принципов науки и научного знания, опора на них в эмпирических поисках – одна из составляющих сущности и стиля работы Гэллапа [46].

Однако создание богатой, многослойной коммуникационной сети является лишь частью методологии исторического исследования, базирующегося на биографическом материале. Второй круг методологических проблем – это создание биографий, например, отбор биографических данных. Такой проблемы нет, если биографических сведений мало, но в ряде случаев необходима селекция подобной информации.

Здесь принципиально заметить, что обсуждаемое историко-научное исследование имеет дело не вообще с биографией, а с профессиональной биографией, показывающей человека в профессии и для профессии. Такая биография должна рассказывать о выборе человеком профессии, об овладении ею и собственно о том, что им было сделано, содержать анализ мотивации его деятельности и описание его профессионального окружения. Заметный выход за эти рамки, стремление к описанию внешности биографируемого, образа его жизни, внутреннего мира (помимо идеалов), его семьи и прочего грозит переходом из области написания «биографии ради изучения истории» в область биографической литературы и создания художественного портрета. Хотя в действительности, удержаться в заданных себе границах иногда бывает очень трудно; влияние личности героя может быть настолько сильным, что хочется говорить о нем не только как о профессионале. Тем более, что во многих случаях профессиональное было почти тождественно личностному.

ВЯ: Ну что же, мне кажется, нам удалось прояснить твою методологию. Видно, что здесь слитно присутствуют профессионализм социолога и историка (науки). Не будучи историком, не могу себе представить, как бы стал рыться в архивах и справочниках в поисках сведений о некоем, в сущности, побочном для «целевого» персонажа ученом или ином деятеле. Я вижу, что мы в беседе, возможно, несколько перебрали во взаимных реверансах. Эта манера присуща людям искусства, у них реплика «Старик, ты гений!» – норма. Да проститься нам, представителям иной профессии. И скажу вполне серьезно – ты действительно разработал особую методологию интервью с экспертами. Ее можно адаптировать и к иным областям, то есть за пределами социологии и

истории науки – в сферах изучения развития предпринимательства, управления и т. д.

И еще. Мне хотелось бы взять у тебя интервью на другую тему: как из Америки ты стал бы обсуждать нашу проблему будущего России, имея в виду радикальное различие американской и российской (точнее русской) культур? Мы эту тему затронули и, мне показалось, могли бы продолжить. Подумай. Сердечное спасибо, Боря, за полезный для нашего дела разговор. Старик, ты молодец!

ЛИТЕРАТУРА

1. *В.А. Ядов*: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» (Интервью Б. Докторову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 3. С. 2–11; 2005. № 4. С. 2–10.
2. *Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах* / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
3. *Кузнецов Б.Г.* Разум и бытие. М.: Наука, 1972.
4. *Философия и методология истории. Сборник статей* / Отв. ред. И.С. Кон. М.: Прогресс, 1977.
5. *Коллинвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.
6. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.
7. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
8. *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
9. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
10. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка: Введение в социологию: Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1995
11. *Б.М. Фирсов*: «...О себе и своем разномыслии...» (Интервью Б. Докторову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 1. С. 2–12.
12. *Докторов Б.З.* История в биографиях и биографии в истории (Тезисы для чтений памяти В.Б. Голофаства. Петербург. 23–25 марта. 2007) <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Tributes/golofast.html>>
13. *Докторов Б.З.* «Я живу в двуедином мире...» (Интервью Н. Мазлумяновой) // *Социологический журнал*. 2005. № 4. С. 132–167.

14. *Шредингер Э.* Что такое жизнь с точки зрения физики? М.: Гос. изд. иностр. лит., 1947.
15. *Инфельд Л.* Эварист Галуа. Избранник богов. М.: Молодая гвардия, 1958.
16. *Кузнецов Б.Г.* Эйнштейн. М.: АН СССР, 1962.
17. *Кузнецов Б. Г.* Галилей. М.: Наука, 1964.
18. *Здравомыслов А.Г.* «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» (Интервью Б. Докторову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. № 5. С. 2–10.
19. *Докторов Б. Дж.* Гэллуп всегда первым знал, кто будет новым президентом Америки // *Взгляд (Сан-Франциско).* 2000. № 394. 11–17 марта. С. 20–21.
20. *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
21. *Докторов Б.З. Дж.* Гэллуп – наш современник: к 100 летию со дня рождения // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2000. № 2. С. 2–18.
22. *Докторов Б.* Реклама должна продавать. (К попытке анализа наследия П.Т. Барнума, Х. Гейла, У. Скотта и Э. Стронга) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. № 5. С. 44–53.
23. *Докторов Б.* Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // *Телескоп.* 2000. №4. С. 16–31.
24. *Докторов Б.З.* Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // *Социальная реальность.* 2007. № 6. С. 67–82
25. *Докторов Б.З. Б.А. Грушин.* Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения// *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2004. №4. С. 2–13.
26. *Заславская Т.И.:* «За то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью» (Интервью Б. Докторову) // *Социологический журнал.* 2007. №3. С. 137–169.
27. *Докторов Б.З.* Он изучал людские мнения «нещадно, вопреки всему». Памяти Бориса Андреевича Грушина (1929–2007)// *Социологический журнал.* 2007. № 4. С. 171–184
28. *Докторов Б.З.* «Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь...» (Интервью Б.М. Фирсову) // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. №3. С. 2–13.
29. Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 26 февраля 2004 г.
30. Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 22 сентября 2004 г.
31. *Гилбер Дж.Н., Малкей М.* Открывая ящик Пандоры. М.: Прогресс, 1987.

32. Докторов Б.З. Эмиль Хурья – волшебник политического анализа // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2002. № 5. С. 30–40.
33. Докторов Б.З. Дэвид Огилви: рекламист на все времена // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. № 4. С. 39–51.
34. Электронное письмо В. Голофаства Б. Докторову от 23 января 2004 г.
35. Беспалова Ю.М. Западно-сибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX вв: имена, биографии, судьбы. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002.
36. Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
37. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: Т. 4. СПб.: Норма, 2005. С. 31.
38. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985.
39. Рогозин Д.М. Рецензия на книгу Б.З. Докторов «Первопроходцы миромнений: от Гэллагадо Грушина» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 3 (75), С. 131–138.
40. Gallup Genealogy. Provo, Utah: Brigham Young University, 1987.
41. Электронное письмо Дж. Гэллага (John Hoagland Gallup) Б. Докторову от 24 июля 2000 г.
42. Cantril H. The Human Dimension: Experiences in Policy Research. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1967. P. XI.
43. Докторов Б.З. Учителя и учителя учителей // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2007. № 2. С. 29–41.
44. George Gallup: Mr. Polling. An Interview with Dr. Gallup Conducted by R. Bartos // *Journal of Advertising Research*. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 21.
45. Gallup G. The Miracle Ahead. New York: Harper & Row Publishers, 1964.
46. Hogan J.M. George Gallup and the Rhetoric of Scientific Democracy // *Communication Monographs*. 1997. Vol. 64. No. 2. P. 161–179.

БЕСЕДЫ С КЛАССИКАМИ

В книгах [1] и [2] и ряде других моих работ рассмотрены биографии пионеров изучения общественного мнения в США и наиболее ярких представителей мира американской рекламы. К первой группе относятся: Джордж Гэллап, Арчибальд Кроссли, Хэдли Кэнтрил, Элмо Роупер, Эмиль Хурья и другие аналитики. Ко второй: Ф.Т. Барнум и Уолтер Скотт, Альберт Ласкер и Клод Хопкинс, Раймонд Рубикам и Брюс Бартон, Дэвид Огилви и Дэниэл Старч и целый ряд специалистов, без анализа работ которых невозможно описать весь комплекс художественной и интеллектуальной деятельности, результатом которой стало рождение эффективной рекламы. Почему же из всего этого множества выдающихся, креативных личностей в Раздел «Беседы с классиками» выбрано три человека.

Прежде всего – объем задуманной книги ограничивал мой выбор. А теперь – персонально...

Выбор Джорджа Гэллапа можно не аргументировать. Он – признанный первооткрыватель опросной технологии, он четче, чем кто-либо из его коллег и современников, увязал изучение общественного мнения с развитием демократии, им внесен неопенимый вклад в проведение общенациональных опросов общественного мнения, в том числе – в изучение электоральных установок. Следует заметить, что Гэллап признается и как один из лидеров изучения механизмов воздействия рекламы на сознание потребителей.

Хэдли Кэнтрил – удивительно многогранная личность, академический ученый, аналитик политических процессов и консультант президентов Франклина Рузвельта, Дуайта Эйзенхауэра и Джона Кеннеди, психолог-исследователь массового сознания, методолог измерения общественного мнения.

Дэвид Огилви, по признанию историков и культурологов, последний представитель классического периода становления американской рекламы. Теоретик и практик. Создатель серии рекламных кампаний, во многом определивших современное развитие этой индустрии. Автор ряда книг, которые отражают жизнь и опыт Огилви и стали учебниками следующих поколений копирайтеров.

Кэнтрил и Огилви – не просто современники Гэллапа, но его единомышленники и друзья. Кэнтрил сразу разглядел огромные возможности опросной технологии, использованной Гэллапом в 1936 году, и стал одним из ее разработчиков и пропагандистов. Огилви работал под руководством Гэллапа как аналитик общественного мнения и исследователь кино-аудитории.

ДЖОРДЖ ГЭЛЛАП: ЧЕЛОВЕК ИДЕЙ И ИДЕАЛОВ²

Джордж Гэллуп-мл. (George Gallup, Jr., р. 1931), многие годы посвятивший изучению общественного мнения, сказал о своем отце: «Безусловно, он был человеком идей и идеалов». И далее: «Мой отец всегда видел в опросах, проводимых во всем мире, огромный потенциал для демократии. Они сыграли очень важную роль в стремительном и повсеместном росте свободы. Он мечтал о том, что любой человек в мире будет услышан, и, действительно, сейчас, благодаря выборочным исследованиям, это стало возможным» [1].

Траектория жизни Джорджа Гэллапа проходит через наибольшее число точек «сгущения» процесса изучения общественного мнения в США и во всем мире. В то же время его жизнь и творческое наследие сами образуют особую точку, через которую проходит множество важнейших путей движения повседневной и политической культуры Америки. Гэллуп – один из немногих американских социальных аналитиков, чье имя известно российским социологам, полстерам, журналистам и политизированным слоям российского населения. Более того, есть основания рассматривать Гэллапа в качестве особого российского социокультурного феномена.

Современная технология, практика, культура изучения мира мнений – это результат длительного процесса, в котором участвовали несколько поколений талантливых, эрудированных и энергичных ученых многих стран. Тем не менее, профессиональное сообщество связывает этот процесс прежде всего с именем Гэллапа. Более того, его имя стало нарицательным – что случается нечасто.

П. Сипионе, ссылаясь на журнал «Printers' Ink» отмечает: «Гэллуп настолько четко ассоциируется с опросами, что греки, имеющие для всего свои названия, используют глагол “гэллуп” в смысле “проводить опрос”» [2]. В тексте «Нью-Йорк Таймс», сообщавшем о смерти Гэллапа, отмечалось: «...в некоторых европейских языках глагол to poll (опрашивать общественное мнение) передается словами

² Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. Гл. 9. М.: ЦСП. 2008.

to do a gallup (проводить гэллап)» [3]. Отвечая на вопрос: «Действительно ли слово “гэллап” стало синонимом “опроса общественного мнения”?», старший сын Джорджа Гэллапа Алек Гэллап (Alec Gallup, р. 1929), известный полстер, сказал: «Да, в Скандинавии это имя стало нарицательным, оно означает “опрос общественного мнения”. Получается: гэллап, проведенный Харрисом, или гэллап, осуществленный Роупером. Да, так и пишется, с маленькой буквы...» [4].

Приведу одно историко-научное наблюдение. В попытках раскрыть судьбу ученого и его наследия авторы стремятся к соединению трех «сущностей». Во-первых, фоновых обстоятельств жизни этого ученого; во-вторых, особенностей становления тех разделов науки, в развитии которых он оставил наиболее яркий след; и, в-третьих, фрагментов его биографии и истории его семьи. К сожалению, в полной мере реализовать такую программу удастся крайне редко, в значительной степени из-за того, что предбиографическая часть судьбы человека, то есть прошлое его семьи, оказывается очень бедной, неразработанной. Но судьба Гэллапа уникальна в том отношении, что многое известно о его далеких предках-пионерах освоения Нового Света, а в сделанном им самим четко просматривается отклик на их вызовы, дошедшие до него из начала XVII века.

Творческая биография Гэллапа как автора современной методологии исследований общественного мнения подробно рассмотрена мною в книгах [5, 6]. Большая часть из опубликованного ранее в здесь не нашло отражения, вместе с тем здесь содержится много нового, прежде всего относящегося к Гэллапу – исследователю рекламы.

Айовский период: первые три десятилетия жизни

В цитированном выше интервью Джордж Гэллап-мл. так говорит о своем отце: «Ему бы никогда в голову не пришло солгать, извратить факты или смошенничать. Он был очень жизнерадостным, весьма обязательным, даже в случае усталости и нездоровья. Он любил свою семью. Думаю, что в глубине души он оставался фермером, любил сельскохозяйственные работы, домашних животных и т.д. Отец

во многих отношениях был выдающимся человеком. Он не придерживался какой-либо жесткой линии в политике, не кидался с энтузиазмом поддерживать нового лидера, был весьма осторожен в оценках и выводах. В своих суждениях он действительно был независимым» [1]. Многие из этого было заложено в Джордже Гэллапе с детства и юности, проведенных в сельскохозяйственном, пуританском штате Айова. В обстоятельной статье о Гэллапе как исследователе рынка сказано: «Он работает и живет в Принстоне, штат Нью-Йорк, но как настоящий айовец, где бы ни жил, инвестирует свои деньги в землю» [7].

Американец в десятом поколении

В течение долгих лет в Лотарингии, на которую когда-то претендовали Франция и Германия, жила большая семья Kollor. Сейчас эта фамилия имеет различные написания: Gallor, Galloupe, Gallupe, Gollor; в Америке чаще всего встречается Gallup.

Начало американской ветви Гэллапов, одной из старейших семей в стране, положил Джон Галлоп (John Gallor, 1590–1650). Существуют документы, подтверждающие факт его отбытия из английского города Плимута 20 марта 1630 года на корабле «Mary and John»; 30 мая судно достигло берегов Америки.

Документы свидетельствуют, что Джон пользовался большим авторитетом у первых поселенцев Новой Англии. На картах Бостона и прилегающей территории в середине XVIII века присутствовали названные его именем верфь Галлопа, аллея Галлопа; остров Галлопа в гавани Бостона в годы Гражданской войны имел важное стратегическое значение, сейчас он является исторической частью города. У Джона была дочь и четверо сыновей; один сын вернулся в Англию, остальные дети стали американцами. У дочери было восемь детей, у старшего сына – десять, у младших близнецов – пять и шесть. Так зарождалась эта огромная семья.

К настоящему времени архив Ассоциации семьи Гэллап (Gallup Family Association) насчитывает свыше 13 000 имен [8]. Гэллапы участвовали во всех важнейших событиях аме-

риканской истории, в том числе в войне за независимость, Гражданской войне и во всех войнах XX века. Среди них были фермеры и мореходы, бизнесмены и врачи, учителя и священники, политики и журналисты, ученые и инженеры – представители всех профессий.

Старший сын Джона Галопа I, тоже Джон Галлоп (1615–1675) [9], был незаурядной личностью. В 1640 году он стал первым шерифом Плимута, а позже основал графство Новый Лондон в Коннектикуте. Четверо из десяти его детей, фамилия которых уже писалась как Gallup, стали основателями родов, давших Америке очень известных людей.

Например, биография Джозефа Гэллапа (Joseph Adams Gallup, 1769–1849) [10], представляющего шестое поколение американской семьи, включена в онлайн-серию жизнеописаний выдающихся американцев. Он был практикующим врачом, профессором теоретической и прикладной медицины и автором многих медицинских книг. Элиша Гэллап (Elisha Gallup, 1820–1903), восьмое поколение американской ветви семьи, внес крупный вклад в создание современного типа ульев, в 1875 году о нем писали: «Имя Гэллапа известно и часто повторяемо во всех странах, где знают о маленькой пчеле» [11].

Две причины заставили меня обратиться к истории семьи Джорджа Гэллапа. Первая заключается в том, что столь длинная семейная линия – само по себе явление крайне редкое для людей, не принадлежащих к высшим сословиям, и уже потому интересна. Вторая причина, связанная с первой, значительно более важна: члены этой семьи всегда помнили своих предков. Джордж Гэллап интересовался генеалогией, а чтение исторической литературы было одним из его любимых занятий на протяжении всей жизни. Гэллапу было дано ощущение неразрывности социального времени, прошлое Америки, скорее всего, никогда не было для него законченным и потому пассивным, наоборот, оно активизировало его деятельность. Фундаментальные ценности, идеалы поселенцев Массачусетского Залива, привезенные ими из Англии в первой половине XVII века, были и его ценностями и идеалами. Главная цель деятельности Гэллапа – укрепление демократических начал в американском обществе – и стержневая задача, которую он решал на протяжении полувека, – создание инструментария для

изучения общественного мнения – были обусловлены его пониманием прошлого Америки и той ролью, которую сыграли девять американских поколений его семьи в развитии страны. Своей жизнью Гэллап отвечал на вызовы прошлого.

Наивно было бы сводить все мотивы, побудившие Гэллапа в течение почти полувека проводить исследования общественного мнения, лишь к факту его принадлежности к семье со столь давней и богатой американской историей. Но нельзя и не учитывать этого обстоятельства.

«Будь радикальным!»

Джордж Хорас Гэллап (George Horace Gallup, 1901–1984) родился в городе Джефферсоне, округ Грин (Jefferson, Greene County), штат Айова, где в основном прошли первые тридцать лет его жизни. По своему характеру, особенностям речи, по многим чертам отношения к жизни он всегда оставался айовцем. Ряд принципиальных особенностей гэллаповского творчества и, прежде всего, его понимание природы американского общества в значительной степени определены социально-политическим и нравственным климатом, существовавшим в начале прошлого столетия в этой части страны. В присланной мне ксерокопии заметки «Gallup Reaches Great Success» («Гэллап достигает огромного успеха»), опубликованной в одной из айовских газет скорее всего в 1936 году, есть раздел, название которого точно отражает многое в личности Гэллапа, – «Продукт Джефферсона» («Jefferson Product»).

В то время в Джефферсоне проживало около 3000 человек; преимущественно потомки первых переселенцев из Англии. Они следовали писаным и неписаным пуританским нормам: много работали, ходили в церковь, высоко ценили образование, старались помочь друг другу и с улыбкой приветствовали встречного человека, в том числе – незнакомца [12].

Отец Джорджа Гэллапа, тоже Джордж Гэллап (George Henry Gallup, 1864–1932), родился в штате Иллинойс. Его первая жена умерла в 1891 году, оставив ему полугодичную дочь. В 1893 году он женился в Джефферсоне на Нетти Давенпорт (Nettie Quella Davenport, 1866–1953), жившей в

соседнем округе. У них было еще четверо детей, Джордж был младшим.

Гэллап-старший был учителем, затем занимался продажей недвижимости; этим он отличался от других членов семьи: его отец, дед и большинство братьев были фермерами. Джордж Гэллап тепло вспоминал отца, подчеркивая, что тот «всегда упорно не желал делать что-либо так, как это было принято» [13, р. 101]. У отца Гэллапа была библиотека – свыше тысячи книг, и все свободное время он уделял чтению и созданию собственной системы логики [14, р. 12].

При доме была ферма, и когда Тэду (так родные и друзья всегда звали Джорджа Гэллапа) было 9–10 лет, отец купил ему и его брату несколько коров. Мальчики ухаживали за ними, доили, находили покупателей и развозили им молоко. Доход использовался для покупки одежды и оплаты учебы [14, р. 12]. Вспоминая детство, Гэллап говорил, что в школе он был богаче своих друзей. В старших классах он был капитаном и играющим тренером школьной команды по американскому футболу. На свои деньги он покупал для ребят форму, оплачивал переезды команды и ремонт спортивного инвентаря. Уже тогда ярко проявились его организаторские способности. В школе он приобрел и первый опыт редактирования газеты.

К моменту завершения школы свое образование Гэллап сам оценивал как «замечательное» [14, р. 6], У него сложилось то отношение к себе и к жизни, которое культивируют американцы: независимость в суждениях и поведении, уверенность в своих силах, целеустремленность, агрессивность в бизнесе, стойкость и оптимизм. К началу 1920-х годов цены на землю резко упали, доходы отца значительно сократились и финансовое положение семьи резко ухудшилось. Деньги на свое высшее образование Гэллап зарабатывал сам. Через много лет он вспоминал, что при поступлении в колледж в его кошельке было шесть долларов, но при завершении образования он зарабатывал больше, чем президент университета [15].

Студенческие годы Гэллапа (1919–1928) были временем не только приобретения знаний, но и становления целостной личности с высокими и четкими гражданскими и этическими нормами. В предыдущей главе детально рассматривалось содержание полученного им образования, кото-

рое можно признать блистательным; там же сказано, что, обучаясь в университете, Гэллап одновременно преподавал в нем. Но это не все.

Случилось так, что весной 1921 года некому было редактировать университетскую газету «The Daily Iowan», выпускавшуюся на основе правила «обогащайся или разорься»: главный редактор и главный менеджер соглашались покрывать все расходы и возможные потери, но в случае удачи весь доход принадлежал им. Гэллап, мечтавший стать журналистом, взялся за выпуск газеты.

Более того, им был предложен и осуществлен амбициозный план – трансформировать студенческое издание в ежедневную городскую газету. Благодаря активному освещению местных событий и общенациональных новостей Гэллап быстро поднял уровень издания и увеличил число читателей. Соответственно увеличился объем публикуемой рекламы, газета становилась прибыльной.

Отдавая много времени и сил руководству газетой, Гэллап одновременно вел ежедневную колонку редактора. Наиболее известным из его выступлений является программная статья «Be radical!» («Будь радикальным!»), написанная скорее в духе студенческих манифестов 1960-х, чем текстов 1920-х. Гэллап писал: «Не бойся быть радикальным. Университетам нужны сторонники левых взглядов. Мы все спокойно-ироничные интеллектуалы, сторонники стабильности с легким налетом радикализма. Хуже всего то, что мы гордимся этим. Нам нужны атеисты, приверженцы свободной любви, анархисты, представители свободных профессий, коммунисты, интернационалисты, роялисты, социалисты, противники христианства... Все подвергай сомнению. Обо всем спрашивай... Быть радикальным – это долг, подобный первому голосованию и поцелую, которым вы одариваете вашу сестру. Только пятидесятилетний человек может быть консервативным. Не будь коровой, ходящей в стаде. Думай, задавай вопросы, сомневайся. Будь радикальным!» [13, р. 104].

Вот таким, нацеленным на новое, на достижения и перемены, был Гэллап, только перешагнувший свой двадцатилетний рубеж.

В 1923 году он познакомился с Офелией Миллер, которая училась в Университете и там же преподавала фран-

цузский язык. В рождественские дни 1925 года они поженились. «Они были самыми симпатичными студентами в кампусе», – вспоминал университетский друг Гэллапа Брюс Гоулд [16].

Начало научной деятельности. Метод Гэллапа

9 июня 1925 года Гэллапу была присвоена степень магистра в области прикладной психологии за работу «A Study in the Selection of Salespersonale for Killian's Department Store. Cedar Rapids, Iowa» («Исследование подбора продавцов для универмага “Киллианс”, Сидар-Рапидс, Айова»). В середине 1920-х изучение персонала торговых сетей было рутинной задачей в рамках маркетинга и зарождавшейся индустриальной психологии. Результаты этой работы изложены, скорее всего, в первой научной публикации Гэллапа, появившейся в апреле 1926 года [17]. С. Омер обнаружила в этой статье не просто показатели успешной работы торгового персонала, но также общие методологические установки, а именно утверждение возможности объективного анализа человеческого поведения [18]. В обстоятельной монографии 1950 года по прикладной психологии приведен краткий перечень ученых, разрабатывавших в первой трети XX столетия тесты для определения успешности работы продавцов. В книге отмечен и вклад двадцатипятилетнего Гэллапа [19].

В редко цитируемой антологии по истории изучения рекламы, опубликованной через два года после смерти Гэллапа, есть написанный им небольшой, но крайне ценный раздел, озаглавленный (возможно, редакторами) «George H. Gallup: A Personal History» («Джордж Гэллап: личная история»). Это одно из самых подробных описаний того, как начинался его путь в науку. Приведу несколько фрагментов.

«Исследовательская работа, которой я занимаюсь последние 60 лет, началась с интервьюирования читателей газет, проводимого рекламным агентством «D'Arcy» в Сент-Луисе. Это было летом 1922 года, когда я был студентом третьего года обучения в Университете Айовы. Использовалась распространенная в то время процедура:

респондентов спрашивали, какого рода новости они выбирают, какие темы, разделы и т. д. их интересуют. Многие заявляли, что всегда читают колонку редактора, информацию о событиях в стране и за рубежом. Мало кто признавался, что смотрит разделы, где печатаются сплетни и другие малопрестижные материалы. Этот первый опыт проведения опросов убедил меня, что таким образом нельзя выявить реальные читательские предпочтения. Я решил попытаться найти лучший метод». И далее: «В течение нескольких следующих лет при изучении базовых курсов я познакомился со всеми приемами, которые использовали газеты, чтобы выявить интересы читателей... В конце концов, я пришел к выводу, что для определения того, что читает респондент, лучше всего дать ему последний номер газеты и, переходя вместе с ним от колонки к колонке, от страницы к странице, посмотреть, что он прочел в этом конкретном номере. Таким образом, при интервьюировании выборки читателей восстанавливается точная картина того, что интересовало читателей газеты во вчерашнем номере. Одна из очевидных причин того, почему эта процедура работала, заключается в том, что она давала респонденту множество сигналов, подсказок. Позже я обнаружил, что попытки сократить этот процесс (например, показывать респондентам только одну страницу вчерашнего выпуска газеты или концентрировать их внимание лишь на рекламе) снижают точность результатов» [20, р. 47].

Опросы Гэллапа спонсировались газетой «Des Moines Register», выходявшей в столице штата Де-Мойне (Des Moines), но читавшейся на всем Среднем Западе. Отделение психологии Университета Айовы одобрило это направление в качестве темы его докторского исследования. Диссертация, озаглавленная «An Objective Method for Determing Reader Interest in the Content of a Newspaper» («Объективный метод определения читательского интереса к газетным материалам»), была явно в русле работы ученых этого университета.

При изучении читательских интересов у Гэллапа была возможность ориентироваться либо на свойства памяти читателя, которые описываются понятием «вспоминать» (recall), либо на его способность «узнавать» (recognize) нечто, встречавшееся ему ранее. Выбор был сделан в поль-

зу второго направления. Важнейшим методическим итогом докторской работы Гэллапа стала его измерительная технология, называемая теперь «методом Гэллапа», или, реже, «айовским методом». Гэллап не измерял собственно память и не выявлял причины запоминаемости текста, но его метод позволял оценить, какая часть аудитории читала или просто обратила внимание на конкретные материалы газеты. В последующие годы метод развивался, дорабатывался, но его ядро сохранялось. Гэллап успешно применял его в течение многих лет при изучении аудиторий прессы, и в частности рекламы.

Исследование Гэллапа носило методико-инструментальный характер, но его результаты стали основополагающими для развития ряда направлений американской журналистики и массовой культуры в целом.

Гэллап писал: «Вопрос стоял так: что люди читают? Если их спросить об этом, они назовут то, что представляет их в хорошем свете: редакционные материалы и американские новости, но никогда – комиксы или статьи о спорте. Но если вы предъявите им газету и попросите сконцентрироваться на том, что они действительно читали, – “что именно я читал на этой странице?” – они не будут думать о том, какое впечатление они должны произвести» [21]. Объем проделанной Гэллапом эмпирической работы впечатляет: В статье «A Scientific Method for Determining Reader-Interest» («Научный метод определения интересов читателей»), отражающей итоги его докторского исследования [22], он писал: «Экспериментальная работа, осуществленная за прошедшие пять лет и охватившая тысячи читателей... была выполнена применительно к полудюжине газет с тиражом от нескольких тысяч до полумиллиона» [22, р. 6]. Традиционно использовавшиеся методы редко выявляли критические установки аудитории. Оказалось, что никто из респондентов, даже те, кто первоначально утверждал, что не пропустил ни слова, не прочел более половины газеты, в среднем же прочитывали не более 15% материалов. Первую страницу – обычно на ней размещались международные и внутривосточные новости – большинство пропускало; больше всего привлекали внимание карикатуры и фотографии [13, р. 106]. Некрологи читались чаще, чем анализ социальных и политических событий.

Во второй половине 1920-х, когда Гэллап приступил к изучению читательских интересов, комиксы уже были достаточно распространены в журналистике и рекламном бизнесе, однако научно установленных фактов их привлекательности не было. Гэллап установил, что значительному числу взрослых читателей комиксы интереснее, чем информация о главных событиях дня. Его работы стимулировали использование комиксов в рекламе. Это отмечал и Э. Стронг: «Пионерные исследования доктора Джорджа Гэллапа пролили значительный свет на читательский интерес к различным разделам газеты. Они показали, например, большую популярность комиксов, и, несомненно, благодаря им после 1931 года увеличилось использование комиксов в рекламе» [23].

После окончания университета, с 1929-го по 1931 год, Гэллап руководил отделением журналистики в частном Университете Дрейка (Drake University) в Де-Мойне. Согласно архивным материалам библиотеки Университета Дрейка в те годы студентам отделения журналистики предлагались следующие курсы: «Подготовка текстов и редактирование», «Управление газетным делом», «Тенденции развития журналистики» «Редактирование рекламы», «Создание рекламы», «Подготовка текстов для журналов», «История журналистики» и ряд других. В. Фридрикс отмечает, что Гэллап был единственным преподавателем журналистики в этом университете [24]. Таким образом, естественно допустить, что именно он читал все эти курсы.

В 1931 году Гэллап получил приглашение от Северо-Западного университета (Northwestern University), расположенного в городе Эванстоне (Evanston), вблизи Чикаго, и проработал там в течение года в относительно новой (созданной лишь в 1921 году) Школе журналистики Медилла (Medill School of Journalism). В 1931/1932 учебном году тридцатилетний профессор вел три курса [25].

Преподавательская деятельность Гэллапа продолжалась и тогда, когда он приобрел известность как исследователь рекламы и общественного мнения.

Сделанное Гэллапом в период завершения университета и последующие два-три года и в теоретико-методологическом, и в прикладном аспектах составляют значительную часть научных достижений в области изучения аудитории американской прессы. Он проскочил фазу ученичества и сра-

зу проявил себя самостоятельным аналитиком, способным решать сложные теоретико-инструментальные проблемы и получать результаты высокой практической значимости.

**«В области изучения рекламы Гэллалп
сделал больше всех нас вместе взятых»**

Я случайно обнаружил, что журнал «Time», десятилетиями писавший о Гэллале – аналитике общественного мнения, впервые написал о нем еще 13 июня 1932 года. Указывалось на то, что благодаря его исследованиям, рекламодатели и издатели открыли для себя новый способ повысить читаемость рекламы – публиковать ее в воскресных газетах в разделе комиксов [26]. Через месяц этот же журнал писал о новом проекте «известного исследователя рекламы доктора Джорджа Гэллала» [27] – изучении читателей журнала «Liberty».

Вклад Гэллала в создание арсенала методов исследования рекламного воздействия и обнаруженные им факторы повышения ее эффективности анализируются практически в любом исследовании современной американской рекламы. Ему отводится одно из первых мест в коротком списке имен суперпрофессионалов, превративших рекламу из скромного и узкоцелевого источника информации в значимый элемент глобальной коммуникационной культуры XX века. Конкретизируя это утверждение, приведу высказывания двух людей, прекрасно знавших и глубоко понимавших историю становления рекламной индустрии и потому имевших возможность адекватно оценить достижения Гэллала в этой области. Кроме того, они были знакомы с ним лично.

В 1976 году председатель юбилейной 40-й конференции Фонда исследований рекламы (Advertising Research Foundation) профессор Бенджамин Липстейн (Benjamin Lipstein, 1923–2016), признанный специалист по истории маркетинга и рекламы, включил Гэллала в число семи легендарных аналитиков, работы которых определили эволюцию этой исследовательской области [28]. После его смерти Липстейн писал, что Джордж Гэллалп был одним из великих генераторов идей в сфере изучения рекламы [29].

Дэвид Огилви, выступая в 1986 году с речью по случаю полувекowego юбилея названного Фонда, просуммировал:

«Гэллп сделал в области изучения рекламы больше всех нас вместе взятых» [30]. У Огилви были веские основания для подобного заявления.

В биографии Гэллпа, опубликованной в 1940 году, то есть задолго до того, как были признаны его ведущая роль в области опросов общественного мнения и его достижения в изучении рекламы, говорится: «В личной жизни доктор Гэллп, которого называют самым обсуждаемым человеком в мире рекламы, является вполне типичным, образцовым американцем» [31].

«Мне всегда нравилось изучать рекламу...»

Исследование читаемости журналов

Незадолго до смерти Гэллпа попросили: «Назовите, пожалуйста, область исследований, которая была источником вашего самого высокого удовлетворения или в которую, как вы считаете, вы внесли наиболее весомый вклад». Он ответил: «Пожалуй, это исследования общественного мнения. В 1935 году мы начали выпускать еженедельные отчеты о мнениях населения по важнейшим текущим социальным, политическим и экономическим проблемам. Сейчас мы делаем это в 30 странах мира. Но я всегда любил исследования рекламы. Ничто другое не бросает такого вызова вашим способностям. Перед каждым создателем рекламы стоит проблема. Решение проблем – это наивысшее в мире удовольствие. Одни вам удастся решить, другие – нет. Это восхитительная игра, и если бы мне пришлось прожить жизнь сначала, я не хотел бы, чтобы в ней не было исследований рекламы». И добавил: «Я полагаю, что у исследований рекламы грандиозное будущее. Сейчас мы лишь в начале этого пути, и если бы все начать еще раз, я вернулся бы в мир рекламы» [32]. Эти рассуждения проливают свет на многое, касающееся не только личной судьбы Гэллпа, но и становления современной практики изучения общественного мнения и развития социологической опросной технологии.

Интерес Гэллпа к рекламе возник рано, вполне возможно, что в начале 1980-х, отвечая на вопрос интервьюера о своих исследованиях рекламы, Гэллп и не помнил

о своем участии в написании книги, опубликованной более чем за полвека до этого, в 1927 году, в которой достаточно системно изложено понимание роли рекламы в газете и взгляд на саму рекламу [33]. Содержание и язык анализируемой книги свидетельствуют о том, что 25-летний Гэллап обладал четким представлением о задачах рекламного бизнеса и существовавших в то время общих подходах к их решению.

В называвшейся выше статье 1930 года о читательских интересах [22] Гэллап уже предстает опытным аналитиком, создавшим научно обоснованную процедуру изучения читателей газет. В следующем году обозначилась новая инструментальная проблема: можно ли с помощью его метода изучать отношение к журнальной рекламе? Серия опросов дала положительный ответ на этот вопрос.

В 1931 году Бернарр Макфадден (Bernarr Macfadden, 1868–1955), «отец» физической культуры», успешный бизнесмен, владелец журнала «Liberty», и группа издательств и рекламных агентств заказали Гэллапу, преподававшему в Северо-Западном университете, широкомасштабное исследование. Следовало определить интерес аудитории к рекламе и редакционным материалам, публиковавшимся в четырех журналах: «Collier's», «Saturday Evening Post», «Liberty» и «The Literary Digest». Каждый из них играл заметную роль в культурной жизни страны.

Выборка летних опросов 1931 года включала 15 000 домовладений в шести городах различных частей страны. Опрос проводился в течение недели в каждом городе. Респондентам прежде всего предъявлялись свежие номера журналов и задавался вопрос: «У вас есть эти номера?» В случае отрицательного ответа интервью завершалось. В случае положительного – респондентов спрашивали, читали или видели ли они каждый из журналов. Если респондент и здесь отвечал «да», то интервьюер просматривал вместе с ним весь номер и отмечал каждую рекламу, статью, редакционный материал, которые опрашиваемый определенно помнил. В каждом интервью использовался новый экземпляр журнала. Общий итог опроса: 3789 журналов с пометками о читаемости.

В силу новизны описанного метода журнал «Liberty» пригласил Ассоциацию национальных рекламодателей

(Association of National Advertisers, ANA) выступить в качестве наблюдателя исследования в целом, и в частности – полевых работ. Представителям ANA было разрешено участвовать в опросах во всех городах и наблюдать за всеми фазами сбора данных и их обработки. В отчет по исследованию Гэллап включил документ, который подтверждал, что сделанные выводы действительно базируются на собранных материалах [34]. Более того, сообщалось, что архив журналов с пометками о читаемости доступен для инспектирования. Полученные в этом исследовании данные о поведении читательской аудитории были интересны редакциям и рекламодателям; кроме того, Гэллапу удалось получить оригинальные научные результаты, позволившие по-новому увидеть некоторые психологические механизмы воздействия рекламы.

Гэллап выделил десять характеристик содержания и формы рекламы, которые, по мнению ее составителей, привлекали внимание читательской аудитории. Изучив по шесть номеров четырех популярных еженедельников, он ранжировал эти характеристики по частоте встречаемости. Таким образом была построена модель апелляции рекламы к потенциальному потребителю. На первых местах оказались указания на экономичность и эффективность рекламируемого продукта, а на последних – апелляция к полу читателя и претенциозность самой рекламы. В ходе интервью с читателями выяснялось, какие атрибуты лучше запоминаются. Оказалось, что у читателей свое понимание языка рекламы, не совпадающее с пониманием ее создателей, и что механизмы запоминания заметно детерминированы полом [35, р. 138].

Это исследование Гэллапа выходит за рамки собственно рекламной тематики, судя по всему, это один из первых опытов социологического измерения эффективности масс-коммуникационного воздействия. Он показал существование различий между целями коммуникатора (в данном случае – заказчика рекламы и ее создателя) и результатом – осуществляемым им коммуникационным воздействием. Одновременно с опросом использовалась простейшая схема контент-анализа рекламы. Осуществляя, таким образом, маркетинговые замеры, Гэллап намного опередил социологические исследования эффективности средств массовой коммуникации.

Результаты Гэллапа были опубликованы в марте 1932 года в высокоавторитетном журнале «Printers' Ink». Другой известный в рекламной индустрии журнал «Advertising & Selling» писал про Гэллапа: «...этот новичок в мире рекламы и маркетинга предложил пути решения, вероятно, наиболее обсуждаемой проблемы дня» [35, р. 138]. Методы Гэллапа позволяли увидеть незнакомые тогда науке и практике механизмы воздействия рекламы и тем самым открывали новые направления повышения ее эффективности. Эти результаты сделали Гэллапу имя в мире рекламы: неизвестный ранее профессор возглавил списки «наиболее желаемых персон» для ряда рекламных агентств [36, р. 44].

Говоря о ранних исследованиях Гэллапом рекламы, историки нередко называют публикацию, посвященную анализу аудитории «Liberty» и других журналов. Но в каталоге Библиотеки конгресса есть еще две небольшие книги Гэллапа об эффективности рекламы. В одной из них (1932 год) рассмотрены факторы, воздействующие на интерес читателей к рекламе [37], в другой (1933 год) проанализированы особенности пространства воскресных газет, перспективного с точки зрения размещения рекламы [38]. Ни в литературе по истории рекламы, ни в материалах о творчестве Гэллапа ссылки на эти публикации мне не встречались.

Изучение киноаудитории

Анализ деятельности Гэллапа в агентстве «Young & Rubicam» будет дан в следующем параграфе. Но исследованием рекламы он занимался, не только работая в этой организации. Он активно консультировал, особенно в 1930-е годы, различные структуры, а также создал две фирмы, внесшие значительный вклад в развитие методологии и методов изучения рекламы. Первой из них был Институт изучения аудитории (Audience Research Institute, ARI).

Еще недавно о деятельности Гэллапа по изучению киноаудитории было известно крайне мало. Ситуация коренным образом изменилась с выходом в 2006 году монографии Сьюзен Омер [39], которой удалось воссоздать в деталях работу Гэллапа по этой тематике и достаточно полно охарактеризовать его достижения в данной области. Не рассма-

тривая подробно выводы Омер, замечу, что они позволяют более детально проследить происхождение научных методов, применявшихся при исследовании рекламы, и принципиально углубляют представление о научном наследии Гэллапа.

Мысль об изучении киноаудитории возникла у Гэллапа на рубеже 1934–1935 годов, когда он пытался глубже проникнуть в природу созданной им технологии изучения эффективности рекламы и одновременно стремился к расширению сферы применения разработанных им методов. Гэллап чувствовал, что при изучении кино встретится с абсолютно новыми инструментальными задачами и в случае успеха освоит представлявшуюся ему перспективной нишу маркетинговых разработок. Через многие годы он скажет: «Это была своего рода исследовательская мечта, ибо каждый аспект этой темы открывал новую проблему, о которой никто даже никогда не думал и в отношении которой ничего не делалось» [39, р. 78]. Его предупреждали: «...вы можете изучать политику, товары, рекламу и разные другие темы, но... в области движущихся картинок исследованиям нет места» [39, р. 78]. Гэллап доказал свою правоту и во многом изменил киноиндустрию Америки.

В 1934 году Y&R начала рекламную серию на радио под названием «45 минут в Голливуде»: звезды кино рассказывали о новых фильмах, в которых они снимались, а затем актеры разыгрывали сценки из этих фильмов. Успех этой кампании позволил фирме установить контакты с ведущими продюсерами Голливуда, открыть там свой филиал и начать переговоры о постоянном сотрудничестве, в частности, о проведении опросов зрителей. Важно, что при создании ARI Гэллап получил всяческую помощь со стороны руководителей Y&R: Раймод Рубикам (Raymond Rubicam, 1892–1978) стал председателем Совета ARI, Сигурд Лармон (Sigurd S. Larmon (1892–1987), занял пост директора. Они оказали Гэллапу и финансовую помощь. Их присутствие в Совете ARI помогло Гэллапу в установлении контактов с состоятельными инвесторами. В частности, им стал один из богатейших людей страны Джон Уитни (John Hay Whitney, 1904–1982), потомок одного из тех, кто первым прибыл в Америку в 1635 году на корабле «Мейфлауэр» («Mayflower»). Уитни принадлежала крупнейшая компа-

ния по производству фильмов «Technicolor», и он был главным инвестором Дэвида Селзника (David O. Selznick, 1902–1965), продюсера «Унесенных ветром» и других известных картин. Итак, современные исследования киноаудитории выросли из методологии изучения рекламы и стали возможными благодаря активности представителей мира рекламы и бизнес-элиты.

Первое, с чем пришлось встретиться Гэллапу, это с отсутствием информации о том, кто ходит в кино. В начале декабря 1936 года, при изучении отношения американцев к переизбранию Рузвельта, он включил в интервью вопросы: «Вы ходите в кино?» «Как часто?» «Кто ваш любимый актер?» «Кто ваша любимая актриса?» В различных формулировках вопрос о регулярности посещения кинотеатров задавался 19 раз с конца 1936 до конца 1940 года. В результате Гэллап определил параметры киноаудитории (чего до него никто не делал) и, в частности, установил, что значительную часть американцев кино не интересует.

По инициативе Уитни в 1936 году Гэллап начал изучение отношения зрителей к цветному кино. Тогда ни в среде производителей фильмов, ни у аудитории, однозначного мнения по этому поводу не было. Зондажи Гэллапа не внесли ясности в этот вопрос. Кинопрокатчики поставили перед ним еще одну проблему: сколько фильмов показывать за один сеанс – два или один? В августе 1940 года были опубликованы цифры: 57 процентов публики были против показа двух фильмов, 43 процента – за. Эти цифры вызвали у производителей фильмов и прокатчиков сложные, противоречивые реакции. Возникла необходимость уточнить методы измерения зрительских установок, всплыли проблемы надежности статистических данных о прокате и зрительской активности, предоставляемых соответствующими структурами. Все это отражало борьбу влиятельных групп в киноиндустрии, по-разному видевших пути развития кинематографа как элемента культуры и сферы бизнеса. В целом, деятельность Гэллапа выявила множество вопросов для всестороннего анализа поведения кинозрителя, во многом изменила взгляд руководителей киноиндустрии и продюсеров на аудиторию, привела к разработке методов, используемых и сегодня.

«Gallup & Robinson»

В 1947 году Гэллап оставил пост вице-президента Y&R и в 1948 году вместе с давним другом Клодом Робинсоном (Claude Robinson, 1900–1961), выдающимся аналитиком и менеджером, открыл в Принстоне фирму «Gallup & Robinson» по изучению рекламы. Причин этого было много, и их можно собрать в две группы. С одной стороны, они оба в течение ряда лет работали над созданием новой технологии тестирования рекламы, названной ими «Impact» («Импульс»), и, осознав ее достоинства, решили положить этот метод в основание собственного маркетингового агентства. С другой – они оба понимали, что известность исследователям приносит опросы общественного мнения, но, как говорят американцы, «намазывать джем на хлеб» можно, лишь изучая рынок.

Принципиальная схема метода «Impact», разработанная для изучения восприятия журнальной рекламы, выглядела следующим образом. Выборка включала 150 человек в возрасте от 18 лет и старше. Участники опроса отбирались в десяти крупных городах по всей территории США. К интервью допускались респонденты, которые еще не видели нового номера тестируемого журнала, но читали два предыдущих номера или были знакомы с другими изданиями того же типа. Накануне опроса респондентам доставляли последний выпуск журнала с просьбой прочесть его в день доставки и не открывать в день интервью. О характере интервью ничего не сообщалось.

Сначала выяснялось, прочел ли респондент журнал; если он это сделал, то ему зачитывали перечень рекламных материалов из изучаемого номера и просили назвать те, которые ему запомнились. Далее следовала серия из семи «impact»-вопросов (шесть из которых – открытые), позволявших судить об отношении респондента к запомнившейся рекламе. В итоге для каждой из тестируемых реклам вычислялись показатели эффективности. Первый показатель – это процент респондентов, тщательно описавших рекламу; он указывал на степень ее привлекательности. Второй – распределение ответов относительно привлекательности предлагавшихся товаров и реакций респондентов на рекламу; этот показатель определял спектр идей и чувств, порождавшихся ею. Наконец, третий – распределение ответов о том, а какой мере реклама побуждает

к приобретению товара; этот показатель характеризовал убеждающую способность рекламы.

В одном из своих поздних интервью Гэллап вспоминал, что серия экспериментов была проведена в конце 1930-х – начале 1940-х годов [40]. Затем в течение двух лет Y&R испытывал метод, работая с журналом «Life», а Робинсон – изучал рекламу журнала «Space». В 1951 году после четырех лет испытаний «Impact» стал применяться для изучения телевизионной рекламы.

Большинство бизнес-начинаний Гэллапа и Робинсона были чрезвычайно успешными. Не является исключением и создание ими фирмы «Gallup & Robinson». Компания существует уже свыше полвека; она использует «Impact» для анализа журнальной, радио- и телевизионной рекламы и за прошедшие годы протестировала свыше 200 тысяч рекламных объявлений [41].

Полвека изучения эффективности рекламы

К своим тридцати годам Гэллап сделал немало: он получил высшую американскую научную степень, накопил многолетний опыт журналистской, редакторской, а также преподавательской работы, разработал эффективные приемы изучения читательских интересов. Его имя было известно в академических кругах и в среде газетно-журнального и рекламного бизнеса. Многие рекламные агентства предлагали ему интересную и хорошо оплачиваемую работу.

В будущем перед ним открывались три возможности. Первое: продолжить преподавательскую деятельность, совмещая ее с выполнением исследовательских проектов и консультированием бизнес-структур. Второе: сосредоточиться на углубленных, долгосрочных проектах и публиковать результаты в научных журналах и академических изданиях. Третье: создать исследовательскую фирму и развивать собственное дело. Но все произошло иначе: Раймонд Рубикам, тогда – президент нью-йоркского рекламного агентства «Young & Rubicam», пригласил Гэллапа возглавить в его агентстве исследовательский отдел.

Сара Ван Аллен (Sarah Van Allen), многие годы бывшая секретарем Гэллапа, пишет, что Рубикам решил позна-

комиться с ним после прочтения его статьи «Guesswork Eliminated in New Method for Determining Reader Interest» («Новый метод устранения неопределенности при выявлении читательских предпочтений»), опубликованной 8 февраля 1930 года в журнале «Editor & Publisher» [42]. В методах и результатах проведенных Гэллапом еще в Айове исследований Рубикам увидел опыт, почувствовал высокий научный потенциал и оценил творческую активность молодого ученого, высоко котирующуюся в американском деловом мире.

Несколько иначе развивает тему знакомства Рубикама и Гэллапа С. Омер. Согласно ее версии Макфадден размножил отчет Гэллапа об описанном выше исследовании четырех журналов, проведенном в 1931 году, и в марте 1932-го разослал тысячу экземпляров ведущим специалистам рекламной отрасли. Более того, с октября 1931 по июнь 1932 года он оплачивал целиком рекламную страницу в каждом втором выпуске еженедельника «Advertising Age», отмечая, что согласно выводам Гэллапа публиковать рекламу в «Liberty» выгоднее, чем в ином журнале. В январе 1932 года Американская ассоциация школ и отделений журналистики (American Association of Schools and Departments of Journalism) пригласила Гэллапа выступить на ее ежегодном собрании. Его доклад стал основой серии статей, опубликованных журналом «Editor & Publisher», в которых специалисты очень высоко отзывались о достоинствах метода Гэллапа. Как отмечает Омер, не успели высохнуть чернила в «Editor & Publisher», как известная английская фирма «Lever Brothers» пригласила Гэллапа оценить эффективность их рекламы элитного женского мыла Lux. Рекламная кампания осуществлялась фирмой «J. Walter Thompson» по плану выдающегося копирайтера Хелен Ризор (Helen Lansdowne Resor, 1886–1964), жены владельца фирмы Стэнли Ризора. На определенном этапе в рекламе мыла участвовали известные актрисы Голливуда, так что это была первая встреча Гэллапа со звездами кино. Для проверки эффективности рекламы агентство «J. Walter Thompson» использовало различные методы, в том числе – «метод Гэллапа». Уже в начале 1930-х в рекламном мире имя Гэллапа становилось брендом.

В начале 1932 года Гэллап (ему был 31 год) встречался в Нью-Йорке с рядом руководителей рекламных фирм, в том числе, отмечает С. Омер, с Р. Рубикамом [39, р. 38]. Эта встреча убедила Гэллапа в том, что Раймонд Рубикам действительно понимал значение исследований и Гэллап сразу принял приглашение возглавить первый в индустрии полновесный отдел по изучению рекламы (Copy Research Department). Через три десятилетия Гэллап вспоминал: «Раймонд Рубикам испытывал больший, чем все остальные, интеллектуальный интерес к тому, как работает реклама, и он предоставил мне такую свободу, какая, я полагаю, была невозможна в мире бизнеса» [39, р. 38].

При всем различии версий Аллен и Омер они не противоречат друг другу, но, возможно, дополняют одна другую. Не исключено, что Рубикам читал работу Гэллапа 1930 года, запомнил его фамилию и общие выводы. А после успеха Гэллапа в изучении аудитории четырех журналов решил создать «под него» исследовательский отдел. Мне показалось важным столь подробно рассмотреть ситуацию знакомства Гэллапа и Рубикама не для того, чтобы просто восстановить картину прошлого, но чтобы сделать один важный историко-научоведческий вывод. В начале 1930-х годов лидеры рекламы пристально следили за развитием научных исследований, а аналитики – стремились помочь им в раскрытии тайны эффективной рекламы. В письме Сюзен Омер я отметил плодотворность ее версии начала сотрудничества Рубикама и Гэллапа, ибо она указывает на существование уже в те годы глубокой и многомерной сети, объединявшей людей из мира бизнеса, рекламы и науки. Она согласилась с моим выводом о наличии такой сети и добавила: «И чем больше мы будем исследовать ее, тем лучше» [43].

Перед Гэллапом была поставлена задача – выявить все, что объясняет работу рекламы, и найти пути повышения ее эффективности. Последующие 15 лет он не имел другой цели. Он мог сам определять направления и формы своей исследовательской деятельности, и, по его словам, у него всегда было достаточно денег для экспериментов. Когда Гэллап приходил с новыми результатами, Рубикам собирал ведущих специалистов, и они обсуждали находки до часу ночи. Гэллап никогда не сожалел о том, что оставил академическую жизнь.

Результаты исследований Гэллапа, связанные с восприятием рекламы, были открытиями в буквальном смысле этого слова: они открывали не известные до этого науке и практике механизмы воздействия на человеческое сознание. Философ американской рекламы и тончайший стилист Уильям Бернбах, которого очень высоко ценил Огилви, говорил, что гиганты рекламы – поэты, они воспаряют над фактами в мир идей и воображения. В полной мере эти слова относятся к Рубикаму и Огилви, которые «воспаряли над фактами», полученными Гэллапом.

Для повышения читаемости и запоминаемости рекламы Гэллап предложил множество конкретных приемов: использовать в рекламе юмор; структурировать тексты подзаголовками; применять разные шрифты и прямоугольные картинки; вводить в текст небольшие вводные параграфы; делать рекламные слоганы короткими, не более 11 слов; оставлять свободные места для полей, «красных строк» и прочего, а не «забивать» все текстом и т. д. Каждое слово в рекламе, говорил Гэллап, должно быть значимым. Вместо расплывчатых обещаний должны быть конкретные цифры, общие фразы должны уступить место фактам, а пустые уговоры – заманчивым предложениям. Он показал, что двухуровневые аргументы типа «как... так и...» могут привести к непониманию текста; что фотографии воспринимаются лучше других видов иллюстраций, однако высокохудожественные фото, премируемые профессиональными клубами, не работают в рекламе – там требуется нечто простое и возбуждающее любопытство. Рекламу, заявляющую: «Наш продукт – самый лучший в мире», Гэллап называл brag and boost – пустым бахвальством.

Все эти «тихие» подсказки высоко ценились создателями рекламы и сразу брались ими на вооружение. Гэллапу удалось синтезировать свой уникальный опыт журналиста и исследователя и сделать так, что результатам его измерений верили, а его предложения – использовали. Агентство Y&R предприняло множество инновационных проектов и убедилось в том, что рекомендации Гэллапа плодотворны на всех фазах маркетинговой деятельности.

Исследования рекламы – это вид прикладных социологических и социально-психологических исследований, их важнейшая цель – увеличить прибыль рекламодателя и ре-

кламного агентства. Примечательно следующее замечание Огилви. «Когда в 1930-е годы Джордж Гэллап был директором по исследованиям в Y&R, он не только измерял читаемость рекламы, но и анализировал те причины, по которым она привлекает внимание. Он выявил наиболее эффективные технологии конструирования рекламы. Вскоре после начала работы реклама Y&R читалась большим числом людей, чем реклама других агентств» [44, р. 16]. Эффект от предложений Гэллапа был очевидным: в 1927 году доходы агентства составляли 6 миллионов долларов, в 1935-м – 12 миллионов, в 1937-м – 22 миллиона. По данным исследований Старча, в течение десяти лет после прихода Гэллапа в Y&R журнальная реклама этой фирмы опережала рекламу всех других фирм по уровню внимания читателей в расчете на затраченный доллар [36, р. 44].

А вот что писал Гэллап: «В Y&R была организована общенациональная сеть интервьюеров для получения данных о читаемости и привлекательности рекламы в ведущих журналах... через несколько лет мы смогли обеспечить в среднем в три раза бóльшую читаемость нашей рекламы в расчете на один затраченный доллар, чем другие компании, размещавшие свою рекламу в тех же журналах и в то же время» [20, р. 49].

Гэллап доказал эффективность предварительного тестирования рекламы. В частности, в одной из своих последних статей он писал: «Даже простые методы показывают, что в пересчете на произведенные затраты самая лучшая реклама любого товара в двадцать раз лучше самой плохой рекламы. Разве из столь значительной разницы между наилучшей и наихудшей рекламой не следует вывод, что нужно активно совершенствовать измерение эффективности рекламы?» [20, р. 9].

Помня о требованиях, называемых «бритва Оккама», Гэллап стремился к поиску простых объяснений воздействия рекламы; он говорил: «Никогда не ищи сложное объяснение там, где действует простое». Чтобы объяснить работу рекламы, Гэллап рисовал схему в виде равнобедренного треугольника, вершины которого обозначены как «потребность», «товар» и «цена». Потребитель старается найти баланс между данными тремя факторами, а реклама является важнейшей коммуникационной составляю-

щей этого процесса. Она должна показать покупателю, обладающему определенным набором осознаваемых или латентных потребностей, что данный продукт или услуга могут эти потребности удовлетворить. Цена обычно в рекламе не указывалась, так как была различна в разных частях страны и в разное время года; решение о покупке было следствием соотнесения глубины потребности и совокупных свойств продукта. Подводя итоги, Гэллп подчеркивал необходимость глубокого и направленного изучения потребностей, чтобы действительно помочь создателям рекламы [45, р. 8–10].

Исследования Гэллапа были эффективными в фактологическом отношении – он нашел множество приемов, усиливающих воздействие рекламы. Это указывает на их метрологическую состоятельность: измерительный прибор, созданный первым поколением исследователей рекламы при активном участии Гэллапа, работал верно. Применявшаяся им и его коллегами опросная технология действительно отражала мнения людей и позволяла делать обоснованные выводы об их потребительском поведении. Решая повседневные задачи рекламного бизнеса, Гэллп сделал вывод общенаучного значения: если его технология успешно тестирует мнения в маркетинговых опросах, то она применима и при изучении иных сфер социальных отношений.

Крайне редко историки маркетинговых исследований отмечают еще один вклад Гэллапа в эту область: он одним из первых приступил к изучению рекламы как социального института. В статье гарвардских специалистов Р. Бауэра и С. Грейзера, опубликованной без малого сорок лет назад, отмечалось, что, хотя к тому времени было проведено бесчисленное количество исследований потребительских реакций на рекламу отдельных товаров и фирм, «при поисках специальной литературы... было обнаружено мало исследований, сфокусированных на отношении людей к рекламе как институту. Еще меньше было исследований, которые систематически выявляли бы различные аспекты образа рекламы или мнения о них достаточно больших групп населения» [46]. Первой среди подобных работ отмечается проект 1938–1939 годов известного гарвардского специалиста по экономике рекламы Нейла Бордена (Neil Hopper Borden, 1895–1980)

[47]. Затем называются опросы Гэллапа, проведенные на рубеже 1930–1940-х и в 1959 году. Первая серия этих опросов выявила высокий уровень негативных установок по отношению к рекламе. Но в 1959 году трем четвертям опрошенных (75%) реклама нравилась и 80% говорили, что она способствует развитию экономики страны, поскольку увеличивает объем продаж [48].

* * *

История распорядилась так, что Гэллап – исследователь рекламы оказался в глубокой тени Гэллапа – аналитика общественного мнения. Понять это можно. Действительно, опросы, которые во многих странах называются «гэллапами», стали видимой частью политической, культурной жизни современного глобального общества, тогда как методология изучения рекламы была и остается делом относительно небольшой группы специалистов. Хотя многое из найденного Гэллапом легло в основу науки о рекламе и развивается в текущей деятельности «Young & Rubicam», «Gallup & Robinson» и других американских рекламных фирм, сегодня эти достижения оторваны от имени Гэллапа. И все же следует отчетливо понимать, что Гэллап отдал изучению рекламы полвека; он не только обогатил исследовательскую практику «методом Гэллапа» и огромным множеством частных приемов повышения рекламного воздействия на человека, но и стремился проводить глубинные научные исследования, например, сознания потребителей. В статье 1974 года «How Advertising Works» («Как работает реклама»), в которой он подводил итоги своей работы в этой области, Гэллап писал о малопродуктивных годах, которые были потрачены на выделение и взвешивание факторов, влияющих на решение о покупке. Он призывал «переходить от концепции продажи к концепции обслуживания, от торговли вразнос – к удовлетворению реальных потребностей покупателей, и тогда профессия рекламиста непременно вырастет в глазах общества, качеству товаров будет уделяться больше внимания, а сама реклама станет эффективней и будет выполнять более важную функцию в нашей рыночной экономике» [45, p. 11]).

Общественное мнение. От идеи к триумфу

Во многих учебниках по социологии и во всех книгах по истории исследований общественного мнения говорится о том, что молодой и малоизвестный ученый Джордж Гэллап, опросив в ходе президентской компании 1936 года несколько тысяч человек по всей Америке, верно предсказал переизбрание Франклина Рузвельта. В то же время журнал «The Literary Digest», разослав 10 миллионов опросных листов владельцам телефонов и автомобилей и получив 2 376 523 ответов, предсказал победу Альфреда Лэндона. В целом это утверждение верно, но вырванное из исторического контекста оно крайне упрощает, обедняет научное достижение Гэллапа, создает предпосылки к тому, чтобы в сделанном им видеть не результат огромной работы одного из крупнейших уже в то время аналитиков массовых установок, но итог счастливого стечения обстоятельств, везение. Из сказанного выше следует, что Гэллапа нельзя было называть малоизвестным: более чем десятилетие изучения читательских интересов на базе собственной измерительной технологии сделало его легендой в мире создателей рекламы и признанным специалистом в сообществе исследователей рынка. Но и это не все. Триумф 1936 года – это еще и ответ на вызовы далекого прошлого, и проявление гэллаповского стремления к развитию демократии.

Поиски нового

В начале 1930-х годов Гэллап одновременно с проведением многофакторного анализа рекламного воздействия конкретизирует и интенсифицирует свои поиски и эксперименты в области измерения политических установок и электорального поведения. В те годы эта тематика была лишь оконтурена социальными философами, точно прозондирована социальными психологами и представлялась значимой только узкому кругу политических аналитиков и политиков высшего ранга. Она еще не существовала как нечто самостоятельное, не была прописана в системе теоретико-эмпирических социальных наук и не имела названия. Это была почти целинная территория на стыке журналисти-

ки, политических исследований, психологического изучения личности и анализа поведения потребителя.

Почему Гэллап обратил на нее внимание? Что могло стимулировать его интерес к ней? Прежде всего, замечу, что его движение в сторону измерения общественного мнения не было отрицанием собственного прошлого опыта, наоборот, как было показано выше, все сделанное ранее сохранялось и развивалось. Возникновение нового направления его деятельности не было и следствием игры случая. В своей профессиональной философии Гэллап был романтиком, но одновременно и человеком высочайшего уровня самодисциплины; его ценностный мир не впускал случайного, инородного, «чужого». Изучение общественного мнения притягивало Гэллапа в силу следующих важных социальных и методолого-инструментальных обстоятельств. Как журналист, обладавший обостренным социальным мышлением, он понимал, что это отвечает духу и потребностям американской социальной системы, что измерение социальных установок нужно и обществу, и самому общественному мнению. Как исследователь прессы и читательских ориентаций он видел, что соломенные опросы «The Literary Digest», херстовской прессы и других изданий хотя и противоречили гэллаповскому пониманию научности, приучили политическую элиту и социально активные группы населения к информации об общественном мнении; этот вид социальной статистики имел высокий читательский рейтинг, и многие газеты и журналы были заинтересованы в публикации результатов опросов.

Представления Гэллапа об измерительном инструментарии и процедурах, результаты собственных исследований читательской аудитории убеждали его в том, что проводившиеся прессой соломенные опросы с их огромной, но нерепрезентативной выборкой не отвечают метрологическим критериям науки. Это понимали немногие. К тому же Гэллап принадлежал к узкой группе специалистов, способных не только критически оценить технологию соломенных опросов, но и предложить нечто более совершенное. Таким образом, понимание Гэллапом социальной значимости изучения общественного мнения и усиливавшаяся в нем уверенность в рабочих свойствах научных методов изучения рынка легли в основу его теоретической и организацион-

ной деятельности по созданию технологии измерения общественного мнения.

Успешность рекламных акций Y&R доказывала Гэллапу верность всей цепочки логических и инструментальных действий, которые вели к формулировке теоретико-эмпирических заключений относительно эффектов воздействия рекламы. Он мог убедиться в том, что его технология сбора данных действительно отражала мнения людей и позволяла делать обоснованные, подтверждаемые практикой заключения об их потребительском поведении. Другими словами, каждодневно решая задачи рекламного бизнеса, Гэллалп сделал вывод общенаучного значения: технология, эффективно тестирующая мнения при маркетинговых опросах, может успешно применяться и при измерении мнений населения относительно социальных проблем.

Признавая важность изучения мнений электората и ставя перед собой задачу создания соответствующей измерительной технологии, Гэллалп мог двигаться разными путями. Однако его классическое образование в области прикладной психологии, глубокое согласие с бэконовской интерпретацией роли эмпирических методов в науке, собственный исследовательский опыт позволяли ему четко обозначить направленность собственного движения. Во-первых, то, что он искал, должно было обеспечить значительно более высокое – в сравнении с соломенными опросами – качество первичной информации. Во-вторых, все элементы измерительной цепи должны были контролироваться исследователем. И в-третьих, сбор данных должен был проводиться в течение не месяцев, а, по крайней мере, недель, ведь новизна информации представляет высочайшую ценность для издателя и читателя. Совместив эти критерии, Гэллалп решил, что методика личных интервью по месту жительства может стать основой, ядром технологии регулярного общенационального зондирования мнений. Через много лет, вспоминая начало своей новой деятельности, Гэллалп говорил о том, что это было следствием объединения многих обстоятельств, «конгломератом многих идей» [14, p. 99].

Безусловно, Гэллалп видел и многочисленные барьеры на пути реализации своего замысла. Ему приходилось постоянно решать множество самых разных теоретических,

методических и организационных вопросов. Ниже будет кратко рассказано о сделанном Гэллапом в первой половине 1930-х годов, в самом начале его деятельности по изучению общественного мнения.

От городского собрания Новой Англи к гэллаповскому городскому собранию

Выше говорилось, что патриарх огромной американской семьи Гэллап Джон Галлоп прибыл в Америку в 1630 году на корабле «Mary and John». В некоторых исторических документах это судно называют по имени одного из пассажиров этого рейса кораблем Роджера Ладлоу (Roger Ludlow, 1590–1666). Ладлоу имел юридическое образование и был успешным политиком и убежденным пуританином. Среди первых поселенцев Америки он был очень известен; в 1634 году его избрали заместителем губернатора Массачусетской колонии. Ладлоу оставил яркий след в истории освоения Нового Света как один из создателей штата Коннектикут и как человек, заложивший основы политической и правовой системы США [49].

8 октября 1633 года Ладлоу основал в Дорчестере форму самоуправления, которая стала называться городским собранием (town meeting) Новой Англи, или Массачусетским городским собранием. Этот форум классифицируется как «самая чистая форма демократии». Собранию принадлежало право решения всех вопросов жизни общины за исключением тех, что входили в компетенцию руководства Содружества штатов и администрации, представлявшей интересы Англии. Другие города вскоре переняли эту форму управления, и в 1638 году она была официально признана как элемент организации власти в колониях. В XVII и XVIII веках «городское собрание» одновременно являлось властным институтом, каналом формирования общественного мнения и исследовательской лабораторией, в которой сами участники дискуссий выявляли всю гамму мнений по обсуждавшимся вопросам, анализировали их и обобщали в виде рекомендаций для принятия решений.

Таким образом, анализ изучения общественного мнения в США следует начинать с Массачусетского городского со-

брания. Тем более это естественно и необходимо делать при исследовании научного наследия Гэллапа. Здесь мы встречаемся с уникальной для науковедения ситуацией, когда деятельность ученого оказывается теснейшим образом связанной с прошлым его семьи.

Человеком, давшим Гэллапу возможность глубоко понять и оценить роль городского собрания Новой Англии, был выдающийся английский историк и юрист, социолог и этнограф, государственный и политический деятель, литератор и путешественник лорд Джеймс Брайс (James Bryce, 1838–1922). На протяжении нескольких десятилетий Гэллап отмечал, что его взгляды на роль общественного мнения как инструмента демократии и общие направления его методолого-методических решений в наиболее существенных аспектах непосредственно связаны с политико-историческими идеями Брайса. Выводы Брайса были для Гэллапа не только рациональной основой исследований. Размышления и суждения Брайса стали частью гэллаповской философии творчества и жизненной философии. Гэллап вел многолетний, нескончаемый и очень для него продуктивный внутренний диалог с Брайсом. Складывается ощущение, что брайсовские историко-социальные концепции не только давали Гэллапу импульсы для деятельности; они были для него источником долгосрочных планов в области изучения общественного мнения.

Интересный историко-биографический факт: подводя итоги сделанного – то ли в рамках определенного направления, то ли в течение определенного периода времени, Гэллап часто цитировал Брайса; для Гэллапа это было в равной мере необходимо и в собственно научном, и в нравственном отношении. В конце 1937 года, выступая перед участниками высшего форума Американской статистической ассоциации, Гэллап говорил о Брайсе как о «великом англичанине», обнаружившем в общественном мнении огромные возможности для развития демократии в Америке, но оставившемся перед инструментальными проблемами выявления мнений [50]. Многие страницы наиболее известной гэллаповской книги «The Pulse of Democracy» («Пульс демократии») [51] посвящены анализу концепций и выводов Брайса. В 1942 году в статье, суммирующей опыт первых семи лет изучения общественного мнения [52], Гэллап явно

обозначил связь своей методологии и технологии с идеями Брайса. То же прослеживается и в ряде более поздних статей. В 1984 году, за несколько месяцев до смерти, Гэллап, получая дорожную для него награду от штата Айова, подчеркнул связь своих многолетних исследований общественного мнения с идеями Брайса о демократии [53]. В некрологе Гэллапу, написанном Альбертом Кэнтрилом, сказано: «Интеллектуальные корни того огромного дела, которому он посвятил свою энергию, обнаруживаются в работах Джеймса Брайса, которого он очень часто цитировал» [54].

В 1870 году Брайс, будучи уже известным ученым и литератором, впервые посетил США, где пробыл почти год. В 1881 и 1883 годах он продолжил путешествие по Америке и посетил многие районы страны. Он жил в семьях политиков, бизнесменов, образованных и влиятельных людей и использовал все возможности для интервьюирования простых американцев, встречавшихся на его пути. Свои наблюдения и обобщения Брайс изложил в книге «The American Commonwealth» («Американское содружество»), вышедшей в Англии в декабре 1888 года в трех томах. Она сразу была признана классикой [55].

Эта книга Брайса интересна во многих отношениях, но сейчас выделим лишь одно обстоятельство: в ней представлены четыре формы (стадии) развития западной демократии и сформулированы идеи о роли общественного мнения в структуре американской системы власти [56].

Первая форма – это «первичные ассоциации», различные виды прямой демократии, существовавшие в Древней Греции и в ранних тевтонских племенах. Нечто подобное Брайс видел в ряде кантонов Швейцарии и в городском собрании Новой Англии; швейцарскую и американскую формы прямой демократии он называл «самой совершенной школой самоуправления из существующих в современных странах» [56, р. 276].

Вторую форму демократии Брайс обнаружил в различных моделях представительной власти, в частности в системе государственного устройства Англии. Парламентарии могли спокойно, без давления сверху и снизу, обсуждать важнейшие проблемы страны и погружаться в суть происходившего значительно более глубоко, чем большинство населения.

Третья форма – это «нечто промежуточное между первыми двумя». Она могла рассматриваться «как попытка распространить принципы первичных форм прямой демократии на большие страны или как развитие представительной системы власти в сторону прямого участия населения в управлении». Эту форму Брайс обнаружил в организации власти в крупных территориально-административных единицах США [56, р. 256]. Согласно Брайсу, система власти в США в наибольшей мере отвечала тому, что он называл «управлением, осуществляемым общественным мнением». Общественное мнение, писал Брайс, это ключ, открывающий любые двери, оно – мощный источник власти, оно – «хозяин слуг, трепещущих перед ним» [56, р. 257].

В 80-х годах XIX века Брайс обнаружил ростки четвертой формы развития демократии: «Четвертая стадия будет достигнута, если воля большинства граждан будет известна в любой момент времени, причем без прохождения через органы представительной власти и даже без необходимости голосования» [56, р. 250]. При этом влияние общественного мнения на жизнь общества было бы более последовательным, регулярным и, следовательно, более полным.

В американской политической реальности Брайс выделил два принципиальных обстоятельства. Первое: наличие в стране общественного мнения, в частности развитость прессы, стремление людей обсуждать общественно важные проблемы и их многолетний опыт участия в избирательных кампаниях. Второе: усиление тенденции к прямым формам сотрудничества власти с общественным мнением, что проявлялось уже в городском собрании Новой Англии.

Брайс восхищался швейцарской моделью демократии, но одновременно понимал, что в огромной Америке с быстро растущей численностью населения референдумы практически неосуществимы. Не зная о возможностях выборочных методов, он не смог предложить решение проблемы непрерывного анализа общественного мнения. Поэтому он говорил о «механических трудностях», стоявших на пути развития демократии типа «управление от лица общественного мнения» и препятствовавших движению к демократии типа «правление общественного мнения» [56, р. 250–251].

Обращаясь к этому вопросу через сто лет после Брайса, Гэллап соглашался с его высокой оценкой швейцарской

модели демократии, но не связывал ее с размерами страны. Он писал, что объяснение эффективности государственного управления в Швейцарии «не может быть найдено в малой численности ее населения. Теоретически рассуждая, Швейцария должна быть признана одной из самых сложных для управления стран: с тремя государственными языками и двумя негосударственными. Кантоны придерживаются своих законодательных систем и традиций в течение веков, поскольку отделены друг от друга горами» [57].

Брайс был Гэллапу ближе других мыслителей, социальных философов, размышлявших об общественном мнении: ему была необходима методологическая база не просто для теоретического осмысления феноменологии массовых установок, а прежде всего для исследовательской практики. Утверждение Брайса о том, что демократия не может существовать без измерения общественного мнения, отвечало мировоззрению, социальным представлениям Гэллапа. Согласен Гэллап был и с брайсовской оценкой Массачусетского городского собрания, ему импонировало то, что «люди собирались в одной комнате, чтобы обсудить вопросы жизни общины и проголосовать по ним». Он писал: «Это был свободный обмен мнениями в присутствии всех членов общины. Городское собрание было простой и эффективной формой выражения общественного мнения, и решения, принятые собранием, отражали общественную волю» [Цит. по: 58].

Для Гэллапа, как и для Брайса, важно было не просто признать существование общественного мнения; принципиальным было видение в природе последнего двух фундаментальных атрибутов: действительности и измеряемости. Гэллап вспоминал, как в конце 1930-х годов, когда появились первые результаты измерения общественного мнения, исследователи политики и социологи «игнорировали их. Вашингтонские журналисты и обозреватели критиковали их. Лишь весьма немногие издатели и редакторы обладали смелостью публиковать итоги опросов» [59].

Наконец, и Брайс, и Гэллап высоко оценивали личное интервью как метод выявления мнений. Интервью, проводившиеся Брайсом, не были для него лишь удачно найденным источником сведений для научной работы, они давали ему возможность ощущать свою связь с людьми, были спо-

собом удовлетворения глубинных потребностей в социальной информации в самом широком смысле. Нечто подобное по отношению к мнениям других людей было характерно и для Гэллапа. С. ван Аллен в своем очень личном эссе о Гэллапе отмечает: «Он проявлял интерес и уважение к мнению каждого и был одним из тех немногих, кто в XX веке внимательно слушал людей» [42].

Гэллап неоднократно отмечал, что Брайс не знал «возможностей выборочных опросов. Он не понимал того, что, опрашивая несколько тысяч человек из отобранных с помощью научных методов страт, можно узнать с высокой точностью позиции пятидесятимиллионного электората» [52, р. 430]. Не видя иного способа измерения общественного мнения, Брайс говорил о проведении референдумов, понимая при этом, что в такой огромной стране, как США, это практически неосуществимо: дорого, долго и трудоемко [52, р. 430]. Опросы Гэллапа фактически были выборочными референдумами населения, решением задачи, сформулированной Брайсом, ответом на его вызов.

Решить задачу непрерывного зондирования общественного мнения Гэллапу помог его опыт использования выборочных методов в измерении установок. Гэллап утверждал, что «городское собрание Новой Англии в известном смысле должно быть восстановлено», причем благодаря прессе и радио оно может охватить всю нацию. Инструмент измерения мнений Гэллап увидел в «выборочном референдуме, который становится средством быстрого определения реакций населения на обсуждаемые проблемы дня» [Цит. по: 58, р. 79]. 20 октября 1935 года в статье в «Washington Post» Гэллап объявил о своем методе изучения общественного мнения и привел результаты первого общенационального опроса. Здесь же он процитировал слова Брайса об измерении общественного мнения как предпосылке демократической политики и заметил: «Через сто пятьдесят лет мы возвращаемся к городскому собранию. Теперь вся нация – внутри помещения для обсуждений» [Цит. по: 60].

Выборочные опросы и оглашение их результатов через средства массовой информации, по замыслу Гэллапа, представляли собой общеамериканский аналог Массачусетского городского собрания. Круг замкнулся. Потомок тех, кто в первой половине XVII века участвовал в становлении

городского собрания Новой Англии, предложил новую схему организации общенационального демократического форума.

Инкубационный период

Несколько лет, в течение которых Гэллап уточнял свое отношение к изучению общественного мнения и создавал соответствующую технологию, названы им «инкубационным периодом» [51, р. 76]. Сделано было многое: приобретен опыт опроса избирателей и построения электорального прогноза; осмыслена американская электоральная статистика; разработан и реализован механизм финансирования опросов, определивший независимый характер деятельности Гэллапа; наконец, самое главное – создана система сбора и анализа данных и распространения результатов опросов.

Анализ всей этой деятельности Гэллапа начнем с его первого исследования электоральных установок, состоявшегося в 1932 году в Айове. Импульсом к его проведению было стремление Гэллапа помочь своей теще Оле Миллер (Eunice Viola (Ola) Babcock Miller, 1871–1937) занять выборную должность секретаря штата.

Гэллап вспоминал, что когда Ола Миллер начинала свою избирательную кампанию, он «заинтересовался всем спектром возможностей опроса и подготовил несколько довольно приближенных выборок...» В частности, при опросе он пытался выяснить, слышали ли потенциальные избиратели об Оле Миллер и что они думали о ней [13, р. 107]. П. Сипионе приводит в своих заметках один из вопросов этого первого гэллаповского политического зондажа: «Что вас сильнее всего беспокоит?» Опрос проводился студентами Гэллапа в 101 округе штата, и полученные результаты помогли Оле Миллер выработать стратегию избирательной кампании. Мне не удалось найти более детальных сведений об организации и финансовой поддержке опроса, известно лишь, что прогноз был верным, но отношение к нему – скептическим.

Два обстоятельства делали прогноз Гэллапа маловероятным. Во-первых, ни одна женщина ранее не избиралась на этот пост в Айове; во-вторых, население штата обычно поддерживало республиканских кандидатов. Победа Рузвельта в 1932 году помогла О. Миллер победить на первых для нее

выборах, в 1934 и 1936 годах она легко переизбиралась на этот пост. В одном историческом справочнике отмечается, что О. Миллер была хорошим политиком – своей деятельностью она стремилась оправдать доверие людей [61].

Успех электорального прогноза 1932 года был одним из факторов, повлиявших на переход Гэллапа в новую для него сферу деятельности – измерение политических установок, более широко – общественного мнения американцев.

Одновременно им проводилась большая теоретическая работа. В 1934 году, во время выборов в конгресс, Гэллап на основании статистики прежних голосований и публиковавшихся результатов соломенных опросов сделал свой прогноз, ошибка которого составила 1%. Об этом писал в 1937 году Арчибальд Кроссли (Archibald Crossley, 1896–1985) в первом выпуске журнала «Public Opinion Quarterly» [62].

Гэллаповская убежденность в необходимости и возможности изучения общественного мнения в США, его готовность к организации опросов были недостаточны для того, чтобы начать практически этим заниматься. Нужна была заинтересованная в проведении опросов интеллектуальная и организационная среда и стабильная финансовая поддержка. И то и другое было найдено Гэллапом в знакомом и понятном ему журналистском цехе. Активную помощь оказал ему Харольд Андерсон (Harold H. Anderson), вписавший этим свое имя в историю американских опросов общественного мнения. Андерсон принимал участие в том самом исследовании рекламного агентства «D'Arcy», в котором Гэллап-студент впервые познакомился с опросными методами [39, р. 8]; сведений об Андерсоне сохранилось мало, их пришлось собирать по крупицам.

В конце 2004 года Ханс Зеттерберг (Hans L. Zetterberg, р. 1927), долгие годы друживший с Гэллапом, рассказал следующее: «Джордж Х. (Тэд) Гэллап не изложил эту историю на бумаге. У него был партнер в Чикаго, Харольд Андерсон, руководивший “Publisher-Hall Syndicate”, компанией, снабжавшей газеты редакционными материалами. Гэллап представил Андерсону новый уникальный продукт, которым никто в этой сфере деятельности не обладал. Андерсону понравились материалы Гэллапа, и он с энтузиазмом взялся за дело. Прежде всего, он предложил эти ма-

териалы крупнейшим городским газетам; тем самым была воспроизведена ранняя и успешная стратегия “Associated Press” (Ассошиэйтед Пресс) – создание франчайзинговой сети, в которую входило по одной газете от каждого города. В лучшие годы на гэллаповские релизы подписывались более 200 газет» [63].

А вот как эта история звучит в изложении Дэвида Мура, автора обстоятельной книги «The Superpollsters» («Суперполстеры») [64, р. 47]. Услышав от Гэллапа: «У меня есть идея, но я не знаю, как ее реализовать», Андерсон «немедленно оценил потенциал нового информационного бизнеса. Вместе с Гэллапом он инвестировал деньги в новый Американский институт общественного мнения (American Institute of Public Opinion) и стал представлять результаты гэллаповских опросов для прессы». Это произошло летом 1935 года. Институт располагался в Принстоне, штат Нью-Джерси, напротив главного входа в кампус Принстонского университета. Предполагалось, что близость этих адресов увеличит возврат анкет при почтовых опросах. Слово «институт», замечает Мур, явно было гиперболой: «Новая сила в американской политике начиналась с одной комнаты, где находились стол, телефон и пишущая машинка» [64, р. 47].

Для понимания того, какие социальные, интеллектуальные силы поддерживали идею Гэллапа и помогли ему и Андерсону реализовать задуманное, очень полезным оказалось содержание краткого абзаца упоминавшейся статьи в «Time»: «Гэллап обсудил свой проект продавцом газетных материалов Харольдом Андерсоном, белокурым, голубоглазым выходцем из Среднего Запада, который стал партнером гэллаповской исследовательской службы. Андерсону идея понравилась, и он взял инициативу на себя. Он стал подыскивать подходящих издателей газет и вскоре заинтересовал издателей “Washington Post” Юджина Мейера и “New York Herald Tribune” Хелен Рид» [65].

Эти издатели были суперпрофессионалами в газетном бизнесе, но сейчас хотелось бы высветить в их биографиях моменты, позволяющие понять природу их позитивного отношения к опросной технологии.

Выдающийся финансист и банкир Юджин Мейер (Eugene Isaac Meyer, 1875–1959) во многих отношениях был личностью неординарной. В 20 лет он блестяще окончил Йельский

университет, знал несколько европейских и древних языков. В университете ему преподавал психологию профессор Джордж Ладд, студентом которого десятилетием ранее был Карл Сипор, учитель Гэллапа. Преодолев многие трудности в изучении предмета, Мейер сказал себе: «Если, черт побери, я не стану банкиром, я буду поднимать эту целину». Интерес к психологии у него сохранился на всю жизнь [66, р. 21]. В студенческие годы Мейеру была близка социально-экономическая доктрина Уильяма Самнера, он понимал глубокие связи между социальными и экономическими аспектами развития общества; это обусловило его позитивное отношение к изучению общественного мнения. Будучи финансистом, Мейер инвестировал деньги в горнодобывающую отрасль. Он был знаком с выборочными способами определения состава руд и видел, что методология построения выборки, учитывающей структуру населения, схожа с той, которая используется в металлургии [67]. Таким образом, Майер понимал суть выборочных методов. Еще один биографический факт объясняет повышенное внимание Мейера к электоральным прогнозам. В 1900 году он строил свою биржевую игру с учетом прогнозов исхода президентских выборов. На основании собственного анализа Мейер пришел к выводу о переизбрании президента Маккинли и соответственно выстроил стратегию своего поведения на рынке ценных бумаг. Его прогноз оправдался. Выборы состоялись в начале ноября 1900 года, а к январю 1901-го капитал Мейера вырос в десять раз. Опыт убедил его в том, что верный электоральный прогноз крайне необходим политикам и крупному бизнесу.

В биографии Хелен Рид (Helen Rogers Reid, 1882–1970) тоже можно найти объяснение ее доверия к итогам опросов. В 1903 году она окончила престижный Колледж Барнарда (Barnard College), специализируясь в греческом, латыни и биологии. Свыше десяти лет она была помощницей известной социалистки, суфражистки и филантропа Элизабет Рид (Elizabeth Mills Reid, 1858–1931), жены Уайтло Рида (Whitelaw Reid, 1837–1912), владельца «New York Herald Tribune». Выйдя замуж за сына супругов Рид, который унаследовал газету отца, Хелен включилась в общее дело и вскоре стала директором отдела рекламы. В середине 1930-х, когда создавался Институт Гэллапа, Рид была вице-президентом издательства, оставаясь при этом руководителем

отдела рекламы [68]. В целом, интерес Х. Рид к изучению общественного мнения был обусловлен ее демократическими взглядами. Она знала об успехах Гэллапа в изучении рекламы и понимала, что приемы анализа потребительских установок распространяемы и на зондирование мнений электората и населения.

Мейер и Рид были выдающимися издателями, они стремились к укреплению и развитию демократических традиций в обществе, видели роль прессы в налаживании связей между властью и населением и были способны принять новую выборочную опросную технологию. Это были неординарные люди, и вряд ли такими личностными и профессиональными качествами обладали все те, кто помог рождению первых выборочных опросов, – а уже на самом первом этапе проект поддержали почти полсотни изданий. Но, вчитываясь в биографии Мейера и Рид, понимаешь, почему значительная часть журналистской элиты США смогла в середине 1930-х годов оценить и поддержать замысел Гэллапа. Если совсем просто, то причинами этого являются: укрепившиеся в стране протестантские традиции, этика предпринимательства, полтора века президентской власти и еще более долгая история развития независимой прессы, сто лет соломенных опросов и несколько десятилетий выборочных маркетинговых исследований. Население, многие социальные институты были готовы к возникновению практики изучения общественного мнения, и лучшие представители деловой и политической элиты смогли уловить этот социальный заказ и ответить на него.

Звездный час Гэллапа

20 октября 1935 года Институт Гэллапа выпустил сообщение по итогам первого опроса, состоявшегося 10–15 сентября 1935 года. Мейер оплатил стоимость небольшого дирижабля, курсировавшего над Вашингтоном и рекламировавшего начало общенациональных опросов общественного мнения [64, р. 31]. В пресс-релизе анализировались мнения американцев по поводу извечной проблемы – целесообразности государственных расходов. Газеты разместили эти материалы на первых полосах; приводились не только данные опроса в целом, но и позиции отдельных групп респондентов. В некоторых публикациях давалось

описание технологии сбора информации: личные интервью по выборке, репрезентировавшей американский электорат. Сообщалось, что краткие отчеты о результатах зондажей будут публиковаться еженедельно. Во многих газетах страны появилась гэллаповская колонка «America Speaks» («Говорит Америка»), ставшая еженедельной. Название рубрики точно отражало политическую философию Гэллапа: демократия должна дать каждому шанс быть услышанным. Нация начала слышать себя.

В ноябре зондировались позиции электората Кентукки (выборы губернатора) и Нью-Йорка (выборы в законодательное собрание). Победы кандидатов от демократов были предсказаны с ошибкой в 2% и 4% соответственно.

11 ноября 1935 года «Time» отмечал, что по данным института Гэллапа популярность Рузвельта очень низка; скорее всего, это было первое упоминание об Американском институте изучения общественного мнения в этом журнале [69].

Приближались новые президентские выборы. Гэллапу они должны были дать ответ на главный вопрос: «Как проявит себя новая научная технология изучения мнений в условиях электорального опроса?» Он верил в нее, но в нее должна была поверить Америка. Уже в начале 1936 года было ясно, что избирательная кампания не будет легкой для ее участников. Журнал «Time» 6 января писал о жесткости предстоящей борьбы и отмечал: «...никогда раньше в американской истории не делалось такого количества экстенсивных и интенсивных попыток предсказать то, что случится 3 ноября, и при этом настолько заранее» [70]. Назывались три главных способа прогнозирования результатов.

Первый – вековой давности прием: направление корреспондентов, обученных наблюдателей в разные штаты, чтобы определить политические установки электората.

Второй – общенациональные соломенные опросы, метод, переживавший в то время новый расцвет. Отмечалось, что по данным одного из опросов «The Literary Digest», в котором был получен почти миллион ответов от жителей 41 штата страны, 41% респондентов поддержали политику Рузвельта и 59% высказались против нее. «Time» подчеркивал недостатки выборки «The Digest», комплектовавшейся на основе списков владельцев телефонов и автомобилей и потому не включавшей группы, в которых было много

сторонников президентского Нового курса. В свое оправдание «The Digest» писал, что полностью повторит процедуру 1932 года – тогда ошибка предсказания была менее 1%.

И третий – метод, возникший середине 1930-х: «тестирование установок в процессе личного опроса относительно небольших групп, полученных в результате научно обоснованной выборки из электората» [70]. Согласно декабрьскому опросу Гэллапа на тот момент почти 45% избирателей были готовы поддержать Рузвельта и 47% – того, кого выдвинут республиканцы.

Гэллап, Кроссли и Роупер (Elmo Roper, 1900–1971), имевшие свои независимые исследовательские фирмы, задолго до начала выборов включились в изучение электората. Но особое внимание прессы и избирателей привлекла к себе деятельность Гэллапа. 12 июня 1936 года, через месяц после номинации Альфреда Лэндона (Alfred Landon, 1887–1987) в качестве кандидата от Республиканской партии и более чем за шесть недель до того, как «The Literary Digest» начал свой опрос, Гэллап опубликовал сообщение о том, что журнал предскажет победу Лэндона (с 56% голосов избирателей) и, соответственно, – поражение Рузвельта (с 44% голосов). Более того, он объявил, что такой прогноз будет ошибочным, поскольку процедура отбора респондентов, используемая журналом, неверна. Гэллап опирался на результаты собственного пилотажного опроса. Он разослал 3000 почтовых карточек по адресам, аналогичным тем, которые использовались редакцией, и был уверен, что его небольшая выборка репрезентирует результат будущего опроса «The Digest» [71, p. 66].

Редактор «The Literary Digest» Уилфред Фанк (Wilfred John Funk, 1883–1965), был возмущен статьей Гэллапа. В открытом письме, опубликованном через неделю в «The New York Times», он писал: «Никогда раньше никто не прогнозировал результаты нашего опроса до того, как он начался... Нашему уважаемому другу статистику (Джорджу Гэллапу. – Б.Д.) следовало бы напомнить, что “The Digest” будет проводить опрос давно испытанными методами, обеспечивавшими точные прогнозы в 100% случаев» [64, p. 48].

2 ноября 1936 года, за день до президентских выборов, Гэллап опубликовал финальный прогноз (таблица 1).

Таблица 1

**Электоральные прогнозы Института Гэллапа
и «The Literary Digest», 1936 г.**

	Прогноз Института Гэллапа [72]	Прогноз «The Literary Digest»
Доля голосов избирателей в пользу Рузвельта	55,7	43
Доля голосов избирателей в пользу Лэндона	44,3	57
Количество штатов, в ко- торых победит Рузвельт	40	16
Количество штатов, в которых победит Лэндон	6	32
Количество штатов, в ко- торых не будет назван победитель	2	0

В различных источниках нередко количественные показатели результатов электоральных опросов расходятся, например, из-за того, что одни авторы указывают десятые доли процентов, другие ограничиваются целыми числами. Ниже используются статистические данные, приводившиеся и комментировавшиеся Гэллапом в начале 1970-х [71, р. 65].

В количественном отношении результаты, предсказанные Гэллапом, – 56% голосов за Рузвельта и 44% за Лэндона – нельзя признать точными. В действительности победитель получил 62,5% голосов. Гэллап приводил результаты голосования в процентах от числа избирателей, отдавших свои голоса исключительно двум главным кандидатам. Официальная статистика исходила, естественно, из суммарного числа избирателей, и, поскольку 2,7% голосов было отдано другим кандидатам, официальные данные свидетельствуют о несколько меньшей поддержке Ф. Рузвельта – 60,8%. Но, Во-первых, результат Гэллапа был «на верной стороне», и, во-вторых, его ошибка равнялась 6,8%, тогда как исследователи «The Digest» отклонились в три раза дальше (20%). Также верными были прогнозы А. Кроссли – 54% и Э. Роупера – 62% в пользу Рузвельта [73].

Успех Гэллапа и все события, происходившие вокруг выборов, сделали его фигурой общенационального масштаба. Его имя стало широко известно. Но существенно – другое. Успешное прогнозирование результатов выборов тремя представителями нового направления – выборочных опросов – доказало огромные возможности этого научного подхода к изучению электората. Появились возможности для углубленного анализа и принципиального изменения практики социологических опросов населения. Реализовывалось предсказание Брайса.

Итак, Гэллап не был единственным, кто использовал новую для того времени выборочную процедуру опроса общественного мнения и верно спрогнозировал поведение электората. Но только он предсказал ошибочность прогноза «The Literary Digest», сделав это за пару месяцев до того, как редакция начала опрос. Только Гэллап дважды показал эффективность корректно организованных небольших выборок: при опросе общественного мнения он репрезентировал американский электорат, а в методическом опросе – выборку «The Digest». Принципиально и то, что заявлению об ошибочности методики «The Digest» Гэллап придал широкую общественную огласку, опубликовав его в ряде газет. Тем самым он сразу придал своему зондажу общественного мнения как научному действию явное социальное звучание, он сделал опрос явлением публичным, обсуждаемым не только узким кругом профессионалов, но значительными группами населения.

Позже Гэллап писал, что не сильно рисковал, делая прогнозы [71, р. 66]; но это не совсем так. Деньги для проведения опроса были им получены под гарантию их возврата в случае ошибочности его прогноза. Но все завершилось удачно, и Институт был сохранен.

Победа на выборах 1936 года принесла Гэллапу общенациональную известность. Это стало звездным часом в его жизни и одним из важнейших событий в истории опросов и политических исследований.

«The Digest» начал проведение электоральных опросов и публикацию прогнозов в 1912 году, и все прогнозы были верными. Мог ли оказаться верным его прогноз 1936 года? Да, вполне – случайно или при наличии иной социально-политической ситуации в стране. И наоборот, в 1936

году прогноз Гэллапа, Кроссли или Роупера мог оказаться ошибочным, как это и произошло через двенадцать лет. Но история распорядилась так, что в 1936 году они оказались победителями, а «The Digest» проиграл. История работала на них. Наступил конец эры соломенных опросов.

В силу ряда причин в начале 1930-х годов тираж журнала сократился, но все же превышал миллион экземпляров. В 1933-м он опустился до 978 тысяч, а в 1936-м – до 700 тысяч. Возникли финансовые трудности, что затрудняло планирование и проведение электорального опроса 1936 года. В частности, в основном использовались старые адреса подписчиков. Было разослано 10 млн карточек, из них вернулись заполненными почти 2,4 млн.

Начало электорального зондажа 22 августа 1936 года было предварено редакционной статьей с ударной фразой: «Опрос “The Digest” все еще является библией миллионов» [51, р. 41]. 5 сентября были опубликованы результаты обработки первых полученных бюллетеней: в лидеры вышел Лэндон – 16 056 голосов; Рузвельт заметно отставал – 7 645. Журнал продолжал сообщать о благоприятных шансах республиканца: через три недели после начала опроса Лэндон имел свыше 61 тысячи «за», а Рузвельт – 33 423. К моменту, когда вернулось 250 000 карточек, Лэндона, по данным «The Digest», поддерживали 153 тыс. респондентов, Рузвельта – чуть менее 89 тыс., а третий кандидат – Уильям Лемке (William Frederick Lemke, 1878–1950) набрал немногим больше 10 тыс. голосов. 19 сентября «The Digest» писал, что итог президентской лотереи 1936 года становится все более очевидным. Через неделю вышла публикация под заголовком «Half-Million Votes in “Digest” Poll» («Полмиллиона голосует в “Digest”-опросе»). Сообщалось: Лэндон – 293 972, Рузвельт – 185 495 [74]. Несколько позже, после обработки 2 158 739 карточек, журнал предсказывал победу Лэндона в 32 штатах с общей долей голосов 54,8%; перспективы Рузвельта оценивались значительно менее оптимистично – 40,7% голосов избирателей и 16 штатов.

Пришло время финальной публикации. «The Literary Digest» прогнозировал победу Лэндона в 32 штатах, обещая ему 54% голосов избирателей и 370 выборщиков. 5 ноября стали известны официальные итоги голосования: Рузвельт – 60,8% электоральных голосов и 523 выборщика;

Лэндон – лишь 8 выборщиков от двух небольших штатов – Мэн и Вермонт [75].

Анализу фиаско «The Digest» посвящено множество исследований. Отмечаются серьезный перекося в структуре исходной выборки, низкий возврат анкет, неспособность технологии журнала зафиксировать динамику мнений электората, грубая схема анализа ответов респондентов, не учитывавшая «перекося» выборки, и некоторые другие причины. Гэллуп указал четко и однозначно: «Болезнь “The Digest” коренилась в его представлениях о структуре населения и в его выборке» [51, р. 44]. У Гэллупа были основания для таких выводов. Во-первых, он хорошо знал результаты исследований К. Робинсона (гл. 10), посвященного природе погрешностей соломенных опросов. Во-вторых, он видел быстрые изменения, происходящие в социальной структуре США, и понимал, что этот фактор может оказаться решающим в процессе формирования выборки.

В данном историческом исследовании мне хотелось бы остановиться не на технологических и методико-организационных обстоятельствах поражения «The Digest», а на человеческом факторе случившегося. Прежде всего: почему в 1936 году «The Digest» начал опрос, зная о коренных слабостях использовавшегося метода сбора информации? Было ли это вызвано гипнотическим влиянием предыдущих успехов или неспособностью понять выводы статистиков, доказывавших ложность «соломенной технологии»? В первые дни после выборов У. Фанк писал: «...все эти высказывания относительно “недостижения определенных страт” не выдерживают никакой критики. Основой рассылки 1936 года были списки 1932-го, и, поскольку преобладающее большинство респондентов голосовало в 1932 году за Рузвельта, то казалось естественным предположить, что большинство возвращаемых в этом году бюллетеней будет приходить от людей, голосовавших в 1932 году за Рузвельта... Мы ошиблись, хотя в меру своего понимания очень старались все делать правильно» [76]. Судя по всему, действительно, организаторы электорального опроса по-настоящему не понимали логику выборки и механизмы участия респондентов в опросе.

Кроме того, было интересно узнать, кто принимал решение о проведении опроса. Поскольку У. Фанк опубликовал

свое письмо в ответ на заявление Гэллпа о том, что прогноз «The Digest» будет неверным, представлялось, что он и несет главную ответственность за проведение опроса. Но все оказалось не совсем так.

Рон Мармарелли (Ron Marmarelli), изучавший опросы «The Digest», в начале 1981 года обратился к сыну У. Фанка Питеру Фанку (Peter Funk, 1921–2016), священнику епископальной церкви, филологу и автору многих книг, с просьбой уточнить некоторые детали организации опроса в 1936 году [77]. Ответ был получен, но не опубликован. С любезного разрешения П. Фанка и Р. Мармарелли я привожу его здесь [78].

В письме Питера Фанка сказано: «В действительности отец лишь формально возглавлял журнал. Р.Дж. Каддихи, владевший в то время контрольным пакетом акций, настаивал на том типе опроса, который проводил “The Digest”. Отец неоднократно говорил нам, что идея телефонного опроса (по-видимому, имеется в виду использование адресов владельцев телефонов. – Б.Д.) была вопиюще ошибочной, так как иметь телефон могли только относительно состоятельные люди. Следовательно, большинство опрошенных, вероятнее всего, будут голосовать за Лэндона. В частных беседах У. Фанк предсказывал сдвиг голосов в пользу Рузвельта. Ирония заключается в том, что сам он не голосовал за Лэндона». Завершается письмо словами: «...мой отец предпринял ряд шагов, которые могли бы сохранить “The Literary Digest”. Но его деятельность блокировалась решениями мистера Каддихи, который являл собой полную противоположность понятию “грамотный издатель”» [79].

Частичное подтверждение этих слов Питера Фанка (заинтересованной стороны), сказанных почти через столетия после описываемых событий, обнаружилось в публикациях семидесятилетней давности. Действительно, во второй половине 1930-х годов Роберту Каддихи (Robert Joseph Cuddihy, 1862–?) принадлежало 60% акций, а У. Фанку – 40% [80]. В середине ноября 1936 года «Time» писал: «...старейший Роберт Джозеф Каддихи исходил из того, что метод почтового опроса всегда надежен. Рекомендации редактора Фанка проверить и откорректировать списки 1932 года, связанные с дополнительными расходами, были отвергнуты» [81]. Объективности ради отмечу, что Каддихи, в

16 лет начавший работать в «The Literary Digest», был весьма энергичным менеджером и успех журнала в 1910–1930-е годы во многом был его заслугой.

1936 год был годом рождения и одновременно серьезнейшего испытания новой научной методологии изучения общественного мнения. Звезды были благосклонны к ней. Гэллап следующим образом подытожил фундаментальный урок электоральных исследований 1936 года: «...сердцевина проблемы точного измерения общественного мнения заключалась в получении представления о структуре населения, и никакое простое накопление бюллетеней респондентов не позволяло надеяться на устранение ошибки, вызванной смещением выборки» [51, р. 54–55]. В 1936 году электоральные опросы, использовавшие небольшую научно обоснованную выборку, продемонстрировали свое преимущество перед опросами «The Digest» с его гигантской выборкой и положили начало новой политической культуре Америки.

* * *

В высшей степени целеустремленное, по-американски агрессивное поведение Гэллапа при разработке технологии зондирования общественного мнения и в ходе первого мониторинга электоральных установок объясняется высочайшим уровнем его профессионализма. Кроме того, в опросах он видел свое предназначение, чувствовал свою ответственность перед историей страны и историей своей семьи. В одном из поздних интервью Гэллап сказал: «По своей природе я всегда верил в перемены. Мне кажется, я всегда чувствовал свое мессианское предназначение» [82]. Все это подтверждает справедливость слов о Гэллапе, сказанных его сыном: «...он был человеком идей и идеалов».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gallup G., Jr.* Interview <[http:// www.pbs.org/fmc/interviews/ggallup.htm](http://www.pbs.org/fmc/interviews/ggallup.htm)>. 12.04.2018.
2. *Scipione P.A.* A Nation of Numbers. The Development of Marketing Research in America. Dr. George H. Gallup, Sr. (Приложение к электронному письму П. Сипионе Б. Докторову от 20 июня 2002 г.)

3. George H. Gallup Is Dead at 82 // The New York Times Biographical Service. 1984. July 28. P. 919.
4. *Gallup A.* Interview<[http:// www.pbs.org/fmc/interviews/agallup.htm](http://www.pbs.org/fmc/interviews/agallup.htm)>.12.04.2018.
5. *Докторов Б.З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
6. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
7. The Cove // Business Week. 1948. June 19. P. 6.
8. Gallup Genealogy. Provo, Utah: Brigham Young University, 1987.
9. John Gallop <http://www.famousamericans.net/johngallop/12.04.2018>.
10. Joseph Adams Gallup. <http://famousamericans.net/joseph-adamsgallup/12.04.2018>.
11. A.T. Andreas' Illustrated Historical Atlas of the Iowa. 1875.
12. Past and Present of Greene County, Iowa / Ed. by E.B. Stillman. Chicago: The S.J. Clarke Publishing Co., 1907. P. 96–98.
13. *Hawbaker B.W.* George Gallup, Iowa, and the Origin of the Gallup Poll // Palimset. 1993. No. 74 (Fall). P. 98–113.
14. *Gallup G.H.* Book-of-the Month Club Project // Columbia University Oral History Collection. Part III. No. 192.
15. *Sussman B.* What Americans Really Think. New York: Pantheon Books, 1988. P. 87.
16. *Gould B., Gould B.B.* American Story. New York: Harper & Row, Publishers, 1968. P. 78.
17. *Gallup G.* Traits of Successful Retail Salespeople // Journal of Personnel Research. 1926. No. 4. P. 474–482.
18. *Ohmer S.* The Science of Pleasure: George Gallup and Audience Research in Hollywood // Identifying Hollywood's Audiences / Ed. by M. Stokes, R. Maltby. London: BGFPI Publishing, 1999. P. 62.
19. Handbook of Applied Psychology Rinehart Publication / Ed. by D.H. Fryer. New York, 1950. P. 158.
20. *Gallup G.H.* George H. Gallup: A Personal History. Copy Research: A Historical Perspective / Ed. by B. Lipstein. New York: The Advertising Research Foundation, 1986.
21. *Mayer M.* Madison Avenue, USA. New York: Cardinal Edition, 1959. P. 268.
22. *Gallup G.* A Scientific Method for Determining Reader-Interest // Journalism Quarterly. 1930. Vol. VII. No. 1. P. 1–13.
23. *Strong E.K., Jr.* Psychological Aspects of Business. New York: McGraw-Hill Book Company, 1938. P. 168.
24. *Friedricks W.B.* Covering Iowa. The History of the Des Moines Register and Tribune Company, 1849–1985. Ames: Iowa State University Press, 2000. P. 86.
25. Northwestern University Bulletin. University Register, 1931–1932. Chicago and Evanston, Published by the University.

26. Ads in Funnies // Time. 1932. June 13.
27. Advt. of the Week // Time. 1932. July 18.
28. *Lipstein B.* A Historical Retrospective of Copy Research // Journal of Advertising Research. 1984. Vol. 24. No. 6. P. 11–15.
29. *Lipstein B.* Copy Research Pioneers: Some of Their Origins // Copy Research: A Historical Retrospective / Ed. by B. Lipstein. New York: The Advertising Research Foundation, 1986. P. 13.
30. *Ogilvy D.* The Unpublished David Ogilvy / Ed. by J. Raphaelson. New York: Crown, 1986. P. 106.
31. Gallup, George Horace // Current Biography: Who's News and Why. New York: The H.W. Wilson Company, 1940. P. 321.
32. George Gallup: Mr. Polling. An Interview with Dr. Gallup Conducted by R. Bartos // Journal of Advertising Research. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 23.
33. *Bunker H.S., Gallup G.H., Harper W.H., Stout C.H.* The Business Department of School Publications. Iowa City, IA: Lombard Press, 1927.
34. *Gallup G.* Survey of Reader Interest in Saturday Evening Post, Liberty, Collier's, Literary Digest. S. 1.: Northwestern University, 1931.
35. *Fox S.* The Mirror Makers: A History of American Advertising and Its Creators. New York: William Morrow and Co., 1984.
36. *Daniels D.* Giants, Pigmies, and Other Advertising People. Chicago: Crain Communications, Inc., 1974.
37. *Gallup G.H.* Factors of Reader Interest in 261 Advertisements. New York (?), 1932.
38. *Gallup G.H.* Survey of Reader Interest in the Various Sections of Sunday Newspapers to Determine the Relative Value of Rotogravure as an Advertising Medium. Chicago (?): Kimberly-Clark Corporation, 1933.
39. *Ohmer S.* George Gallup in Hollywood. New York: Columbia University Press, 2006.
40. Interview with Experts. George Gallup // Burton P.W., Purvis S.C. Which Ad Pulled Best? Lincolnwood, IL: NTC Business Books, 1991. P. 20–21.
41. Gallup & Robinson. <http://www.gandrllc.com/about/12.04.2018>.
42. *Van Allen S.* George Gallup. Twentieth-Century Pioneer. <http://www.gallup.ro/romana/about_ro/20th_pioneer_ro.htm>.
43. Электронное письмо С. Омер Б. Докторову от 28 сентября 2007 г.
44. *Ogilvy D.* Ogilvy on Advertising. New York: Vintage Book, 1983. P. 16.
45. *Gallup G.* How Advertising Works // Journal of Advertising Research. 1974. Vol. 14. No. 3.
46. *Greyser S.A., Bauer R.A.* Americans and Advertising: Thirty Years of Public Opinion // Public Opinion Quarterly. 1966. Vol. 30. No. 1. P. 70.

47. *Borden N.H.* The Economic Effects of Advertising. Chicago: Richard D. Irwin, Inc., 1942.
48. *Bauer R.A., Greyser S.A.* Advertising in America: The Consumer View. Boston: Harvard University, 1968. P. 398–399, 402.
49. *Westport K.W.* Connecticut: The Story of a New England Town's Rise to Prominence. Westport, CT: Greenwood Press, 2000.
50. *Gallup G.* Governing and the Sampling Referendum // Journal of the American Statistical Association. 1938. Vol. 33. P. 131.
51. *Gallup G., Rae S.F.* The Pulse of Democracy: The Public-Opinion Poll and How It Works. New York: Simon and Schuster, 1940.
52. *Gallup G.* Reporting Public Opinion in Five Nations // Public Opinion Quarterly. 1942. Vol. 6. No. 3. P. 429–436.
53. The Iowa Award <http://publications.iowa.gov/135/1/profile/8-16.html> 12.04.2018.
54. In Memoriam. George Horace Gallup, Sr. By Albert H. Cantril // Public Opinion Quarterly. 1984. Vol. 48. Issue 4 (Winter). P. 807.
55. Bryce James and the Academy of Political Science // Political Science Quarterly. 1938. Vol. 53. No. 3 (September). P. 321–327. www.jstor.org/stable/2143816?seq=1#page_scan_tab_contents
56. *Bryce J.* The American Commonwealth. Vol. 2. Ch. 68. 2nd ed. London: MacMillan and Co., 1891.
57. *Gallup G.H.* Preserving Majority Rule // Polling on the Issues / Ed. by A.H. Cantril. Washington, DC: Seven Locks Press, 1980. P. 171.
58. *Fishkin J.S.* The Voice of the People. Public Opinion and Democracy. New Haven: Yale University Press, 1995. P. 79.
59. *Gallup G.* The Changing Climate for Public Opinion Research // Public Opinion Quarterly. 1957. Vol. 21. No. 1. P. 23.
60. *London S.* Electronic Democracy // A Literature Survey. 1994. March <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Csj5zekv14gJ:www.scottlondon.com/reports/ed.html+%&cd=1&hl=en&ct=clnk&gl=us> 12.04.2018.
61. *Fisher K.* A History of Washington County, Iowa. Washington, Iowa, 1978. P. 202.
62. *Crossley A.M.* Straw Polls in 1936 // Public Opinion Quarterly. 1937. Vol. 1. No. 1. P. 29.
63. *Zetterberg H.L.* US Election 1948: The First Great Controversy about Polls, Media, and Social Science. Paper Presented at the WAPOR Regional Conference on «Elections, News Media and Public Opinion» in Pamplona, Spain, November, 24–26, 2004 <<http://zetterberg.org/Lectures/1041115.htm>>. 12.04.2018.
64. *Moore D.W.* The Superpollsters. New York: Four Walls Eight Windows, 1992.
65. The Black & White Beans // Time. 1948. May 3.
66. *Pursey M.J.* Eugene Meyer. New York: Alfred F. Knopf, 1974. P. 21.

67. *Meyer E.A.* Newspaper Publisher Looks at the Polls // *Public Opinion Quarterly*. 1940. Vol. 4. No. 2. P. 238.
68. *Herald Tribune's Lady* // *Time*. 1934. October 8.
69. *Scene of Place* // *Time*. 1935. November 11.
70. *Now and November* // *Time*. 1936. January 6.
71. *Gallup G.* *The Sophisticated Poll Watcher's Guide*. Princeton: Opinion Press, 1976. P. 66.
72. *Gallup Poll Accuracy Record* <<http://brain.gallup.com/content/?ci=9442>>.
73. *Charles W.R., Albert H. Cantril A.H., Jr.* *Polls: Their Use and Misuses in Politics*. New York: Basic Books. Inc., 1972. P. 10.
74. *Half-Million Votes in «Digest» Poll* // *The Literary Digest*. 1936. September 26.
75. *Dave Leip's Atlas of U.S. Presidential Elections* <https://uselectionatlas.org>. 12.04.2018.
76. *Editors' Afterthoughts*. *Time* 1936. November 16
77. *Marmarelli R.* *Literary Digest Polls and the «Dry-Wet» Debate, 1922–1932*. Paper Presented to the History Division at the Association for Education in Journalism Annual Convention in Athens, Ohio, July 1982.
78. Письмо П. Фанка Б. Доктору от 15 октября 2001 г.
79. Письмо П. Фанка Р. Мармарелли от 16 марта 1981 г.
80. *Digested Digest* // *Time*. 1937. June 28.
81. *Editors' Afterthoughts*. *Time*. 1936. November 16.
82. *McElwain M.* *Profiles in Communication*. Iowa: Iowa Center for Communication Study, 1991. P. 3.

ХЭДЛИ КЭНТРИЛ³

[Авторское дополнение] Основой этого текста является моя статья о Хэдли Кэнтриле, опубликованная в конце 2003 года в журнале «Телескоп»⁴, в 2005 году она была отредактирована и включена в книгу «Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина» (см. ниже).

При работе над книгой «Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов» (2008 г.) я подготовил для нее параграф «Хэдли Кэнтрил: университетский ученый становится полстером», в котором рассказал немного о поездке Кэнтрила в 1958 году в Москву. Сейчас в сокращенной форме приведу этот сюжет.

«В 1960 году по итогам изучения Кэнтрилом работ Ленина, Сталина, выступлений ряда советских лидеров, публикаций советских философов и психологов, анализа прессы и художественной литературы, а также на основе его личных впечатлений была выпущена небольшая книга о советских лидерах и советском человеке [Cantril H. Soviet Leaders and Mastery Over Man, 1960]. Это ценный историко-политический документ, содержащий, в частности, официальную советскую точку зрения на исследования общественного мнения в стране. В одной из дискуссий в Институте философии АН СССР в Москве, на которой была затронута тема изучения общественного мнения, он услышал от оппонентов, что «мнения – “субъективны” и не отражают “объективную” среду».

Хэдли Кэнтрил занимает уникальное место в истории исследований общественного мнения и его конституирования в системе властных институтов Америки. Он был психологом и социологом, философом науки и политическим исследователем, журналистом и дипломатом; первооткрывателем механизмов массового сознания и поведения, прекрасно знавшим тонкости опросных технологий.

³ Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллапа до Грушина. Гл. IV. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005.

⁴ Докторов Б. Хэдли Кэнтрил: исследователь общественного мнения и консультант президента Рузвельта // «Телескоп»: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2003, №6, с. 1-26.

С Кэнтрила начинается прямое сотрудничество американских президентов со специалистами по изучению общественного мнения. Первым аналитиком общественного мнения, работавшим непосредственно в интересах президента страны и Демократической партии, был Эмиль Хурья, но его анализ ограничивался рамками избирательных кампаний.

Кэнтрил принимал участие в создании ряда научных центров по изучению общественного мнения, подготовил большое число специалистов, руководил многими исследовательскими проектами, результаты которых давно считаются классическими. Как автор, соавтор и редактор Кэнтрил выпустил 20 книг и множество статей. Он является одним из создателей самого известного и престижного в своей области журнала “Public Opinion Quarterly”.

При этом Кэнтрил выполнял сложные правительственные заказы, нередко исходившие от разведывательных структур. Он был одним из тех, кто в определенной мере влиял на внешнюю политику Америки в предвоенный период, в годы Второй мировой войны и во время «холодной войны». То, что Кэнтрил считал возможным и нужным сказать о работе на правительство, он изложил в мемуарах, опубликованных в 1967 году [1].

Ряд новых материалов о послевоенных исследованиях в области психологии массовой коммуникации, проводившихся по заказам Пентагона, Центрального разведывательного управления и других служб национальной безопасности, содержится в небольшой книге К. Симпсона “Science of Coercion” («Наука убеждения») [2]. Надо отметить, что в годы войны практически все ведущие аналитики общественного мнения и исследователи аудитории прессы и радио в той или иной мере участвовали в проектах, финансируемых государством и разведывательными структурами. Т. Гландер относит к этой группе Бернарда Берельсона (Bernard Berelson, 1912–1979), Дж. Гэллапа, Д. Каца, Х. Кэнтрила, П. Лазарсфельда, Ренсиса Лайкерта (Rensis Likert, 1903–1981), Курта Левина (Kurt Lewin, 1890–1947), Харольда Лассвелла (Harold Dwight Lasswell, 1902–1978), Роберта Мертона (Robert Merton, 1910–2003), Э. Роупера и многих других ученых из различных университетов страны [3].

Кэнтрила и Гэллапа связывали долгие годы сотрудничества и дружбы. После смерти Кэнтрила Гэллап писал:

«Д-р Кэнтрил был одним из первых, если не самым первым из тех, кто принес в учебные аудитории личный опыт изучения общественного мнения... Он в равной мере комфортно чувствовал себя в теории и практике. С учетом данных своих исследований общественного мнения он консультировал президентов Рузвельта, Эйзенхауэра и Кеннеди в критические периоды истории. Судя по последующим событиям, его советы были весьма обоснованны» [4]. Скорее всего, Гэллап был гораздо более осведомлен о работах Кэнтрила по приказам правительства и о его деятельности в качестве советника президента, но вряд ли в 1969 году он мог сказать об этом больше.

Помимо объективной значимости того, что сделал Кэнтрил для исследования общественного мнения, у меня есть и особый, личный интерес, заставляющий обратиться к его биографии и наследию. Я считаю себя его учеником. С классической работой Кэнтрила “Gauging Public Opinion” («Измерение общественного мнения») [5], опубликованной в 1944 году, я познакомился в конце 1970-х, на несколько лет раньше, чем с публикациями Гэллапа, и на десятилетия раньше, чем с трудами Роупера и Кроссли. Прежде всего мое внимание привлек анализ погрешностей измерения, возникающих при проведении опросов. Нельзя было пройти и мимо того обстоятельства, что в книге, вышедшей в начале 1940-х годов, обсуждались приемы математической статистики, тогда только начинавшие входить в методический арсенал социальных наук.

За десять лет до встречи с книгой Кэнтрила мне пришлось целенаправленно заниматься методологическими и математическими проблемами факторного анализа. Я пытался проследить миграцию идеи и методов факторизации корреляционных матриц из области измерения интеллекта в другие области психологии и другие науки. В этой книге мое внимание привлекла глава Джона Хардинга (род. 1919), в которой излагались итоги факторного анализа показателей массового сознания. Мне захотелось узнать больше о Хардинге и о том, как он пришел к использованию этой новой и сложной по тем временам математической техники. Но сделать это тогда не удалось.

При направленном изучении творчества Кэнтрила возникло желание реализовать мой давний замысел. Хотя про-

шло 60 лет после публикации названной книги, я все же решил найти Джона Хардинга и задать ему накопившиеся вопросы. Опуская долгую историю поисков, скажу лишь, что мне это удалось. И я был счастлив, получив первое короткое электронное письмо Хардинга, начинавшееся словами: «Да, я был членом “команды” Кэнтрила ...с февраля 1942-го по май 1943-го» [6].

Университетский ученый становится полстером

Элмо Роупер не имел университетского образования; Арчибальд Кроссли получил его уже в зрелые годы; Гэллап имел прекрасное университетское образование, преподавал в различных университетах, но никогда не был академическим ученым. К изучению общественного мнения они пришли от исследований рынка и фактически одновременно, но независимо друг от друга. Кэнтрил же всегда оставался «университетским» человеком. По-настоящему он заинтересовался изучением общественного мнения после завершения рузвельтовской избирательной кампании 1936 года, и в значительной степени это произошло под влиянием Гэллапа.

Альберт Хэдли Кэнтрил (Albert Hadley Cantril, 1906–1969) родился в крошечном городке Хайрум (Hyrum), штат Юта (Utah), в котором и в начале XXI века нет пяти тысяч человек, в семье врача. В 1928 году он окончил Дартмутский колледж (Dartmouth College, Hanover, New Hampshire), одно из старейших высших учебных заведений Америки. Колледж был основан в 1769 году и имел очень сильный преподавательский состав. Получив степень бакалавра психологии, Кэнтрил два года учился в Берлине и Мюнхене и завершил свое образование в Гарвардском университете, получив в 1932 году степень доктора психологии. В течение года он преподавал социологию в Дартмутском колледже, затем вернулся в Гарвард.

И в Дартмутском колледже, и в Гарварде психологию Кэнтрилу преподавал Гордон Олпорт (Gordon Willard Allport, 1897–1967) – продолжатель традиций Уильяма Джемса (William James, 1842–1910), один из крупнейших специалистов XX века в области исследования личности,

активно и плодотворно работавший во многих направлениях социальной психологии. Результаты своей докторской работы по измерению установок, выполненной под руководством Олпорта, Кэнтрил опубликовал в своей первой монографии в 1932 году [7]. Взаимообогащающее сотрудничество профессора и бывшего студента продолжалось несколько десятилетий и способствовало интеллектуализации исследований общественного мнения и появлению многих идей, связанных с развитием психологии.

В 1935 году Кэнтрил и Олпорт опубликовали книгу “The Psychology of Radio” («Психология радио») [8], в которой обозначили структуру радиоиндустрии и сформулировали общие подходы к изучению влияния радио на сознание аудитории. Фактически речь шла об особенностях мира, создаваемого этим средством коммуникации. Книга адресовалась исследователям, журналистам и одновременно – аудитории, что отвечало пониманию авторами роли психологической науки [9]. Эта работа не только заметно повлияла на становление социопсихологических исследований средств массовой информации в Америке, но и во многом определила научную и личную судьбу Кэнтрила.

Хотя сам Кэнтрил не относил свои ранние работы к тематике изучения общественного мнения, в действительности они были именно таковыми. В обстоятельной книге Уильяма Албига “Public Opinion” («Общественное мнение») [10], изданной в 1939 году, приводится краткий анализ исследования Кэнтрила по психологии радио и его докторской диссертации. В монографии Чарльза Смита, также опубликованной в 1939 году, результаты Кэнтрила и Олпорта приводятся как доказательство эффективности радио в формировании массового сознания и поведения [11].

В 1934 году Кэнтрил опубликовал статью «Социальная психология повседневной жизни» [12]. В ней, в частности, отмечалось, что социальная психология постоянно разрабатывает новые методы, тогда как можно адаптировать решаемые ею проблемы и использовать уже существующие измерительные технологии. В 1935 году Кэнтрил начал знакомиться с газетными и журнальными публикациями Гэллапа, Роупера и Кроссли и увидел в их методах новый мощный измерительный инструмент для социальной психологии. Поэтому он с энтузиазмом принял предложе-

ние “The New York Times” написать серию статей о «научных» методах изучения общественного мнения. В процессе подготовки этих статей Кэнтрил встретился в Принстоне с Гэллапом. Это было непосредственно перед завершением избирательной кампании 1936 года, после того как Гэллап опубликовал материалы, из которых следовало, что прогноз исхода выборов, сделанный “The Literary Digest”, ошибочен. По воспоминаниям Кэнтрила, Гэллап в тот момент был «что совершенно естественно, очень нервным и возбужденным», но принял его крайне вежливо, был искренне рад тому, что университетский социальный исследователь серьезно отнесся к его работе и предложил Кэнтрилу использовать для будущих исследований возможности своей системы по сбору данных, то есть выборку и обученных интервьюеров [1, р. 22–25]. Наблюдения 1936 года и беседы с Гэллапом легли в основу часто цитируемой статьи Каца и Кэнтрила о «научных» опросах общественного мнения [13].

В 1936 году Кэнтрил становится профессором Принстонского университета. Решение о переходе в Принстон, писал он, в немалой степени было обусловлено предложением Гэллапа о сотрудничестве. Сын Кэнтрила пишет по этому поводу: «...соседство с организацией Гэллапа больше всего повлияло на решение Кэнтрила принять приглашение Принстонского университета» [14].

Многое сближало этих двух молодых и успешных психологов: увлеченность делом, взгляды на роль науки в обществе, гражданские позиции, соседство по Принстону. Но главным, видимо, было их активное отношение к жизни, позитивная агрессивность в поиске нового. Джон Хардинг, ученик Гордона Олпорта, в начале 1940-х годов работавший с Кэнтрилом, в письме ко мне назвал Кэнтрила a great iconoclast, что можно перевести как «убежденный противник традиционности, созидатель новых норм». В современном американском английском синонимом слова iconoclast является maverick, исходно – «корова, не желающая ходить в стаде», в наше время – «нонконформист», «мятежник». Это сразу напомнило мне статью Гэллапа-студента “Be Radical!” («Будь радикальным!») и его призыв не быть «коровой, ходящей в стаде».

Альберт Кэнтрил, говоря о многолетней дружбе своего отца и Гэллапа, прежде всего отмечает, что оба они пони-

мали важность использования эмпирического инструментария при изучении общественного мнения и разделяли убежденность в том, что народ мудр, если он достаточно информирован [15].

На рубеже 1935–1936 годов началось эффективное многолетнее и многоплановое сотрудничество Кэнтрила с Фондом Рокфеллера (Rockefeller Foundation), созданным титаном американского бизнеса и крупным филантропом Джоном Рокфеллером (John Davidson Rockefeller, 1839–1937) в 1913 году. Финансирование научных исследований всегда было одним из приоритетных направлений Фонда Рокфеллера, и с середины 1930-х годов Фонд начал активно стимулировать исследования в области пропаганды.

Инициатором этой огромной работы был Джон Маршалл (John Marshall, 1903–1980), в течение почти сорока лет занимавший ключевые посты в Фонде [16]. В то время, когда большинство социальных исследователей и либеральной интеллигенции Америки к пропаганде относилось негативно, Маршалл считал, что демократическая пропаганда нужна стране и потому стремился объединить усилия психологов и исследователей общественного мнения при разработке научных принципов воздействия на сознание людей.

Маршаллу показалась крайне интересной книга Кэнтрила и Олпорта о психологии радио, и именно в Кэнтриле он увидел интеллектуального и морального лидера этого исследовательского направления. Возможно, Маршалл учитывал и факт личного знакомства Кэнтрила с Нельсоном Рокфеллером (Nelson Aldrich Rockefeller, 1908–1979), правнуком основателя Фонда, крупным бизнесменом, амбициозным политиком и известным филантропом. Кэнтрил и Рокфеллер познакомились во время учебы в Дартмутском колледже.

При поддержке Маршалла в 1936 году Кэнтрил и Фрэнк Стентон (Frank Stenton, род. 1908) создали Принстонский проект изучения радио (Princeton Radio Research Project), в рамках которого было проведено множество исследований роли радио в жизни общества. Классикой социальной психологии и социологии признано исследование паники, которая возникла в ходе радиоспектакля по известному роману Герберта Уэллса «Война миров», поставленного совсем еще молодым режиссером, однофамильцем писателя Орсоном Уэллсом (George Orson Welles, 1915–1985).

В 8 часов вечера 30 октября 1938 года, накануне традиционного общеамериканского праздника Хэллоуин, в радиоспектакле американцы услышали сообщение о высадке пришельцев с Марса. Звуковое оформление передачи создавало впечатление начала сражения с марсианами и возникновения паники среди населения. Не все слушали передачу с самого начала; те, кто настроился на эту волну несколько позже, воспринимали ее как репортаж с места событий. Диктор сообщил, что марсиане распространяются по округу Нью-Джерси, им наперехват выслана полиция, применено лучевое оружие и есть тысячи убитых. Звучали голоса «очевидцев», следовали «официальные сообщения»... Радиослушатели стали звонить своим родственникам и друзьям в другие штаты. Дослушавшие передачу до конца поняли, что это был спектакль. Но многие в страхе покидали дома, дороги были забиты транспортом, люди врывались в церкви и, прерывая богослужения, рассказывали о случившемся. Телефоны в редакциях газет и на радиостудиях надрывались...

Изучение отношения населения к передаче позволило выявить многие закономерности, касающиеся эффектов коммуникационного воздействия на поведение больших групп населения в тревожной информационной среде. Причины и механизмы возникновения паники были описаны Кэнтрилом с соавторами в книге “The Invasion from Mars: A Study in the Psychology of Panic” («Вторжение с Марса: исследование психологии паники») [17], не потерявшей своего значения и в наши дни.

В 1936 году в Принстоне при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера Кэнтрил создал свою аналитическую структуру – Бюро по изучению общественного мнения (Office of Public Opinion Research, OPOR). Первоначальные цели OPOR заключались в систематическом изучении технологий измерения общественного мнения, углубленной проработке его психологических аспектов, создании архива данных для использования их в мониторинге во время войны, которая уже началась в Европе. В 1940 году, когда стало очевидным, что Америка будет участвовать в войне, Кэнтрил обозначил три важнейшие проблемы, стоявшие перед OPOR: разработка вопросов, ответы на которые могли бы полнее выявить отношение населения к войне; форму-

лирование трендовых вопросов, которые могли использоваться регулярно или в качестве реакции на определенные события; наконец – проверка устойчивости результатов измерений, получаемых по малым выборкам [1, p. 24–25].

Работа на президента

Перед Второй мировой войной опросы общественного мнения лишь начинались; это был короткий (пятилетний) период поиска их оптимальной технологии и организации, кристаллизации их социальных функций. Война, необходимость решения новых и сложных политических, военных, социальных, пропагандистских и прочих задач способствовали привлечению на правительственную службу огромного числа интеллектуалов. Возросшая потребность различных правительственных структур в информации о сознании и поведении населения Америки и других стран привела к сотрудничеству госструктур с социальными исследователями, в том числе – аналитиками общественного мнения. Годы войны оказались определяющими для становления культуры опросов и развития профессионального сообщества исследователей общественного мнения. Здесь мы рассмотрим лишь один сюжет – начало сотрудничества исследователей с президентом Рузвельтом и его ближайшими советниками.

В сентябре 1940 года по инициативе Н. Рокфеллера, возглавлявшего в администрации Рузвельта Комитет по межамериканским отношениям, под руководством Кэнтрила и Гэллапа начались исследования того, как реагировало бы население Латинской Америки на нацистскую пропаганду, если бы такая осуществлялась. В них участвовал Ллойд Фри (Lloyd A. Free, 1908–1996) [18], один из пионеров международных и кросскультурных опросов общественного мнения. Блестяще окончив Принстонский университет и получив степени в области юриспруденции в Стенфорде, он заинтересовался внешней политикой и в конце 1930-х стал радиокомментатором. Его анализ военных действий Германии всегда был точен. Во время войны капитан разведки Фри служил в американском военном представительстве в Швейцарии, в Берне. Он многократно посещал лагеря

военнопленных и оказывал помощь в организации их жизни. В Берне он работал и был дружен с Алленом Даллесом (Allen W. Dulles, 1893–1969), будущим руководителем Центрального разведывательного управления. Фри дважды был редактором журнала “Public Opinion Quarterly”, возглавлял Государственный департамент всемирных информационных программ, из которого выросло Информационное агентство США (United States Information Agency). Книга Фри и Кэнтрила “The Political Beliefs of Americans. A Study of Public Opinion” («Политические установки американцев: исследование общественного мнения») [19], обобщающая итоги многих опросов, признана классикой политической психологии.

Кэнтрил понимал важность результатов, полученных в Латинской Америке, но не имел права их публиковать, разглашать. Эта коллизия разрешилась самым неожиданным образом: он стал работать непосредственно на президента Рузвельта. Опишем вкратце, как это произошло.

Началу контактов Кэнтрила с президентом Америки способствовал Джеймс Юнг (James Webb Young, 1886–1973), интеллектуал, практик и теоретик американской рекламной индустрии. В 1931 году он, имея лишь школьное образование, стал преподавать историю бизнеса и рекламы в Чикагском университете. В предвоенные годы Юнг основал Фонд военной рекламы и был одним из его руководителей.

В начале декабря 1940 года Рокфеллер попросил Кэнтрила встретиться с Юнгом и ознакомить того с результатами исследований в Латинской Америке. Юнг решил, что эта информация будет полезна для президента. Кэнтрил подготовил специальный отчет и передал его Рузвельту через близких к тому людей. В мемуарах Кэнтрила упоминаются проекты, подготовленные специально для Рузвельта, который учитывал их при принятии важнейших политических решений. Кэнтрил писал:

«Рузвельт анализировал полученные отчеты, как генерал, который изучает информацию, представленную службой разведки при планировании стратегии кампании. Насколько я знаю, Рузвельт никогда не менял своих целей из-за того, что общественное мнение высказывалось против него или было не информированным. Скорее, он использо-

вал эту информацию для того, чтобы быстрее и эффективнее ввести общественность в курс действий, которые считал наилучшими для страны. Я уверен, что он согласился бы со словами Черчилля: “...ничего не может быть опаснее, чем находиться в неопределенной атмосфере опросов Гэллапа... Есть лишь один долг, один безопасный курс, и надо постараться верно его определить и не бояться делать и говорить то, что соответствует твоим убеждениям”» [1, р. 41–42].

Следует кратко сказать еще об одном лидере рекламного бизнеса, способствовавшем, по словам Кэнтрила, регулярному проведению опросов общественного мнения, которые президент учитывал при выработке национальной политики.

Вскоре после событий в Перл-Харборе, вспоминал Кэнтрил, ранним воскресным утром ему позвонил Джерард Ламберт (Gerard Barnes Lambert, 1886–1967), его сосед по Принстону, с которым он не был знаком, и спросил, не может ли он быть полезен Кэнтрилу в работе на президента, о которой он узнал от их общего друга. Кэнтрил и Ламберт встретились; беседа началась утром и завершилась ужином в доме Ламберта. Последний предложил свою помощь в разработке идей, написании отчетов, финансировании.

Ламберт был уникальным бизнесменом и талантливейшим человеком. Он получил образование в Принстоне и Колумбийском университете, во время Первой мировой войны служил в армии и в 1921 году начал работать в фирме своего отца, одного из изобретателей известного антисептика «листерин». В 1922 году Ламберт открыл рекламное агентство в Нью-Йорке и смог увеличить доходы фирмы по выпуску листерина в 60 раз.

До того момента сбор информации для OPOP проводил Институт Гэллапа, Ламберт предложил создать собственную систему общенациональных опросов, сопоставимую с гэллаповской. В начале 1942 года некоммерческая структура “Research Council, Inc.” была создана. Ежемесячно Кэнтрил высылал в офис Ламберта в Нью-Йорке отчет о затратах на исследования, и оттуда приходил чек на их оплату. Не было никаких финансовых ограничений, проводились все исследования, которые, по мнению Кэнтрила и Ламберта, были полезны Белому дому или заказывались им. Большая часть работы делалась в доме Ламберта в Вашингтоне. Кэнтрил

писал: «Джерри был в высшей степени талантливый и творческим партнером в той огромной работе, которая делалась для Рузвельта в течение войны, а его щедрая финансовая помощь давала мне возможность проводить те исследования для Рузвельта, которые я считал необходимыми, вне зависимости от того, будут ли они поддержаны каким-либо правительственным фондом» [1, р. xi].

В 2003 году, через 60 лет после описываемых событий, профессор Джером Брунер (Jerome Seymour Bruner, р. 1915) в письме ко мне вспомнил некоторые обстоятельства своей работы с Кэнтрилом и, в частности, заметил, что Кэнтрил глубоко верил в ценность общественного мнения как института демократии и восхищался тем, что «Рузвельт скорее “вел” общественное мнение, чем следовал ему... Кэнтрил никогда не видел, чтобы президент просто подчинялся мнениям» [20].

Сеймур Садмен (Seymour Sudman, 1928–2000), много сделавший для совершенствования опросных методов и прекрасно знавший историю предмета, отмечал принципиальную роль Рузвельта в развитии в стране опросов общественного мнения. Он полагал, что «здесь немаловажную роль сыграли прагматический характер ФДР (Франклина Делано Рузвельта. – *Б.Д.*) и блестящая команда сотрудников, которую он собрал вокруг себя; это породило атмосферу, в которой зарождавшиеся исследования общественного мнения могли вырасти и расцвести. ФДР мог обратиться к американскому народу по-дружески, как говорят, сидя у камина; так же он мог и слушать людей через опросы общественного мнения» [21]. Безусловно, Ламберт и Кэнтрил были одними из тех, кто создавал эту доверительную атмосферу, закладывал традицию серьезного, внимательного отношения высшей властной элиты к результатам опросов.

Садмен смог афористично передать отношение Рузвельта к общественному мнению: «Он всегда был впереди, но не слишком впереди общественных настроений» [21 р. 302]. После Рузвельта фактически все президенты Америки – включая Г. Трумэна, у которого были основания не доверять результатам опросов, – в той или иной мере следили за общественным мнением и учитывали его в своей политике.

Кросскультурные зондажи общественного мнения

Сейчас хотелось бы обратиться к событиям послевоенной жизни и привести некоторые важные страницы истории одного из центральных для Кэнтрила исследовательских направлений – восприятия населением разных стран друг друга.

Все начиналось со скромных опытов Адельберта Амеса (Adelbert Ames, Jr., 1880–1953) [22], специалиста в области физиологии зрения. Амес получил юридическое образование в Гарварде, работал по специальности, но постепенно стал интересоваться искусством, живописью. Тогда и возник его интерес к физиологической оптике: он пытался понять, каким образом художники передают увиденное и как люди воспринимают изображенный мир. Амес участвовал в Первой мировой войне, в 1919 году вернулся к научным исследованиям и через два года стал профессором в области физиологической оптики в Дартмутском колледже, где учился Кэнтрил. В сотрудничестве с физиками Амес построил физическую модель глаза и проводил сотни опытов по восприятию человеком наблюдаемых объектов. Он обнаружил неизвестные науке аномалии зрения и придумал линзы, корректирующие их. Одна из современных энциклопедий пишет об Амесе: «...американский ученый, изучавший оптику и психологию визуального восприятия. Он пришел к заключению, что многое из того, что индивид видит, зависит от того, что он ожидает увидеть, основываясь (осознанно или неосознанно) на своем опыте» [23].

Еще в начале 1930-х годов Кэнтрил в своих психологических исследованиях исходил из того, что отношение человека к миру не есть механическая реакция на окружающую его среду, но перенос (transact) всего того, что окружает человека, а также его опыта, накопленного во всем, в чем он играет роль активного агента. Этот подход к человеческому поведению, по мнению Кэнтрила, можно назвать транзактивной (transactional) психологией [1, p. 16–17]; он навеян опытами Амеса, развивавшего теорию и эксперименты Гельмгольца. В 1947 году Кэнтрил начал тесное сотрудничество с Амесом, видя в его экспериментах подтверждение своих психологических воззрений и теоретическую базу для исследований общественного мнения.

Работа Кэнтрила с Амесом продолжалась долгие годы и оборвалась лишь со смертью последнего. Совместно они опубликовали серию философско-методологических статей, раскрывающих природу транзактивных процессов. В 1960 году под редакцией Кэнтрила вышел сборник статей Амеса. Социально-психологическая интерпретация опытов Амеса привела Кэнтрила к разработке концепции транзактивного восприятия мира. Эта концепция составила основу теоретических исследований Кэнтрила и была методологическим базисом многих исследований общественного мнения, проведенных им в последние годы жизни [24]. Смерть оборвала работу Кэнтрила над книгой по транзактивной психологии [25], в которой он предполагал обобщить результаты своей многолетней работы по этой тематике, осуществлявшейся с Амесом и Уильямом Ливингстоном (William Kenneth Livingston, 1892–1966).

Среди множества изобретений Амеса, показывавших, что восприятие мира человеком зависит от его опыта, самым известным является «комната Амеса». При рассмотрении ее через набор линз комната выглядит нормальной. Однако ее стены и окна имеют форму трапеции и один угол намного более удален от наблюдателя, чем другой. В результате два человека одинакового роста, стоящие в разных углах, кажутся – один маленьким, другой – гигантом. Этот простой психофизиологический опыт показывает, что даже рост человека не воспринимается наблюдателем как нечто абсолютное. Результат восприятия оказывается функцией многих параметров.

Социально-психологические эксперименты с использованием изобретений Амеса стали методологической базой одного из активно развивающихся направлений в изучении общественного мнения: образа одних стран в сознании населения других стран. В последние десятилетия XX века в связи с актуализацией проблем глобального устройства мира подобные исследования стали традиционными для аналитиков общественного мнения, социологов и социальных психологов.

Весной 1952 года Ламберт пригласил Кэнтрила на ланч и попросил его принести какие-нибудь «игрушки» Амеса. В этой неформальной встрече участвовало несколько бывших выпускников Принстона. Кэнтрил показал им изобре-

тения Амеса, пояснил природу зрительных иллюзий и провел аналогии между индивидуальным зрением человека и тем, как происходит восприятие окружающего мира значительными группами людей. Гости Ламберта обладали, как и он сам, многомиллионными состояниями; они выделили деньги на трехлетнюю программу изучения образа Америки в сознании населения других стран.

Кэнтрил был крайне занят преподаванием и административными делами в Принстоне и не мог включиться полностью в эту программу. Он пригласил возглавить ее своего друга Ллойда Фри, имевшего к тому времени опыт проведения международных опросов и знавшего суть кэнтриловской транзактивной психологии. Опросы были проведены в четырех странах, отобранных в силу различия их социополитических структур и специфики стоявших перед ними проблем: Японии, Таиланде, Италии и Франции. 300 копий отчета были направлены в правительственные и академические структуры. Исследования получили высокую научную оценку и вызвали большой интерес у политиков. То, что произошло дальше, оказалось неожиданным даже для Кэнтрила и Фри.

В 1955 году Рокфеллер, тоже знавший о работах Амеса и ознакомившийся с отчетом Фри, пригласил его и Кэнтрила к себе в Вашингтон и поинтересовался, каким образом они хотели бы расширить эти исследования. Однако Кэнтрил и Фри полагали, что проект завершен, и планировали работу над новыми темами. Тогда Рокфеллер спросил, сколько им надо денег, чтобы заниматься тем, чем они хотят, до конца жизни. Кэнтрил попросил два миллиона долларов на двоих. Рокфеллер ответил, что попытается получить один миллион в Фонде братьев Рокфеллер, президентом которого он был, а если не сможет, то даст им эти деньги сам.

В результате Кэнтрил оставил Принстон, Фри отказался от заманчивых предложений работы, и они создали некоммерческую корпорацию «Институт международных социальных исследований» (The Institute for International Social Research). Под руководством Кэнтрила и Фри было проведено множество опросов, выясняющих отношение населения разных стран к Америке.

Классикой политической социологии стало исследование Фри, проведенное на Кубе в апреле-мае 1960 года, целью

которого было выявить отношение кубинцев к политике Фиделя Кастро. К тому времени прошло чуть более года после прихода к власти Кастро, и оставалось менее года до вторжения американцев на Кубу в Заливе Свиней. Фри преодолел массу препятствий, но опрос был осуществлен. Было зафиксировано, что население в массе своей поддерживает Кастро и настроено против возвращения режима Батисты. Отчет Фри был направлен в Белый дом, Госдепартамент, различные государственные структуры и средства массовой информации. В августе 1960 года “The New York Times” опубликовала значительные фрагменты отчета.

Однако наступал завершающий период деятельности администрации Эйзенхауэра, готовившей вторжение на Кубу, и отчеты Фри не были использованы. Новый президент Джон Кеннеди и его главные советники не были знакомы с материалами исследования, однозначно показывавшими, что кубинцы выступают в защиту революции и, таким образом, США потерпят поражение при попытке свержения Кастро [1, р. 1–5]. Кеннеди очень интересовался результатами опросов общественного мнения, и, как отмечал С. Садмен в цитированной выше статье, итоги опроса Фри, возможно, не случайно не дошли до него. Похоже, они были похоронены в ЦРУ или Государственном департаменте, где были сильны антикастровские настроения.

Наследие Хэдли Кэнтрила изучено слабо. Но уже сегодня можно утверждать, что многое в современной глобальной культуре измерения общественного мнения, равно как и в практике политической жизни демократических стран, берет начало в его работах, является развитием его взглядов на природу этого сложного социально-психологического феномена и на роль его исследователя.

Исследования опросных методов

В некрологе Хэдли Кэнтрилу Гэллап писал: «Несколько поколений студентов колледжей впервые ознакомились с проблемами и методами выборочного изучения общественного мнения по книге д-ра Кэнтрила “Gauging Public Opinion”, которая и сейчас остается классикой в этой области» [4, р. 506]. Это было сказано в 1969 году по пово-

ду книги, опубликованной в 1944 году [5]. На четверть века раньше, ознакомившись с рукописью, Гордон Олпорт сказал: «Историки социальных наук в ряде случаев будут отмечать выход этой книги как важное событие» [26]. Конкретизируя и осовременивая сказанное Олпортом и Гэллапом, дочь Арчибальда Кроссли (Archibald Crossley, 1896–1985) Хелен Кроссли в начале осени 2003 года писала мне, что студенты ее поколения многое узнали из этой ранней работы Кэнтрила [27].

Прошло 60 лет после опубликования “Gauging Public Opinion” и более 30 лет после того, как Гэллап отметил ее значение. Ушла ли книга в прошлое, оставшись лишь в памяти тех, кто учился в 1940–1960-е? Цитируется ли она в современных работах или результаты новых поколений ученых полностью перекрыли ее содержание? Каково значение этой книги на рубеже веков?

Прежде всего, отметим, что в 1972 году книга была переиздана и многие преподаватели университетов включают ее в списки литературы для студентов, специализирующихся в различных направлениях социальных и политических наук. Далее, итогом многолетних и интенсивных исследований методов, приемов изучения общественного мнения является обширнейшая литература, освещающая многочисленные грани этой широкой и многоуровневой темы. За более чем полвека использования и анализа опросных технологий в методической проблематике обнаружилось множество проблем и вопросов, не возникавших в конце 1930-х – начале 1940-х, появился ряд концептуальных положений, не существовавших в теоретическом арсенале исследователей первого поколения. Тем не менее, можно утверждать, что книга Кэнтрила цитируется в большом числе разработок последних десятилетий XX века и будет использоваться в теоретико-методологических построениях XXI века. Ее потенциал явно не исчерпан.

Ответ на третий из поставленных выше вопросов много сложнее и требует хотя бы краткого рассказа о книге. Ее структура и содержание, по сути, обозначили семантику и метрологическое пространство последующих методических исследований опросных технологий, в ней явно прописаны важнейшие направления подобных поисков: формулировка вопросов и построение шкал, выявление влияния интервью-

еров, построение и реализация репрезентативной выборки, поиск факторов, детерминирующих общественное мнение.

Со ссылкой на опыт измерения в технике [5, p.130] – это принципиально – была введена классификация ошибок измерения. Выделялись два класса погрешностей: систематические и случайные. Первые снижают правильность измерения, вторые – точность. Безусловно, в статистике и психологии эта классификация использовалась и до Кэнтрила, применялась она и в ряде ранних исследований опросных приемов. Однако Кэнтрил фактически придал ей статус универсальной классификации, базы для тотального изучения инструментальных погрешностей измерения.

В книге выделен широкий круг факторов, влияющих на результаты опросов общественного мнения, и показано, что случайные (статистические) ошибки, прежде всего, сопровождающие реализацию выборочного плана, часто не являются основными. Нестатистические погрешности куда более значительны и «опасны», чем следствия, обусловленные малым объемом выборки.

При анализе правильности измерений Кэнтрил применял простейший математический аппарат, но было ясно, зачем и почему он используется, четко формулировалась логика методического поиска и описывались результаты «расследования». Доказывалось, что формулировки вопросов интервью или анкеты и тип шкалы провоцируют смещение результатов измерений; что интервьюер – не робот, задающий вопросы и фиксирующий ответы респондентов, но источник измерительных шумов; что за нейтральным ответом скрываются разные мнения; что отказ от участия в опросе есть не просто характеристика конкретного индивида, а позиция определенной социальной общности, и т.п. Сегодня все это кажется тривиальным, но 60 лет назад названное предстояло осознать, выявить и измерить. Важно было также открыто сказать о том, что каждая операция в длинной цепи измерения общественного мнения может внести серьезные погрешности в итоговый результат. Безупречный научный авторитет и высокое общественное признание, приобретенные Гэллапом к началу 1940-х, были рациональной и моральной базой подобных критичных выводов.

Ключевую роль Гэллапа в создании этой книги Кэнтрил обозначил максимально четко. Книга открывается посвя-

щением Джорджу Гэллапу, а введение завершается словами: «Хотя выражение “опрос Гэллапа” стало сейчас почти обыденным, лишь немногие знают, сколько экспериментов провел д-р Гэллап для того, чтобы лучше понять механизм, в создание которого он внес столь большой вклад. Население и социальные исследователи должны ценить то обстоятельство, что человек, работа которого оказывает столь значительное влияние на состояние общественного мнения, достоин всяческого уважения в силу своей честности, высокой любознательности и научной проницательности» [5, р.130].

Вклад Гэллапа в создание своей книги Кэнтрил указал следующим образом: «...он разрешил мне использовать все данные своих Американского и Британского институтов общественного мнения. ...Гэллап также стимулировал мои эксперименты с его исследовательским инструментарием без ограничений или оговорок относительно публикации результатов... Идеи ряда исследований, описанных в этой книге, принадлежат д-ру Гэллапу. Диалоги с ним помогли мне сформулировать многие из проблем, которые изучались ОРОР» [28].

Поясню на двух примерах свое утверждение о том, что и к началу XXI века потенциал книги Кэнтрила далеко не исчерпан.

Первый пример касается динамики отношения американцев к участию их страны во Второй мировой войне и к ряду проблем внутренней политики. Кэнтрил интерпретировал тенденции развития общественного мнения как многомерные социальные процессы, в его модель одновременно входили и макроэкономические, и политические индикаторы, события, которые могли быть решающими для изменения сознания людей, и собственно показатели установок населения. Однако в силу оперативного характера его исследований, отсутствия в те годы необходимого математического аппарата и вычислительной техники, на практике он использовал простой описательно-графический метод анализа трендов. Прошло более полувека после выхода книги, но методология изучения изменчивости общественного мнения на базе теории многомерных социальных процессов не получила должного внимания и развития. По сути, повсюду доминирует тот самый описательно-графический метод ана-

лиза трендов сознания, который использовался Кэнтрилом во время Второй мировой войны.

В книге приводится около двух десятков законов изменчивости общественного мнения, интересных в содержательном и инструментальном отношении. Эти законы углубляют понимание природы и характера изменения массовых установок и одновременно раскрывают познавательные возможности нового для того времени динамического анализа мнений. Безусловно, при подготовке книги Кэнтрил, а именно он был автором раздела об изучении трендов, еще не мог писать, что этот материал прежде всего привлекал внимание президента Рузвельта. Через четверть века автор отметил, что в годы войны эти графики были секретными и потому новые точки на траекториях динамики мнений наносились им в приемной личного секретаря президента. Ответственные сотрудники администрации летали из Вашингтона в Принстон к Кэнтрилу, чтобы ознакомиться с динамическими рядами. Рузвельт внимательно следил за трендами и регулярно обращался в Институт Гэллапа или исследовательский центр Кэнтрила, чтобы выяснить, в какой мере население одобряет его работу [1, р. 41–51].

Второй пример, демонстрирующий, что методы изучения общественного мнения, описанные в книге, заметно опережали время, связан с использованием многомерного факторного анализа, который в те годы был крайне трудоемок в вычислительном отношении и недостаточно освоен в логическом плане. Ответ на вопрос, почему Кэнтрил писал об этом в книге об изучении общественного мнения, опубликованной менее чем через десять лет после зарождения таких опросов, крайне важен не только для понимания генезиса опросной методологии и процедуры, но и для обсуждения будущего опросных технологий.

Говоря о Хардинге – авторе главы, в которой приводятся итоги использования факторного анализа при измерении гражданской морали, – Кэнтрил отметил лишь, что тот защитил докторскую диссертацию по этой теме и с февраля 1942 года начал работать в Бюро по изучению общественного мнения.

В двух обстоятельных письмах Хардинг рассказал мне о том, как он осваивал факторный анализ и кто помогал ему в этом. Все эти детали крайне интересны, ибо указывают

еще на один канал миграции методов из области психологии личности в сферу измерения общественного мнения.

Хардинг учился в Университете Миннесоты и провел докторское исследование в Гарварде в 1943 году под руководством Гордона Олпорта; почти вся его работа, за исключением двух вводных глав, вошла в книгу Кэнтрила. Еще обучаясь в Миннесоте, он заинтересовался факторным анализом, прошел несколько курсов высшей математики и статистики и был уверен, что сможет использовать этот метод, если представится случай.

На мой вопрос, знал ли Кэнтрил факторный анализ, Хардинг заметил, что у него не было оснований думать, что Кэнтрил, Олпорт или Джордж Гэллап были знакомы с факторным анализом: «В ходе устного экзамена в Гарварде по материалам моей докторской диссертации ни один из них не задал мне ни одного вопроса относительно двухфакторного анализа» [29]. Ответ Хардинга нуждается в комментарии.

Факторный анализ – это не только определенное воззрение на природу интеллекта, сознания, но одновременно – сложная статистическая технология; во всяком случае, таковой она была до конца 50-х годов прошлого века. Скорее всего, ни Кэнтрил, ни Олпорт, ни Гэллап не владели техникой факторизации корреляционных матриц, однако трудно допустить, что они не были знакомы с работами Спирмена и Терстоуна по теории интеллекта и не знали сути факторного анализа.

Гэллап еще в студенческие годы знал основы корреляционного анализа и спирменовской двухфакторной теории способностей. Олпорт, один из наиболее эрудированных психологов своего времени, в начале 1920-х годов учился в Кембридже в Англии, где были сильны математико-статистические традиции Гальтона и Пирсона, и, безусловно, прекрасно знал работы Спирмена и Терстоуна, в том числе, возможно, через дискуссии с авторами. Да и вообще, можно ли допустить, чтобы руководитель докторского исследования поддерживал использование его студентом методов, о которых он сам ничего не знает?

Знакомство Кэнтрила с идеями и методами корреляционного анализа, концепциями описания сознания через латентные переменные обнаруживается уже в его докторском исследовании [7], завершено за десять лет до публика-

ции книги по измерению общественного мнения. Ключевые слова заголовка его диссертации: «общие и специфические установки» – перекликаются со спирменовскими общим и остаточными факторами. В своем предисловии к этой докторской монографии Г. Олпорт, руководивший исследованием Кэнтрила, отмечал глубокое знание его студентом американских и европейских традиций изучения установок и владение многими экспериментальными методами психологии.

Но, пожалуй, самым убедительным аргументом в пользу того, что за много лет до работы над книгой по измерению общественного мнения Кэнтрил знал логику и возможности факторного анализа, являются две заметки, опубликованные в 1937 году в первом томе журнала “Public Opinion Quarterly”. В весеннем выпуске журнала был помещен обзор новых методов, используемых в политических науках. В нем, в частности, отмечалось: «Профессор Гарольд Ф. Госнелл применяет многофакторный анализ профессора Л.Л. Терстоуна для изучения партийных установок», [30] – и указывалась статья Госнелла с анализом выборов 1934 года в Чикаго. Кэнтрил, безусловно, знал содержание этого обзора, он был членом редколлегии POQ и отвечал за освещение журналом методических проблем изучения общественного мнения. Обзор был размещен в рубрике, которую он редактировал.

Возможно, Кэнтрил посчитал недостаточным это короткое представление читателям многофакторного анализа, и потому через полгода в четвертом выпуске журнала была опубликована рецензия [31] на книгу Терстоуна, вводящую в методологию и технику извлечения и интерпретации факторов [32].

Следует согласиться с Хардингом в том, что среди причин, объясняющих включение Кэнтрилом главы о факторном анализе в книгу по методам изучения общественного мнения, было стремление последнего показать как можно шире арсенал приемов, используемых при измерении установок населения, а также продемонстрировать методологическую продвинутость сотрудников OPOB. Но это не все. Возможно, Кэнтрил, Гэллап и Олпорт при подготовке книги трактовали изучение общественного мнения как одно из новых направлений психологической науки, и в этом случае раздел, демонстрирующий возможности факторного

анализа, был абсолютно естественным. Крайне важно и то, что в разработке шкал, к которым применялась факторизационная техника, участвовали Гэллап и Олпорт. Могли ли они, конструируя шкалы, не задумываться о том, как будут обрабатываться результаты измерений? Подобное трудно допустить.

Сказанное позволяет предположить, что использование приемов многомерной статистики при анализе опросов общественного мнения виделось Гэллапу и Кэнтрилу как необходимое звено опросной технологии. До широкого применения компьютеров построение измерительной цепи, включающей использование факторного анализа, было неосуществимым. В последние десятилетия XX века такая возможность появилась, однако факторный анализ не стал «рутинным» приемом изучения общественного мнения. Это дело будущего.

Исследование Хардинга, результаты которого были опубликованы в книге Кэнтрила, имеют важнейшее историко-методологическое значение. Это, как мне представляется, первый опыт применения факторного анализа к материалам опросов общественного мнения. В предметном плане работа Хардинга развивает психологические построения Олпорта, а в общеметодологическом – концепцию Терстоуна и впервые доказывает многофакторность массового сознания.

Однако историческая направленность нашей работы и стремление к выявлению методических истоков изучения общественного мнения заставляют нас еще немного углубиться в прошлое и вспомнить, что исследование политических установок – одно из направлений политической социологии и психологии.

В 1935 году Госнелл опубликовал итоги факторного анализа президентских выборов в Чикаго, состоявшихся в 1932 году, в 1936 году – еще две статьи, содержащие анализ факторной структуры индикаторов активности чикагского электората на выборах 1934 года. В 1937 году вышла в свет книга Госнелла “Machine Politics” («Политическая машина»), в которую он включил ранее публиковавшиеся им результаты факторного анализа[33].

Мне показалось важным выяснить, знал ли Джон Хардинг о работах Госнелла при подготовке своей докторской диссер-

тации. Вот его ответ: «...я не знал статей Гарольда Госнелла в 1943 году; я никогда не слышал о них до того, как получил Ваше последнее сообщение. Это интересное применение факторного анализа, и я хотел бы знать точно, где они были опубликованы» [34].

На мой вопрос Джерому Брунеру, работавшему в начале 1940-х годов с Гэллапом и Кэнтрилом, могли ли они в те годы знать работы Госнелла, он ответил: «Сомневаюсь, чтобы кто-либо из нас думал о Чикагской школе социологии. О них знал я, возможно знал и Кэнтрил, но сомневаюсь в том, что о них слышал Гэллап» [35].

Однако мне представляется, что Кэнтрил и Гэллап, профессиональные исследователи политических установок, к началу 1940-х хорошо и уже многие годы знали о работах Госнелла. Вот аргументы в пользу этого допущения.

С 1937-го по 1942 год в журнале “Public Opinion Quarterly” были опубликованы четыре статьи Госнелла. Они, безусловно, были прочитаны Гэллапом и Кэнтрилом. Наконец, в классической книге Гэллапа и Райя «Пульс демократии» [36], первое издание которой вышло в 1940 году, перечисляются те, кто внес наиболее весомый вклад в изучение процесса голосования. Этот перечень открывается именами Госнелла и его наставника Чарльза Мерриам (Charles Edward Merriam, 1874–1953), одного из создателей Чикагской социологической школы.

Таким образом, есть серьезные основания предполагать, что арсенал методических приемов измерения общественного мнения создавался Гэллапом и Кэнтрилом с учетом новейших по тому времени методических достижений Чикагской школы.

Ведущий журнал: первое десятилетие

Во второй половине 1930-х годов в ряде ведущих американских университетов ученые, специализировавшиеся на анализе политических процессов, международной политики, идеологии и деятельности прессы и радио, начали читать студентам курсы по теории общественного мнения и методам его изучения. В это же время в Америке родилась и достаточно быстро окрепла практика проведения регуляр-

ных опросов населения. Академическая среда осознала необходимость журнала, в котором можно обсуждать теорию общественного мнения и технологию его измерения.

В 1937 году группа принстонских профессоров инициировала создание журнала “Public Opinion Quarterly”, целью которого было выработать приемы научного анализа сознания и поведения людей, а также объединить специалистов, разрабатывавших широкий комплекс проблем исследования общественного мнения. Этот журнал стал мощным фактором объединения академической и прикладной науки.

В значительной степени появление журнала стало возможным благодаря активности профессора Девиitta Пула (DeWitt Clinton Poole, 1885–1952) [37], бывшего в то время руководителем программы подготовки специалистов по внутренней и внешней политике (School of Public and International Affairs) Принстонского университета.

Первым редактором журнала стал Харвуд Чайлдс (Harwood Lawrence Childs, 1898–1972), работавший в ряде направлений социального познания. На рубеже 1920–1930-х годов он опубликовал несколько книг о политике трудовых отношений и природе пропаганды в обществах с диктаторским режимом. В начале 1942 года была опубликована книга “Propaganda by Short Wave” («Пропаганда на коротких волнах») [38], суммировавшая итоги мониторинга Принстонского центра прослушивания с декабря 1939-го по май 1941 года. Чайлдс был одним из редакторов этой книги.

В 1940 году Чайлдс издал один из первых учебников по исследованию общественного мнения [39]. В историко-научном плане интересна его небольшая книга 1934 года, вводящая читателя в данную тематику [40]. Чайлдс не мог предвидеть того, что уже через несколько лет будут выработаны эффективные приемы измерения общественного мнения, однако в практике маркетинговых исследований и в изучении восприятия рекламы он распознал те приемы и методы, которые вскоре нашли применение в зондажах.

Идея создания журнала по вопросам изучения общественного мнения возникла у Чайлдса летом 1935 года, задолго до триумфа технологии выборочных опросов. Ранней осенью он подготовил памятную записку с обоснованием

концепции журнала и передал ее Пулу. В ней отмечалось, что представители многих научных дисциплин заинтересованы в изучении общественного мнения и что нормальное развитие этой межпредметной области сдерживается отсутствием координирующего начала. Записка содержала предложение о выпуске в Принстоне журнала “Public Opinion Quarterly” [41].

Исходно выделялись четыре важнейших структурных раздела журнала: статьи общего теоретического содержания, статьи по отдельным предметным областям изучения общественного мнения, обзоры новых книг и библиография. Сразу же обозначалось широкое поле рассмотрения и анализа проблем. Чайлдс говорил об «аристотелевском» масштабе, противопоставляя его микрокосмосу. Уставный фонд на три года из расчета 5000 долларов в год был собран прежде всего усилиями Пула и его собственными.

Первый выпуск POQ состоялся в январе 1937 года. Годовая подписка на четыре номера стоила четыре доллара, цена одного журнала составляла один доллар. На первой странице Пул был назван редактором (editor) журнала, Чайлдс – выпускающим редактором (managing editor).

Мое обращение к Филлипу Дэвисону, много лет бывшему редактором POQ (свою работу в журнале он начал в 1947 году), помогло разобраться в соотношении этих двух должностей. Он сообщил, что введение двух редакторских позиций в большей степени объяснялось организационно-политическими обстоятельствами, и потому в ряде случаев обе функции осуществлялись одним человеком. В частности, он отметил: «Когда журнал был основан, Девиэт Пул, как мне кажется, он был деканом School of Public and International Affairs – не интересовался исследованиями общественного мнения и вообще не был ученым. Он помог журналу получить статус университетского и найти деньги на первые годы работы. Реально журнал делался Харвудом Чайлдсом. Когда журнал окреп, Пул оставил работу и Чайлдс стал редактором. Выпускающего редактора уже не было» [42].

Членом редколлегии и заместителем Чайлдса стал Кроссли, быстро осваивавший новую для него область исследований. Кроме них, у истоков POQ стояли еще трое ученых: Харольд Лассвелл (1902–1978) – автор фундаментальных работ по теории массовой коммуникации, Пендлитон

Херринг (E. Pendleton Herring, род. 1903), эксперт по проблемам политики, и Оскар «Том» Ригель (Oscar Wetherhold "Tom" Riegel, 1903–1997), признанный специалист в области исследований пропаганды, политики и общественного мнения.

Кроссли отвечал за методологию и методы измерения общественного мнения, Лассвелл вел политические исследования, Херринг – социоструктурную тематику, его раздел назывался «Организованные группы», а Ригель курировал изучение массовой коммуникации.

В кратком редакционном обращении [43] было сказано, что впервые в истории человечества наступило время, когда общественное мнение превратилось в детерминанту политической и экономической жизни общества, критериальную характеристику современной эпохи. Отмечалось, что в опубликованной недавно библиографии работ по изучению общественного мнения указано более пяти тысяч книг и статей, но это лишь начало изучения проблемы.

Первый выпуск журнала открывался статьей о природе общественного мнения [44], написанной Флойдом Олпортом (Floyd H. Allport, 1890–1971), одним из создателей социальной психологии. Рассмотрев существовавшие подходы к анализу компонент и функций общественного мнения и предложив отвечающие времени дефиниции различных социально-психологических образований, составляющих суть общественного мнения, он дал свое определение этого феномена. Согласно Олпорту, термин «общественное мнение» должен использоваться применительно к ситуации, в которой большое количество людей выражают или могут быть призваны выразить свое одобрение и поддержку (или наоборот, неодобрение и неприятие) некоторого обстоятельства, определенной личности или широкомасштабного социального начинания, и это выражение отношения людей к предмету обсуждения является столь массовым, интенсивным и решительным, что может оказать воздействие, прямое или опосредованное, на сам этот предмет [44]. По сути, этой статьей редакция журнала обозначила важнейшие направления исследований феноменологии общественного мнения.

Вслед за ней располагалась статья Арчибальда Кроссли о «споре» новой технологии опросов общественного мнения с «соломенными» опросами, состоявшемся в 1936 году

[45]. Эта статья положила начало научным публикациям по только нарождавшейся технологии опросов общественного мнения.

В первом томе нового журнала были опубликованы работы еще трех пионеров выборочных опросов общественного мнения. К. Робинсон в двух статьях рассмотрел историю «соломенных» опросов и изложил некоторые особенности новой опросной технологии [46]. Публикацией статей Робинсона и ряда других материалов журнал обозначил свою заинтересованность в обсуждении качества измерения общественного мнения, в частности методов сбора первичной информации и построения выборки. Элмо Роупер в своей первой статье в *POQ*, в которой анализировались результаты проведенного им в апреле 1936 года опроса об отношении американцев к реформе Верховного суда, обратил внимание политологов на существование чрезвычайно важной в политическом и познавательном отношении «третьей» группы населения; в данном случае в нее вошла треть (36%) взрослых жителей страны. Это не «экстремисты»: группы «за» или «против», но «нейтралы», не определившиеся со своей позицией или вообще не имеющие мнения [47]. Это было открытием значимости «молчаливой части» американского общества.

Первая статья Кэнтрила в *POQ* тоже обозначила серьезную проблему, которая, несмотря на ее принципиальное политическое и общекультурное значение, до проведения опросов общественного мнения могла анализироваться лишь умозрительно. Задумываются ли люди о будущем? Каковы предметная область и временной горизонт этого будущего? Насколько верно видение ими будущего? Участниками опроса 1937 года было сделано около 70 различных прогнозов, охватывавших развитие многих сторон жизни в стране и в мире. Эти прогнозы, некоторые из которых приведены Кэнтрилом, показывали, что люди не безразличны к будущему и что их понимание хода истории во многом было верным.

Высокий профессиональный уровень журнала во многом определялся тем обстоятельством, что отцы-основатели современной технологии изучения общественного мнения активно поддерживали его своими материалами. Так, в течение первых двух десятилетий существования журнала

Кэнтрил опубликовал в нем около 20 статей, Гэллап – свыше десяти, Роупер – около десяти и по несколько статей – Кроссли, Робинсон и Черингтон. Кроме того, в течение ряда лет журнал регулярно публиковал распределения ответов на вопросы, задававшиеся в обследованиях Гэллапа и Роупера.

Чайлдс, создавший РОQ, руководил им шесть лет, и за это время он сделал журнал настоящей трибуной для профессионального обсуждения всего комплекса проблем изучения общественного мнения. В июле 1964 года Чайлдс второй раз занял редакторское кресло и руководил журналом до начала 1968 года.

Летом 1943 года РОQ возглавил Джером Брунер, который несколько лет проработал в Институте Кэнтрила, участвовал в выполнении ряда ответственных правительственных проектов и опубликовал в журнале несколько статей. В своей редакторской работе Брунер не только следовал сложившимся в РОQ традициям, но пытался внести в его деятельность свое понимание характера исследований общественного мнения. Через 60 лет после описываемых событий он писал мне: «Да, я редактировал журнал в течение года; я старался расширить установившиеся границы представлений об изучении общественного мнения. Это видно по статьям, которые я выискивал и публиковал... я пытался привлечь людей типа Маргарет Мид, пишущих на темы антропологии и тому подобные. Серьезная проблема, связанная с исследованиями общественного мнения (тогда и теперь), заключается в том, что авторы слишком привязаны к результатам опросов» [48].

Брунер был весьма молод, когда он возглавлял РОQ (1943–1944). Я поинтересовался, легко ли ему было общаться со многими видными учеными, в том числе – с отцами-основателями выборочной технологии опросов общественного мнения. Профессор Брунер ответил: «Вы задали мне замечательный вопрос, как я общался с “отцами” изучения общественного мнения, когда я сам был так молод (я только достиг 30-летнего возраста, когда редактировал РОQ). Не знаю! Я полагаю, что всегда был слегка “вундеркиндом” и всегда был достаточно уверен в себе. Действительно, я рассматривал свою работу по изучению общественного мнения скорее как “военную работу”, чем мою “профессию”, и думаю, что моя книга “Мнения и личность” была попыт-

кой вернуть “общественное мнение” в более ортодоксальное лоно психологии» [48].

В конце 1944 или начале 1945 года, когда журнал редактировал известный историк и журналист Эрик Голдман (Eric Frederick Goldman, 1915–1989), состав редакционного совета был принципиально расширен, в него вошли 26 человек. Наряду с профессорами ведущих американских университетов туда вошли основатели выборочной технологии Гэллап, Кроссли, Филд и Роупер, завоевавшие к тому времени высокий авторитет в академической среде. Гэллап и Роупер состояли в совете в течение семи лет, до начала 1952 года; Кроссли – еще дольше, до лета 1958 года. Причем, если Гэллап имел ученую степень доктора наук и в начале своей карьеры был профессором ряда университетов, то Кроссли получил ученую степень лишь в 1950 году, Роупер, если говорить формально, не завершил образования в колледже, а Филд в колледже и не учился. Вместе с тем все понимали, что именно эти люди несли основной груз по созданию новой технологии измерения общественного мнения, по сбору информации об установках людей и что именно они – в значительной степени своими электоральными прогнозами – формировали в обществе потребность в новом виде социальной информации. Своей практической работой, осуществлявшейся буквально на глазах нации, они создавали новую политическую культуру Америки.

В начале 1948 года руководителем журнала стал Филлипс Дэвисон (Walter Phillips Davison, р. 1918), который возглавлял его до осени 1951 года, а затем – с середины 1968-го до конца 1972 года. Более чем через полвека после прихода в журнал Дэвисон в письме ко мне вспомнил некоторые детали начала своей редакторской работы; они позволяют увидеть особенности двух взаимосвязанных процессов: становления профессионального журнала и профессионального сообщества исследователей общественного мнения.

В 1948 году Дэвисону было 29 лет, он только вернулся из армии и должен был завершить свое докторское исследование по социологии в Колумбийском университете. Его руководителем был Лазарсфельд, и работа носила междисциплинарный характер: изучение общественного мнения и морали в Берлине в период Берлинской блокады – 1948–1949 годы. Через десять лет результаты этой работы вошли

в книгу Дэвисона о начале «холодной войны» [49]. Дэвисон пишет с иронией: «Оплата моего труда соответствовала моей неопытности. Насколько я помню, Принстон платил мне две тысячи долларов в год за работу ассистента по одному из курсов профессора Кэнтрила и за редактирование РОQ. Теоретически я должен был проводить в Принстоне два дня, но практически эти две работы забирали у меня по крайней мере половину моего времени» [50].

Многое в содержании журнала определялось деятельностью членов редакционного совета, но не все они, по воспоминаниям Дэвисона, были в равной мере активными: «Хэдли Кэнтрил был всегда одним из тех, кто помогал очень много... Я встречал Джорджа Гэллапа, Элмо Роупера и Арчибалда Кроссли на заседаниях Американской ассоциации исследователей общественного мнения, однако не помню, чтобы я видел кого-либо из них в Принстоне за те четыре года, что я был редактором. Тем не менее я общался с ними, и это общение было очень полезным. Как Вы несомненно знаете, Джордж Гэллап и Хэдли Кэнтрил были хорошими друзьями, и профессор Кэнтрил часто передавал мне комментарии Гэллапа или кого-либо из его сотрудников» [50].

Интересна та часть письма Дэвисона, в которой он вспоминает о финансовых проблемах журнала – а они постоянно существовали – и о том, как они решались. В письме говорится: «В течение первых лет моей работы в качестве редактора издательство Принстонского университета (Princeton University Press) оплачивало расходы по тиражированию журнала, а университет – мой труд и работу помощника редактора. Но вскоре University Press решило, что не может оплачивать выпуск журнала, и пришлось думать, как найти для этого деньги. По предложению профессора Пауля Лазарсфельда из Колумбийского университета, несколько членов редакционного совета и я организовали группу “поддерживающих подписчиков”, которые согласились платить по 100 долларов в год за подписку (обычная подписка в то время составляла пять долларов). Гэллап, Кроссли и Роупер были среди поддерживающих подписчиков. Большинство больших фирм, проводивших в те годы опросы, активно помогали нам».

Завершить этот раздел хотелось бы фрагментом другого письма Филлипса Дэвисона, в котором он описал атмосферу, царившую в AAPOR, и кое-что добавил об отношении

отцов-основателей к POQ: «Вы правы в том, что в 40–50-е годы большинство исследователей общественного мнения выглядели как одно счастливое семейство. Собрания членов AAPOR напоминали сбор семьи, приходили почти все. Некоторые исследователи рынка, проводившие опросы общественного мнения, никогда не появлялись на конференциях AAPOR, и я не знаю никого из них. Если говорить о моих отношениях с “отцами”, то я всегда был близок с профессорами Кэнтрилом и Лазарсфельдом, а позже – с Арчибалдом Кроссли, но других я никогда хорошо не знал. Тем не менее, я был восхищен их любезностью: они всегда находили время, чтобы написать письмо, позвонить или встретиться с потенциальными авторами. (И, я уже отмечал, что они всегда помогали POQ удержаться на плаву, когда у журнала были финансовые проблемы). Они были намного больше готовы к сотрудничеству, чем более молодые ученые, от которых этого следовало бы ожидать» [50].

Время, интересы исследователей общественного мнения, появление новых специализированных журналов по проблемам, которые ранее освещал POQ, серьезные изменения в технологии сбора и анализа данных и многое другое меняют направленность журнала. Вместе с тем созданный первым поколением исследователей “Public Opinion Quarterly” объединял и продолжает объединять вокруг себя ведущих американских аналитиков общественного мнения. POQ был первым, долгие годы – единственным, а сейчас является ведущим в мире изданием в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cantril H. The Human Dimension: Experiences in Policy Research. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1967.
2. Simpson C. Science of Coercion: Communication Research and Psychological Warfare, 1945–1960. New York: Oxford University Press, 1996.
3. Glander T. Origins of Mass Communications Research During The American Cold War: Educational Effects and Contemporary Implications. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. 2000. P. 49, 76.
4. Gallup G. In Memoriam: Hadley Cantril // POQ. 1969. Vol. 33. No. 3. P. 506.
5. Cantril H. Gauging Public Opinion. Princeton: Princeton University Press, 1944.

6. Электронное письмо Джона Хардинга от 11 сентября 2003 г.
7. Cantril H. General and Specific Attitudes // *Psychological Monographs*. 1932. Vol. 42. No. 192.
8. Cantril H., Allport G. *The Psychology of Radio*. New York: Harper & Brothers, 1935.
9. Pandora K. "Mapping the New Mental World Created by Radio". Media Messages, Cultural Politics, and Cantril & Allport's *The Psychology of Radio* // *Journal of Social Issues*. 1998. Vol. 54. P. 7–27. <https://spssi.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1540-4560.1998.tb01206.x>. 12.04.2018
10. Albigh W. *Public Opinion*. New York: McGraw-Hill Book Co., 1939.
11. Smith C.W. *Public Opinion in a Democracy: A Study in American Politics*. New York: Prentice-Hall, Inc., 1939.
12. Cantril H. *The Social Psychology of Everyday Life* // *Psychological Bulletin*. 1934. Vol. 31. No. 5. P. 297–330.
13. Katz D., Cantril H. *Public Opinion Polls* // *Sociometry*. 1937. Vol. 1.
14. Cantril A.H. Hadley Cantril. In: *Public Opinion and Polling around the World: A Historical Encyclopedia* / Ed. by J. Geer 2004.
15. Письмо Альберта Кэнтрила от 19 ноября 2003 г.
16. Gary B. Communication Research, the Rockefeller Foundation, and Mobilization for the War on Words, 1938–1944 // *Journal of Communication*. 1996. Vol. 46. No. 3. P. 124–148.
17. Cantril H., Gaudet H., Herzog H. *The Invasion from Mars: A Study in the Psychology of Panic*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1940.
18. Lloyd A. Free, 88, Is Dead: Revealed Political Paradox. *New Your Times*. 1996. November, 14.
19. Free L., Cantril H. *The Political Beliefs of Americans. A Study of Public Opinion*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1967.
20. Электронное письмо Джерома Брунера от 27 сентября 2003 г.
21. Sudman S. The Presidents and the Polls // *POQ*. 1982. Vol. 46. No. 3. P. 301–310.
22. Ames A. (Jr.). *The National Cyclopedia of American Biography: Vol. 44*. New York: James T. White & Co., 1962. P. 570–572.
23. Ames Adelbert https://en.wikipedia.org/wiki/Adelbert_Ames_Jr. 12.04.2018
24. Kilpatrick F.P. Hadley Cantril (1906–1969): The Transactional Point of View // *Psychology, Humanism, and Scientific Inquiry. The Selected Essays of Hadley Cantril* / Ed. by A.H. Cantril. New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1988. P. 231.
25. Cantril A.H. Introduction to the Transactional Edition // Cantril H. *The Psychology of Social Movements*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002. P. XIX.
26. *POQ*. 1943. Vol. 7. No. 3. P. U-2 (Анонс книги)
27. Электронное письмо Хелен Кроссли от 30 сентября 2003 г.
28. G. *A Guide To Public Opinion Polls*. Princeton: Princeton University Press, 1944. P. ix–xi.
29. Электронное письмо Джона Хардинга от 16 августа 2003 г.

30. Beyle H.C. Research Trends in Political Science // POQ. 1937. Vol. 1. No. 2. P. 92.
31. Beyle H.C. The Vectors of Mind-Multiple-Factor Analysis for the Isolation of Primary Traits // POQ. 1937. Vol. 1. No. 4. P. 146–147.
32. Thurstone L.L. The Vectors of Mind; Multiple-Factor Analysis for the Isolation of Primary Traits. Chicago: University of Chicago Press, 1935.
33. Gosnell H.A. Factor Analysis of the 1932 Presidential Vote in Chicago // American Political Science Review. 1935. Vol. 29 (December). P. 967–984; Gosnell H., Schmidt M.J. Factorial and Correlational Analysis of the 1934 Vote in Chicago // Journal of the American Statistical Association. 1936. Vol. 31 (September). P. 507–518; Gosnell H., Schmidt M.J. Factorial Analysis of the Relation of the Press to Voting in Chicago // Journal of Social Psychology. 1936. Vol. 7 (November). P. 375–385; Gosnell H.F. Machine Politics: Chicago Model. Chicago: The University of Chicago Press, 1937.
34. Электронное письмо Джона Хардинга от 20 октября 2003 г.
35. Электронное письмо Джерома Брунера от 9 октября 2003 г.
36. Gallup G., Rae S.F. The Pulse of Democracy. New York: Greenwood Press Publishers, 1968. P. 67.
37. Poole D.C. Current Biography Yearbook. New York: The H.W. Wilson and Co., 1950. P. 461–462.
38. Propaganda by Short Wave / Ed. by H.L. Childs, J.B. Whitton. Princeton: Princeton University Press, 1942.
39. Childs H.L. An Introduction to Public Opinion. New York: J. Wiley & Sons, 1940.
40. Childs H.L. A Reference Guide to the Study of Public Opinion. Princeton: Princeton University Press, 1934.
41. Childs H. The First Editor Looks Back // POQ. 1957. Vol. 21. No. 1. P. 7–13.
42. Электронное письмо Филлипса Дэвисона от 5 февраля 2004 г.
43. Foreword // POQ. 1937. Vol. 1. No. 1. P. 3–5.
44. Allport F.H. Towards a Science of Public Opinion // POQ. 1937. Vol. 1. No. 1. P. 7–23.
45. Crossley A.M. Straw-Polls in 1936 // POQ. 1937. Vol. 1. No. 1. P. 24–35.
46. Robinson C.E. Recent Developments in the Straw-Poll Field // POQ. 1937. Vol. 1. No. 3. P. 45–56; Robinson C.E. Recent Developments in the Straw-Poll Field-2 // POQ. 1937. Vol. 1. No. 4. P. 42–52.
47. Roper E.B. (Jr.) Neutral Opinion on the Court Proposal // POQ. Vol. 1. No. 3. P. 17–20.
48. Электронное письмо Джерома Брунера от 28 января 2004 г.
49. Davison W.P. The Berlin Blockade: A Study in Cold War Politics. Princeton: Princeton University Press, 1958.
50. Электронное письмо Филлипса Дэвидсона от 5 февраля 2004 г.

ДЭВИД ОГИЛВИ: РЕКЛАМИСТ НА ВСЕ ВРЕМЕНА⁵

По признанию практиков и теоретиков рекламы, историков культуры и специалистов в области исследований рынка, Дэвид Огилви является одним из классиков рекламы прошлого века. В 1953 году, всего через пять лет после открытия Огилви собственного рекламного бизнеса, ведущий профессиональный журнал «Printers' Ink» писал о нем: «Ему практически гарантировано место среди великих авторов рекламы всех времен» [1, р. 233]. А в 1962 году «Time» назвал Огилви «наиболее востребованным волшебником современной рекламной индустрии» [2]. В начале 1980-х журнал «Expansion» опубликовал статью об индустриальной революции и список из тридцати человек, в наибольшей степени стимулировавших важнейшие социально-экономические трансформации XX столетия, совершивших переворот в социальной практике, науке или технике. В список входили Эдисон, Эйнштейн, Кейнс, Крупп, Ленин, Маркс, Пастер и др. Был в него включен и Огилви – «папа римский современной рекламы» [3, р. 64–65].

В течение XX века в рекламной индустрии работали сотни тысяч людей; к выработке правил создания и распространения рекламы были причастны тысячи специалистов разных профессий; рекламу, запомиравшуюся людьми и продававшую товары, делали сотни профессионалов; свой стиль смогли выработать десятки суперпрофессионалов, и лишь единицы определяли магистральные направления в развитии философии, этики и языка рекламы. Их реклама становилась частью культурной среды и задавала стандарты на будущее. Огилви относится к этой последней группе.

Огилви поздно вошел в рекламный бизнес. Он имел возможность максимально учесть достижения в этой области 1930–1950-х годов и в полной мере воспользовался предоставленным ему судьбой шансом. К тому же от природы он обладал хорошей логикой, интуицией, организационными талантами и тонко чувствовал слово. И все, чем он занимался до работы в рекламе, способствовало развитию в нем этих качеств.

⁵ Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США: История зарождения. Судьбы творцов. Гл. 6. М.: ЦСП. 2008.

Отойдя от повседневного руководства своей компанией, Огилви написал несколько книг о своей жизни и о рекламе. Поскольку его жизненная траектория имела уникальную, удивительную конфигурацию и поскольку он обладал яркими литературными способностями, эти книги читаются с огромным интересом, они стали учебниками для ряда поколений рекламистов. Одновременно они содержат ценнейший материал для историков рекламы и исследований рынка. Более того, содержание книг позволяет рассматривать самого Огилви и как историка рекламы. Им обозначены основные линии, тенденции в развитии рекламы, проанализировано значительное число классических реклам, рассмотрены особенности рекламного бизнеса и кратко охарактеризовано наследие ряда выдающихся американских копирайтеров. Когда одного из ярчайших творцов рекламы Раймонда Рубикама, с которым Огилви дружил около сорока лет, спросили, почему он не написал книгу, он ответил: «Дэвид Огилви уже собрал все и изложил в своей книге» [4, р. xvi].

Еще одна принципиальная особенность биографии Огилви заставляет внимательно отнестись к его анализу прошлого американской рекламы и оценкам ее основных акторов. Огилви не был американцем. Он был англичанином, точнее – шотландцем; прожил ряд лет во Франции до приезда в Америку и вернулся туда после завершения своей блистательной карьеры. Его успех в бизнесе – следствие глубокого изучения американского опыта, на который он смотрел несколько со стороны – как иностранец и как человек, не ограниченный никакими корпоративными традициями.

Тот факт, что Огилви, достигший высочайших вершин в рекламном бизнесе, подробно описал свою жизнь и раскрыл особенности своей профессиональной деятельности, делает его биографию идеальным объектом для историко-научных изысканий. Он обстоятельно рассказал о своем детстве и годах обучения, не боясь показать себя не в самом выигрышном свете. Представлен долгий, не прямой путь поиска им своего призвания. Обозначены его философия рекламы и технология работы над нею от зарождения идеи до создания текста. Упоминания значительного количества людей, с которыми Огилви дружил в разные периоды своей долгой жизни, позволяют в общих чертах

воссоздать коммуникационную сеть, в которую он входил. В целом, анализ творчества Огилви высвечивает новые грани проблемы, которую я пытаюсь решить уже несколько лет: представить результаты деятельности людей, сыгравших ключевую роль в создании современной технологии изучения общественного мнения и современной рекламы, в виде функции их жизни в определенной среде.

Европеец в американской рекламе

Активная творческая деятельность Дэвида Огилви (David Mackenzie Ogilvy, 1911–1999) протекала в узком временном интервале: с конца 1940-х до конца 1960-х годов. Когда он открыл свое рекламное агентство и сделал его одним из крупнейших в стране и в мире, в Америке успешно работали копирайтеры, тогда и сейчас признаваемые классиками. Среди них: Теодор Бейтс (Theodore L. Bates, 1901–1972), Уильям Бентон (William Benton, 1900–1973), Уильям Бернбах (William Bernbach, 1911–1982), Лестер Вундерман (Lester Wunderman, р. 1920), Джордж Гриббин (George Gribbin, 1907–1891), Джон Кейплз, Россер Ривз (Rosser Reeves, 1910–1984) и ряд других. В высшей степени продуктивно функционировали рекламные агентства, создававшие себе репутацию в течение десятилетий, имевшие огромный опыт проведения рекламных кампаний и весомые долгосрочные контракты с солидными заказчиками. Назову лишь наиболее известные «фабрики» эффективной рекламы: «N.W. Ayer & Son», «Batton, Barton, Durstine & Osborn», «Lord & Thomas», «Young & Rubicam», «J. Walter Thompson Co.» и др. Конкуренция в этой области рынка была высочайшей, и занять в ней одну из лидирующих позиций было крайне сложно. Огилви это удалось.

Что помогло ему? Кажется, что ответ ясен – он прописан в книгах Огилви и содержится в воспоминаниях о нем. Все как будто может быть сведено к методу Огилви, синтезировавшему рациональное (жесткие предписания, научные рекомендации) и иррациональное, интуитивное. Но, по большому счету, эти же два движителя генерировали деятельность всех рекламистов, на достижениях которых Огилви учился. Наука прочно вошла в процесс производ-

ства рекламы в конце первой трети XX века, и ее выводы учитывались всеми. Что касается чувственного, интуитивного, спонтанного, то значимость этого компонента творчества всегда подчеркивалась создателями рекламы. Значит, успех Огилви заключается не в оригинальности составляющих его метода, а в самом Огилви, в том, что было привнесено им в понимание роли науки, и в особенностях его воображения. Другими словами, в своеобразии отношения Огилви к науке и в специфике его рефлексии окружающего мира, в уникальности его личного опыта и ассоциаций. Помимо чисто субъективных, личностных качеств, существовало лишь одно внешнее обстоятельство, принципиально отличавшее Огилви от его выдающихся современников, работавших в американской рекламе: он не был американцем и представлял в американском рекламном бизнесе европейскую культуру.

Обращая внимание на то, что после многих лет жизни в Америке Огилви говорил с сильным английским акцентом и использовал обороты английской разговорной речи, на его музыкальные вкусы, стиль одежды, привычку пить чай в офисе в половине пятого, на то, что общению со своими коллегами по рекламному цеху он предпочитал общение с писателями, интеллектуалами, академическими учеными, С. Фокс назвал личный образ Огилви космополитическим [1, р. 235]. Думаю, что точнее было бы говорить о его «европейскости».

Вопрос о признаках «европейскости» в творчестве Огилви крайне непросто и требует исследования лексики текстов, характера аргументации, юмора, иллюстративного материала и других особенностей его рекламы. Своего рода зацепку для подобного анализа дает сам Огилви. Уже будучи признанным классиком американской рекламы, Огилви сказал: «...я – иностранец и никогда по-настоящему не владел американским разговорным языком» [5, р. 93] – который успешно применяется в рекламе. В американской литературе мне не встречалась даже постановка обозначенной социокультурологической проблемы; не рассматривается она и здесь. Ограничусь лишь показом траектории жизни Огилви до его прихода в рекламный бизнес. Эта траектория (и эта жизнь) имела европейскую географию.

Англия: детство, юность

Свою последнюю книгу 85-летний Дэвид Огилви начинает словами: «Мой дед родился 23 июня. И мой отец тоже. И я – в 1911 году» [6, р. 1]. Их дом располагался в небольшой деревне недалеко от Лондона. Отец Огилви происходил из старинного шотландского рода, одинаково хорошо говорил на английском и галльском языках, был классическим филологом, человеком добрым, сильным, выдержанным. Он хотел, чтобы и сын его был таким же. Чтобы быть сильным, в шесть лет Дэвид должен был ежедневно выпивать по стакану свежей крови. Когда это не принесло результатов, кровь была заменена пивом. Для развития умственных способностей сына отец заставлял его трижды в неделю есть телячьи мозги. Этот, по словам Огилви, «выдающийся эксперимент» остался памятным для него на всю жизнь; первую книгу воспоминаний он назвал «Blood, Brains & Beer: The Autobiography of David Ogilvy» («Кровь, мозги и пиво: автобиография Дэвида Огилви»). От отца Огилви унаследовал две черты: курение трубки и пристрастие к грубому юмору. Поэзия его не волновала, исключение составляли лишь Редьярд Киплинг и Генри Ньюболт. Из симфоний он предпочитал бетховенскую «Битву при Виттории», написанную в честь победы Артура Веллингтона над Жозефом Бонапартом. Она исполняется тремя оркестрами, сопровождается звуками выстрелов из мушкетов и пушек, начинается словами «Правь, Британия» и завершается – «Боже, храни короля» [6, р. 25–26].

Отец женился в 35 лет и выбрал «не ту жену» [6, р. 7]. Замужество не позволило ей стать врачом, а больше ничего никогда ее не интересовало. Она была глуха ко всем видам искусств, но непрерывно читала. В семье было пятеро детей, Дэвид был четвертым.

В детский сад Дэвида отправили в шотландском килте; английские ребята начали его дразнить, и он разбил одному из них нос. Мать сказала ему, что драться – это проявление слабости, надо давать отпор на словах. Вскоре он мог любого мальчика в школе «одолеть» словами. Отвыкнуть от этой привычки ему удалось лишь через сорок лет. Зная, как в дальнейшем сложилась жизнь Огилви, можно сказать, что уже в раннем возрасте он умел находить слова, эффективно воздействовавшие на людей.

В девять лет его отдали в школу Св. Киприана (St. Cyprian), готовившую своих учеников к поступлению в лучшие университеты страны. Семья жила скромно и не могла платить за школу, но ее директор, зная о достижениях отца Огилви в филологии, надеялся на то, что и Дэвид будет успешен в науке, и предоставил семье скидку. За десять лет до него в этой школе учился Джордж Оруэлл, который в своем романе «1984» придал Большому Брату некоторые черты директора школы. В первый вечер в школе Огилви был удивлен тому, что дети молились перед сном, в его семье все было неверующими. Следующий день был воскресеньем, и Дэвид впервые пошел в церковь, где после завершения службы зааплодировал. Вскоре он стал весьма религиозным, хотя не верил во многие церковные догмы.

В восемь лет Огилви начал изучать латынь, в одиннадцать – древнегреческий. Директор школы писал его родителям: «У него в высшей степени оригинальный способ мышления, и он объясняет учителям, что он прав, а в книгах написано неверно» [6, р. 14].

Главным героем детства Огилви был его дед по отцовской линии Франсис Огилви, проживший интересную жизнь и многого добившийся. Выходец из фермерской семьи, он оставил школу в 14 лет, рано женился, а затем отправился в Аргентину, где начал осваивать финансовый бизнес и участвовал на стороне Аргентины в войне с Парагваем. Узнав, что в Новой Зеландии обнаружили золото, он отправился туда, но ничего не нашел; вернулся в Лондон и начал работать в Английском банке Рио-де-Жанейро. Дед стал состоятельным человеком и смог отправить своих семерых детей в престижные учебные заведения. Внуку он дал два ценных совета. Во-первых, научиться танцевать: «Если ты танцуешь с женой своего босса лучше него, то фортуна улыбнется тебе». Во-вторых, он предсказал Дэвиду, что со временем тот захочет узнать мир и скорее всего отправится в Нью-Йорк, и в этой связи порекомендовал ему изучать методы компании Джона Моргана («J.P. Morgan & Company»). И действительно, прошло четверть века, и Огилви приехал в Нью-Йорк, ознакомился с рекомендациями Джона Моргана по ведению бизнеса и положил их в основу политики своей фирмы.

В 13 лет Дэвид стал учиться в престижной школе Феттс (Fettes) в Эдинбурге, Шотландия. Впоследствии он тепло

вспоминал о проведенных там годах: «Феттс был в моей крови». В 1968 году, обращаясь к ученикам Феттса, Огилви отметил, что его семья связана с этой школой 111 лет, традиции школы во многом были заложены двоюродным дедом Огилви, выдающимся шотландским политиком и юристом лордом Джоном Инглисом (John Inglis, Lord Glencorse, 1810–1891) [3, р. 95], там учились отец и брат Огилви. Огилви занимался латынью и греческим, изучал древнюю историю.

После окончания школы в 1929 году Огилви решил продолжить обучение в Оксфорде. Этот университет он выбрал, чтобы избежать сравнения с отцом, братом Франсисом и другими членами клана, в разные годы учившимися в Кембридже. Огилви интересовала история, и он надеялся на получение стипендии (scholarship) в Бейллиол-колледже (Balliol), одном из старейших в университете. Однако после того как Дэвид прошел собеседование, декан написал его отцу: «У Вашего сына нет шансов поступить в Бейллиол, но я уверен, что он без труда получит стипендию в любом другом колледже, который он выберет» [6, р. 34]. Огилви подал документы в Крайст-Черч (Christ Church), колледж, основанный в начале XVI века, на три столетия позже Бейллиола. Преподавателю истории, от которого зависело решение о выдаче стипендии, понравилось эссе Огилви, и он пригласил его к себе на выходные. После беседы с Дэвидом он сказал: «Вы не знаете истории, и потому мы думаем дать вам стипендию» [6, р. 34]. В Крайст-Черче оказывали финансовую помощь тем, кто мог добиться больших успехов в будущем; при этом они считали, что студенты, получившие высокие оценки при поступлении, скорее всего станут специалистами среднего уровня.

Но учеба у Огилви не пошла, и через два года он покинул Оксфорд.

Франция: отель «Маджестик»

Карьера Огилви началась в 1931 году в ресторане парижского отеля «Маджестик» (Hotel Majestic). Все позиции на кухне были заняты, и Огилви было предложено готовить еду для собак постояльцев. Трудолюбие Огилви, творческий подход к решению постоянно возникавших проблем – много позже он писал о приготовлении некоторых блюд, что это

была подлинная хирургия, – быстро вывели его в специалисты высокого уровня. Однажды он готовил для президента Франции Поля Думера. Шеф ресторана месье Питар собрал всю бригаду, показал приготовленные Огилви лягушачьи лапки и сказал: «Вот так это нужно делать». Огилви было разрешено подняться наверх, и официант вручил ему бокал дорогого шампанского. В другой раз он был приглашен к президенту Думеру, когда приготовил для него суфле: «... через три недели он умер, не от моего суфле, но от пули сумасшедшего русского» [6, р. 46]. Это произошло 6 мая 1932 года, Огилви в то время был 21 год.

Вечерами после работы Огилви часто слушал оркестр русских балалаечников, а если выходной приходился на воскресенье, то посещал русский кафедральный собор на улице Дару, где пел хор с Шаляпиным. Поскольку цель настоящего параграфа – показать европейский характер культуры Огилви, отмечу, что несколько эпизодов его воспоминаний и ряд решений профессионального характера в рекламном бизнесе указывают на знакомство с русской культурой. Возможно, это было следствием его интереса к истории в целом, а также его многолетнего изучения греческого языка и Византийской культуры. В книгах Огилви нет отдельного параграфа с «русскими» сюжетами, они рассыпаны по текстам; приведу несколько таких «отметин», хотя вне контекста они отчасти теряют свою силу.

Огилви не любил вспоминать проведенные в Оксфорде два года, но все же и там были события, оставившие у него добрые воспоминания. Одно из них – «вхождение в Содружество святого Албания и преподобного Сергия (Fellowship of St. Alban and St. Sergius), целью которого было объединение англиканской и русской православной церкви под руководством священника Булгакова» [6, р. 36]. Речь идет о религиозном философе Сергее Николаевиче Булгакове (1871–1944), жившем в те годы в Париже и много сделавшем для укрепления позиций русской церкви в Европе.

Развивая мысль о том, что потенциальный клиент всегда замечает, как его слушают, Огилви вспоминает встречу с Александром Коновым (Alexander Konoff), пожилым русским, сделавшим свое состояние на производстве застежек-молний. Он был активным участником революции 1904 года. Когда Конов сказал, что он социалист, Огилви

спросил его, не знал ли он Керенского. Тот ответил, что принимал участие в революционных событиях начала века и знал Ленина и Троцкого в период большевистского переворота. Кончается эта история словами: «Я слушал, и мы получили заказ».

Еще один пример. Вновь назначенным руководителям филиалов своего агентства Огилви посылал матрешку с запиской: «Если каждый из нас будет брать на работу людей меньше себя, то мы будем компанией карликов. Но если каждый из нас будет набирать сотрудников больше себя, то мы станем компанией гигантов» [7, р. 47].

Таким образом, Огилви знал об особенностях православия, имел представление о политической жизни России и традиционных ремеслах. Он даже знал место производства матрешек – город Горький, ныне Нижний Новгород. Из десяти любимых блюд, рецепты которых он привел в своей автобиографии, два русских: кулебяка с осетриной и грибами и бефстроганов с отварным картофелем. Вряд ли кто-либо из классиков американской рекламы, работавших в одно время с Огилви, был столь же знаком с российской культурой.

Годы работы в ресторане отеля «Маджестик» многое дали Огилви в плане понимания роли лидера в организационном процессе. В своих книгах он вспоминал с большим уважением главного шеф-повара ресторана месье Питара, пристально следившего за соблюдением правил приготовления сложнейших блюд и одновременно поддерживавшего творчество поваров. Через много лет увиденное в Париже стало частью управленческого стиля Огилви. Он писал: «Мне повезло поработать с тремя выдающимися лидерами: месье Питаром на кухне отеля “Маджестик”, Джорджем Гэллапом и сэром Уильямом Стефенсоном из британской разведки» [7, р. 51]; о двух последних рассказывается ниже.

Шотландия, Британия: коммивояжер, начинающий рекламист

Работа на кухне была трудной и малоперспективной: возглавить большой французский ресторан было не легче, чем стать главным хирургом крупного госпиталя. Через год Огилви вернулся в Англию и занялся продажей домашних печей Ага. Эта печь, изобретенная Нобелевским лауреа-

том по физике Нильсом Даленом (Nils Gustaf Dalen, 1869–1937), была безопасной и эффективной и потому вскоре стала символом высшего качества в технологии приготовления пиццы. В 1997 году в интервью Огилви сказал, что Ага была «роллс-ройсом» кухни, и люди быстро это поняли [8].

Интуиция и умение анализировать происходящее позволили Огилви быстро выработать успешную форму маркетингового поведения. Так, он обнаружил, что, продавая печь, нет смысла обращаться напрямую к хозяевам дорогих домов, этот вопрос, прежде всего, решался их поварами. В своей новой работе Огилви использовал свой опыт кулинара; нередко он предлагал: «Купите печь, и я приготовлю вам лучший в Шотландии обед». Один архиепископ, которому он продал печь, пригласил Огилви поработать в его приходе. В последующие три месяца недостатка в покупателях не было.

Огилви продал много печей, и компания предложила ему написать руководство для других продавцов. Так в 1935 году появился его буклет «The Theory and Practice of Selling an Aga Cooker» («Теория и практика продажи печей Ага»). Этот документ помог компании принципиально улучшить продажу печей, а в 1971-м журнал «Fortune» назвал его «вероятно, лучшим из когда-либо написанных руководств по продажам» [3, р. 4]. По оценкам экспертов, много лет назад написанное Огилви-коммивояжером оказалось полезным для всех форм современной рекламы. В своих заметках вчерашний повар, человек, не получивший специальной теоретической подготовки и имевший достаточно ограниченный опыт поведения на рынке услуг, сформулировал те принципы отношения к потребителю и продвижению товаров, которые позже он успешно развивал и плодотворно использовал в рекламном бизнесе.

Главным в общении с потенциальным покупателем Огилви считал отказ от стандарта, от жесткой схемы. Он писал: «Если в один прекрасный день вы обнаружите, что говорите одно и то же кардиналу и циркачу, для вас все кончено» [3, р. 5]. Одновременно он указывал на определяющие универсалии поведения коммивояжера: аккуратность, подчеркнутое уважение к потребителю, вежливость, отсутствие фальши в общении. Став копирайтером, он следовал тому же правилу: его реклама была элегантно, без

претензий на то, чтобы развлечь читателя. Он говорил, что постоянный успех редко строится на фиглярстве – люди не покупают у клоунов.

Огилви подчеркивал важность изучения различных характеристик потенциальных покупателей: профессии, состояния здоровья, привычек их и их друзей; определения наилучшего времени для посещения домов. Зрелый Огилви отчеканил эту мысль в словах: «Потребитель – не идиот, он такой же, как ваша жена». Каждый час, затрачиваемый на изучение потребителя, утверждал Огилви, приближает к успеху [3, р. 5].

Много лет спустя, перечитывая свое раннее сочинение, Огилви комментировал его следующим образом: «...а) в 25 лет я был блистательно умен; и б) в течение последующих 27 лет я ничему новому не научился». Первая часть этого замечания безусловно верна: Огилви быстро вырос. Трудно сказать, чем была вызвана заключительная фраза комментария; видимо, в последующие годы он действительно развивал то, что было им найдено в молодости. Это характерно для гениев: они рано осознают свою силу. Став признанным рекламистом, Огилви продолжал интересоваться общими вопросами маркетинга. У него было желание в будущем сменить в Гарварде профессора Нила Бордена (Neil Hopper Borden, 1895–1980), автора известной всем бизнес-менеджерам концепции «маркетинг-микс» [9, р. 56].

Копию руководства Огилви отправил своему брату Франсису (Francis Fairfield Ogilvy, 1904–1964), одному из руководителей лондонского рекламного агентства «Mather & Crowther». Франсис неоднократно оказывал Дэвиду помощь в важнейшие моменты его жизни. После смерти брата Огилви писал, что Франсис очень много значил для него и в последние тридцать лет был его лучшим другом [10, р. 172]. В 1935 году, когда Дэвид Огилви начал работать в «Mather & Crowther», это была одна из наиболее престижных рекламных компаний Англии, там сохраняли традиции середины XIX века и в то же время стремились к освоению новых приемов.

На нескольких страницах воспоминаний Франсиса Менелла (Sir Francis Meynell 1891–1975), известного английского поэта и издателя, рассказывается о его недолгой работе в «Mather & Crowther». В частности, он дает краткую

характеристику Дэвиду Огилви, инициировавшему его приглашение в агентство: «Хотя он не был еще “серым кардиналом”, но, безусловно, был “серым кюре” – не имеющим власти в агентстве, но весьма влиятельным» [11, р. 229]. Замечу, Огилви тогда было 26 лет, Менеллу – 47. Через десять лет Менелл помог Огилви открыть свое собственное рекламное агентство. В 1963 году, даря Менеллу свою книгу о рекламе, Огилви написал: «Чем старше я становлюсь, тем больше я восхищаюсь Вами» [11, р. 229].

Огилви был молод и вел довольно бурную жизнь: активно посещал концерты, катался на яхтах, крутил романы с девушками, любил выпить. Но уже в те годы у него появилась привычка много работать. Именно тогда он приступил к изучению американской рекламы: копировал понравившиеся ему материалы и использовал их в работе с клиентами агентства. Позже он заметил: «Если бы кто-нибудь тогда предположил, что через двенадцать лет я буду в Нью-Йорке проводить собственные рекламные кампании, я бы не поверил ему» [6, р. 56].

К сожалению, критически оценивая свою первую рекламу, Огилви не указал, когда она была сделана: в начале его работы в «Mather & Crowther» или когда он еще продавал печи Aga. Но ясно одно, французские впечатления еще оставались значимыми для него. Рекламиривалась Aga. Маленькая фотография печи располагалась в нижнем левом углу рекламы, а ее доминирующим элементом была черно-белая фотокопия известной картины Эдуарда Мане «Завтрак на траве». На лесной поляне двое модно одетых мужчин беседуют полулежа. С ними две обнаженные женщины: одна сидит рядом, вторая – поодаль купается в ручье. Связь между этой идиллией и печью Aga обозначается автором рекламы весьма своеобразно. Сначала кратко рассказывается о том, что картина Мане была выставлена в 1863 году в «Салоне отверженных» и вызвала публичный скандал, причиной которого была смелость сюжета и новизна техники художника. Далее отмечается, что подобные атаки консерваторов вызывались и революционными научно-техническими изобретениями: телефоном и автомобилем. И, наконец, сообщается, что теперь публика более расположена сразу принять новшества, в частности – обладающую массой позитивных качеств печь Aga.

По поводу этой своей ранней работы гуру рекламы Огилви писал: «Нет заголовка, нет информации о товаре и преимуществах его использования. Конечно, раньше никто не изобретал в рекламе обнаженное тело, но в данном случае это не имело отношения к рекламируемому товару – кухонной печи» [7, р. 25].

Два «европейских» периода жизни Огилви в Америке

Главное назначение этого параграфа – показать «европейскость» жизненного опыта Огилви, с которым он пришел в самостоятельный рекламный бизнес. До сих пор биография Огилви излагалась в хронологическом порядке, сейчас он будет нарушен. Придется пропустить (ниже этот пробел будет восполнен) первые годы (1938–1942) его американской жизни, которые были временем активного постижения Огилви Америки и важным этапом в его профессиональном становлении. Последующие шесть лет, до 1948 года, Огилви продолжал накапливать, углублять свой европейский опыт, не покидая Америку. Это кажется невозможным, однако именно так и было.

Знание приемов измерения общественного мнения, умение работать с большими массивами информации определило характер деятельности Огилви во время Второй мировой войны. В 1942 году брат Франсис помог ему поступить в английскую разведку, где его непосредственным начальником стал разведчик суперкласса Уильям Стефенсон (William Stephenson, 1896–1989), известный миллионам людей на Западе как Intrepid (Бесстрашный). В юности канадец Стефенсон увлекся только зарождавшимся радио, во время Первой мировой войны был пилотом, получил образование радиоинженера, изобрел и запатентовал устройство для беспроводной передачи фотографий, участвовал в создании английской радиовещательной компании BBC, имел собственный радиобизнес и стал состоятельным человеком. Он много ездил по Европе, хорошо знал и глубоко понимал происходящие события. В 1940 году Уинстон Черчилль поручил ему координировать деятельность английской разведки в Западном полушарии. Многие в успешном сотрудничестве Англии и США в годы

войны определялось абсолютным доверием лидеров двух этих стран Стефенсону.

Стефенсон был человеком феноменальной деловой хватки, его обслуживало 12 секретарей. Бернард Барух (Bernard Baruch, 1870–1965), о котором ходили легенды на Уолл-стрит, выдающийся финансист, сделавший миллионы на рынке акций, экономический советник президентов Вильсона и Рузвельта, восхищался аналитическими способностями Стефенсона. Он говорил: «Стефенсон мог все просчитать на семь шагов дальше вас... Его сообщения содержали только суть дела. Ни одного лишнего слова» [6, р. 81].

Прежде всего, Огилви прошел обучение в специальном лагере вблизи Торонто по подготовке диверсантов. Его учили незаметно наблюдать за людьми, стрелять из револьвера, организовывать взрывы, убивать голыми руками. Он ожидал, что его забросят на парашюте на оккупированную территорию, но Стефенсон дал ему другое задание: анализировать экономическую информацию, поступающую от агентов из Латинской Америки. В задачи группы, в которой он состоял, входило уничтожение бизнесменов, работавших против стран-союзников. Также необходимо было сделать все, чтобы Германия не воспользовалась латиноамериканскими стратегическими материалами: техническими алмазами, вольфрамом, ванадием, сурьмой и другими. Огилви, по его воспоминаниям, знал обо всем этом больше, чем кто-либо в Вашингтоне – там располагалось английское посольство, – и ежедневно направлял в разведывательное управление США около сорока отчетов. Когда значимость этой работы снизилась, Стефенсон поручил Огилви расследовать утечку суперсекретной информации, поступавшей от Черчилля командованию в Греции. Огилви решил эту проблему и затем участвовал еще во многих сложных операциях. Огилви в книге о Стефенсоне назван «возможно, самым выдающимся молодым человеком» в окружении последнего [6, р. 83–84]. После войны Стефенсон прислал ему свою фотографию с надписью: «Дэвиду, моему дорогому другу и товарищу по оружию» [6, р. 163].

Параллельно с этой работой в 1944 и 1945 годах Огилви выполнял функции второго секретаря посольства Англии в Америке. Одной из его задач была подготовка инструк-

ций, направлявшихся в разные страны. Здесь он получил навыки создания удобочитаемых текстов. Он вспоминал: «У нас редко возникали трудности относительно того, что сказать. Но часто было неудобно говорить представителям государственного департамента, в основном юристам, что их заготовки были настолько корявыми, что ни один посол не смог бы их понять» [6, р. 88].

По роду службы Огилви встречался со многими английскими и иностранными дипломатами высокого уровня, с некоторыми из них у него сложились дружеские отношения. Однако при этом сам он не выглядел дипломатом. Одна пожилая негритянка на железнодорожной станции Юнион-стейшн в Вашингтоне приняла его за носильщика и дала ему чаевые, когда он помог ей с багажом. Приводимый краткий диалог Огилви с таксистом позволяет предположить, что и американцем он тоже не выглядел. «Когда я попросил таксиста подвезти меня к зданию посольства, он был заметно удивлен. “Вы что, там работаете?” – “Да”. – “Вы кто, садовник?” – “Нет”. – “Но Вы очень хорошо говорите по-английски”. – “Спасибо”. – “Учили его перед тем, как приехали?” – “Да”» [6, р. 91].

Итак, в годы войны Огилви, находясь в Вашингтоне, работал в английской организации и в интересах Англии. Он жил в английской среде и общался с англичанами. Он скорее оставался англичанином, нежели превращался в американца.

Следующие три года, опять же не покидая Америки, Огилви фактически прожил в Южной Германии начала XVIII века. Все началось в июне 1940 года, когда в одной из поездок с Гэллапом Огилви увидел из окна поезда группу мужчин, выглядевших, как пилигримы. Гэллап объяснил ему, что это амиши. Через несколько недель Огилви и его жена поехали на велосипедах в Ланкастер, штат Пенсильвания, и нашли там поселения амишей. Потом они стали ездить туда регулярно и завели там много друзей.

Амиши – потомки эмигрантов, переехавших в Америку в первой половине XVIII века из Южной Германии, в основном они живут в Пенсильвании. До настоящего времени амиши сохранили свой язык, религию, обычаи, старинные имена. Они носят одежду старинного покроя, женщины сами шьют ее для членов своей семьи. Обычно амиши ос-

вещают дом свечами и керосиновыми лампами, электричество и современную технику используют крайне ограничено, например, фонарики на батарейках и легкие трактора. Они не пользуются автомобилями и телефоном. Считают, что телевидение и компьютеры способны разрушить их традиционные формы общения, ослабить семейные связи; в целом, согласно их представлениям, прогресс не есть «нечто лучшее». Вся их жизнь жестко регламентирована предписаниями церкви. Внутри общины амиши говорят на одном из старых немецких диалектов, но изучают «высокий» немецкий, на котором происходят церковные службы, и учат в школе английский. Они умелые фермеры, ремесленники, делают красивую и дорогую мебель.

Мне не удалось найти у самого Огилви объяснения, почему после окончания войны, в 1946 году, он с женой Мелиндой (Melinda Graeme Ogilvy, 1919–2004) и трехлетним сыном Дэвидом (David Fairfield Ogilvy) поселился в общине амишей. Ведь Огилви было уже 35 лет, он имел солидный опыт работы в различных областях маркетинга, влиятельных друзей в рекламном мире и среди ведущих американских аналитиков общественного мнения. Возможно, как и при эмиграции в Америку, ему не хотелось ни к кому обращаться за помощью, он решил всего добиться сам. Так или иначе, но в округе Ланкастер он купил 100 акров земли с двумя домами и стал выращивать табак. В этом «большом сельском монастыре» Огилви прожил три года. Ему многое нравилось в этой простой жизни. Однако постоянное беспокойство по поводу цен на урожай, недостаток физических сил для занятий сельским трудом, отсутствие навыков ремонта техники и прочее вынудили Огилви оставить фермерство. Он открыл собственный бизнес: рекламное агентство.

Освоение Америки. Встреча с Гэллапом

Огилви решил уехать в Америку 1938 году, после того, как проработал три года в «Mather & Crowther». Его друзья считали это безрассудством: оставлять хорошую работу и все начинать сначала в стране, где он никого не знал. Огилви называл ряд причин своей эмиграции. Первая: хотелось новизны, испытаний. Вторая: он понимал, что

огромная Америка более перспективна для карьеры, чем маленькая Англия. Третья: он желал убедиться в том, что может достичь успехов самостоятельно, без помощи брата. Четвертая: он был воодушевлен Новым курсом Рузвельта. Наконец, ему нравилось то, что он читал в книгах об Америке, начиная с приключений Геккельбери Финна и кончая романами Синклера Льюиса. К тому же Огилви не разделял несколько высокомерного отношения англичан к американцам (которые, впрочем, тоже были не лучшего мнения об англичанах).

Огилви прибыл в Америку с двумя рекомендательными письмами, адресованными людям, которые в то время представляли элиту своих профессиональных сообществ и были заметно старше его по возрасту. И тот факт, что у молодого англичанина сложились с ними дружеские отношения, многое говорит о коммуникативных способностях Огилви. Прошли десятилетия, и, составляя список 50 лучших своих друзей, Огилви внес в него и тех, к кому он прежде всего обратился по прибытии в Нью-Йорк.

Автором одного из писем был дядя Огилви, врач сэра Хамфри Роуллстон (Sir Humphry Rolleston, 1862–1944). В одном из старых медицинских журналов я прочел, что Хамфри Роуллстон был племянником выдающегося английского химика и физика сэра Хамфри Дэви (Humphry Davy, 1778–1829), профессором медицины Кембриджа, обладателем многих научных степеней и званий, автором известных врачам разных стран книг и редактором многотомных изданий. В 1884 году он женился на Лизетт Элле, дочери Франсиса М. Огилви, деда Дэвида Огилви [12]. Очевидно, что, будучи светилом медицины, он имел возможность написать специалисту высочайшего уровня. И действительно, доктор Эмануэл Либман (Emanuel Libman, 1872–1946), к которому обратился сэр Роуллстон, был выдающимся диагностом; говорили, что он обладал особым шестым чувством – видеть болезни. Его пациентами были Сара Бернар, Томас Манн, Альберт Эйнштейн и многие другие знаменитости. Огилви был молод, но и ему доктор Либман давал ценные медицинские советы.

Второе рекомендательное письмо Огилви дала его двоюродная сестра по материнской линии Цецилия Фэрфилд (Cecily Isabel Fairfield, 1892–1983), англо-ирландская писа-

тельница, эссеистка и журналистка, известная под именем Ребекка Уэст (Rebecca West). Она начинала свою карьеру как актриса, входила в узкий круг литературной богемы, имела сына от Герберта Уэллса, была в близких отношениях с Чарли Чаплином, многое сделала для укрепления в Англии феминизма. Ее письмо адресовалось Александру Вуллкотту (Alexander Humphreys Woollcott, 1887–1943), ведущему театральному критику страны, статьи которого долгие годы формировали культурные установки американской интеллигенции. У Вуллкотта Огилви нередко проводил выходные, у него он познакомился с многими известными уже в те годы людьми мира театра и кино: Этель Барримор (Ethel Barrymore, 1879–1959), Руфью Гордон (Ruth Gordon Jones, 1896–1985), Джорджем Кауфманом (George Simon Kaufman, 1889–1961), Харпо Марксом (Harpo Marx – Adolph Arthur Marx, 1888–1964), Робертом Шервудом (Robert Emmet Sherwood, 1896–1955) и другими. Каждый из них оставил заметную страницу в истории американской культуры XX века.

Многие помогли Огилви сориентироваться в американской жизни, но прежде всего он называет Чарльза Берлингема (Charles Culp Burlingham, 1858–1959), крупного юриста, одного из самых известных людей Нью-Йорка. От него Огилви получил необходимые познания в области американской политики. Огилви упоминает также Франсес Перкинс (Frances Perkins, 1882–1965) – министра труда, которая помогла ему получить разрешение на работу. В тот же период Огилви познакомился с молодым копирайтером Россером Ривзом (Rosser Reeves, 1910–1984), вскоре ставшим весьма заметным человеком в мире рекламы. Дважды в месяц они вместе обедали, и Ривз «открывал глаза» Огилви на то, что такое реклама. Через некоторое время они породнились: первая жена Огилви, Мелинда, была сестрой жены Ривза.

Теперь, имея пусть самые общие представления о круге общения молодого Огилви, о людях, внимание которых к себе он ценил на протяжении всей жизни, ибо каждый по-своему помог ему найти себя, можно понять подлинный смысл слов Огилви: «И здесь я получил счастливейший шанс в моей жизни: доктор Джордж Гэллап пригласил меня поработать в своей организации в Принстоне» [6, р. 65].

Знакомство Огилви и Гэллапа произошло случайно, и, хотя их жизненный опыт был различен, скоро их отношения переросли из деловых в дружеские.

Джордж Гэллап (см. выше) был десятью годами старше Огилви, имел ученую степень Ph.D. по психологии, рано стал профессором и, благодаря успешному предсказанию победы Франклина Рузвельта на президентских выборах 1936 года, приобрел общенациональную известность как аналитик общественного мнения. Он руководил созданным им в 1935 году Американским институтом общественного мнения (American Institute of Public Opinion, AIPO). Кроме того, Гэллап был признанным экспертом в области изучения аудитории прессы и эффективности рекламы и к моменту встречи с Огилви уже несколько лет возглавлял исследовательский отдел в «Young & Rubicam», одном из крупнейших рекламных агентств Америки.

По воспоминаниям Огилви, на следующий день после прибытия в Америку он позвонил Раймонду Рубикаму с просьбой о встрече. «Открывайте свое дело», – рявкнул тот. На что Огилви ответил: «Хотелось бы воспользоваться вашими мозгами» [7, р. 193]. Огилви ехал в Америку, чтобы углубить свои знания в области создания рекламы, однако работу копирайтера ему никто не предложил. Рубикам познакомил Огилви с Гэллапом, под руководством которого он быстро освоил технологию проведения опросов общественного мнения. Огилви уже тогда обладал великолепной деловой хваткой и быстро проявил свои аналитические способности. Вскоре Гэллап пригласил его возглавить созданный им в марте 1940 года Институт исследований аудитории (Audience Research Institute, ARI), который позже стал называться «Audience Research Incorporated» [13]. Оба гэллаповских института располагались в Принстоне.

В своих воспоминаниях Огилви отмечал, что он руководил ARI, но нигде не указал своей должности. В ряде публикаций справочного характера и статьях об Огилви его называют исполнительным директором, руководителем института. Но на корпоративном сайте The Gallup Organization (Организация Гэллапа), берущей свое начало от AIPO, Огилви назван вице-президентом ARI [14].

Думается, что, решая вопрос о привлечении Огилви к руководству ARI, Гэллап учитывал не только деловые

качества своего молодого коллеги, но и его знание мира артистической богемы. Время показало, что Огилви действительно мог вести сложные переговоры с «зубрами» Голливуда, обсуждать с ними непростые вопросы, касающиеся результатов исследований. Назову лишь наиболее активных потребителей исследовательской информации: Сэмуэл Гоулдуин (Samuel Goldwyn, 1882–1974), Уолтер Дисней (Walter Disney, 1901–1966), Дэвид Селзник (David Selznick, 1902–1965) [15, p. 51].

Сам Гэллап начинал думать об изучении кино еще в 1934–1935 году в силу ряда обстоятельств. Во-первых, он видел здесь интересную методологическую задачу: его метод работал при изучении политических и потребительских установок, при исследовании эффективности рекламы, но никто не пробовал использовать его при анализе киноаудитории. Во-вторых, Гэллап понимал, что представители киноиндустрии не учитывали в своей работе интересы рядовых зрителей: «...они никогда не обращали внимания на желания локальных аудиторий, на цены, которые были бы для них приемлемы, на типы фильмов, которые определенные группы людей хотели бы посмотреть» [16, p. 65]. По воспоминаниям Огилви, Гэллап – на базе AIPO – начал поисковые исследования в области кино в конце 1936 года, однако он не делал этот факт публичным до января 1939 года, когда в ряде газет им были приведены результаты общенационального исследования отношения к фильму «Унесенные ветром» [16, p. 65]. Гэллап предложил рекламировать фильм как *лав стори*, а не как фильм про войну. И хотя создатель картины Д. Селзник не заказывал этого исследования, в переговорах с прокатчиками он ссылаясь на выводы Гэллапа, говорил о небывало большой аудитории фильма и о том, что он будет значимым культурным явлением. Известно, что так и произошло.

По мнению Г. Баккера, обстоятельно изучившего становление маркетинговых исследований в киноиндустрии, этот гэллаповский опрос был поворотной точкой в истории изучения киноаудитории; все, делавшееся раньше, было «прологом научного маркетинга» [17, p. 107].

В 1940 году основным клиентом ARI была компания RKO (Radio-Keith-Orpheum), осуществлявшая прокат фильмов в стране и контролирующая многие аспекты разви-

тия киноиндустрии. Ее президент, совсем молодой человек Джордж Шефер (George Schaefer, 1920–1997), предложил Гэллапу эксклюзивный контракт на год. В 1941 году появились и новые заказчики. В начале 1940-х в фирме работало от 50 до 60 сотрудников, планировавших исследования, обрабатывавших их и анализировавших результаты. К сбору информации привлекалось около тысячи интервьюеров, работавших на APO. Некоторые интервью включали до 200 вопросов и продолжались более часа. Вопросы тщательно отбирались и использовались в разных формулировках. Поскольку название фильма во многом определяло его зрительский успех, в опросах тестировались основное название и два контрольных из секретного перечня гипотетических названий. Использовались и другие методы изучения отношения к фильму. Например, образовывались группы по сто человек, репрезентировавшие различные слои аудитории, и во время просмотра фильма это жюри, имея в руках специальный прибор, оценивало тот или иной фрагмент по пятибалльной системе. Эта информация поступала на центральный «сейсмограф», и вычерчивалась кривая оценок различных частей, сюжетов картины. Вспоминая позже работу ARI в 1940-х, Гэллап говорил, что «это были самые лучшие исследования, которые он когда-либо видел или в которых участвовал» [17, р. 114]. «Сделано в ARI» стало синонимом качественного маркетингового тестирования картины [18].

Огилви предстояло на основе опросной технологии Гэллапа, успешно зарекомендовавшей себя при изучении общественного мнения, исследовать отношение американцев к кинофильмам и выявить факторы, в силу которых фильмы принимаются или не принимаются зрителем. Прежде всего следовало определить состав киноаудитории. До исследований Гэллапа, базировавшихся на научно обоснованной выборке, заключения о том, кто ходит в кино, делались на основе наблюдений и зрительских писем. Отчеты Огилви впервые позволили РКО получить представительные данные о поле, возрасте и социально-экономическом статусе, а также предпочтениях разных групп зрителей.

Огилви, не имевший специального образования, проводил весьма тонкий социологический анализ киноаудитории. Так, в 1941 году, перед тем, как выпустить на экран новый фильм с популярной в 1920-е годы актрисой Глорией

Свенсон (Gloria Swanson, 1897–1983), компания RKO попросила выяснить отношение к ней зрителей. Огилви писал: «...аудитория фильмов – это не стоящая на месте армия, это – движущийся парад. Мисс Свенсон снялась последний раз в 1934 году. За прошедшие годы большинство ее поклонников оказались в категории людей, которые не ходят в кино. Их места перед окошком кассы кинотеатров заняли представители поколения, никогда не видевшего мисс Свенсон» [16, р. 69].

Каждые два месяца Огилви строил график, иллюстрировавший динамику популярности кинозвезд. Ранее он предполагал, что зрители ходят в кино, чтобы полюбоваться на актеров противоположного пола, но оказалось, что это не так. В действительности зрители мужского пола идентифицировали себя с героями-мужчинами, а женщины – с героинями. Конечно, были и исключения, но в целом кинозрители «голосовали за тех звезд, с которыми имели больше всего общего» [6, р. 70]. Позже этот вывод использовался Огилви при создании рекламы; оказалось, что мужчины часто игнорируют рекламу с фотографией женщины, а мужская фотография сокращает женскую аудиторию рекламы [19, р. 119]. Огилви утверждал: «Чтобы привлечь внимание женщин, показывайте детей или женщин, чтобы привлечь внимание мужчин, показывайте мужчин» [9, р. 127].

Гэллапом и Огилви были сформулированы четыре поисковые задачи: определить популярность звезд кино через количество билетов, покупаемых на фильмы с их участием; выявить ожидания аудитории фильмов на основе содержания пьес, идущих на Бродвее, дать заключение относительно «продаваемости» тех или иных названий фильмов; узнать, какая часть зрителей слышала о фильме до того, как он вышел на экраны. Эта информация использовалась для того, чтобы предсказать размер аудитории нового фильма. Огилви отмечает, что средняя погрешность в решении этой сложнейшей задачи была менее десяти процентов [6, р. 68]. Наиболее полно вопрос о вкладе Гэллапа (возможно, и Огилви) рассмотрен Сюзан Омер (Susan Ohmer) в глубоком исследовании «George Gallup in Hollywood» («Джордж Гэллап в Голливуде») [20].

Вскоре исследователи позволили себе делиться с создателями фильмов идеями о том, какие картины должны понра-

виться зрителям. В частности, Огилви предложил Диснею поставить «Алису в стране Чудес», что тот с успехом и сделал.

В то недолгое время, когда ARI руководил Гэллалп, загруженный еженедельными опросами общественного мнения и проектами «Young & Rubicam», отчеты по изучению киноаудитории делались в течение трех месяцев. Огилви сократил этот период до двух дней [7, р. 36], что принципиально повысило их ценность для менеджеров Голливуда. За три года под руководством Огилви было проведено свыше 400 общенациональных опросов, позволивших накопить огромный исследовательский опыт и многое узнать об американском кинозрителе.

В более чем 60-летней давности выпуске журнала «Time» я нашел небольшую заметку об исследованиях ARI, где говорится о работе «подающего надежды молодого шотландца по имени Дэвид Огилви», под руководством которого уже проведено 194 опроса, «разрушивших многие лелеемые Голливудом иллюзии». И вот главный вывод Огилви: «Никакая картина не может иметь значительного коммерческого успеха, если она не привлечет зрителей всех возрастов и из всех групп. Но не существует безошибочной формулы для создания такого фильма» [21]. До июля 1941 года «Time» не писал об Огилви, и, возможно, это вообще одно из первых упоминаний о нем в массовых американских изданиях.

Гэллалп и Огилви с полным правом называются пионерами изучения киноаудитории; до них американская индустрия производства и проката фильмов не имела научно обоснованной информации о структуре зрительской аудитории и ее предпочтениях. Гэллалп создал ARI, сформулировал философию его деятельности и заложил методическую основу системы сбора эмпирической информации. Огилви, по сути, первым начал осваивать гэллалповскую технологию выборочных опросов при изучении культурных, эстетических установок, зафиксировал параметры американской киноаудитории на рубеже 1930–1940-х годов и доказал практическую ценность социологического и маркетингового исследования зрителей.

Гэллалп не только научил Огилви анализировать результаты исследований киноаудитории, но и помог ему подойти к выводам общего, универсального характера, позже ис-

пользованным Огилви-рекламистом. Один из таких выводов Огилви привел в 1985 году в письме своему коллеге и близкому другу Александру Билу (Alexander L. Biel), главе Исследовательского и проектного центра Огилви (The Ogilvy Center for Research and Development), в ответ на заявление Била о том, что большинство населения просто не любит рекламу: «Когда я проводил исследования для Голливуда, я обнаружил, что о большинстве населения нельзя сказать, что оно не любит каких-либо звезд кино. Сорок пять лет назад я пришел к выводу о том, что обычные американцы слишком доброжелательны или слишком глупы, слишком пассивны или слишком некритичны, чтобы не любить что-либо» [3, р. 39].

По воспоминаниям Огилви, Гэллап платил ему 40 долларов в неделю, меньше, чем получал садовник у голливудских светил, которых консультировал Огилви. Тем не менее, он писал: «...я был бы счастлив сам платить Гэллапу за образование, которое он мне дал» [6, р. 74]. Если суммировать все написанное Огилви о Гэллапе, то получается, что это образование включало два принципиальных момента.

Во-первых, Гэллап убедил Огилви в справедливости своего понимания науки как инструмента познания, в частности – высокой роли эмпирических методов при изучении сознания населения. Скажу иначе: Гэллап – приверженец бэконовской интерпретации науки – обратил Огилви в свою веру. Правда, мне представляется, что Огилви легко воспринял подобную интерпретацию роли и сути науки. Такое отношение к науке было естественным для него, оно было ингредиентом его «оксфордской патины». Через много лет после описываемых событий, опираясь на собственный опыт работы в разведке и рекламной индустрии, Огилви заметил: «Создатели рекламы, игнорирующие научные исследования, так же рискуют, как и генералы, пренебрегающие расшифровкой сигналов противника». Огилви подчеркивал, что правила, о которых он говорил, им не придуманы, они квинтэссенция того, что он узнал из исследований [19, р. 89].

Второе важнейшее направление влияния Гэллапа на Огилви носит сложный, многомерный характер и обусловлено как особенностями собственной деятельности Гэллапа, так и предметно-объектной спецификой его многолетних

раздумий о природе мышления и творчества. В период с середины 1930-х до середины 1940-х годов Гэллап приобрел сначала общенациональную, а вскоре и широкую международную известность как исследователь общественного мнения. Кроме того, он был пионером исследований читательских интересов, рекламы, киноаудитории, журналистом и статистиком. К тридцати годам он стал опытным преподавателем, стремившимся передать студентам секреты создания текстов, способных убеждать. Его всегда интересовали возможности человеческого мозга и феномен креативного мышления [22, с. 152–158].

Говоря о значении исследований Гэллапа по восприятию рекламы, Огилви отмечал: «Гэллап привнес в изучение рекламы больше нас всех, вместе взятых» [3, р. 106]. В предыдущих публикациях я связывал эти слова прежде всего с большим количеством факторов, повышающих эффективность рекламы, которые выявил Гэллап. Однако контекст, в котором это утверждение было сформулировано, позволяет распространить его и на гэллаповскую философию политических и маркетинговых исследований, и на его понимание феномена креативности. Дело в том, что далее Огилви говорит о соотношении науки и творчества в своей работе. «Когда начиналась работа “Ogilvy & Mather”, я выполнял две функции. В четверг и пятницу я был директором по исследованиям. В понедельник, вторник и среду – творческим директором (creative director)... Давний конфликт между креативной и исследовательской функциями не утихал в моем воспаленном мозгу... Я всегда смотрел на творческую работу глазами исследователя, что не способствовало любви ко мне со стороны моих друзей-копирайтеров и художественных редакторов. А на исследование я смотрел глазами копирайтера» [3, р. 106–107].

Суть в том, что Гэллап не просто снабдил Огилви фактами, позволяющими повысить эффективность воздействия рекламы на человека, но открыл ему механизмы креативного мышления, убедил в том, что следование рекомендациям науки не снижает творческий потенциал работы, но, напротив, позволяет интуиции, образному мышлению полнее раскрыться. Огилви соглашался с Гэллапом в том, что каждое слово в рекламе должно быть значимым. Вместо расплывчатых обещаний должны быть конкретные цифры,

общие фразы должны уступить место фактам, а пустые уговоры – заманчивым предложениям. Одно из важнейших правил, сформулированных Огилви для новых сотрудников фирмы, гласило: «Содержание значительно важнее формы. То, что вы скажете, важнее того, как вы это скажете» [9, р. 64]. Он называл слово «тест» важнейшим в словаре копирайтера и призывал тестировать все: рекламируемые товары, средства распространения рекламы, заголовки и иллюстрации, размер рекламных текстов, частоту предъявления рекламы, расходы. «Никогда не прекращайте тестирование, и ваша реклама будет постоянно улучшаться» [19, р. 86].

Иллюстрируя мысль о необходимости строгого следования жесткой научно выверенной системе конструирования рекламы, он приводил в пример сонеты Шекспира и сонаты Моцарта, выстроенные по строгим правилам жанра, и спрашивал: «Они что, бесцветные, бесформенные?» [19, р. 90]. А в одной из своих книг Огилви цитировал слова Моцарта: «Никогда не предпринимал ни малейших усилий к тому, чтобы сочинить нечто оригинальное» [6, р. 24]; слушая музыку этого композитора, Огилви испытывал огромное счастье [6, р. 26].

Творческие вершины

В 1971 году Огилви кратко описал свое вхождение в американский рекламный бизнес. Вот этот текст полностью:

«Какое рекламное агентство взяло бы на работу этого человека?»

38 лет, безработный. Бросил колледж. Был поваром, коммивояжером, дипломатом и фермером. Ничего не знает о маркетинге и никогда не писал рекламных текстов. Говорит, что его заинтересовала реклама как профессия (в возрасте 38 лет!) и готов работать за 5000 долларов год.

Сомневаюсь, что нашлось бы американское агентство, готовое нанять его.

Но одно лондонское агентство все-таки приняло его в свои ряды. И через три года он стал самым известным в мире копирайтером и теперь определяет курс десятого по величине агентства в мире.

Мораль: творческий и неортодоксальный подход при найме новых сотрудников иногда оказывается оправданным» [3, р. 20].

Все верно, если смотреть на жизненную траекторию потенциального соискателя работы с позиции отдела кадров. Но в этом самопредставлении нет сущности 38-летнего Огилви, того, что в действительности объясняет его высочайшую успешность в рекламном бизнесе и стремительное признание окружающими его лидерства. «Бог, – повторял Огилви применительно к рекламе, – в деталях». «Детали» его биографии к тому моменту – это огромный опыт изучения киноаудитории и понимание психологии потребителя, высокие аналитические способности, отточенные годами исследовательской работы, знание американской литературы по рекламе и личное знакомство с рядом специалистов высочайшего уровня в этой сфере деятельности. Наконец, работоспособность, креативность, здоровая амбициозность.

Еще фермерствуя, Огилви задумывался о работе в рекламе, изучал сделанное ведущими агентствами. В начале 1960-х он вспоминал в одном из писем, что больше всего хотел бы работать в «Young & Rubicam», ибо ему были близки стиль и традиции этой фирмы. Но он не обращался туда, понимая, что его не возьмут – в силу его возраста и судьбы перекасти-поля [1, р. 229].

Думаю, что, приложив определенные усилия, Огилви все же нашел бы работу в рекламе, но такой ход событий его явно не устраивал. Его переполняли всевозможные жизненные наблюдения и впечатления, толкавшие его не просто в рекламный бизнес, но к деятельности копирайтера. Однако он понимал, что не может не торопясь строить свою карьеру, начав с небольшой должности в одном из существующих агентств. У него не было времени для «разбега», и вообще копирайтеры, как правило, достигают творческих вершин в молодости. Когда Огилви было 53 года и ряд его рекламных работ уже стал классикой, он сказал: «...большинство копирайтеров, включая меня, на третьем десятке работают лучше, чем на четвертом, и на четвертом лучше, чем на пятом» [5, р. 75].

В сентябре 1948 года Огилви открыл «английское рекламное агентство» в Нью-Йорке. Он инвестировал в этот бизнес всего 6000 долларов. Большая часть капитала при-

надлежала «Mather & Crowther» и лондонскому рекламному бюро «S.H. Benson, Ltd.». Огилви не имел опыта ведения рекламного бизнеса в Америке, и поэтому было решено найти президента фирмы – американца. Огилви пригласил энергичного бухгалтера Андерсона Хьюитта (Anderson Fowler Hewitt, 1912–1984), работавшего в рекламной индустрии и знакомого со многими людьми в этой области. Огилви стал вице-президентом [1, р. 230]. Новая фирма называлась «Hewitt, Ogilvy, Benson & Mather» и имела лишь несколько небольших английских заказов. Хьюитт много сделал для становления фирмы, но вскоре обнаружилось, что они с Огилви по-разному видят перспективы ее развития, и через четыре года Хьюитт вышел из бизнеса. Огилви стал руководителем агентства «Ogilvy, Benson & Mather».

Еще лишь продумывая стратегию своего рекламного агентства, Огилви отметил: «Имя в рекламе надо заслужить. Мы начинаем с очень скромными средствами, но мы собираемся до 1960 года стать крупнейшим агентством» [19, р. 24]. Так и произошло. На заре своей самостоятельной деятельности Огилви записал названия пяти фирм, с которыми ему больше всего хотелось работать: «General Foods», «Bristol-Myers», «Campbell Soup», «Lever Brothers» и «Shell» [19, р. 25]. Все эти компании к середине прошлого века обладали длительной историей, общенациональной известностью и сотрудничали с крупнейшими рекламными агентствами страны. К началу 1960-х все они были клиентами фирмы Огилви.

Кампании Огилви революционизировали искусство рекламы и создали ему высочайший авторитет в этой области. Огилви как никто иной понимал роль каждого из множества факторов, делающих рекламу успешной, и при этом он всегда видел их в гармонии, в единении.

Трактовка Огилви функции рекламы и результаты ее тестирования привели его к пониманию специфики языка рекламы и отличия последнего от художественной прозы. В беседе с известным американским новеллистом Роалдом Далом (Roald Dahl, 1916–1990) Огилви заметил, что далеко не все великие копирайтеры обладали талантом хорошо писать; они были великими, потому что их реклама хорошо продавала. Сам Огилви считал многие свои рекламные тексты ужасными с точки зрения профессионального

писателя – зато в них учитывалось то обстоятельство, что «большинство потребителей составляли необразованные домашние хозяйки» [1, р. 236].

Высоко ценя творческое начало в создании рекламы, он делил копирайтеров не на творческих и нетворческих, но исключительно на хороших и плохих. Соответственно, он рассматривал рекламу не как развлечение или вид искусства, но «по-ласкеровски» – как источник информации. Хорошая реклама «продает товар, не привлекая внимания к себе самой» [19, р. 90]. Огилви стремился к тому, чтобы читатель рекламы сказал не «какая искусная реклама», но «я этого не знал, надо попробовать этот продукт». В качестве иллюстрации Огилви приводил пример из истории древней Греции, когда два известных оратора, Эсхин и Демосфен, призывали греков к войне с Филиппом Македонским: «Когда выступал Эсхин, люди отмечали: “Как хорошо он говорит”. Но когда выступал Демосфен, они кричали: “Идем на Филиппа!”» [19, р. 90].

Многие работы самого Огилви и те, что были выполнены им совместно с сотрудниками, вошли в золотой фонд американской рекламы XX столетия: они были выразительными, и с их помощью товар хорошо продавался. Ниже рассматриваются те из них, которые наиболее высоко оценены как специалистами в этой области, так и самим Огилви.

Guinness

В 1950 году ирландская компания по производству пива Guinness предложила Огилви создать серию реклам-путеводителей, посвященных устрицам, сырам, дичи и т. п. Рекламная кампания Guinness, которая велась в Англии в 1930-х годах, была крайне простой по форме, примитивной по содержанию и создавала искаженное представление об этой марке пива.

Реклама устриц была первой, которую Огилви создал, будучи руководителем агентства. Она была информативна и элегантна в графическом и в цветовом отношении. Рекламное поле разбито на 12 клеток, по три в четырех рядах. В верхней центральной клетке – заголовок «Путеводитель Guinness по устрицам» («Guinness Guide to Oysters»), в девяти – фотографии различных видов устриц и краткие рассказы о каждом из них. В нижней правой изо-

бражена бутылочка темного пива Guinness, рядом – стакан с пивом. На поверхности пены слегка проступает улыбающееся лицо. В нижней срединной клетке – основной слоган рекламы: «Любые устрицы будут вкуснее с глотком пива Guinness».

Этот заказ, писал Огилви, не принес большой прибыли, но дал прекрасную возможность продемонстрировать креативность работы фирмы.

Мужчина в рубашке Hathway

Реклама, известная как «Мужчина в рубашке Hathway» («The man in the Hathway shirt») не только стала поворотной точкой в истории фирмы, но и признана одним из высочайших образцов рекламной культуры XX века. Сегодня, через полвека после ее создания, становится понятна причина ее феноменального успеха: в ней есть дух Америки начала 1950-х, она отражает ряд черт образа жизни американцев в послевоенные годы, и она личностна – в ней прочитываются следы биографии ее автора.

Все начиналось просто: в новую рекламную компанию, не имевшую большого числа клиентов, обратился Эллертон Жетте (Ellerton Jetté, 1899–1986) – владелец небольшой фабрики «Hathway Shirt Company» по производству мужских рубашек. Фабрика была создана в 1837 году и, хотя выпускала хорошую продукцию, не рекламировала ее для широкой публики [23]. Заказчик мог предложить за работу не более 30 тысяч долларов в год, но зато пообещал не менять ни слова в тексте рекламы; всю ответственность за рекламирование продукции он возлагал на Огилви. За все 19 лет их дальнейшего сотрудничества Жетте не нарушил своего обещания.

В профессиональном отношении задача была нелегкой. Во-первых, что нового, особо интересного можно было сказать о мужской рубашке? Во-вторых, в то время известностью пользовались рубашки фирмы «Arrow Collar Man», которые рекламировали суперзвезды кино 1930–1940-х годов Кларк Гейбл (Clark Gable), Кэри Грант (Cary Grant) и другие. Эту рекламную кампанию агентство «Young & Rubicam» проводило начиная с конца 1930-х, она осуществлялась выдающимся копирайтером Джорджем Гриббином под слоганом «Мой друг Джо Холмс сейчас стал лошадью»

(1938 год). Речь шла о том, что, когда Джо был человеком, он не знал про рубашки «Arrow Collar Man» и постоянно мучился из-за плохих воротничков; теперь же, когда он умер и перевоплотился в лошадь, у него прекрасный хомут и он, наконец, счастлив. Попытки других копирайтеров рекламировать аналогичный товар не были удачными. Во всяком случае, реклама рубашек компании «Van Heusen», в которой участвовал голливудский актер Рональд Рейган, не увенчалась успехом.

Огилви хотел создать не гламурный, а живой, обыденный образ. Мужчина на рекламе должен был быть привлекателен как для женщин (основных покупательниц), так и для мужчин среднего и старшего возраста, которым предназначались рубашки. Сохранилась записка от 5 мая 1951 года, в которой Огилви просит своего фотографа найти человека средних лет, похожего на Хемингуэя или Фолкнера, желательно с усами. Постепенно выкристаллизовалась идея, сделавшая рекламу рубашек Hathway знаменитой. Среди школьных товарищей Огилви был мальчик, носивший на глазу черную повязку. Незадолго до начала работы над рекламой Огилви увидел фотографию Льюиса Дугласа (Lewis Williams Douglas, 1894–1974), американского посла в Англии, с такой же повязкой. Огилви и раньше приходила в голову мысль о колоритности черной повязки, и, размышляя над новой рекламой, он решил использовать там этот штрих. По дороге на работу он купил такую повязку за полтора доллара.

Эта история подтверждается рядом писем Огилви. Но существует и иная версия, рассказанная в «Hathway Shirt Company» Джеймсу Твитчелу, автору серии эссе о выдающихся рекламах. По этой версии такая идея возникла у жены Жетте, увидевшей мужчину с черной повязкой и сказавшей мужу, что это очень выделяет человека. Жетте поделился ее наблюдением с Огилви [24, р. 141].

Фотограф нашел человека, похожего на Фолкнера; им оказался бывший белый русский офицер барон Георгий Врангель (George Wrangell, 1904(?)–1969), со здоровыми глазами и нормальным зрением. Фотография сразу привлекла внимание; 7 мая 1951 года Огилви писал Жетте: «Я сделал нечто крайне неортодоксальное... Это мелочь, но она может изменить многое» [1, р. 230]. Не раз в своих кни-

гах Огилви писал о том, что нет успеха без большой идеи. Маленькая глазная повязка как раз и стала большой идеей, которую позже он успешно развивал.

Текст рекламы был коротким, пять абзацев, и сугубо информативным. Сначала – комплимент американским мужчинам, которые, конечно же, понимают, что хороший костюм может быть испорчен рубашкой массового производства. Затем – сообщения о том, что растущая популярность удобных и элегантных рубашек фабрики «Hathway», расположенной в маленьком городке Уотервилле (Waterville), штат Мэн, объясняется очень просто: рубашки там шьют уже 120 лет из лучших материалов, изготовленных в Англии, Шотландии, Исландии, Индии, Франции и Америке.

22 сентября 1951 года в журнале «New Yorker» впервые появилась реклама «Человек в рубашке Hathway». Вскоре фабрика не могла удовлетворить заявки на свою продукцию.

Небольшое сообщение об этой рекламе журнал «Time» опубликовал через год после ее рождения [25]; тогда работа Огилви уже была известной, но еще не приобрела статус классики. Отмечалось, что Американская рекламная федерация (Advertising Federation of America) назвала Огилви «Молодым рекламистом года» (Young Advertising Man of the Year). Кроме того, приводился пример «одноглазой лести» Огилви: один из крупных универмагов Манхэттена использовал в своей рекламе черную глазную повязку. Замечу, что и сама публикация в «Time», по американским понятиям, была отличной рекламой деятельности Огилви.

Вслед за первой рекламой, на которой барон Врангель лишь демонстрировал рубашку, стали выходить другие, где он играл на гобое, дирижировал оркестром, копировал картину Гойи, накачивал автомобильную шину, приобретал Ренуара, играл в бридж и др. Это все было частью жизни Огилви. В американской культуре есть выдуманый писателем Джеймсом Тербером человек по имени Уолтер Митти (Walter Mitty), постоянно попадающий в придуманные им же самым фантастические ситуации; его имя стало нарицательным. Так вот, в одном из своих писем Огилви называет человека с повязкой на глазу «уолтер митти» Огилви. И добавляет: «Следовательно, это цельный, логически последовательный образ» [1, р. 231]. Была даже реклама, на которой человек с повязкой на глазу писал завещание; вот

ее заголовок: «Моему сыну Бенджамину: один миллион долларов и все мои рубашки Hathway» [26, р. 301].

В некоторых случаях текст рекламы печатался в сокращенном виде. Более того, первые четыре года рекламная кампания велась только на страницах «New Yorker» и была настолько известной, что Огилви часто публиковал лишь фотографию мужчины с повязкой на глазу без текстового сопровождения. Этот образ стал узнаваемым, превратился в бренд.

Тоник Schweppes

Рекламная кампания английской фирмы «Schweppes», выпускающей тонизирующие напитки, – еще одно классическое произведение Огилви. А начиналось все не лучшим образом. Через полчаса после того, как Огилви, опираясь на результаты исследований, стал докладывать маркетинговый план кампании сэру Фредерику Хуперу (Frederic Hooper), президенту фирмы «Schweppes», не ретрограду и успешному бизнесмену, последний остановил его, сказав: «...ваш статистический подход – это полнейшее ребячество». Однако Огилви не изменил своего стиля работы, и через пять лет Хупер признал свою неправоту. Он предложил Огилви организовать форум рекламистов и использовать в своем выступлении один из выводов Хупера: «В конце концов, клиенты должны быть благодарны рекламным агентам, говорящим правду» [19, р. 68–69]. И могло ли быть иначе, если к тому времени продажа напитков Schweppes в США выросла на 517 процентов?

Компания предложила Огилви использовать в рекламе одного из своих менеджеров, в годы войны бывшего офицером английского флота, командора Эдварда Уайтхеда (Edward Whitehead, 1908–1978). Уайтхед был высоким, элегантным мужчиной с бородой, делавшей его слегка похожим на Николая II. В те годы в Америке борода выделяла человека не меньше, чем повязка на глазу; в дополнение к мужчине из «Hathway» появился мужчина из «Schweppes» [1, р. 233].

Фотография занимала основное место в рекламе, текст был коротким и сугубо информативным. Сообщалось, что фирма «Schweppes» существует с 1784 года, что тоник хорошо освежает и тот, кто его попробует, навсегда запомнит день, когда он впервые прочел рекламу напитка.

Как и в случае с бароном Врангелем, Огилви разработал рекламную серию, представляющую командора Уайтхеда в различных ситуациях: вот он в аэропорту – прилетел, чтобы убедиться в качестве доставленного в Америку напитка Schweppes; вот он – «лондонский посол» от «Schweppes», с заиндевевшими усами и бородой, похожий на Деда Мороза, рекламирует холодный тоник с водкой или джином; вот – уже президент американского отделения «Schweppes» – присутствует при проверке бочек с тоником; он рядом с подростками в спортивной форме, с принцессой из индийского города Бангалора...

Через некоторое время Уайтхед был настолько популярен, что его начали приглашать на телевизионные шоу и он стал героем анекдотов. Художник Бернард Хейлстон (Bernard Hailstone, 1910–1987), кисти которого принадлежат портреты членов британской королевской семьи, Уинстона Черчилля, Питера Устинова и других знаменитостей, написал и портрет Эдварда Уайтхеда. Эта рекламная кампания Огилви началась в 1953 году и продолжалась восемнадцать лет.

Пуэрто-Рико

Большую радость доставила Огилви рекламная кампания Пуэрто-Рико. Он высоко оценивал результат этой работы, видел в ней простор для творчества, ценил дух сотрудничества с главным заказчиком рекламного проекта – архитектором «Карибского чуда» 1950–1970-х годов Теодоро Москосо (Teodoro Moscoso, 1910–1992). Москосо поинтересовался, как Огилви собирался представить в рекламе его страну: «Оазисом безмятежности, коренящейся в испанской традиции? Промышленным ульем? Мостом между Соединенными Штатами и Латинской Америкой?» Огилви предложил создать прекрасный образ Пуэрто-Рико вместо существовавшего представления о нищем государстве [6, р. 137]. По мнению Огилви, такой образ имел бы принципиальное значение для промышленного развития Пуэрто-Рико, туризма и политической эволюции [19, р. 51].

В Интернете я обнаружил не публиковавшуюся в печати телеграмму, отправленную Огилви фотографу Уильяму Бинзену (William Binzen), в самом начале работы. Огилви писал: «То, что нам надо для рекламы, – это порядка две-

надцати бессмертных фотографий. Следует выбирать исторические, культурные и ренессансные объекты. Нужны старинные церкви, роскошные пейзажи, приветливые люди, а современная архитектура – только для контраста... Помните, что реклама должна быть красивой, одухотворенной и незабываемой...» [27].

Бинзен и еще один, известный сейчас фотограф, Эллиотт Эрвитт (Elliott Erwitt, 1928), сделали в высшей степени выразительные фотографии, передававшие романтику староспанской архитектуры. В сопроводительных текстах кратко говорилось о красоте страны и социальных изменениях, происходящих в ней. Несколько реклам были связаны с именем великого виолончелиста Пабло Казальса. На самой известной из них изображена почти пустая комната в доме матери Казальса. Маэстро нет, только его инструмент. Меланхоличность фотографии Эрвитта, интерьером и общей освещенностью напоминающей картины романтизма середины XVIII – начала XIX века (как не вспомнить барона Врангеля, копировавшего Гойю), усиливается заголовком рекламы: «Пабло Казальс возвращается домой, в Пуэрто-Рико» («Pablo Casals is coming home – to Puerto Rico»).

Исследования, проведенные агентством Огилви, показали, что большинство американцев, никогда не бывавших в Пуэрто-Рико, считали, что это, грязная, нищая страна. Реклама породила туристский бум на этот остров [7, р. 128]. Огилви открыл страну для американцев, привлек в нее сотни компаний и миллионы туристов, помог избавиться от четырехвековой бедности.

Когда смотришь на рекламу пуэрториканского цикла, понимаешь, что многое в ней навеяно любовью Огилви к европейской культуре, в частности – архитектуре Парижа. Замечу, что фотограф Эрвитт родился Париже и до десяти лет жил в Италии, а его родители эмигрировали во Францию из Москвы и Одессы.

Мыло Dove

Кампания по продаже мыла Dove известной фирмы «Lever Brothers» – пример эффективности научного подхода к построению рекламы и пониманию психологии потребителя.

Исходно фирма планировала подавать Dove как первый «нейтральный», то есть мягкий, нещелочной, сорт мыла, но Огилви решил, что подобное невыразительное представление не привлечет потребителя. Изучая состав мыла, он обратил внимание на наличие в нем популярного увлажняющего крема. Это и стало отправным моментом для построения рекламной кампании; Dove можно было позиционировать как мужское мыло, но Огилви решил предлагать его как женское туалетное, которое не сушит кожу.

Огилви считал эту рекламу вызывающей: смелая для Америки 1950-х фотография, эмоциональный заголовок. Но для «европейца» Огилви, в своей первой рекламе использовавшего «Завтрак на траве» Мане, это было вполне естественно.

На фото – девушка, лежащая в ванне; она почти целиком покрыта мыльной пеной. В одной руке – брикетик мыла, в другой – телефонная трубка. Девушка разговаривает со своим поклонником: «Дорогой, это невероятное ощущение...» («Darling, I'm having the most extraordinary experience...»). Эти слова и есть заголовок рекламы. Использование слова «дорогой» (darling), как следовало из серии тестов, должно было вызвать сильную эмоциональную реакцию у читателя. «Мыло – это всего лишь мыло, – продолжает она. – Но ванна с Dove – это рай. И только подумай, дорогой, завтра вечером я снова смогу сделать это».

В углу рекламы приводится информация о составе мыла, называется фирма-изготовитель; отмечается, что если мыло не понравится, то его можно будет вернуть за полную стоимость.

Рекламная кампания началась в 1956 году и продолжалась сорок лет, Dove стало самым известным туалетным мылом в стране и в мире [4, р. xvi].

«Роллс-ройс»

В 1957 году сотрудники отговорили Огилви принять заказ на рекламирование «роллс-ройса». Но когда через несколько месяцев представители компании «Rolls-Royce» предложили «Ogilvy, Benson & Mather» новые условия контракта, Огилви решил, что сам будет делать рекламу.

Он три недели изучал технические данные «роллс-ройса» и подготовил 28 заголовков; затем отобрал из них дюжину

и представил на суд своих коллег. В процессе обсуждения был отобран лучший: «При скорости 60 миль в час самый сильный шум в этом новом “роллс-ройсе” производят его электрические часы» («At 60 milws a hour the loudest noise in this new Rolls-Royce comes from the electric clock»).

Реклама была построена с нарушением всех традиций и правил: текст содержал 607 слов – больше, чем Огилви считал допустимым. Но в данном случае он сделал это специально. Образованным и состоятельными людям – а только они могли позволить себе такой автомобиль – нужна была достаточно подробная информация.

Содержание рекламы – это ответ на вопрос, вынесенный в подзаголовок: «Что делает “роллс-ройс” лучшей машиной в мире?» В целом ответ прост: предельное внимание изготовителей к деталям. Каждый мотор до установки проходит испытания, после сборки машина также тщательно проверяется; автомобиль на восемнадцать дюймов (около 46 см) короче самых длинных американских машин и его конструкция такова, что сам владелец сможет ее водить, шофер не нужен; дается гарантия на три года, ремонт может быть выполнен в любой части страны. Экономно расходуется бензин, использование самых чистых сортов не обязательно. Заднее стекло обогревается проложенной в нем невидимой проволокой, есть система охлаждения. В машине можно установить кофеварку, включить диктофон, электробритву, телефон, разложить сиденья. Высокая безопасность обеспечивается специальной системой тормозов, машина развивает скорость выше 100 миль в час. Другими словами, в тексте рекламы было все, что могло заинтересовать потенциального покупателя, – и ничего лишнего.

Эта реклама, – отмечается в специальном издании, – в начале 1958 года врезалась в память людей. За год продажа «роллс-ройсов» возросла на 50%, затраты на рекламу составили 25 тысяч долларов [28, р. 243].

В истории рекламы Огилви признается одним из создателей практики и теории бренда, то есть персонализации рыночного продукта, позволяющей потребителю ориентироваться в рыночном пространстве. По мнению Огилви, каждая реклама должна последовательно, в течение многих лет продвигать один и тот же образ продукта [7, р. 14–15]. Природу бренда и брендинга специалисты закономерно ви-

дят прежде всего в социальных и экономических изменениях, происходивших в послевоенной Америке, когда Огилви вошел в рекламный бизнес страны. Безусловно, это так, однако я думаю, что брендинг Огилви в какой-то мере был детерминирован и его личной судьбой, его исследованиями кино. Что такое серия реклам с бароном Врангелем, командором Уайтхедом, «роллс-ройсом», пуэрториканскими видами? Это – живые, сменяющие друг друга картинки, а потенциальные потребители – это аудитория особого вида кино. Билет на фильм покупать не надо, но сам он часто провоцирует людей на покупки.

В 1964 году фирма Дэвида Огилви «Ogilvy, Benson & Mather» объединилась с фирмой незадолго до этого умершего Франсиса Огилви «Mather & Crowther»; возникла новая компания «Ogilvy & Mather International». В 1966 году ее акции впервые в рекламной отрасли стали свободно продаваться на нью-йоркской и лондонской биржах. В 1970 году «Ogilvy & Mather International» оперировала в 14 странах, в конце 1970-х – уже в 20-ти. В 1984 году фирма стала называться «Ogilvy & Mather Worldwide». В настоящее время свыше четырехсот отделений этой глобальной структуры работают в более чем 90 странах [29].

В конце 1960-х Огилви постепенно стал отходить от творческой и управленческой работы в своей организации, но до 1975 года он был председателем совета директоров и в основном занимался созданием новых отделений за пределами США.

В начале 1970-х Огилви купил во Франции замок XII века и поселился там со своей третьей женой Гертой Огилви (Herta Ogilvy). Поначалу он руководил своей империей, но позже сосредоточился на анализе своего творчества и написал книги, во многом определившие развитие рекламной индустрии в последние десятилетия XX века. Огилви, чувствующий себя человеком мира, выбрал Францию из шести рассматривавшихся им стран, принимая во внимание 24 критерия. Но для понимания и личности Огилви, и природы его творчества важно не то, что предпочтение было отдано Франции (он не указал, из каких стран выбирал), а то, что он уехал из Америки. Он остался европейцем.

Отцы-основатели исследований общественного мнения в Америке видели смысл своей деятельности в развитии

демократии в стране. Эта мысль стимулировала их исследования, а сделанное вызывало в них чувство профессионального удовлетворения и гражданской гордости. То же можно сказать и про Огилви. Многие в его успехе и его поведении, иногда казавшемся эксцентричным, а в действительности – жестко подчиненном целям, которые он ставил перед собою, объясняется его глубокой уверенностью в социальной полезности своего дела. Критикам и пессимистам, говорившим, что реклама вынуждает людей покупать то, что им не нужно, Огилви отвечал: «Если вы не думаете, что людям нужен дезодорант, вы вольны критиковать рекламу, убедившую 87 процентов американских женщин и 66 процентов американских мужчин пользоваться им. Если вы не думаете, что людям нужно пиво, вы вправе критиковать рекламу, убедившую 58 процентов взрослых пить его. Если вы не одобряете социальную мобильность, жизненный комфорт, заграничные путешествия, вы можете винить рекламу в поощрении этого зла. Если вам не нравится процветающее общество, вы будете правы, обвиняя в рекламу в том, что она внушает массам стремление жить в нем. Если вы такой пуританин, я не буду ни в чем вас убеждать. Я могу лишь назвать вас скрытым мазохистом» [19, р. 159].

История культуры, науки и техники хранит множество примеров того, когда слава приходила к творцам величественных произведений искусства и глубочайших научных теорий после их смерти. Ибо только новым поколениям открывалась значимость сделанного этими великими людьми. В искусстве и технологии рекламы такого в принципе случиться не может. Реклама в силу своей главной функции – продавать – должна действовать сразу; рекламируемые товары должны покупаться именно «сейчас», а не в будущем. Но классиками рекламы становятся лишь те, чья работа оказывается эффективной сразу и при этом остается в памяти поколений.

Дэвиду Огилви довелось испытать славу и убедиться в верности своих творческих и лидерских принципов. Уверенность в важности своей работы и понимание того, что он многое смог сделать, в полной мере отражены в названии последней главы его автобиографической книги: «The Light at the End of the Tunnel» («Свет в конце туннеля») [6, р. 143]. Огилви прошел долгий и сложный жизненный туннель и вышел на яркий свет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fox S.* The Mirror Makers: A History of American Advertising and Its Creators. New York: William Morrow and Co., Inc., 1984.
2. The Men on the Cover // Time. 1962. October, 12.
3. *Ogilvy D.* The Unpublished David Ogilvy / Ed. by J. Raphaelson. New York: Crown, 1986.
4. *Roman K., Mass J., Nizenholtz M.* How to Advertise. New York: St. Martin's Griffin, 2003.
5. *Higgins D.* The Art of Writing Advertising: Conversation with Masters of the Craft. Chicago: NTC Business Books, 1965.
6. *Ogilvy D.* An Autobiography. New York: Wiley, 1997.
7. *Ogilvy D.* Ogilvy on Advertising. New York: Crown, 1983.
8. *Lentz L.C.* Appliances: The Aga Saga <http://robbreport.com/shelter/home-design/appliances-aga-saga-242770/>
9. *Mayer M.* Madison Avenue, USA. New York: Pocket Books, Inc., 1959.
10. *Ogilvy D.* Blood, Brains & Beer: The Autobiography of David Ogilvy. New York: Atheneum Publishers, 1978.
11. *Meynell F.* My Lives. London: The Bodley Head, 1971.
12. *Bart E.F.R.* Leaders in British Medicine // The Canadian Medical Association Journal. 1930. March. P. 413–414.
13. The History of Motion Pictures <http://buzz.bournemouth.ac.uk/2012/06/history-film-timeline/>.
14. The Gallup Organization: Corporate History www.gallup.com.
15. *Gallup G.H.* A Personal History // Copy Research: A Historical Perspective / Ed. by B. Lipstein. New York: The Advertising Research Foundation, 1986.
16. *Ohmer S.* The Science of Pleasure: George Gallup and Audience Research in Hollywood // Identifying Hollywood's Audiences / Ed. by M. Stokes, R. Maltby. London: BFI Publishing, 1999.
17. *Bakker G.* Building Knowledge about the Consumer: The Emergence of Market Research in the Motion Picture Industry // The Emergence of Modern Marketing / Ed. by R. Church, A. Godley. London: F. Cass, 2003. P. 107.
18. *Chaffee S.H.* George Gallup and Ralph Nafziger: Pioneers of Audience Research // Mass Communication & Society. 2000. Vol. 3. Issue 2/3. P. 317–327.
19. *Ogilvy D.* Confessions of an Advertising Man. New York: Atheneum, 1963.
20. *Ohmer S.* George Gallup in Hollywood. New York: Columbia University Press, 2006.
21. Boy Meets Facts // Time. 1941. July 21
22. *Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.

23. *Congdon-Martin D.* Hathaway Shirts. Their History, Design, & Advertising Book Description. Atglen, PA: Schiffer Publishing Ltd., 1998. Book Descript.
24. *Twitchell J.B.* Twenty ADS that Shook the World. New York: Three Rivers Press, 2000.
25. One-Eyed Flattery // *Time*. 1952. June, 23.
26. *Caples J.* Tested Advertising Methods. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, Inc., 1974.
27. The Ogilvy Vision and Style <<http://intuart.com/dotcommune/advertising/ogvis.html>>.
28. George Gallup: Mr. Polling. An Interview with Dr. Gallup Conducted by R. Bartos // *Journal of Advertising Research*. 1986. Vol. 26. No. 1. P. 23.
29. Ogilvy & Mather https://www.sourcewatch.org/index.php?title=Ogilvy_%26_Mather.

БЕСЕДЫ С СОВРЕМЕННОКАМИ. ФРАГМЕНТЫ КНИГ

Борис Андреевич Грушин (1929–2007) и Владимир Александрович Ядов (1929–2015) – два наших современника, занимающих особое место в моем историко-социологическом проекте. И не случайно их жизнь и творчество стали предметом моих первых – и пока, единственных – книг о советских / российских социологах.

Выше (Раздел 1, глава «О книге и ее героях») отмечалось, что небольшая биографическая статья о Грушине 2004 года положила начало моим почти полутора десятилетним разработкам истории отечественной социологии. Во-первых, после исследования зарождения и развития опросов общественного мнения в США естественно было заземлить эту тему на российскую реальность. И здесь выбора не было. Начинать надо было с изучения жизни и исследований Грушина. И во-вторых, к тому времени я уже заявил, что в моих биографических поисках руководствуюсь принципом «пристрастности». Так что дружеские отношения с Борисом Андреевичем стали еще одним фактором выбора героя исторического повествования. Прошли годы, не стало Грушина, но мысленное общение с ним продолжалось. В 2014 году возникла книга «Все мы вышли из Грушинской шинели».

Здесь я рискнул соединить указанные материалы. Сначала размещен текст первой статьи, она – «базовая», Борис Андреевич видел ее и согласился с ней. Два последних параграфа – из названной книги.

Работа над книгой о Ядове была для меня настолько естественной, что не было никаких сомнений относительно того, когда начинать работу над ней. После выхода еще первой статьи о Грушине, Ядов подтолкнул меня к изучению нашей истории. Интервью с ним было проведено в 2005 году, после этого были написаны несколько эссе о нем, наша переписка насчитывает около 1500 единиц хранения, почти все мои работы Ядов читал до их публикации, он поддержал мою книжку о Грушине и написал к ней Предисловие. Он прислал мне некоторые документы, которые сопровождались словами типа: «Понимаю, ты их опубликуешь, когда я сы-

граю в ящик...». Имел ли я право не задуматься о книге о Ядове и не попытаться написать ее?

Грушин и Ядов были друзьями, знали множество анекдотов и любили рассказывать их. Увидев рядом книги об их жизни, Грушин сразу вспомнил бы какую-либо подходящую байку, они посмеялись бы, а затем Ядов припомнил бы что-нибудь подходящее...

Б. А. ГРУШИН. ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ⁶

Бесконечно благодарен Борису Андреевичу Грушину за множество дружеских встреч, каждая из которых памятна и помогла мне лучше понять прошлое и настоящее исследований общественного мнения в России.

Все мы вышли из «грушинской шинели»

2 августа 2004 года Борису Андреевичу Грушину исполнилось 75 лет. Я поздравил его и сказал все добрые и сердечные слова, которые приятно высказать глубоко уважаемому человеку в дни его юбилея.

Настоящая статья – не юбилейная: ни по цели, ни по содержанию, ни по стилю; она – биографическая. Но и биографичность ее особая: из множества событий в жизни Грушина отобрано и представлено лишь то, что, с нашей точки зрения, необходимо для решения главной задачи – анализа и характеристики сделанного ученым за более, чем четыре десятилетия научной деятельности. Биография Грушина, при всей ее уникальности и одновременно типичности для определенной группы интеллектуалов-шестидесятников, в данном случае не является самостоятельным объектом нашего изучения, и потому многое из того, что было в его жизни (и, несомненно, привлекло бы внимание

⁶ Докторов Б. Б. А. Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2-13: два последние раздела из книги: Докторов Б. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014.

читателя), здесь не отражено вовсе или обозначено лишь пунктирно.

Грушин входит в узкую группу исследователей, с полным правом называемых основателями советской теоретико-эмпирической социологии. Суть творчества Грушина и уникальность его вклада в социологию заключается в триединстве его деятельности.

Во-первых, Грушин – философ и методолог социологии, значительно углубившей понятийный язык этой науки, а также наше понимание природы массового сознания и многих других форм мышления и поведения масс. Кроме того, им существенно развиты общие принципы построения социологических теорий среднего уровня. Во-вторых, Грушин – исследователь различных социальных институтов и массовых форм жизнедеятельности общества: массовое сознание, общественное мнение, идеологические процессы, функционирование средств массовой информации, политические процессы. В-третьих, Грушин – один из немногих социологов, долгие годы целенаправленно и успешно занимающихся разработкой методов и процедур сбора и анализа эмпирической информации. Им самим и его учениками создано множество «жестких» и «мягких» приемов измерения мнения населения, предложены сотни формулировок вопросов, измеряющих отношение людей к различным социальным явлениям и процессам. Грушиным введен в научный обиход огромный массив информации об общественном мнении и других фракциях, состояниях массового сознания.

В последние годы в его новом проекте «Четыре жизни России» [1] Грушиным теоретически обоснован и реализован принципиально новый прием «бережной» интерпретации данных, полученных много десятилетий назад. В его анализе ему удастся сохранить дух прошлого, т.е. того времени, когда данные были собраны, и одновременно передать то, что произошло в массовом сознании населения (и в личном сознании автора) в течении последующих десятилетий. Другими словами, в опубликованных материалах Грушин предстает не только «летописцем» событий 30–40-летней давности, но социологом, пытающимся дойти до корней современной российской ментальности.

Крайне робко, но все же начинается изучение того, что делалось и что сделано в последние сорок лет прошедшего

столетия советскими учеными в теоретических пластах социологии и в теоретико-эмпирических поисках. Не приходится сомневаться в том, что даже по самым жестким критериям сделанное Грушиным будет оценено очень высоко; его теоретические и теоретико-эмпирические результаты будут востребованы новыми поколениями ученых России и других стран.

Грушин первым стал изучать общественное мнение в СССР, и в сферу его анализа оказались включенными практически все аспекты, грани этой области познания: от фундаментальных теоретико-методологических проблем, до организационных аспектов крупных многокомпонентных исследовательских проектов. Можно утверждать, что и интерпретация природы общественного мнения, принятая многими российскими исследователями, и используемые отечественными поллстерами измерительные приемы генетически связаны с тем, что сделано Грушиным.

Особая тема – Грушин как журналист, и здесь его опыт и вклад многоаспектен и весом. Прежде всего, он ввел в советскую, а затем в российскую журналистику и в повседневный мир миллионов людей сам феномен общественного мнения и дал возможность населению узнать, что оно думает о событиях общенационального и глобального масштаба. Вспоминая начало 60-х и обозначая цели создания Института общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), первой в СССР профессиональной организации по изучению общественного мнения, Грушин пишет: «Под этим лежал и отчетливо выраженный *гражданский интерес*, связанный с намерением Института «приучить» общество к изучению общественного мнения как к определенной – политической и информационной *норме публичной жизни страны*». Таким образом, сегодняшняя российская практика публикации итогов опросов общественного мнения, хотя многие принципиальные аспекты ее критикуются, отвергаются Грушиным, восходит, вытекает из его понимания важности симбиоза журналистики и опросов общественного мнения.

Во-вторых, результатом огромного и многострадального «Таганрогского проекта», выполнявшегося под руководством Грушина, является теоретически фундированная и эмпирически обоснованная модель процесса функционирования средств массовой информации в советский период.

Любые будущие серьезные исследования масс-коммуникативной реальности в России будут учитывать логические конструкции «Таганрогского проекта», а обнаруживаемые механизмы формирования массового сознания будут сопоставляться с тем, что было обнаружено в Таганроге на рубеже 60–70 годов прошлого века.

В-третьих, Грушин сам является профессиональным журналистом, многие годы работавшим в прессе, на радио и телевидении. Он был ведущим сотрудником и членом редколлегии журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге. В годы перестройки он был одним из наиболее заметных политических обозревателей, выступления которого отличались логичностью конструкций, полемичностью, часто – резкостью высказываемых суждений, и афористичностью. Происходившее в стране в поздне-перестроечные и ранне-ельцинские годы Грушин обозначил терминами, которые и сегодня помнятся многими. Говоря о принципиальных, цивилизационных сдвигах, затрагивавших основы общества и природу сознания россиян, он использовал понятие «социотрясение». На Радио «Свобода» Грушин вел передачу, в которой рассматривались многие логически трудно объяснимые, он говорил – «шизофренические» – процессы, происходившие в России. Передача называлась «Общество имени Кафки Корчагина».

Еще один важнейший компонент творческой и гражданской деятельности Грушина – подготовка кадров. Среди его прямых учеников – множество ведущих российских философов, социологов, журналистов и политологов. Еще многое будет написано о Грушине – Учителе, но об отношении Грушина к его ученикам многое говорит такой «тихий» факт: первая часть второй книги его «четырёхкнижия» посвящен его рано умершим младшим по возрасту коллегам: Виктору Нейгольдбергу, Якову Капелюшу, Вадиму Сазонову и Григорию Токаровскому. Они названы первопроходцами в изучении общественного мнения в СССР.

Перечисленное – лишь обозначение сделанного Грушиным. Это по-настоящему много. Действительно, практически все изучающие общественное мнение в России и в бывших советских странах, являются прямыми или опосредованными учениками, последователями Грушина. Одни знают и ценят это обстоятельство, другие – видимо,

и не подозревают. Одни – читали и перечитывают книги Грушина и в своей деятельности стараются следовать его научным и этическим канонам, другие, стремясь подходить к делу профессионально, возможно не знают о том, что многое в российской культуре функционирования и изучения общественного мнения несет в себе следы научной и общественной активности Грушина. Одни – действуют в манере и стиле, с которыми бы согласился Грушин, другие, подверглись бы его резкой критике. Такова объективность, и это следует принимать и учитывать.

Обозревая современную ему литературную среду, Ф.М. Достоевский писал: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя». Российское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «грушинской шинели».

Один из «диастанкуров»

Грушин родился в Москве в 1947 году, и после окончания школы поступил на философский факультет Московского университета. В то время он «..был одержим проблемами морали и шел туда, чтобы улучшить свое поколение». Возможно, что со временем он стал бы «нормальным» философом, который разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет произошло непредвиденное.

По воспоминаниям автора множества работ по философии познания Иосафа Семеновича Ладенко (1933–1996), формировавшегося в московской школе методологов, «Однажды в кабинет Генералиссимуса, работавшего по ночам, были «доставлены» оставшиеся в живых отечественные логики, в том числе В. Асмус, М. Строгович и П. Попов... Вождь предъявил «Учебник логики» для гимназий Г.Челпанова, произнес речь о пользе логики и необходимости изучения ее советскими специалистами, руководящими работниками и студентами, а затем дал задание – обеспечить подготовку преподавательских кадров и развернуть образовательный процесс в учебных заведениях» [2]. После этой встречи на философском факультете МГУ была открыта кафедра логики, и Грушин тут же, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства».

Университетские годы Грушина прошли в напряженных философских дискуссиях внутри неформального дружеского объединения, известного сегодня как «московский логический кружок» (МЛК). Кружок возник в начале 50-х годов и окончательно оформился в 1954 году. Основателями, ядром МЛК были четыре человека, каждый из которых внес значительный вклад в науку, в философскую культуру и в нравственный климат советского общества. О каждом из них написано много, потому ограничимся лишь самой краткой справкой.

Старшим в этом объединении был Александр Александрович Зиновьев (р. 1922 г.)⁷, которого, вспоминает в одном из его интервью Грушин, за глаза называли Учителем. Ко времени возникновения кружка Зиновьев имел богатую событиями биографию. До войны он учился в знаменитом ИФЛИ, был арестован по обвинению в подготовке убийства Сталина, бежал из под следствия, в годы войны воевал сначала в танковом полку, а затем в штурмовой авиации. Одновременно с обучением на философском факультете, он учился на механико-математическом. Зиновьевым получены принципиальные результаты в области логики и методологии науки, и он широко известен как автор ряда социологических исследований о природе коммунистического общества. После публикации книги «Зияющие высоты» в 1979 году Зиновьев был выслан из СССР, в Россию он вернулся в июне 1999 года.

Ровесником Грушина был Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994), москвич, в 1946 году поступивший в Московский университет. Проучившись три года на физическом факультете, он, отказавшись заниматься атомной тематикой, в 1949 – перевелся на философский, который закончил с отличием в 1953 году. В течении многих лет круг его научных интересов включал в себя структурно-системный анализ знаний и мыслительной деятельности, определение места и границ логических и нормативных методов анализа мышления, психологические и педагогические методы исследований мышления.

В 1968 году Щедровицкий подписал коллективное письмо руководителям КПСС и правительства в защиту правоза-

⁷ Александр Александрович Зиновьев (1922–2006).

щитников Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Сразу последовали: исключение из партии, увольнение с работы, потеря возможности публиковаться. Результат оказался весьма неожиданным: доклады и лекции Щедровицкого стали расходиться по стране во множестве магнитофонных записей, так было с песнями Владимира Высоцкого и монологами Михаила Жванецкого.

Через несколько месяцев он нашел новую работу и сконцентрировался на изучении проблем семиотики и теории понимания, исследовал особенности проектного, планирующего и программирующего мышления, занимался анализом перспектив развития методологического мышления и методологии. Позже им была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, получившая название организационно-деятельностные игры.

Младшим в этой четверке и позже всех примкнувшим к ней был Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990), признаваемый в наше время одним из ведущих философов второй половины 20 века. Он был мыслителем от рождения. В личном письме сестре Мамардашвили Грушин писал о нем: «Для меня самым главным в нем было то, что этот человек был как бы задан один раз и навсегда в готовом виде. Это меня потрясло больше всего... Если я когда-либо встречал так называемого нонконформиста, то это был, прежде всего, Мераб. Я встретил его в первый или во второй день появления на философском факультете в 1949 году, ... когда у нас начала складываться... группа людей, которая чувствовала всю несуразность того, что происходит в философии, в образовании философском. Я был тогда студентом третьего курса, когда появился Мераб. Он не сразу примкнул к нам, и не примкнул именно потому, что резко отличался по складу своего мышления, по взглядам на жизнь вокруг нас. Но он сразу внес какую-то абсолютно новую линию, новую ноту. Он уже тогда утверждал то видение мира, до которого мы добрались коллективными усилиями только в 1990–м» [3].

При жизни были изданы три небольшие книги Мамардашвили, остальное: его лекции о Декарте, Канте, Прусте, работы по истории античной и современной философии, многочисленные доклады – увидели свет после его смерти.

Недавно Грушин вспоминал: «Действительно, наша четверка являла собой беспримерный образец мужской дружбы. Это было что-то совершенно невероятное: у нас у всех были семьи, но эти семьи были далеко-далеко на заднем плане. Мы принадлежали друг другу, встречались каждый день и действительно могли претендовать на роль Диоскуров» [4]. Незадолго до смерти Мамардашвили сказал: «...Это было завязкой дружеских связей, связей заговорщиков личностного бытия интеллектуальной, идеально-содержательной дружбы, т.е. явления, которое исключалось существующим обществом. Если дружба случалась, то уже сама по себе она становилась разрушительной оппозицией по отношению к тогдашнему обществу» [5].

Сами участники МЛК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством – «реалистическим», ... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, т.е. партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они назвали подобных «художников» диалектическими станковистами – диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя аллитерация, мы и были четырьмя диастанкурами... скажем так» [5].

В одном из своих интервью Грушин кратко охарактеризовал поиски диастанкурами своего видения мира и философии. «До появления «диалектических станковистов», – сказал он, – логика делилась на диалектическую и формальную. Диалектическая была просто болтовней, потому что формулы «отрицание отрицания», «единство и борьба противоположностей» к науке, с нашей точки зрения, не имели никакого отношения. И в том числе к Гегелю, у которого данная терминология во многом была почерпнута. ... (БД: у нас) речь шла о том, чтобы понять, как происходит процесс мышления в раскрытии предмета, в добывании истины. Формальная логика занималась исчислением высказываний в лучшем случае.... Мы же стремились раскрыть приемы и процессы самого мышления, познания и расчленения вещи. ...Мы назвали эту логику генетически-содержательной, – содержательной в том смысле, что мы пыта-

лись раскрыть содержательные процессы познания, а не формальные» [4].

Мамардашвили отмечал, что их поколение было лишено информации, лишено связей, но диастанкурам удалось найти в логике «Капитала» материал для анализа, который им не надо было выдумывать, он был дан и рассматривался ими как образец интеллектуальной работы. «Это не марксизм, говорил Мамардашвили», – это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс» [5].

Кружовцы понимали, что выбор любой тематики из области исторического материализма означал для сделавшего этот выбор превращение в своеобразного пономаря, обслуживавшего идеологические шестеренки. Они отыскивали свою тематику в пересечении содержательной и диалектической логики, но старательно избегали говорить о диалектической логике, чтобы подчеркнуть свое отличие от идеологизированных трактовок марксовской диалектики. Мамардашвили отмечал: «Мы не были ревизионистами Маркса, мы не были идиотами, но и марксистами оказались только в том смысле, в котором я говорил: у нас был «текст нищих», и из этого что-то выросло, при этом, никаких обязанностей перед марксизмом, как теорией и течением, как социально-политической теорией и течением социализма, у нас абсолютно ничего общего не было».

С темой собственных исследований Грушин определился рано, это было изучение логики «Капитала». В 1952 году он завершил обучение с дипломной работой «Проблема логического и исторического в «Капитале» Маркса».

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приемы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Системность объявлялась базой, основой развития, и в нем вычленялись определенные, универсальные этапы. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу.

В своих заметках Ладенко писал о диссертации Грушина: «его интересы не ограничивались анализом «Капитала»; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь путем сопоставления и сравнения найти общие для них

приемы и способы мышления. Это были исторические исследования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Обращаясь к вопросу о соотношении исторического и логического Б. Грушин выходил за границы того, что было в «Капитале», и обсуждал этот вопрос для других случаев построения теоретического знания о сложных развивающихся объектах. Он ввел представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приемов и способов мышления» [2].

Грушинская трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки в Ученом Совете, и в 1955 году диссертанта провалили на предзащите. В 1957 году он защищал работу второй раз; обсуждение длилось пять с половиной часов, и в них участвовало 13 человек. Итог защиты был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться третий раз, теперь – в ВАКе. Все завершилось только в 1958 году. Через несколько лет диссертация была опубликована в виде монографии [6].

Всему начало: Институт общественного мнения «Комсомольской правды»

После провала защиты диссертации у завершившего обучение в аспирантуре Грушина наступило трудное время. Диастанкуры считались ярко выраженными антимарксистами, и действовало правило «волчьего билета», закрывавшее перед Грушиным возможность найти работу по специальности. После массы неудач случайно в 1956 году он был принят в «Комсомольскую правду» литсотрудником отдела пропаганды.

В трехлетней давности интервью, проведенном журналисткой, писателем и драматургом О. Кучкиной, связанной с «Комсомолкой» и знакомой с Грушиным с начала 60-х годов, им обрисована творческая и гражданская среда, в которой он оказался в начале своей карьеры. Эти зарисовки крайне важны для понимания того, как и почему именно

в той «команде» смогли родиться первые в СССР опросы общественного мнения.

Отсчет времени, считает Грушин, следует вести со второй половины 50-х, когда «Комсомолку» возглавлял Алексей Иванович Аджубей (1924–1993), незаурядная личность, выдающийся журналист периода хрущевской «оттепели», при котором газета стала выходить миллионными тиражами. Грушин пришел в редакцию, когда Аджубей уже работал в «Известиях», но в «Комсомолке» сохранился его стиль, дух: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодежь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. Грушин отмечает: «Я несколько раз в жизни был в хороших коллективах, так мне повезло, но я никогда не встречал такого тепла, таких дружеских отношений между людьми самых разных возрастов, такой поддержки и полного отсутствия зависти. Многое шло от журналистов, которые пришли с фронта. Они были старше нас и казались просто стариками.... Они создали климат честности» [7].

Первые три года в газете были тяжелыми для Грушина от сознания, что он предал любимое дело. Уже став редактором отдела пропаганды, он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащенным математически и пошел учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он все же вернулся бы в логику, но к 1960-му году постепенно произошла смена его научного интереса: от изучения научного сознания он перешел к анализу сознания массового.

Грушин пишет: «Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это было результатом коллективных усилий нескольких людей – не только моих, но и тогдашнего главного редактора «Комсомолки» Ю.П. Воронова, ее будущего главного редактора Б.Д. Панкова и моего зама В.В. Чикина» [8, с. 208]. Поскольку сам Грушин отмечает коллективность выработки идеи проведения опросов общественного мнения в СССР, следует привести хотя бы краткие сведения о названных им людях.

Они все были почти одногодки, каждому было чуть больше или чуть меньше 30 лет. Старшим был журналист,

партийный работник, поэт Юрий Петрович Воронов (1929–1993). Он пришел в «Комсомолку» в 1954 году уже опытным газетчиком, ряд лет был заместителем Аджубея и успешно вел газету до середины 60-х годов. Ленинградец, блокадник, он представлял лучшую, граждански наиболее зрелую часть того поколения, о котором он сам написал: «Им в 43-ем выдали медали и только в 45-ом паспорта». В годы перестройки он был заведующим отделом культуры ЦК КПСС и недолго – главным редактором «Литературной газеты».

Интересна и многогранна жизнь Бориса Дмитриевича Панкина (р. 1931), журналиста и дипломата. Закончив в 1953 году факультета журналистики МГУ, он два десятилетия работал в «Комсомолке». В начале 80-х он становится дипломатом. С 1982 по 1990 годы Панкин был послом Швеции, а с 1990 по август 1991 года – в Чехословакии. Панкин оказался единственным советским послом, открыто осудившим в 1991 году путч и создание ГКЧП. Когда все улеглось, М. Горбачев назначил Панкина министром иностранных дел Советского Союза, таким образом, ему суждено было стать последним министром иностранных дел СССР. Уже много лет Панкин живет в Швеции, продолжает журналистскую деятельность и опубликовал ряд исторических и литературоведческих книг.

Валентин Васильевич Чикин (р. 1932) не только участвовал в обсуждении идеи опросов общественного мнения, но принимал участие в их организации; он, отмечает Грушин, был «первый и долгое время единственный, кроме руководителя, сотрудник Института). Чикин окончил факультет журналистики МГУ и, по его словам, десантировался на 6-й этаж (БД: расположение редакции «Комсомолки» в здании «Известий») в 1956-м, еще студентом..., а ушел в 1971-м с поста первого зама главного редактора. С 1971 года деятельность Чикина связана с газетой «Советская Россия», с 1986 года он возглавляет редакцию газеты. 22 августа 1991 года «Советская Россия» была закрыта за поддержку действий ГКЧП, но в сентябре 1991 ее выпуск возобновился, и Чикин снова стал ее главным редактором. Чикин – член Коммунистической партии России и по ее спискам неоднократно избирался в Государственную Думу.

ИОМ «КП» возник в мае 1960 года, и Грушин стал его руководителем. Первый опрос был проведен 10 – 14 мая

1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс. Тема опроса: «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала в себя три главных вопроса:

1. Удастся ли человечеству предотвратить войну (Да, нет).
2. На чем основана Ваша уверенность?
3. Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?

Было еще пять вопросов, направленных на получение информации о респондентах; три – базовых: пол, возраст и род занятий и два специальных, релевантных тематике опроса: о характере участия в Великой Отечественной войне и о мере понесенных утрат. Для каждого из участников опроса сохранялась информация о месте жительства и о типе населенного пункта (крупный, средний, малый город или село).

Процедура отбора респондентов производилась на основе условной (квази-) стратифицированной пропорциональной выборки. Было решено провести опрос в тех районах страны, население которых «ближе всего столкнулось с бедствиями» войны. Это задало географию опроса: населенные пункты, расположенные на 30-ом, Пулковском меридиане. Здесь располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия, в годы войны там велись активные боевые действия, и значительная часть обозначенной территории была оккупирована немецкими войсками.

В выборку было включено десять населенных пунктов: самый северный – город Никель на Кольском полуострове и самый южный – военный городок близ Тирасполя. В каждом населенном пункте опрашивалось по 100 человек, и организаторы опроса контролировали состав выборки по пяти параметрам: место жительства, тип поселения, род занятий, пол и возраст. Погрешности планирования выборки и перекосы в выборке, допускаявшиеся при ее реализации,

естественно не позволяли рассматривать то первое в Союзе исследование как репрезентативное. Но авторы этого и не утверждали, в их интерпретации не шла речь о мнении населения страны.

19 мая 1960 газета сообщила о создании Института и начале изучения общественного мнения: «Сегодня «Комсомольская правда» открывает на своих страницах Институт общественного мнения. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение даст возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы. Оно будет вестись путем социологических обследований и опроса широких слоев населения одновременно в различных географических районах страны» [1, Жизнь 1-я, с. 47–48].

В этом же выпуске под заголовком «Удастся ли человечеству предотвратить войну? – Да! – Отвечает 30-й меридиан» публиковались материалы первого опроса.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от «первого» и сообщили: «Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: «Прекрасно». Поздравляем с большим успехом». На следующий же день газета «Правда» (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке «Из последней почты» оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала еще большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [8, с. 209.].

Второй опрос был проведен в августе-сентябре того же года: изучалось отношение населения к динамике уровня жизни в СССР. Сегодня подобная тема представляется социальным исследователям естественной и важной для понимания хода социальных преобразований проходящих в стране. Но в начале 60-х она вызывала, повидимому, столь же естественное недоумение со стороны экономистов. Трудно было осознать, что статистика социальных изменений и

общественное мнение по поводу динамики уровня жизни – это разные грани социальной действительности.

На волне успеха в январе-марте 1961 года был проведен третий зондаж мнений, привлечший к себе внимание в стране и за рубежом. Это был прессовый опрос, вопросы публиковались в газете. На третий день после их публикации в редакцию пришло свыше 900 писем с ответами, на пятый – более полутора тысяч, и к концу обозначенного для получения ответов срока – двадцать дней – их было более 19 тысяч. Безусловно, многое в этой читательской активности объясняется выбором темы опроса: «Что Вы думаете о своем поколении?», но не меньшее значение имел сам факт обращения к аудитории с просьбой высказать свое мнение. Люди впервые увидели, что их мнением интересуются, что оно кому-то нужно.

В первом томе своего «четырехкнижия» Грушин отмечает, что публикация анкеты в газете вызвала множество комментариев за границей. Запад высказывал удивление тем, что советской молодежи дали возможность высказаться о своей жизни. Вот некоторые примеры: «Молодежная газета России «Комсомольская правда» напечатала нечто рискованное для общества, контролируемого коммунистами, – опрос общественного мнения. Молодых русских и их подруг просят сказать, являются ли они счастливым или несчастным поколением» (Daily Telegraph, 9 января 1961); «...Первые опубликованные ответы обнаруживают, что большинство из ответивших любит свою Родину и гордится своим поколением. Однако ...приблизительно двадцать наиболее смелых юношей и девушек написали о том, что некоторые из их соотечественников огорчают их своей инертностью, отвращением к работе, бесцельностью, а иногда и «идиотским» подражанием западной манере одеваться» (New York Herald Tribune, 28–29 января 1961) [1, Жизнь 1-я, с. 49–50].

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет и за это время было проведено 27 опросов: одно – международное и 20 – всесоюзных. Имеет смысл указать три группы причин прекращения деятельности Института. Начнем с организационных причин, но они не были главными. Далее, с изменением социального и политического климата в стране – «оттепель» ушла в прошлое и наступило время Брежнева –

стала заметной напряженность между журналистами и исследователями общественного мнения. Большая часть производимой Институтом информации оказалась «непубликабельной», поскольку, — пишет Грушин, — «она либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией». Так, если в течении 1960–1964 годов (эпоха Хрущева) было опубликовано 58 материалов по итогам опросов, то с октября 1964 года по декабрь 1967 года — всего 29 [1, Жизнь 2-я, часть 1, с. 16.].

Но наиболее весомая причина заключалась в усиливавшейся напряженности между наукой и властью. Все острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам, даже мало-мальски отклонявшимся от императивов набиравшего силу социального мифотворчества. Начинали проявляться признаки эпохи застоя.

По словам Грушина, «с исследованием «Комсомольцы о комсомоле» случился форменный скандал». Объективное положение вещей в молодежной коммунистической организации кардинально не совпало с тем, что требовалось в преддверии XV съезда ВЛКСМ. Обнаружился высочайший уровень разочарованности в комсомоле, неприятие молодыми людьми способов жизнедеятельности ВЛКСМ в целом и собственного участия в делах этой организации.

Крупными неприятностями для «Комсомолки» и для исследователей обернулся опрос о выборности на производстве, проведенный в апреле 1967 года Яковом Самойловичем Капелюшем под руководством Грушина. Недовольство высших партийных идеологов вызвала публикация в газете факта активной поддержки населением идеи выборности руководства. Через два года результаты этого исследования удалось опубликовать, но тираж брошюры долго задерживался для распространения, и в конце концов его почти полностью уничтожили (автор настоящей статьи — один из немногих, у кого хранится экземпляр этой редкой книги) [9].

Институт был обречен, и в декабре 1967 года он был закрыт.

Три книги – три главных направления исследований Грушина

Помимо того, что результаты опросов регулярно представлялись на страницах «Комсомолки», они с момента рождения ИОМ публиковались в научных журналах и в изданиях, обращенных к широкой читательской аудитории. В частности, три первые книги Грушина, в которых он предстает аналитиком общественного мнения [10], увидели свет одновременно с его монографией по логике мышления. В начале второй половины 60-х по материалам ряда опросов Грушиным были опубликованы еще две небольшие книги о свободном времени [11]. Таким образом, в социологическом сообществе уже долгие годы неразрывно сосуществуют два представления о Грушине: как о философе и как о социологе – исследователе общественного мнения. Наиболее зримо эта отличительная черта творчества Грушина видна в трех его книгах, охватывающих двадцать лет после закрытия ИОМ «КП».

Методология исследований общественного мнения

Итогом направленной теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала двухтомная докторская диссертация «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищенная Грушиным в январе 1967 года. В 1969 году, после закрытия ИОМ Грушиным была подготовлена рукопись книги «Советское общество в опросах общественного мнения». В течение последующего десятилетия она многократно дорабатывалась и предлагалась различным издательствам, но всеми была отвергнута. И все же сегодня у нас есть документ, достаточно полно характеризующий два процесса. Первый процесс – это развитие собственно грушинских подходов к природе общественного мнения и к методам его познания. Второй, становление исследований общественного мнения в СССР. Речь идет о книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений», сделанной на базе его диссертации [12].

Можно говорить о существовании примерно вековой истории философско-политических, общеметодологических и теоретико-эмпирических исследований общественного мнения в дореволюционной России, в СССР и в новой

России. Но эта история не изучена и не описана. Нет историографии, отсутствует систематическая библиография, нет хотя бы кратких биографических очерков об исследователях, разрабатывавших эту тематику. Одним из примеров, подтверждающих сказанное, является относительно недавнее «открытие» книги правоведа и социолога Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) об общественном мнении и политических партиях, изданной в 1906 году [13].

А вот еще один недавно обнаруженный мною сюжет для исторических поисков. Оказывается, что классическое историко-политическое исследование лорда Джеймса Брайса (1838–1922), обосновавшее подготовленность Америки к регулярным опросам общественного мнения и ставшего теоретической базой деятельности Джорджа Гэллапа (1901–1984), было переведено на русский язык в конце XIX века, всего через три года после его выхода в Англии [14]. Книга осталась незамеченной даже после того, как в декабре в 1910 года Брайс стал член-корреспондентом Российской Императорской Академии Наук. По сути, не была она известна и советским ученым.

Проведенные мною много лет назад историко-методологические изыскания позволяют утверждать, что ИОМ «КП» и книга Грушина «Мнения о мире...» положили начало современному этапу изучения общественного мнения в СССР. Не буду уходить в далекое прошлое, обозначу лишь главные различия между тем, что писалось советскими философами и социологами в 1950-е – 1970-е годы по общественному мнению, и тем, что изложено в «Мнения о мире...».

Традиционно проблематика общественного мнения изучалась в рамках истматовских концепций общественного сознания с акцентом на классовую сущность природы массового отражения действительности. Само сознание трактовалось как производная бытия и не допускалось, что бытие может быть проявлением сознания. Из этих утверждений, как правило, следовали тривиальные, крайне идеологизированные выводы о различии морфологии и функций общественного мнения при социализме и капитализме. В частности, утверждалось наличие практически абсолютной однородности общественного мнения в СССР: «...Оценки и суждения по коренным вопросам социально-политической жизни совпадают у всех трудящихся страны. Подобного

быть не может в капиталистическом обществе, где классовая борьба проявляется и в столкновении мнений угнетаемых и угнетателей» [15, с. 4]. Кроме того, во всех этих работах, даже в наиболее серьезных, вся проблематика анализа сводилось к стремлению описать общее строение общественного мнения, обозначить его функции в социалистическом обществе и государстве, рассмотреть приемы, пути его формирования. Цитируя В.И. Ленина и директивные документы КПСС, отмечалось, что государство, Коммунистическая партия, властные структуры, руководители трудовых коллективов должны знать и учитывать в своей деятельности интересы и чаяния простого народа, трудящихся. Однако во всех этих работах практически ничего не говорилось о том, каким должно быть научное изучение общественного мнения. В частности, на протяжении многих лет опросы, приемы анкетирования трактовались прежде всего как буржуазные методы.

«Мнения о мире..» – это первая и долгие годы – единственная отечественная книга о том, как изучать общественное мнение. Значительный теоретико-методологический материал о морфологии и функционировании общественного мнения, изложенный в ней, при всей его важности и новизне не носит характера общефилософских построений. Это, скорее, расширенное методологическое введение, детальное объяснение того, что и почему надо изучать при измерении общественного мнения. Именно такова логика созданных Грушиным теоретических конструктов, такова его аргументация, включающая в себя анализ материалов опросов ИОМ «КП». Эта книга могла стать нормальным учебником по изучению общественного мнения, но она стала учебником лишь для немногих. Книга на несколько десятилетий опередила время; во второй половине 60-х власть не считала нужным готовить специалистов в этой области.

Два обстоятельства, касающихся содержания и пафоса «Мнения о мире..», выделим особо.

Во-первых, в этой книге Грушин конституировал место исследований общественного мнения в системе наук. Дискуссия о природе общественного мнения могла вестись и фактически велась в рамках философии, научного коммунизма, социальной психологии, журнализма и ряда смежных научных направлений. В принципе, в недрах этих наук

можно было пытаться искать и место исследования общественного мнения. Грушин вписал всю эту проблематику, начиная от ее теоретико-методологических пластов и кончая методико-инструментальной тематикой, в социологию. По сути, им были заложены основы социологии общественного мнения, и, что удивительно это кардинальное решение Грушина является одним из немногих, принятых научным сообществом без особых дебатов.

Во-вторых, безусловно, никто кроме профессионального логика, «поварившегося» в спорах диалектиков, не мог написать книгу об общественном мнении так, как ее написал Грушин. Нередко по ходу чтения возникает ощущение, что объект анализа рассмотрен до конца, исчерпан. И вдруг на следующей странице обнаруживается, что до конца далеко, что объект делим далее и что еще существует множество его граней, которые пребывали в тени.

Методология изучения массовой информации

Не остыв от перипетий, связанных с закрытием ИОМ, защитой докторской диссертации и завершением работы над «Мнения о мире..», Грушин начинает изучение новой темы. Сегодня ее точное название: «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» могут воспроизвести лишь очень немногие, но трудно представить профессиональных социологов, не читавших или ничего не слышавших о «Таганрогском проекте». Он известен в силу его целевых и содержательных параметров, его объема и арсенала использованных методов, его результатов и его судьбы.

В 1967 году все начиналось благополучно: Таганрогский проект инициировался знающими и прогрессивно мыслящими людьми, занимавшими высокие посты в отделе пропаганды ЦК КПСС. Фактически отдел возглавлялся Александром Николаевичем Яковлевым (р. 1923)⁸, историком-американистом и опытным партийным функционером. Через два десятка лет его назовут «архитектором перестройки» и «отцом гласности». Его заместителем был Георгий Лукич Смирнов (1922–1999), философ, разрабатывавший проблемы исторического материализма, позже работавший

⁸ Александр Николаевич Яковлев (1923–2005).

директором Института философии АН СССР и в конце 80-х избранный академиком АН СССР. Ближе всего к исследователям был консультант отдела Леон Аршакович Оников (1924–2000), о котором российские социологи первого поколения хранят наилучшие воспоминания. Время было непростым, и многое в том, что проект состоялся, определялось не только тем, что именно Оников делал, но нередко тем, чего он с риском для его карьеры не делал [16]. В начале нового столетия Грушин, удивляясь тому, что несмотря на крамольность – по тем временам – ряда теоретических посылок программы задуманного исследования, она получила полную легитимность. И главную причину этого он видит в неортодоксальности сознания и в гражданской смелости Г.Л. Смирнова и Л.А. Оникова

Включение Грушина в проект Отдела пропаганды ЦК КПСС было для него неожиданным, но работа по нему стала одной из важнейших вех в его деятельности. Конечно, оглядываясь в прошлое, можно сказать, что только ученый творческих масштабов и целеустремленности Грушина, такой же уверенности в правоте и необходимости своего дела, мог взвалить на себя, ввязаться в такой проект. Но история показывает, что это именно так.

Исследование продолжалось более семи лет, оно завершилось в 1974 году, и прошло еще шесть лет до выхода книги, представлявшей концепцию проекта и его методологию, краткое описание инструментария и теоретико-эмпирические выводы по ряду изучавшихся направлений [17]. В целом сделанное можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, была предложена теория среднего уровня, или модельное описание, основных механизмов функционирования средства массовой информации и формирования общественного мнения в среднем городе в стране с однопартийной системой, жесткой идеологией и плановой экономикой; страной – многие десятилетия манифестировавшей демократический характер своего развития, социальную направленность внутренней политики и миролюбивость, интернационализм в международных делах. Отличительными чертами этой модели являются: многомерность, или многопараметричность, телескопичность и многофункциональность. Многофункциональность модели открывает возможность, по крайней мере – потенциальную, для ее

использования при решении большого числа теоретических проблем и прикладных задач. Телескопичность – позволяет сохранять основные структурные и функциональные свойства модели при анализе разного уровня информационных систем. Что касается многомерности, то она порождает стереоскопичность изображения предмета исследования.

Построение каркаса теории среднего уровня это, прежде всего, достижение Грушина-логика, диастанкура. Прямое, честное следование общефилософским, общесистемным или кибернетическим принципам логического конструирования сложных систем фактически налогало запрет на создание «слишком» простого описания массовых информационных процессов.

Но «чистый» философ, методолог мог бы остановиться на построении общей схемы, или знаковой модели, массовых информационных процессов. Для социолога, исследователя общественного мнения, журналиста – это было лишь началом. Следствием многомерности модели и фокусировки проекта на четырех принципиально различающихся объектах: органы власти и тексты власти, население и тексты населения (в действительности, с учетом всех уровней детализации программы, исследовалось свыше 250 объектов) – стала сложнейшая схема организации сбора данных и огромное количество методик.

Даже сухая статистика проекта, проведенного в Таганроге, и сейчас впечатляет своими масштабами: 76 связанных друг с другом и одновременно относительно самостоятельных исследований, 23 анкетных опроса, 17 опросов с применением интервью (почти 11 тысяч личных интервью), 18 исследований на базе контент-анализа. В проекте было 85 полевых документов общим объемом почти 60 печатных листов. Склонный к тщательному учету работы, Грушин подсчитал, что в текстах анкет и интервью, в схемах наблюдений, в контент-аналитических методиках было 2325 закрытых вопросов, 386 – полузакрытых, 783 – открытых. Таким образом, и это второе принципиальное значение Таганрогского проекта – исследование оказалось мощнейшей лабораторией и одновременно фабрикой конструирования социологического измерительного инструментария.

Кроме того, если говорить об СССР, то в проекте были заложены основы индустриальной технологии сбора социоло-

гической информации, которая, по сути, оказалась востребованной лишь через двадцать лет. Кроме того Таганрогский проект стал своеобразной школой, университетом по подготовке высоко профессиональных исследователей в области изучения общественного мнения и массовой информации. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация по философии и филологии [1, Жизнь 2-я, часть 1, с. 41]. По оценке Грушина, общее количество выполненных под его руководством кандидатских исследований – не менее 30.

Третье, в рассматриваемой книге Грушиным и его сотрудниками приведено подробное социологическое описание информационной реальности первой половины эпохи Брежнева.

Тот факт, что прошло уже тридцать лет после завершения исследований в Таганроге, несколько затрудняет понимание содержания книги социологами входящих поколений, но одновременно «историчность» книги придает ей новое значение. Это документ, зафиксировавший исчезнувшую реальность, «Атлантиду». Нет той страны, в которой проводилось исследование, и нет того общества. Нет того главного автора (КПСС), ведущего издателя и всегумущего распространителя массовых информационных сообщений, который детерминировал и направлял развитие информационных процессов и формирование общественного мнения. Ушла в прошлое вся система идеологической работы в трудовых коллективах, в которой участвовали тысячи партийных, комсомольских и профсоюзных активистов, а также общественников. Произошли кардинальные изменения в технологии деятельности и в содержании телевидения, радио и прессы, произошли серьезные изменения в их социальной функции. Само отношение людей к массовым текстам, сообщениям, стало иным. Но социологическая фотография прошлого будет крайне полезной всем будущим исследователям.

Морфология и феноменология массового сознания

Пытаясь одним словом определить первую из рассмотренных в этом параграфе книг Грушина – «Мнения о мире...», ее можно назвать «научной». «Массовая информация...» – это работа «техническая», или «технологическая». Третья

книга «Массовое сознание» [18] – «поэтическая»; в том смысле, что поэзия – это философия, выраженная в особой художественной форме. Книга – в высшей степени научна и жестко конструктивна, но сквозь ее рационализм четко просвечивается эмоциональное и эстетическое отношение Грушина к теме. Оно обнаруживается и в цитировании поэтических строк и в авторском тексте. Книга, над которой Грушин работал 23 года, «потому что материал сопротивлялся» [7], и не могла быть рационально-холодной.

При написании этой статьи я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Когда я лишь сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «такая зелененькая», я еще раз подтвердил, что все в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано, и насколько глубокого он погружен в его «четырёхкнижие», эта его реакция была неожиданной. Но теперь, думается, я могу полнее оценить значение этой «зелененькой» книжки и лучше понять истоки ее «поэтичности».

Далеко не каждому исследователю дано запомнить время и причину, когда и почему он обратился к анализу проблематики, занявшей ведущее место в его творчестве, а значит – в его жизни. Еще реже человеку удается удержать, сохранить в себе чувство удивления, пережитое им в момент обнаружения идеи, мимо которой он не мог пройти, ибо то был зов. Грушин обрек себя на трудное счастье: в тот единственный миг он оказался готовым к опознанию неизвестно откуда пришедшего – изнутри или извне? – сигнала и фиксации его в своем сознании. Вот как начинается его книга: «Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения «Комсомольской правды», посвященного проблеме разводов в СССР. Просматривал – в какой уже раз – очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причем не «в общем целом», а, что называется, «слово в слово»! На первый взгляд в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции... Однако в тот мартовский день этот привычный,

примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей – по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства – людей, которые конечно же никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?» [18, с. 19–20]. На следующей странице книги есть абзац, несущий в себе объяснение всего, что было сделано и делается сейчас Грушиным, и что выплеснулось в его молниеносной реакции в приведенном выше нашем телефонном разговоре. Абзац начинается со слов: «С тех пор я занимался практически только этой проблемой...».

Через треть века после начала продумывания Таганрогского проекта Грушин вспоминает (всюду выделение Б.А. Грушина): «занятый в те годы разработкой основ теории массового сознания, руководитель проекта ставил перед исследованием еще одну задачу – на обещавшем быть гигантским по объему эмпирическом материале доказать **факт существования** в тогдашнем советском обществе **этого типа общественного сознания** и по возможности продвигаться в понимании его социальной природы, механизмов его формирования и функционирования, а также его роли в жизни общества». Это было сверхзадачей проекта, но «вся обширная проблематика, связанная с собственно массовым сознанием, оказалась не только не востребованной, но практически **полностью табуированной** и за малыми исключениями, по *идеологическим* (а не в узком смысле цензурным!) соображениям вовсе выпала из итоговых текстов проекта» [Четыре жизни России... Жизнь 2-я, часть 1, с. 4–45].

Книга «Массовое сознание» – это первая работа, целиком посвященная анализу сущности этого феномена, посему в ней приводится и широкий историко-политический анализ темы, и ее философские корни, и собственно предлагаемая автором концепция содержания и функционирования массового сознания. В нашу задачу не входит всестороннее обсуждение этой книги; сейчас нам представляется целесообразным сконцентрировать внимание лишь на трактовке Грушиным природы общественного мнения и на его движении к этой трактовке. Грушин не объявлял в качестве

самостоятельной цели своего исследования углубление, поиск каких-либо нюансов, новых атрибутов в данной им ранее дефиниции общественного мнения, но объективно именно это стало одним из финальных итогов его работы. Речь идет, естетственно, не о хронологии концептуальных поисков Грушина, но о логике развития его теоретических построений.

В «Мнения о мире..» Грушин определил общественное мнение «как *сознание масс, массовое сознание*, или если угодно, как *состояние массового сознания*» и далее следовало уточнение: общественное мнение это «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками». В целом это определение было расширительным, ибо отождествляло общественное мнение и массовое сознание и описательным, точнее – иллюстративным. После того, как внутри общественного сознания мысленно удавалось сломать перегородки, в «руинах» трудно было увидеть общественное мнение.

Изучая литературу тех лет, легко заметить, что одними это определение критиковалось, другими – игнорировалось, но то были преимущественно социальные исследователи, далекие от собственно измерения общественного мнения. Для тех немногих, кто занимался теоретико-эмпирическими исследованиями, определение Грушина было ценным своей конструктивностью, ибо приведенное описательное определение дополнялось набором функций общественного мнения, критериями, на основании которых можно было говорить об объекте общественного мнения, и признаками субъекта общественного мнения. По сути, становилась ясной последовательность логических и инструментальных операций, необходимых для измерения общественного мнения.

Мощнейшим фактором поддержки, или глубокой валидизацией этого определения были теоретико-эмпирические результаты Грушина. Он первым среди советских социологов доказал теоретически и проиллюстрировал на материалах опросов многослойность общественного мнения как культурного феномена. Было показано, что многоаспектностью и многокачественностью, или «сложностью», обладала та модификация общественного мнения, которая исторически сложилась и функционировала в СССР к началу

1960-х годов. Хотя это противоречило принципиальным политико-идеологическим утверждениями того времени, но, согласно опросам ИОМ, в общественном мнении были перемешаны отголоски многих форм, видов, типов социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности. Получалось, что уже в первой половине 60-х советское общественное мнение не было одномерным, стабильным, гомогенным, одноцветным, гармоничным и т.д.

Также из грушинского определения общественного мнения вытекала абсурдность допущения о логической, а значит, и технологической простоте его изучения. Потому вопрос о технологии исследования общественного мнения превращался из чисто инструментального, вспомогательного в методолого-инструментальный и, следовательно, в сущностный.

Вскоре Грушиным была обнаружена ошибочность отождествления общественного мнения и массового сознания, и он достроил, уточнил предложенную им дефиницию. Это удалось сделать в опоре на весьма продуктивную концепцию множественности массового сознания, существующего, действующего в том или ином обществе. При такой интерпретации массового сознания общественному мнению была отведена более узкая, специфическая сфера «моментально» меняющегося массового сознания, проявляющегося в его отношении к отдельным, «точечным» объектам действительности. Зондажи, опросы общественного мнения ловят, фиксируют эти краткосрочные точки сгущения массового сознания [18, с. 248–260].

In pivo veritas

Хотя в заголовке этого раздела статьи указаны три книги Грушина, нельзя ничего не сказать еще об одной его работе – «*In pivo veritas*», в которой он проявил себя одновременно и как исследователь массового сознания, и как истинный любитель и уникальный знаток пива и пивной культуры [19]. Живя несколько лет в Праге, Грушин сделал карту города, на которую нанес все пивные. Отсутствие места не позволяет передать содержание и красочность его рассказов о поиске пивных, о том, как он их посещал и по какой методике изучал. В целях реализации своего замысла, Грушин специально выучил чешский язык.

Все задуманное было с честью выполнено. Грушин посетил свыше семисот пивных, испробовал огромное число различных сортов пива, с успехом участвовал в соревнованиях, выявлявших тех, кто больше выпьет, и собрал богатейшую коллекцию сентенций, афоризмов, высказываний о пиве. Книга – это уникальная работа по классификации фольклорных текстов и гимн пиву.

ВЦИОМ и ВР

Первой организационной «единицей», созданной Грушиным для изучения общественного мнения был ИМО «КП». В 1969 году, через два года после закрытия ИМО, им был организован Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Несколько месяцев предложения Грушина о создании Центра не рассматривались руководящими инстанциями, и все решил в сущности единолично академик Алексей Матвеевич Румянцев (1905–1993), возглавлявший ИКСИ и одновременно бывший вице-президентом АН СССР. Центр просуществовал до 1972 года, и весь процесс его рождения и жизни Грушин назвал «медленным взлетом и стремительным падением».

Теоретические исследования Центра группировались вокруг «Таганрогского проекта, начатого в краткий период работы Грушина в Институте философии АН СССР. Вместе с тем впервые в СССР Центр взялся за проектирование и создание организационной структуры для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Ставилась задача не только зондирования мнений населения страны, но также жителей отдельных регионов.

В начале 1970 года Центр разослал более сотни Информационных писем в министерства, ведомства, научные институты, творческие и общественные организации, редакции газет и так далее с предложением о сотрудничестве. В частности выяснялась готовность этих организаций оплатить проведение опросов по интересующей их проблематике. Пришло более 40 писем, содержавших заявки на 102 исследования; в половине заявок выражалось согласие на полную или частичную оплату работ. Оказывается, три

десятилетия назад в СССР существовал латентный заказ на изучение общественного мнения, и в принципе могли быть найдены способы финансирования опросов.

К важнейшим методическим достижениям Центра относится создание первых всесоюзных выборок населения; это был сделано Сергеем Валериановичем Чесноковым (р. 1943). Двухступенчатые районированные выборки, охватывали 27 регионов страны, все типы поселений и репрезентировали население по полу, возрасту, образованию и социально-профессиональному положению. В опоре на эту общую модель можно было строить выборки различного объема.

Весной 1971 года Центром был проведен первый всесоюзный репрезентативный опрос с выборкой в 2000 человек. Однако, пишет Грушин: «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, «но главное, конечно, – из-за принципиального, резкого ухудшения макро- и микроусловий...для такого рода занятий» [1, Жизнь 2-я, часть 1, с. 38].

ИОМ создавался редакцией «КП» на свой страх и риск, но западные специалисты, да и некоторые люди в СССР рассматривали его как детище ЦК КПСС или даже КГБ. Через несколько месяцев после открытия Института Грушин сумел дойти до всемогущего в те годы Секретаря ЦК КПСС по идеологии Леонида Федоровича Ильичева (1906–1990) и объяснить ему необходимость создания государственного Института общественного мнения. Ничего из этого не вышло. В середине 60-х Грушин пытался создать службу изучения общественного мнения при газете «Правда», но здесь ничего и не могло получиться: главный идеолог брежневской эпохи Михаил Андреевич Суслов (1902–1982) однозначно видел в проведении опросов лишь вредное влияние Запада: «Не нужное нам это дело! Пусть они там, у себя этим занимаются».

Несколько лет назад, в моей первой попытке охарактеризовать траекторию становление исследований общественного мнения в СССР-России, я ввел понятие «линии Грушина» как стержня, магистрали, задающей принципиальные особенности зарождения и развития этого политического и аналитического процесса [20]. Конечно же, «линия» – это

образ, совсем не то, что определяется этим термином в геометрии, тем не менее, оправданно говорить о «точках», образующих эту «линию».

Первая точка – ИОМ «КП», вторая, лежащая близко к ней, это ЦИОМ ИКСИ. На значительном удалении от них расположена третья точка – это Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам, известный миллионам россиян и специалистам всего мира как ВЦИОМ. День рождения ВЦИОМ – 7 декабря 1987 года.

Пришло время, когда, наконец, был услышан голос Грушина о том, что надо прислушиваться к «гласу» народа. В апреле 1987 года было принято политическое решение ЦК КПСС и Совмина СССР об организации ВЦИОМ, а через несколько месяцев он был создан в рамках тогдашних ВЦСПС и Госкомтруда СССР. По предложению Грушина и его настойчивым рекомендациям первым директором ВЦИОМ стала академик Татьяна Ивановна Заславская (р. 1927)⁹ – один из «прорабов перестройки», имевшая огромный научный и моральный авторитет не только среди обществоведов, но и в среде интеллигенции страны в целом.

И рождение ВЦИОМ, и формирование технологии его деятельности во многом определяются личной ролью и исследовательским багажом Грушина. Через десять лет после открытия ВЦИОМ Т. Заславская отметила, что у нее не было собственного опыта изучения общественного мнения – сфера ее научных интересов охватывала, прежде всего, экономическую социологию и социологию села. Потому, когда ей предложили организовать первую в стране специализированную систему по измерению общественного мнения, она согласилась на это, «но при обязательном условии – чтобы заместителем был Борис Грушин». Он проработал во ВЦИОМе недолго, всего два года, но, по словам Т. Заславской, «сделал очень многое, он действительно в основном поставил работу по изучению общественного мнения» [21, с. 9].

Теоретические и инструментальные разработки Грушина и его многолетний опыт организации опросов общественного мнения, ряд общих социально-политических обстоятельств

⁹ Татьяна Ивановна Заславская (1927–2013).

позволили ВЦИОМ сразу стать флагманом исследований общественного мнения в СССР. Можно утверждать, что преобладающая часть профессионально работающих в России аналитических структур по изучению общественного мнения и исследованиям рынка являются или «дочерними» организациями ВЦИОМ, или просто активно используют его методологический и методический опыт.

Многие годы организацию возглавлял Юрий Александрович Левада, взгляды которого на роль общественного мнения в стране во многом совпадали с пониманием Грушина. Их жизненные траектории пересеклись более полувека назад. Левада, закончивший философский факультет МГУ в 1952 году, не принадлежал к Московскому логическому кружку, но был в добрых отношениях с диастанкурами. Много позже он сказал в одном из интервью: «Я в этом кругу не состоял, хотя с его участниками был хорошо и по-доброму знаком. Это было очень интересное явление, о нем по праву говорят как о самом интересном философском явлении советского времени» [22].

В конце 60-х в Академии общественных наук при ЦК КПСС рассматривалась ситуация в советской социологии. Резкой критике, прощам – разносам была подвергнута книга Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. В обсуждении выступил Грушин, поддержавший Леваду и сказавший: «Время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причем не вдоль, а поперек». В отношении сидевших в президиуме, он добавил: «Мертвые хватают живых». Как отмечает Грушин, вскоре появилось мнение: «Грушин хуже Левады». Автором этого утверждения был Федор Васильевич Константинов (1901–1991), философ-академик и крупный партийный функционер [8, с. 214].

Организация, созданная полтора десятилетия назад Грушиным и Заславской, и сейчас занимает лидирующее положение в изучении российского общественного мнения. Но «эхо» событий, на протяжении многих лет делавших невозможным создание общенациональной системы изучения общественного мнения в доперестроечные годы, отозвалось в начале осени 2003 года. Тогда ВЦИОМ был поставлен перед необходимостью сменить свое историческое имя. Благодаря

усилиям Левады, его безупречному научному авторитету и четкой гражданской позиции, в процессе очень непростых преобразований ему удалось сохранить полностью аналитическую команду ВЦИОМ и сеть по сбору данных: теперь эта организация называется «Левада-Центром».

Оставив позицию заместителя директора ВЦИОМ в 1989, Грушин тогда же создал первую в стране частную независимую службу изучения общественного мнения «Vox Populi» («VP»); это – четвертая точка на «линии Грушина». Под руководством Грушина эта организация просуществовала десять лет и ею было выполнено множество социально-политических исследований. Наиболее известным проектом был ежемесячный экспертный опрос «100 наиболее влиятельных (ведущих) политиков России», проводившихся для «Независимой газеты». Итоги опроса регулярно публиковались на страницах газеты и имели значительное политическое влияние.

Параллели и перпендикуляры

«Линия Грушина» – это не только траектория, обозначенная важными вехами деятельности Грушина; «линия» задает его судьбу и задается его судьбой. Продолжая эту «геометрическую» терминологию, хотелось бы сопоставить вклад Грушина в изучение общественного мнения с тем, что делалось Джорджем Гэллапом и другими отцами американских опросов общественного мнения: Арчибальдом Кроссли (1896–1985) и Элмо Роупером (1900–1971). «Параллели», это то, что роднит, объединяет, сближает творческие биографии Грушина и американских пионеров изучения общественного мнения, наоборот, «перпендикуляры» – нечто, кардинально нестыкуемое в генезисе их деятельности и в самой деятельности.

Для подобного сравнительного анализа есть объективные и субъективные обстоятельства. Проводимое мною уже ряд лет исследование процессов возникновения практики опросов и опросной технологии в Америке позволило подойти к формулированию некоторых историко-научоведческих закономерностей, и сопоставительное изучение (Америка и СССР) – можно трактовать как движение к определению

меры универсальности наших выводов. Говоря о субъективном аспекте темы, имеется в виду используемое журналистами сравнение: «Грушин – это русский Гэллуп».

В текстах Грушина не раз упоминается дружеское двустипшие известного историка философии и поэта Эриха Юрьевича Соловьева (р. 1934), написавшего в начале 60-х о первых грушинских опросах: он «занимался серьезно вполне / общественным мнением в безгласной стране». Вообще говоря, аналогично, можно было бы удивиться и тому, что люди занимались философией в стране, где не было философии, но высказанное Соловьевым интересно нам в ином отношении. И Грушин, и журналисты, цитирующие это двустипшие, обычно и не без оснований акцентируют смысл второй строки, хотя опросы Грушина в 60-х годах, и в частности его же современный углубленный анализ собранных тогда материалов показывают, что более четырех десятилетий назад в СССР все же существовали элементы общественного мнения. Страна не была совсем безгласной.

Но первая строка Соловьева совсем не комментируется, принимается как данность, как факт. В действительности же, опросов в СССР, думается, не должно было быть «по определению», они противоречили существовавшей политической, экономической и социокультурной среде, для них не было исторических предпосылок. Безусловно, прав Левада, в конце прошлого века сказав о сделанном Грушиным: «Эту отрасль науки он выдумал, придумал – создал собственными руками, своей головой, собственным энтузиазмом» [23]. Точнее трудно сказать.

В Америке середины 30-х задача проведения выборочных опросов общественного мнения, что называется, висела в воздухе. Не случайно в 1936 году одновременно три опытейших исследователя рынка Гэллуп, Кросли и Роупер успешно зондировали электоральные установки и верно предсказали переизбрание Ф. Рузвельта на второй срок. Их опросы, открывая эру современных технологий изучения общественного мнения и создавая новую политическую культуру в стране, вместе с тем завершили длительный, более чем столетний этап проведения в Америке соломенных электоральных опросов. К тому же, эти аналитики опирались на, в значительной степени созданный и ими самими, богатый опыт изучения потребительских устано-

вок, эффективности рекламы и поведения радиоаудитории. Указанный опыт включал в себя построение репрезентативных общенациональных выборок, конструирование измерительных шкал, подготовку интервьюеров, организацию полевых исследований.

Еще более существенным представляется то, что и новые для 30-х годов выборочные опросы общественного мнения, и все ненаучные методы сбора информации о сознании и поведении электората и потребителя, которые использовались в Америке, начиная со второй половины 19 века, были прямым следствием, продолжением политической и экономической системы страны. Государству, обществу, населению, отдельным социальным структурам практически всегда, с момента зарождения американской политико-экономической системы, необходимо было знать интересы и установки потребителей, учитывать электоральные намерения избирателей. В конце 19 века Д. Брайс на основе его многокритериального историко-политического анализа показал, что система власти в Америке и население готовы к проведению референдумов. Лишь незнание выборочных методов не позволило ему говорить об опросах общественного мнения.

Ничего из выше сказанного в принципе не было ни в российской дореволюционной истории, ни после. В СССР вместо выборов – голосование, вместо свободного экономического рынка – централизованная система экономики. Правительство страны и КПСС утверждали, что они все знали о населении, формировали в необходимом направлении его потребности и интересы, думали о его настоящем и будущем и т.д.

Американская и советская системы, если иметь в виду их базис и основополагающие надстроечные конструкции, были оппозиционны, или «перпендикулярны» друг другу. В свете сказанного в СССР не могли появиться опросы общественного мнения. Наоборот, естественными были запретительные реакции Ильичева, Константинова и Суслова, их слова и деятельность отвечали геометрии и физике советского политического пространства. Такое поведение было нормальным, спасительным для системы, оно охраняло ее от распада.

Опросы Грушина возникли вопреки логике социального устройства советского общества, и этот факт можно объяс-

нить лишь некоей социальной мутацией, мощным сбоем внутри социополитической системы страны, неожиданным, противоестественным скачком с разрешенной законами социума траектории движения на закрытую орбиту. В биологии подобные революционные мутации объясняются воздействием мощных флуктуаций в радиационной, магнитной, тепловой и в прочих средах обитания биологического организма. Они провоцируют нарушение сложившегося генного механизма и порождают новые генотипические и фенотипические структуры, образы.

Что сыграло роль политических «флуктуаций», нарушивших баланс существовавшей в послевоенном советском обществе социальной среды и породивших возникновение опросов общественного мнения? Вопрос непростой, и ответ на него требует специального исторического изучения, но в любом случае к таким «флуктуациям» относится Постановление ЦК ВКП(б) от 3 декабря 1946 г. «О преподавании логики и психологии в средней школе» и в частности указанная выше ночная встреча Сталина с московской профессурой.

В той встрече многое кажется сегодня непонятным. В частности, интерес Сталина к работе Георгия Ивановича Челпанова (1862–1936), выдающегося русского психолога, создателя и первого директора первого в России Психологического института в Москве. Дело в том, что Челпанов – был одним из университетских профессоров, которого не удалось «поставить на рельсы марксизма». Учебник по логике, привлечший внимание Сталина, был издан в 1917 году [24] и является единственной книгой Челпанова, переиздаваемой и в наше время.

Распоряжения вождя исполнялись мгновенно. В начале 1947 года Министерство просвещения провело в городе Химки под Москвой полугодичные курсы по подготовке вузовских преподавателей логики, и в том же году были созданы кафедры логики на философских факультетах Московского и Ленинградского университетов.

Образование Московского логического кружка – это тоже из разряда флуктуаций. Прежде всего, появление диестанкуров надо рассматривать как возникновение, проявление одной из маловероятных – почти невероятных – редких форм (мутаций) социкультурной рефлексии событий, про-

исходивших в СССР в первые послевоенные годы, и уже затем как прямое следствие начинавшегося изменения в подготовке советских философов. Другими словами, историчность появления диестанкуров – что стало первым шагом на пути к возникновению опросов в СССР в 1960-е годы – видится нам в случайности, которая могла проявиться на рубеже 40-х – 50-х, и которая реализовалась.

Конечно, приведенное объяснение парадоксально, но эта алогичность созидательна, и потому в принципе объяснение такого рода не является уникальным в истории науки, более широко – в истории изобретений. Мы же приводим такое объяснение еще и потому, что оно содержится в воспоминаниях Мамардашвили о возникновении Московского логического кружка. Отправным для Мамардашвили (он говорил это в 1990 году) было признание существования пропасти в развитии культуры страны, имелось в виду «1917 год и все, что за ним последовало». Признавая отсутствие прошлого, он одновременно отмечал бессмысленность ностальгирования и попыток восстановить прошлое: «Ну, нет его и быть не может, это все исчезло физически». И далее, он говорил, что новое может возникнуть, произрасти лишь в «человеческом материале, какой есть». Так, по мнению, Мамардашвили и появились диестанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева, что ли вырос? Да ничего подобного – из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...». Да и сам Грушин отвечая пару лет назад на вопрос журналистки О.Кучкиной: «Я помню тебя молодым безумцем с горящими глазами – сейчас ты седой безумец, а огонь в глазах прежний. Я говорю: безумец – с восхищением перед бешеной энергией и глубоким погружением в свое дело. Как ты настроился на эту дорогу и по ней прошел – для меня феномен человеческий. Попробуй, объясни его», ответил: «Трудно, хотя я постоянно думаю об этом сам. Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом».

В целом, ничего в явном виде не подталкивало Грушина к проведению опросов общественного мнения в годы его обучения в МГУ: ни дискуссии диестанкуров, ни лекции по истории и философии, ни сама окружавшая его реальность. Импульсом к изучению общественного мнения стала его

журналистская практика. В одной из наших телефонных бесед на мой вопрос о том, как же все началось, он сказал, что газета искала новые формы работы, был придуман социально-экономический очерк, нашли семью рабочего Андрианова и рассказали о ее жизни на целом развороте, проводили дискуссии; и в этом бульоне возникла идея опросов.

Итак, рождение опросов в СССР в 1960 году стало следствием двух равновесных обстоятельств. Первое, одна из ведущих и либеральных по тем временам газет смогла взглянуть в опросах – сначала, читателей, потом – населения в страны – новую форму общения с аудиторией, выявления ее отношения к происходившим в стране и мире событиям. Второе обстоятельство: в редакции газеты оказался человек, никогда ранее не проводивший опросы, но в личном и профессиональном отношении оказавшийся готовым к подобной деятельности. Важно не то, кто первым высказал ту новую, неожиданную, малопонятную, еретическую идею, а то, что она возникла в пересечении интересов газеты и профессионального ученого, субъективно и объективно подготовленного к проведению опросов. Глубокое знание Грушиным научной методологии, понимание им общих механизмов функционирования общества, многолетние теоретические междисциплинарные изыскания, владение математикой, знание основ психологии – оказались прекрасной базой для начала его новой деятельности.

Работая в «Комсомольской правде» и освоив многое в журналистике, Грушин оставался аналитиком, исследователем. В. Чикин был соавтором программ и полевых документов около десяти первых опросов ИОМ, руководил полевыми работами, активно участвовал в обработке информации, вместе с Грушиным опубликовал несколько первых в стране книг по материалам опросов, но это все осталось лишь фактом его журналистской биографии. У него не возникло ни интереса к природе общественного мнения, ни отчетливого понимания научных опросов как инструмента журналистики. Наоборот, Грушин, открыв в опросах «Комсомольской правды» возможность заглянуть в общественное мнение, оставил практическую журналистику и сделал познание массового сознания и общественного мнения своей профессией, судьбой. Было много событий в его

жизни, когда он мог отойти от разработки этой тематики, внешние обстоятельства не раз подталкивали его к этому, но что-то внутренне не позволило ему так поступить.

Одна из интересных «параллелей» обнаруживается при сопоставлении некоторых сторон деятельности, строя редакционной команды и даже биографий лидеров «Комсомольской правды» и американского журнала *Fortune*, сыгравших ключевую роль в возникновении опросов общественного мнения в своих странах.

Fortune был создан в 1930 году Хенри Люсом (Henry Robinson Luce, 1898–1967), по воспоминаниям знавших его людей и оценкам американских политологов и культурологов, гениальным журналистом. Одна из ведущих ролей в приобретении *Fortune* всеамериканской популярности принадлежала Ралфу Ингерсолу (Ralph Mcallister Ingersoll 1900–1969), журналисту, писателю, издателю и выдающемуся редактору. Социально-экономические воззрения Ингерсола характеризовались не просто либерализмом, но и приверженностью к социализму. В конце 1930-х около года он примыкал к одной из организаций американской коммунистической партии. Многие в политике *Fortune* определялись Арчибалдом МакЛейшем (Archibald MacLeish, 1892–1982), сильной личностью, получившей юридическое образование в Йеле и Гарварде. В 1920-х он жил в Париже, примкнув к группе молодых американских писателей и поэтов. В 1932 году МакЛейш получил первую Пулитцеровскую премию за поэму «Конкистодор», а в 50-х годах – еще две. В 1939–1944 годах он был Главным библиотекарем Библиотеки Конгресса, иногда его называли рузвельтовским министром культуры.

Представляется, что по видению и пониманию социальной проблематики своих стран, по их роли в развитии журналистики, по общей энергетике Люс и Аджубей были профессионалами и личностями сопоставимого масштаба. Аналогично, высокая «параллельность» траекторий жизней обнаруживается при анализе литературных интересов, характера государственной и общественной деятельности Ингерсола и МакЛейша, с одной стороны, и Воронова, Панкина и Чикина, с другой. Речь может идти и об общности поколенческого опыта редакций двух изданий. Американцы в ранней юности пережили Первую мировую

войну и несколько позже – Великую депрессию, команда «Комсомолки» – Вторую мировую.

В 1935 году в процессе дружеского общения Ингерсола с Ричардсоном Вудом (Richardson King Wood, 1903 – 1976), журналистом, сотрудничавшим с *Fortune*, и одним из совладельцев компании по исследованию рынка *Cherington, Roper and Wood*, возникла идея создания аналитической службы *Fortune*. Исходно ее основное назначение заключалось в изучении рынка, но вскоре службе было поручено проведение опросов общественного мнения. Возглавил службу Роупер. Публикации результатов первого опроса – июль 1935 года – была предпослана большая редакционная статья озаглавленная «Новая техника журнализма». Это произошло ровно за четверть столетия до рождения ИОМ «КП».

Опросы общественного мнения Кроссли также возникли при финансовой поддержке прессы. К середине 30-х он был признанным лидером в изучении американской радиоаудитории, и херстовский прессовый концерн *King Features Syndicate* обратился к нему с предложением об изучении электоральных установок.

Роупер и Кроссли приобрели журналистский опыт в процессе проведения опросов общественного мнения и сотрудничества с газетами и радио. Гэллап – на протяжении всей его жизни теснейшим образом был связан с журналистикой: в школе и в университете, в его первых, еще студенческих опросах и в его преподавательской деятельности. В докторском исследовании по психологии он разработал метод опроса для изучения читательских интересов, первый по-настоящему крупный научный успех пришел к нему, благодаря исследованию, в котором были заинтересованы редакторы ряда ведущих американских журналов. Задуманная им система общенациональных опросов общественного мнения финансировалась крупным газетным синдикатом, среди его многолетних друзей были люди, представлявшие элиту журналистского мира. Его колонки с результатами опросов публиковались в сотнях газет, опросы – изменили журналистику, в первую очередь – политическую.

Сказанное доказывает, что, несмотря на кардинальные различия в американской и советской политической и со-

циально-экономической системах, в обеих странах опросы общественного мнения возникли в сотрудничестве прессы и социальной науки (изучение рынка – одна из них) при финансировании прессой.

Существует, точнее сказать, недолго просуществовала еще одна принципиальная «параллельность» в советской и американской историях опросов. ИОМ «КП» лишь условно можно было назвать институтом. По сути руководители газеты и Грушин нашли ту же форму организации системы опросов, которая была введена *Fortune* и которая стала распространенной в Америке в начале 40-х. Эта форма называется – полл (*poll*). При такой системе организации опросы проводятся от имени создавшего их средства массовой информации (СМИ), а результаты обычно являются собственностью этих информационных источников. Исследователи свободны во многих составляющих своей деятельности, но общая направленность тематики опросов и содержание многих из них определяются интересами соответствующих СМИ.

Первый полл «Комсомольской правды», скорее всего, оказался и последним в СССР и России. Никто не последовал примеру «Комсомолки». В постперестроечные годы возникли общенациональные и региональные центры изучения общественного мнения, однако по своим организационно-финансовым признакам они не являются поллами. СМИ регулярно распространяют результаты опросов, иногда по их заказам проводятся направленные зондажи мнений, но все это далеко от поллов, от той модели, которая была опробована ИОМ «КП» более сорока лет назад. Полл – это одна из функций СМИ, которая в России ими еще не освоена.

Было бы ошибочным утверждать, что деятельность Гэллапа, Кроссли и Роупера протекала исключительно в дружественной среде. Им приходилось многие годы доказывать необходимость изучения мнений населения, отстаивать свои позиции в Конгрессе, отвечать на злые и несправедливые публикации в прессе, доказывать свою независимость и так далее. Вместе с тем морально-политическая атмосфера в американском обществе была в целом благоприятной для изучения общественного мнения, и потому технология измерения мнений быстро совершенствовалась, а результаты опросов уже в начале сороковых стали одним из важных

источников информации для президентов страны и политиков всех уровней.

Методы Гэллапа, Кроссли и Роупера были отрицанием соломенных опросов. При разработке вопросов интервью они опирались не только на приемы измерения установок, использовавшиеся в маркетинговых исследованиях, но и на огромный опыт психологических исследований личности. Уже в середине 30-х годов обработка информации проводилась с помощью счетно-перфорационных машин.

Грушин все начинал с нуля. Первые опросы ИОМ «КП», если иметь в виду их выборку, были соломенными, использованные приемы выборки качественно отличались от тех, что в 60-е годы использовались в Америке. Вопросы, задававшиеся респондентам, более напоминали журналистские интервью, чем социологические. Обработка осуществлялась вручную. Фактически индивидуальный сорокалетний опыт Грушина – от ИОМ «КП» до VP – вместил в себя все то, что в американской истории опросов сменяло друг друга с начала 20 века. Но все это было пройдено им очень быстро. Отчасти потому, что уже начав свои опросы, он глубоко изучил опыт собственно гэллаповских опросов и их европейских модификаций.

Грушина и Гэллапа – лично они никогда не встречались – сближает то, что каждый стремился сделать все возможное для проникновения опросов общественного мнения в политическую, социальную, культурную ткань общества.

Гэллап проводил опросы в течение полувека и постоянно задумывался о природе общественного мнения, но к трактовке возникавших теоретических проблем он подходил как психолог, аналитик политических процессов и как журналист. Это было обусловлено его образованием, традициями, восходившими в частности к Брайсу и Уолтеру Липпману (Walter Lippmann, 1989–1974), а также более общими особенностями развития американской науки. Исторически так сложилось, что мышление, в частности его массовые формы, изучалось и продолжает изучаться в Америке, прежде всего, психологами и антропологами.

Грушин – первый философ, логик, обратившийся к исследованию общественного мнения в опоре на результаты собственных опросов. Потому очень скоро в его анализе он отошел от собственно задач журналистики, в целом –

описательных, фокус его научной деятельности сместился к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования, а сама деятельность приобрела социологическую направленность. Опросы общественного мнения, сохранившие свое прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию исследования массового сознания. И потому, творчество и результаты Грушина следует соотносить не только с тем, что делалось и сделано Гэллапом, но и с научным наследием Пауля Лазарсфельда (Paul Lazarsfeld, 1901–1976), Самуэля Стауффера (Samuel Stouffer, 1900–1960) и нашего современника Ирвинга Креспи (Irving Crespi, 1926–2004).

Гэллап, нам приходилось писать об этом, создал опиниометрику и ввел опросы общественного мнения в американскую и мировую политику. Грушин ввел опросы общественного мнения в политическую культуру СССР, России и сделал изучение общественного мнения предметом и объектом социологического познания.

* * *

При работе над статьей я постоянно обращался к первым публикациям нового грандиозного проекта Грушина «Четыре жизни России», в котором автором задумано рассмотреть массовое сознание россиян во времена Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Об этой работе Грушина уже написано немало, и мне тоже есть что сказать. Но я воздержусь, дождусь завершения проекта. Тогда же напишу о Наталии Георгиевне Карцевой, жене Бориса Андреевича; словами признания в любви к которой начинается первый том этой эпопеи.

16 лет назад на XIX Всесоюзной конференции КПСС с критикой горбачевского руководства выступил Борис Ельцин. Ответил ему Егор Лигачев, и тогда родилась фраза, ставшая безумно популярной в те годы: «Борис, ты не прав!»

Некоторое время после случившегося Борис Андреевич Грушин носил на груди большой жетон. На нем были написаны слова, которыми хотелось бы завершить статью: «Борис, ты прав!».

«Четыре жизни России». Ментальное пространство и голограмма Грушина¹⁰

Моя первая статья о Б. А. Грушине была закончена летом 2004 года, к тому моменту были опубликованы лишь том 1 и первая книга тома 2 его четырёхкнижия «Четыре жизни России», и было рано писать об этой его работе. Я ограничился одним абзацем: «В последние годы в его новом проекте “Четыре жизни России” Грушиным теоретически обоснован и реализован принципиально новый приём “бережной” интерпретации данных, полученных много десятилетий назад. В его анализе ему удаётся сохранить дух прошлого, т. е. того времени, когда данные были собраны, и одновременно передать то, что произошло в массовом сознании населения (и в личном сознании автора) в течение последующих десятилетий. Другими словами, в опубликованных материалах Грушин предстаёт не только “летописцем” событий 30–ти – 40–ка летней давности, но социологом, пытающимся дойти до корней современной российской ментальности».

В 2005 году эта статья полностью вошла в книгу об американских первопроходцах изучения общественного мнения и деятельности Грушина, но и тогда прежде всего в силу технических обстоятельств четырёхкнижие не было рассмотрено. Предыдущий абзац был дополнен лишь коротким предложением: «Несомненно, по любым, самым жёстким критериям сделанное Грушиным будет оценено очень высоко, его теоретические и теоретико-эмпирические результаты будут востребованы новыми поколениями учёных России и других стран» [25, с. 182].

В дни после смерти Грушина я назвал его работу над четырёхкнижием подвигом и обосновал это утверждение следующим образом. Во-первых, грандиозна цель: дать характеристику сознания советских людей в разные периоды жизни общества; браться за такой труд можно, только отчётливо понимая, что назад пути нет. Из проведённых им 700 исследований Грушин отобрал 300 наиболее интересных, чтобы проанализировать состояние умов россиян в эпохи Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина. Грушин

¹⁰ Напомню, этот и следующий параграф – разделы книги Б. Докторов «Все мы вышли из «грушин-ской шинели». К 85-летию со дня рождения Б.А. Грушина. М.: Радуга, 2014.

сделал то, что мог сделать только он, – рассказал о первых двух эпохах. Книга о времени Горбачёва оказалась незавершённой... В начале работы издатели спрашивали Грушина: «А если ты помрешь?», он, как истинный философ и привереженец смеховой культуры, ответил: «Если я помру – напишите: “Автор неожиданно помер!”» [26].

Во-вторых, содержание работы выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения, она – о власти и населении, о нашем уме и близорукости, о переживаниях и радостях. Пройдут годы, и стремление учёных узнать, о чём и что думали советские люди в эпоху Хрущёва и Брежнева, однозначно приведёт их к этим данным.

В третьих, замысел Грушина – свидетельство его огромного, на всю жизнь, погружения в одну тему; это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая. Ещё одна черта отношения Грушина к своей работе: он всю жизнь накапливал и хранил информацию, вот его слова: «...Я, вопреки семейным интересам (большой квартирой никогда не располагал), сохранил архивы всех своих исследований» [27].

В сентябре 2001 года, вскоре после выхода первого тома четверокнижия Грушин так описывал и объяснял начало этой работы: «Оперативным поводом к созданию моего четверокнижия послужили две загадки. О первой я сказал: откуда взялись люди, решительно вступившие на новый путь? Вторая – загадка 1985 года. Почему люди, столько лет принимавшие советскую систему, в одночасье растоптали её? Никто в мире не может найти ответ на этот вопрос». Замечу, поводы названы. Но Грушин продолжил и обозначил более широкое, историко-политическое обоснование задуманного исследования: «Почему я считаю Михаила Сергеевича Горбачёва фигурой номер один в XX веке? Потому что он развалил то, что развалить не представлялось возможным. Даже в 1985 году никто из нас не представлял, что мы сможем дожить до крушения советской системы, которая, как казалось, была рассчитана на тысячелетия. Слава богу, дожили. Другое дело, что мы оказались на развалинах страны, которая не должна была развалиться. Но это на совести Ельцина, а не Горбачёва, я это чётко различаю. У меня не ностальгия, а чувство отчаяния по поводу того, что произошло с Советским Союзом. Стопроцентное оправдание имеет

уход из Союза прибалтийских государств, в империи они оказались случайно и не могли в ней прижиться, я это всегда знал. Но что касается всех остальных, развал, с моей точки зрения, является совершенным бредом. В конце концов за эту ошибку расплачиваются люди всех государств, входивших в Союз. Распад СССР был предопределён, но не в одночасье же! Был ведь реальным путь медленного высвобождения! Но у нас просто историческое несчастье с правителями. Ничего не поделаешь» [28].

Через три года Грушин указал ещё на одну причину своего погружения в рассматриваемое исследование: «В 1999 году “Общая газета”, которую возглавлял Егор Яковлев (Б. Д.: один из «прорабов» перестройки и одноклассник Грушина), опубликовала статью “Социологу Борису Грушину – 70 лет”. Я ошалел! Я не знал, что мне 70 лет! Я ощущал себя максимум 40-летним. И в следующем году закрыл “Vox Populi”, хотя это была служба процветающая, с мощной клиентурой по всему миру. Но есть время производить информацию, есть время анализировать её. Половина того, что я сделал ещё в ИОМ, не было опубликовано никогда» [29].

Грушин трактовал начатое дело не просто как очередное крупномасштабное исследование, но как «гражданскую акцию» [1, «Жизнь 1-я», с. 5]; такая интерпретация вытекала из целей задуманного анализа и характера движения к ним. Грушин исходил из того, что его многолетние наблюдения за различными проявлениями общественного сознания россиян помогут ему дойти до сути перестроечных и более поздних «социотрясений». При этом он был озабочен «не столько самой мыслью о тотальном непонимании происходившего в России, сколько желанием докопаться до глубинных корней бесконечных иллюзий и заблуждений...» [1, «Жизнь 1-я», с. 9]. Отсюда следовали три направления деятельности, которые автор выдвигал для социологии в целом, но прежде всего – для себя: социологизация изучения исторических процессов, происходящих в России; разработка новых методов сбора и интерпретации данных; представление обществу достоверной информации, помогающей ему понять себя [1, «Жизнь 1-я», с. 9–11].

В настоящее время, несмотря на то, что Грушин не успел завершить «Четыре жизни России», этот проект не только рассматривается в качестве одного из главных результатов

его научной деятельности, но признаётся одной из вершин российской социологии. Однако я не предполагаю детально анализировать содержание опубликованных книг, ограничусь изложением моего видения методологии, разработанной и реализованной Грушиным. Общие черты моей версии грушинского метода сжатия и описания собранной им информации обсуждались с ним в 2005 году, и в 2006 году она была изложена в книге «Отцы-основатели. История изучения общественного мнения» [30].

Исходным пунктом всех теоретико-эмпирических обобщений Грушина является система критериев [1, «Жизнь 1-я», с. 34–38], определяющих логику его анализа менталитета. В отличие от многих историков, политологов, социологов, подчёркивающих неуволимость, неформализуемость того, что обозначается понятием «менталитет», Грушин осуществлял свои поиски в чётко описываемой десятимерной системе координат, которую можно назвать «ментальным пространством Грушина».

Прежде всего, Грушин говорил о мере включённости населения в тот или иной предметный сегмент жизни общества, то есть об интересах людей. Критерий второй – глубина понимания людьми действительности, другими словами, когнитивная способность населения и соотношение в массовом сознании рефлексивного и нерефлексивного. Далее следует – уровень знаний публики, или объём и качество информации, которыми обладают массы. Следующий критерий – способность населения рефлексировать по поводу происходящего и умение артикулировать, выразить собственную рефлексию. Пятый критерий, характеризующий менталитет, – это ценностные ориентации населения, детерминирующие его предметные интересы. Шестой – отношение населения к своему обществу, в том числе мера поддержки массами соответствующего строя, глубина доверия государству и обществу, симпатии к власти. Ещё один критерий указывает на то, что менталитет не сводим к рациональному отношению к социальной действительности, но включает эмоционально-психологическое самочувствие населения, к примеру, довольство / недовольство людей жизнью и меру оптимизма/пессимизма. Восьмой критерий указывает на то, что познание менталитета включает исследование реактивной способности населения, то есть степени

готовности к той или иной деятельности: активно оно или пассивно. Предпоследнее в системе грушинских критериев характеристическое свойство массового сознания – это его дифференциация, измеряемая по шкале «монизм – плюрализм». Наконец, десятый критерий – степень целостности/разорванности массового сознания, его внутренней противоречивости, мера уверенности/неуверенности людей в разделяемых ими точках зрения на окружающий мир.

Грушин отдавал себе отчёт в том, что его система критерияльных параметров массового сознания может быть расширена, а значит – в той или иной мере изменена; но, с другой стороны, он отмечает её прагматическую ценность: она позволяет решать многие теоретические и практические проблемы исследования общественного мнения. Перечисленные критерии позволили Грушину разработать метод «оживления» и прослушивания голосов, «оцифрованных» им же многие десятилетия назад, и эта научная технология действительно решает поставленную им перед собою задачу – «умножить знание общества о самом себе» [1, «Жизнь 1-я», с. 21]. По сути, анализ Грушина давал возможность кому-то вспомнить, но преобладающему большинству будущих читателей – узнать менталитет ряда поколений советских людей. В целом, то, что им было задумано и сделано, можно назвать созданием истории современной российской ментальности.

Однако это гражданское и общенаучное достижение Грушина не будет до конца раскрыто и оценено, если не рассмотреть сущностных особенностей используемых им интерпретационных правил. Если в строительстве, формировании «ментального пространства» Грушин предстаёт прежде всего как логик, один из диастанкуров, то при сопоставлении всех видов «разношёрстной информации» он действует как обществовед и журналист, стремящийся к максимально тщательному анализу и описанию массового сознания и мира мнений.

Разработанный и испытанный Грушиным подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого хотелось бы называть голографическим. В основе голографии как направления физики лежит способ получения объёмных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). Грушину же удаётся плоское в прошлом «изображение»

сделать объёмным; при этом становится возможным рассмотреть и описать те свойства «сфотографированной» много лет назад реальности, которые не обнаруживались в её плоскостной, двумерной проекции.

Вообще говоря, известная доля голографичности – временной, пространственной, предметно-объектной – присуща любому профессионально выполненному вторичному анализу социологической информации; при отсутствии «выпуклости», лучше сказать, вытянутости по оси времени или географической растянутости, вторичный анализ можно считать просто выхолощенным.

В физике для получения голограммы необходимо одновременно осветить фотографическую пластинку двумя когерентными световыми пучками: предметным, отражённым от снимаемого объекта, и опорным – приходящим непосредственно от лазера. Многокритериальность грушинского анализа, то есть облучение познаваемого феномена качественно разными «световыми пучками» создаёт основу, логический каркас интерпретации прошлого. Технологичность предложенного Грушиным метода делает последний научным, то есть в целом воспроизводимым. Тем не менее думается, что голографичность интерпретации Грушина – особая: она творческая и потому принципиально личностная.

Не имея возможности для развёрнутого описания грушинской многокритериальной техники изучения общественного мнения, ограничусь одной историко-наукovedческой аналогией. Речь идёт о факторном анализе, объединяющем в себе набор формализованных математических приёмов и трудно формализуемых правил интерпретации факторных решений. Каждый пользователь факторного анализа знает, что процесс ротации, несмотря на наличие формальных правил его оптимизации, и содержательная интерпретация факторов во многом определяются исследователем. Потому даже по прошествии ста лет после возникновения простейшей спирменовской модели факторного анализа, семидесяти лет – после появления пионерных работ Терстона и многих десятилетий компьютерного решения всего множества факторизационных задач, этот метод продолжает оставаться и наукой, и искусством. Личностные особенности учёного, его приверженность тем или иным научным воззрениям и школам, понимание семантики наблюдаемых

переменных – всё это присутствует в его интерпретации обнаруженных латентных факторов.

Полагаю, что это краткое отступление поясняет смысл сказанного о личностной окрашенности грушинской голографичности; тем не менее немного раскрою это утверждение.

Прежде всего, в нашем случае вторичная интерпретация огромного массива данных об общественном мнении россиян осуществляется не «человеком со стороны», но автором или соавтором программ и методик, использовавшихся в опросах. Таким образом, современное прочтение результатов многих ставших уже далёкими зондажей общественного мнения для Грушина является не новой исследовательской задачей, не «игрой с листа», но поиском ответов на вопросы, которые он давно задавал сам себе. Тогда ответы, которые в полной мере удовлетворили бы «сегодняшнего» Грушина, либо не были найдены, либо – учитывая специфику времени – не были озвучены. Зная о глубочайшей включённости Грушина в своё дело, можно утверждать, что эти вопросы или их модификации фактически постоянно находились в поле его зрения и поиск ответов на них не прекращался. Будь это не так, он скорее всего не пытался бы по прошествии десятилетий искать на них ответы.

Далее, в грушинской голографичности присутствуют следы того, что сам автор обозначает термином «социотрясение». За годы, отделявшие начало нового века от 1960–1970-х и даже 1980-х годов, в СССР/России произошли глубинные социальные преобразования различной направленности и окрашенности. Всё это объективно требовало от социологов углубления методологии и уточнения языка познания и ориентировало их на поиск новых методов, приёмов изучения всех граней мира социальных отношений, в том числе – массового сознания. Можно утверждать, что аналогичной продолжительности время, но лишённое драматической тишины и неимоверного грохота эпохи «социотрясения», не дало бы Грушину того видения прошлого, которое обозначается здесь понятием «голографическое».

Ламинарное, гладкое течение времени, медленное, застойное движение лет не способно было бы подтолкнуть исследователя к перепро чтению давно собранной информации; но, если бы это всё же произошло, новая интерпрета-

ция была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность временного потока, скачкообразность развития всех сфер и социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании, ослабление памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения постоянно требовали от всех серьёзных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа. Грушин этот вызов осознал и принял. Более того, он один из немногих, кто сохранил информацию, собранную в течение десятилетий исследований.

В относительно спокойные времена развитие многих явлений и процессов, по сути, сводится к самовоспроизводству, и потому их познание во многом сродни изучению, описанию гладких фигур, которые в каждом их сечении вдоль временной оси имеют одно и то же строение. Скажем, образуется нечто, напоминающее составленный из цветных колечек детский цилиндр или ровненькую стопку аккуратных блинов. В последнем случае каждый слой имеет одну и ту же форму, один и тот же цвет, вкус и запах. Наблюдать эту фигуру с равным успехом можно с любой точки обзора. В бурные моменты истории явления, развивавшиеся в разных нишах социального бытования, сплетаются, склеиваются необычным, хитрым способом; процессы, долгие годы демонстрировавшие непрерывность и гладкость, разрываются или претерпевают скачки, и геометрия каждого года приобретает свою уникальную конфигурацию. В итоге получается фигура, мало похожая на упомянутый выше цилиндр, она скорее напоминает химеры, украшающие средневековые соборы. Описать каждую из них с одной позиции в принципе невозможно; исследователь должен либо обходить их вокруг, либо многократно их поворачивать.

Если сделать голографический снимок какого-либо предмета и осветить его лазерным светом, то возникает «восстановленная голограмма» – объёмное изображение этого предмета. Меняя точку наблюдения, можно заглянуть за предметы на первом плане и увидеть детали, ранее скрытые от взгляда. Грушинская интерпретационная технология, по сути, является рассмотрением социально-временных химер

с многих точек зрения. Это некий аналог ротации, используемой в факторном анализе.

Стремление Грушина к изучению чудом сохранённого им архива и его установка на создание исследовательской технологии нового прочтения прошлого стали прямым продолжением его гражданского и профессионального осмысления цивилизационных изменений, начавшихся в России в годы перестройки. Он говорит о «кардинальной ломке социальной структуры», «коренной смене самой человеческой породы», «полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия». Суть происходящего видится им в «замене традиционно российской формы жизни» новыми формами, которые «в современном мире связываются с понятием евроамериканской цивилизации». На смену рабу и холопу придёт свободная личность. Россия отойдёт не только от идеологии и практики коммунизма, но от русизма как такового. Произойдут коренные изменения в натуре российского народа, в его менталитете [1, «Жизнь 1-я», с. 11–12]. Таким образом, «четверокнижие» Грушина – это не только итог его почти полувекового теоретико-эмпирического изучения менталитета россиян, но одновременно – программа и инструмент мониторинга массового сознания населения меняющейся России.

Наследие Б.А. Грушина: для всех и надолго

Укажу тему, которой, скажем, десять лет назад, тем более – ранее, не было, но в последние годы она заявила о себе, и наше сообщество будет обсуждать её всегда. Речь идёт об отношении живущих и действующих социологов к научному наследию наших учителей, старших коллег, друзей. Жизнь так устроена, что они слабеют, отходят от активной научной деятельности, уходят от нас навсегда... В ноябре 2006 года в своём кабинете умер Ю.А. Левада, через год скончался Б.А. Грушин, в следующие четыре года не стало А.Г. Здравомыслова, В.Н. Шубкина, И.С. Кона, в конце августа 2013 года – Т.И. Заславской. Но сделанное ими – наше общее богатство, и судьба их наследия определяется не только тем, что ими сделано, но и нашим отношением к тому, что нам досталось как обладателям этого наследия.

Не буду расширять этот мартиролог, итак ясно, что естественный ход развития российского социологического сообщества поставил перед ним новую задачу – изучение биографий и деятельности тех, кто стоял у истоков современной российской социологии. Без этого невозможно обеспечить неразрывность российской социологии, выработать и сохранить научные традиции. Имеются в виду освещение различных сторон жизни и работы этих людей, сбор воспоминаний о них, составление полных библиографий их публикаций, переиздание написанных ими книг и статей. Отмахнёмся от всего этого; сделаем вид, что всё начинается с нас? Или будем искать возможности для изучения жизни и творчества представителей старших поколений, постараемся не забыть их уроки, извлечём из их опыта определённые научные, гражданские, этические нормы и стандарты поведения? Пойдём по первому пути – рано или поздно осознаём его ущербность и постараемся исправить ситуацию, но многое будет потеряно. Изберём второй путь... поспотыкаемся, поплутаем, но относительно скоро осознаем его ценность.

Движение в этом, я полагаю, единственно верном направлении уже началось. Так, Т.В. Левадой издана серия книг, содержащих работы Ю.А. Левады и воспоминания о нём; выпущены материалы конференций памяти Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.Г. Харчева. Выше назывались материалы трёх Грушинских чтений на факультете журналистики МГУ под общим названием «Открывая Грушина». Здесь же следует указать на три международных конференции «Продолжая Грушина», проведённые Всероссийским центром изучения общественного мнения. На них обсуждается широкий спектр тем, в той или иной степени отвечающих проблематике, которую исследовал Грушин.

Отталкиваясь от собственного небольшого опыта, могу сказать, что анализ сделанного первопроходцами нашей науки – это крайне сложный тип исследований, проведение которых предполагает выработку синтетической методологии, создание и поддержание архивов биографической информации, уточнение нашим сообществом определённых нравственных критериев. Всё это произойдет лишь в том случае, если нами будет осознана потребность в осмыслении прошлого, если будет преодолено безразличие к нашему не-

дальнему и дальнему былому. Если мы задумаемся не только о том, что было сделано; но и о том, в каких обстоятельствах всё делалось; почему сделано так, а не иначе. Если мы признаем учёного главной фигурой в науке, производстве знаний и сочтём важным сохранить в истории его имя.

Согласно развиваемой мною системе, или лестнице, поколений российских социологов, в середине 1980-х наш профессиональный цех включал в себя три активно действовавшие исследовательские когорты и набравшую силу – четвёртую. На протяжении почти четверти века цементирующим составом сообщества была личная коммуникация. Все «ходили по одним коридорам»: встречались на службе и по работе, общались на конференциях и семинарах, читали друг друга в единственном социологическом журнале и малотиражных сборниках; выходили на праздничные демонстрации и выезжали на поля подшефных пригородных совхозов.

В настоящее время в российской социологии насчитывается уже семь действующих поколений исследователей, и в численном отношении социологов стало значительно больше, чем в доперестроечные времена. Подавляющая часть специалистов работает в университетах и независимых социологических образованиях, меньшая доля – в академических институтах. Принципиально расширилась география социологических организаций. Личная коммуникация уже не играет и не может играть той роли, которая принадлежала ей раньше; возникают и работают другие правила общения. В этих обстоятельствах действенным механизмом объединения нашего сообщества должны стать историко-научоведческие исследования, изучение биографий представителей различных, прежде всего – старших, поколений.

Особое значение должно придаваться «суперзвёздам» коммуникационных сетей; среди которых одна из самых ярких – Борис Андреевич Грушин. Он – знаковая фигура в академическом сообществе, признаваемая и уважаемая среди полстеров и широко известная вне профессионального круга. Грушин был и остаётся фигурой публичной.

Именно он сделал изучение общественного мнения не только предметом полстерского анализа, оперативного изучения и журналистского комментирования, но предметом академической науки. Грушин, возможно, единственный

в мировой истории изучения общественного мнения философ и логик, обратившийся к исследованию этого феномена в опоре на результаты собственных опросов. Именно в силу серьёзной теоретической подготовленности он очень скоро в своей аналитической деятельности перешёл от описания статистики мнений, характерного для журналистики, к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования. При этом его деятельность приобрела социологическую направленность. Таким образом, опросы населения, сохранившие своё прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию глубинного теоретико-эмпирического исследования массового сознания. И потому творчество и результаты Грушина следует соотносить не только с тем, что делалось и сделано Джорджем Гэллапом, Элмо Роупером, Арчибальдом Кроссли, Хэдли Кэнтрилом и другими американскими полстерами «первого призыва», но и с наследием классиков социологии Пауля Лазарфельда, Самуэля Стауффера, Ирвинга Креспи и Дэниэла Янкеловича, известных и своими исследованиями массовых установок.

Из сказанного вытекает множество принципиальных науковедческих следствий, в частности – вопрос о генезисе изучения Грушиным общественного мнения. Первые исследования отношения к труду рабочих, проводившиеся в Свердловске (М.Т. Иовчук, Л.Н. Коган), Ленинграде (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов), Горьком (Г.В. Осипов), отталкивались от признания ведущей роли рабочего класса в социальной структуре советского общества и следовали положениям партийных документов о необходимости совершенствования организации труда на производстве. Изучение свободного времени (В.А. Артемов, Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, В.Д. Патрушев, Г.А. Пруденский) можно рассматривать как продолжение исследований Г.Г. Струмилина и ранее – русских земских статистиков. Также в общий контекст актуальной общественно-политической и социально-экономической ситуации первой половины 1960-х вписываются исследования села, проводившиеся в Новосибирске под руководством Т.И. Заславской, и выпускников школ (В.Н. Шубкин). В той или иной мере сказанное распространяется и на социологические исследования, выполнявшиеся в те годы в разных городах СССР.

В дореволюционной России и в СССР в дооттепельный период были лишь ненаучные, самодеятельные, далёкие от репрезентативности опросы представителей некоторых производственных, учебных и территориальных общностей. Но их нельзя назвать опросами общественного мнения. Так что первые зондажи мнений советских людей Грушина не были (да они и не рассматриваются в этом ключе) продолжением, развитием теоретического или эмпирического опыта дореволюционных или ранних советских исследований общественного мнения. Беседы с ним позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не был знаком с научными технологиями изучения общественного мнения, которые использовались тогда в США и Европе. Отчасти это имело позитивные следствия. Принимая во внимание максимализм и «перфекционизм» Грушина, можно предположить, что его знакомство с особенностями современных для того времени методов изучения общественного мнения заставило бы его стремиться к их использованию. Такое решение отодвинуло бы начало проведения опросов на годы.

Отмечу ещё один момент, к которому привлекла моё внимание краткая дискуссия на 2-х чтениях «Открывая Грушина» между В.А. Ядовым и Л.Д. Гудковым, представившимся оппонентом Грушина [31, с. 19–20].

Среди прочих была затронута тема знакомства Грушина с западной литературой. По мнению Гудкова, из советских социологов старшего поколения лишь Кон и Левада по-настоящему, систематически изучали её. Ядов не возражал против этого суждения, но заметил, что его собственный стиль работы ближе к Грушинскому, он заключается в погружении в собственные теоретические построения и собственный эмпирический материал.

Кон был теоретиком и историком социологии, и безусловно это предполагало глубокое знание достижений других исследователей; Левада – тоже всегда тяготел к анализу методологической проблематики, и в его долгий период вынужденного отхода от эмпирических исследований ему не оставалось ничего иного, как систематически читать новую западную литературу и обсуждать её на его известном семинаре. Ядов заметил: «Кон и Левада писали великолепные работы, это замечательные учёные. Им знание сильно помогало, а мне мешает...» [31, с. 27]. По-видимому, Грушину

книжное знание, если не мешало, то явно и не помогало. Он работал как логик, выстраивал и перестраивал мысленные, идеальные конструкции, и в этом ему мало могли помочь выводы учёных, работавших в рамках других парадигм и стилей рассуждения.

Возможно, будет оправданным и допущение о том, что Грушин, который, уже получив философское образование, проучился несколько семестров на механико-математическом факультете МГУ, вообще рассматривал свои теоретические построения не как работу с общеподлинными категориями, а как своего рода геометрические построения. И скорее всего академик, геометр А.Д. Александров критиковал грушинскую концепцию массового сознания не потому, что его что-то не устраивало в трактовке Грушиным феноменологии этого явления, а потому, что он видел, как усилить «теоремы» Грушина [см.: 15]. И.С. Кон писал, что Грушин дал себе обет – 20 лет не смотреть текст Александрова, он сдержал своё слово [32, с. 433]. Может и зря? Их сотрудничество могло бы быть очень плодотворным.

Допускаю, что в чём-то характер размышлений Грушина был близок к тому, на что в моём интервью обратила внимание Т.И. Заславская, которая отлично училась на физическом факультете МГУ три года, но потом перешла на экономический факультет. Вот мой вопрос: «Физический факультет дал Вам не только прекрасное знание математики, которое впоследствии могло пригодиться, но он определённым образом настроил Вас по отношению к идеологии. Физики, математики всегда старались держаться в стороне от идеологии... то, что Вы начали там учиться, по-видимому, определило Вашу позицию во многих вопросах...». Ответ Заславской – очень развёрнутый, приведу лишь его отдельные фрагменты: «Никакого сомнения. Действительно, в течение трёх лет мне ставилось естественно-научное мышление, согласно которому, например, законы природы потому и законы, что они всегда исполняются, в этом их смысл. <...> Самым замечательным был “закон непрерывного роста производительности труда”. Представляете себе: можно ничего не делать, лежать себе на печи, а закон, как сила тяжести, будет сам собою повышать производительность вашего труда. Мне это казалось диким. <...> По окончании университета меня, несмотря на отличный диплом, не ре-

комендовали в аспирантуру. Но гораздо сильнее поразили меня слова одной из близких подруг, что сделано это было правильно, потому что во мне “есть что-то не то, чуждость какая-то”. Наверное, этим “не тем” я во многом была обязана трём годам физфака. <...> Математические методы я применяла и в экономике, и в социологии, но это было второстепенным. Главным же достоянием, вынесенным мною с физфака, была математическая логика» [33, с. 144].

Анализ значительного числа биографий отечественных социологов, начинавших свои исследования в 1960-х годах, позволяет мне трактовать становление постхрущёвской социологии не как возрождение российской социологии, но как её второе рождение. Всё происходило почти с «нуля», в принципиально ином, чем в дореволюционной и ранне-советской России, социокультурном и политико-идеологическом пространстве и на основе новой интеллектуальной и идеологической программы. Путь, которым Грушин пошёл к проведению опросов, полностью отвечает именно концепции «второго рождения», и, более того, его путь – эталон, «чистая модель» того, что произошло. Талантливые молодые обществоведы обнаружили противоречие между тем, чему их учили, и тем, что открыла их взору «оттепель», и сами стали создавать науку и изобретать методы, которые позволили бы им описать наблюдавшиеся социальные отношения.

Не обнаруживается в дореволюционной российской, а затем в советской действительности и тех макрообстоятельств, которые побудили бы Грушина начать замеры общественного мнения, равно как не существовало в СССР измерительных методов, технологий, которые он мог бы использовать в своей работе. Россия, позже СССР в политическом, социально-экономическом, идеологическом и прочих отношениях развивались принципиально иначе, чем США, где уже в первой половине XIX века возникли простейшие, так называемые, народные «соломенные» опросы общественного мнения, а примерно через сто лет – произошло становление научной, или гэллаповской, технологии, позже – культуры изучения мнений населения. Поясню сказанное.

Первое: в США никогда не было монархии, дворянства, наследственной власти; в стране быстро сложились система президентской власти и многоуровневый (страна, шта-

ты, «районы») механизм голосования. Отсюда желание избирателей, прессы и политиков как можно больше знать об электорате с целью предсказания итогов голосований. Одновременно отмечу стремление издателей (исходно – партийной, позже – внепартийной) прессы играть активную роль в политической жизни страны.

Второе – это американская рыночная экономика, конкуренция и борьба за деньги потребителей. На рубеже XIX и XX веков в стране начали создаваться службы, анализирующие установки и поведение потребителей, и фирмы, специализировавшиеся на изучении эффективности рекламы. Постепенно складывалась практика проведения маркетинговых исследований, формировался арсенал методов анализа аудитории газет, потом журналов и ещё позже радио. Эти же каналы в периоды избирательных кампаний служили важнейшими средствами распространения политической и социальной информации.

Третье: в США непрерывно и поступательно происходило развитие системы наук о человеке. В данном случае я особенно выделяю такие направления психологии, как измерение способностей и конструирование тестов. Опыт университетских учёных быстро находил применение в прикладных разработках, поддерживавшихся бизнесом.

На протяжении всего этого длительного периода государство как социальное образование всегда находилось «далеко» от бизнеса, журналистики и – как следствие – от всего, что связано с изучением общественного мнения. Отцы-основатели Гэллап, Роупер и Кроссли подошли к измерению политических установок, накопив большой опыт изучения потребительских предпочтений. А их деятельность финансировалась прогрессивными представителями журналистской элиты. Гэллапа многократно приглашали в Белый дом, но он всегда отказывался. Призывая население активно участвовать в выборах, он никогда не голосовал за президента (только на выборах локального уровня). С одной стороны, он не хотел высказывать своих политических пристрастий, с другой – не считал нужным что-либо придумывать в беседах с журналистами.

Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е годы не существовало. Вместо выборов – голосование за одного кандидата, вы-

двигавшегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель – король, но директивные органы. Психометрика, как и другие области психологии, была разгромлена в стране в 1930-е годы; социология объявлялась буржуазной наукой; никакой непрерывности в развитии наук о человеке, обществе не было. В статье памяти Грушина его ровесник А.Г. Здравомыслов, учившийся на философском факультете Ленинградского университета, писал, что во времена их студенчества понятие «социология» ещё не употреблялось, оно существовало только в сочетании с прилагательным «буржуазная» [34, с. 436].

В СССР политические и научные предпосылки для обсуждения общественного мнения как социального феномена возникли лишь после смерти Сталина и были порождены духом хрущёвской оттепели. Так, в начале 1960-х друг Грушина философ Э.Ю. Соловьев писал о первых грушинских опросах: он «занимался серьёзно вполне / общественным мнением в безгласной стране». Я помню, что десятью годами позже И.С. Кон говорил Б.М. Фирсову и мне: «Борисы, что вы изучаете? Общественного мнения нет».

В моём понимании, существует предбиография человека, биография и постбиография. Предбиография человека задаётся – прежде всего – семьёй, в которой он родился, и всеми макрообстоятельствами, обусловившими его рождение в той или иной пространственно-временной точке и его последующее движение в жизненном, деятельностном пространстве. Биография – это совокупность всего, что происходило – иногда, что могло произойти – с человеком в годы его жизни. Потом начинается постбиография, которая является продолжением биографии, но связана с нею весьма нетривиально. Постбиография может быть короткой или долгой, богатой или скудной, непрерывной или прерывистой, публичной или личностной; она может быть «естественным» с исторической точки зрения продолжением биографии, но может – и неожиданным.

Судьба в моём понимании – это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведёт его по жизни и что связано с ним после её завершения. У биографии есть начало и конец; судьба – теоретически бесконечна, точ-

нее сказать – она обычно дольше, продолжительнее жизни, многомернее биографии. Лишь в исключительных случаях историки, биографы имеют дело с биографиями, как правило – с судьбами. И чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и за более короткий срок, биография, т.е. то, что было, «пропитывается» судьбой. Это и есть мифологизация образа реального человека. Обычно, когда учёные, писатели берутся за изучение биографий своих героев, они уже давно пребывают в поле их судеб, «околдованы» ими. В противном случае нет повода всматриваться в их жизнь. Ведь нередко проходят десятилетия от момента первого знакомства будущего исследователя с именем, фрагментами жизни заинтересовавшего его исторического персонажа до принятия решения о направленном познании его жизни и создания его жизнеописания.

Биографии исторических личностей, написанные в разное время, даже если они базируются на одном и том же фактическом материале, различны в силу двух обстоятельств. Во-первых, автор, стремящийся написать новую биографию героя, находится в ином поле судьбы последнего, чем те, кто воспринимал его жизнь и дела десятилетиями, часто – столетиями раньше. Во-вторых, данный автор и его герой будут находиться в совсем ином коммуникационном пространстве, у них будет иное общение, чем у тех, кто писал на эту же тему раньше. Так, к примеру, личное знакомство с биографируемым может способствовать анализу его жизни и творчества, но может, наоборот, связывать работу биографа.

В целом же соотношение биографии и судьбы оказывается непростым и многоаспектным. В истории цивилизации сохранилось множество имён людей, проживших тихо, незаметно, несчастливо, имевших внешне невыразительную биографию, но, благодаря сделанному ими, приобретших долгую и яркую судьбу. И существует, возможно, много большее число людей, чьи биографии выглядели или действительно были блестящими, счастливыми, но их судьбы оказались короткими.

Познание судьбы предполагает изучение предбиографии человека, его биографии и постбиографии. Исследование предбиографии как части судьбы – мало разработанная тема,

хотя в жизни родителей и более далёких предков, а также в достаточно консервативном мире традиций и культуры, в который человек входит сразу после своего рождения (или даже раньше), может быть обнаружено многое для понимания его деятельности. Часто именно это прошлое, не осознаваемое человеком в детстве, но окутывающее его, может оказаться доминирующим фактором первичной социализации.

Достаточно мысленно обратиться даже к ближайшей истории СССР/России, чтобы понять, что судьба – это производная деятельности самого человека и отношения общества или некоторой части общества к нему. Примеров масса: это политики, люди искусства, спорта, писатели и другие публичные фигуры. Наука всегда была и будет менее публичной общественной сферой, здесь судьба учёного и результатов его творчества в первую очередь зависит от профессионального сообщества, к которому принадлежит исследователь. *Временные* и *пространственные* параметры этого сообщества определяются многими обстоятельствами, но прежде всего – характером проблем, которыми занимался учёный, и значимостью для науки (в редких случаях – для общества) полученных им результатов.

Отношение общества, профессионального сообщества к наследию, оставленному творцом, составляет суть, ядро судьбы. Во-первых, послежизненная фаза судьбы может быть много продолжительнее собственно жизненного пути человека. Во-вторых, как предбиография и биография, так и постбиография – это части культуры своего времени. Именно столкновение этих культур во многом объясняет парадоксы судьбы исторических личностей. Подобных примеров масса: в науке, в изобразительном искусстве и музыке, в литературе. Объясняется всё просто. Человек, личность, творец опередил время. В период его жизни сделанное им представлялось ненужным, даже чуждым обществу, отторгалось или замалчивалось. Но результат его труда оказался созвучен требованиям нового времени, ожиданиям, запросам новых поколений; и при неизменности биографии этого человека его судьба круто меняется.

Смерть Грушина позволяет подойти к анализу его судьбы: творческой, а значит – и личной. В историко-научоведческих отечественных работах о становлении современного

этапа советской/российской социологии сюжеты такого рода лишь начинают рассматриваться. Прежде всего, это может быть объяснено дальнорочностью истории: необходимо время, чтобы понять и оценить истинные масштабы сделанного тем или иным социологом. Второе: явно существуют методологические сложности в исследовании этой проблемы, и они просматриваются уже на стадии очертывания того, что такое судьба и как она может анализироваться. И третье: задумываясь, тем более – пытаясь заглянуть в судьбу человека, испытываешь некий душевный дискомфорт, ведь определение судьбы – это, если отвлечься от деталей, формулирование своего рода приговора. К счастью, сама история, будущее наделены правом его отмены, пересмотра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я «Эпоха Хрущева». Москва: Прогресс-Традиция. 2001; Жизнь 2-я «Эпоха Брежнева» Часть 1. Москва: Прогресс-Традиция. 2003.
2. *Ладенко И.О.* Становление и развитие идей генетической логики // Вопросы методологии. 1991. №3.
3. *Сенокосов Ю.П.* Мераб Мамардашвили (1930–1990) <<http://www.mamardashvili.ru/index.php?biography.htm>>.
4. *Грушин Б.А.*: «Мы все время вели войны за свой предмет». RELGA, 2004, 11 мая <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-<www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>>.
5. Начало всегда исторично, то есть случайно. (Фрагменты из беседы М. Хромченко с М.К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года) // Вопросы методологии. 1991. №1.
6. *Грушин Б.А.* Очерки логики исторического исследования. Москва: Высшая школа, 1961.
7. *Кучкина О.* В России кипит неслыханный бульон. Комсомольская правда, 2001, 15 февраля.
8. *Грушин Б.А.* Горький вкус неустребованности. В кн.: Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1999.
9. *Капелюш Я.* Общественное мнение о выборности на производстве. Москва: Институт конкретных социальных исследований АН СССР. 1969.

10. *Грушин Б., Чикин В.* Во имя счастья человеческого. Москва: «Правда», 1960. Грушин Б., Чикин В. Лицо поколения. Москва: Правда, 1961; Грушин Б., Чикин В. Исповедь поколения. Москва: Молодая гвардия. 1962.
11. *Грушин Б.* Свободное время. Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. Москва: Правда, 1966; Грушин Б. Свободное время. Актуальные проблемы. Москва: Мысль. 1966.
12. *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. Москва: Изд-во политической литературы. 1967.
13. *Хвостов В.М.* Общественное мнение и политические партии. Москва, Изд-во И.Д.Сытина. 1906.
14. *Брайс Д.* Американская республика: в 3-х частях / Пер. с англ. В.Н.Неведомского. Москва: Изд-во К.Т.Солдатенкова, 1889. Ч.1. Национальное правительство; Ч.2. Правительства Штатов. Политические партии. 1890; Ч.3. Общественное мнение. Объяснительные примеры и замечания. Строй общественной жизни. 1890.
15. *Игитханян М.Х.* Сила общественного мнения. Москва: 1962.
16. *Оников Л.А.* «Я выполнял свой человеческий и партийный долг». В кн.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. Г.С. Батыгин. Санкт-Петербург: Институт социологии РАН, Изд-во Русского Христианского гуманитарного института. 1999, с. 229–235.
17. Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б.А. Грушина, Л.А.Оникова. Москва: Изд-во политической литературы. 1980.
18. *Грушин Б.А.* Массовое сознание. Москва: Политиздат. 1987.
19. *Gru in V.* In pivo veritas. Praga: 1986.
20. *Докторов Б.З.* Вместо заключения. Власть и общественное мнение. В кн.: *Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С.* Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. Москва: Фонд «Общественное мнение». 2002, с. 349–361.
21. *Заславская Т.И.* К десятилетию ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения. 1998. Вып. 1 (33).
22. *Левада Ю.* «Одна Москва, одни деньги, один телевизор». Независимая газета, 11 мая 2000 <http://kuchaknig.ru/show_book.php?book=113758>.
23. *Левада Ю.А.* Общая газета, 5–11 августа, 1999.
24. *Челпанов Г.И.* Учебник логики: (для гимназии и самообразования). Москва: Думнов и бр. Сагаевы, 1917. (24)
25. *Докторов Б. З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
26. Грушин Борис: «Я изучал людские мнения нещадно, вопреки всему...» // Известия. 2 августа 2004. <http://izvestia.ru/news/292698>.

27. *Белянчикова Л. А.* Грушин Б. А.: «Мы все время вели войны за свой предмет» // RELGA. Научно-культурологический журнал. 11 мая 2004. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles>
28. *Шаповал С.* Социотрясение по-русски. Борис Грушин надеется на историческое чудо // Независимая газета. № 12 (75). 28 июня 2001.
29. *Сеникосов Ю. П.* Мераб Мамардашвили: вехи творчества // По ком звонит колокол. Сетевой миссионерско-просветительский журнал. <https://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1104>.
30. *Докторов Б. З.* Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования. 2006.
31. «Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела» // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 13–44.
32. *Кон И.* «Ушёл ещё один классик...» // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 431–433.
33. *Заславская Т. И.* «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» (Интервью Б. З. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
34. *Здравомыслов А.* Человек, создавший себя сам // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 436–440

МИР ВЛАДИМИРА ЯДОВА¹¹
В.А. ЯДОВ О СЕБЕ И ЕГО ДРУЗЬЯ О НЁМ

*Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были – и нет.
Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!*

Александр Галич «Ошибка», 1962¹²

В 2009 году, в связи с 80-летием Владимира Александровича Ядова я написал биографическую заметку о нём, назвав её «Советская социология начинается с буквы “Я”». Исходно она была опубликована на сайте «Полит.Ру» и позже включена в мой 9-томник «Биографические интервью с коллегами-социологами» [1, Том 3, с. 10–21]. Всё рассказанное о жизни и работе Ядова было исторически верно, но всё же заголовок был в значительной степени метафоричен. Однако последующие годы снизили уровень метафоричности этих слов и, напротив, усилили буквальный смысл сказанного. Такова правда жизни.

Введение

Вторая половина 2015 – начало 2016 года – это время привыкания российского социологического сообщества к существованию без Владимира Александровича Ядова (25 апреля 1929 – 2 июля 2015). Ведь в отечественной послевоенной, или постхрущевской, социологии он был всегда, свыше полувека. Но, конечно же, его место и роль в нашей науке определяются не столько годами, отданными становлению и развитию социологии, сколько его трудами и позицией в коммуникационном мире многопоколенного сообщества социальных исследователей.

Под руководством Ядова было защищено свыше 60 кандидатских диссертаций, десятки учёных, выбирая темы

¹¹ Фрагменты книги Докторов Б. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. – М.: ВЦИОМ, 2016.

¹² Любимая песня В.А. Ядова.

и разрабатывая свои докторские исследования, консультировались с ним. Несметное число социологов разного возраста помнят лекции Ядова, семинары, на которых он выступал, помнят вопросы, которые он им задавал и свои ответы ему. Книга «Человек и его работа» [2], написанная им совместно с А.Г. Здравомысловым, продемонстрировала новый подход к познанию общества, на долгие годы стала гидом в социологию и породила в стране разветвлённую систему изучения отношения к труду разных слоёв населения. Книга Ядова по методологии и технике социологических исследований [3] на протяжении многих лет была единственным учебником, по которому язык науки осваивали все генерации советских и постсоветских социологов. Диспозиционная теория личности – любимое Ядовское дитё – помогает осознать, насколько сложен, многомерен мир личности [4]. Во-многом под влиянием Ядова произошёл «мирный переход» от советской социологии к постсоветской, имеется в виду его полипарадигмальный подход. На Западе советскую, российскую социологию в значительной степени олицетворяет собой Ядов.

Занимаясь, во многом по инициативе Ядова, историей современной российской социологии, я могу с уверенностью сказать, что его вклад, его присутствие обнаруживаются на всех уровнях развития науки и во многих её предметных нишах. Ядов – теоретик и методолог, человек, озабоченный строгостью социологических измерений и использованием математических методов при обработке социологической информации. Ядов – исследователь труда и качества жизни, ценностных ориентаций и поведения. Ядов – социолог и социальный психолог, аналитик, годами погружённый в разработку сложных теоретико-методологических проблем, и организатор науки. Он стоял во главе первой в СССР социологической лаборатории в Ленинградском государственном университете и был директором головного Института социологии РАН в сложные перестроечные и постперестроечные года. Ядов заслуженно признаётся одним из создателей «Ленинградской социологической школы», а наши эстонские коллеги связывают с его именем становление современной эстонской социологии. Ядов – не только автор многих книг и статей, но и редактор ряда известных коллективных трудов, несколько лет он был редактором

«Социологического журнала» и состоял в редакционных советах ряда отечественных и зарубежных изданий.

Владимир Александрович был не только учёным и учителем, но масштабной и в высшей степени харизматичной личностью, которой были присущи черты русской интеллигенции и в которой неистребим был дух «шестидесятничества».

Ядов был публичной фигурой, он представлял науку и страну на многих крупнейших российских и международных социологических форумах, он нередко выступал в прессе, журналисты серьёзных изданий стремились побеседовать с ним.

У входа в «Мир Ядова»

«Мир Ядова» – это всё, относящееся к его жизни и работе, ибо применительно к Ядову с уверенностью можно говорить, что работа занимала доминирующее место в его жизни, и вся его жизнь была отдана развитию российской социологии. Сейчас трудно говорить о содержании «Мира Ядова», но можно не сомневаться в том, что он весьма велик, многообразен, интересен и многолюден. И освоение «Мира Ядова» – один из эффективных и захватывающих маршрутов в прошлое-настоящее нашей науки и место для попыток рассмотрения её будущего. Но одновременно, это и очень сложный маршрут.

2 мая 2010 года Ядов сообщил мне, что обсуждал с Н.И. Лапиным и О. Н. Яницким перспективы издания 10-томного собрания сочинений А. Г. Здравомыслова, и эта история побудила его составить список своих работ. И далее он заметил относительно этого списка: «Решил отправить тебе на случай, когда сыграю в ящик». Так получилось, что документ был неудачно прикреплен к «мейлу», и я попросил Ядова прислать документ ещё раз. И 4 мая он был повторно прислан мне с пометкой: «Старался. Сбрасываю то, что послал, что бы я сам отобрал для переиздания (2 мая 2010)». Вот этот список (без каких-либо моих правок):

1. Идеология как форма духовной деятельности общества. Л.: Изд. ЛГУ. 1963 (7,8 л.)
2. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Сб. Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука. 1975 (1,5 л.)

3. Социально-психологический портрет инженера (В соавторстве) М.: Мысль, 1977 (10 л.)
4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности (в соавт.) Л.: Наука, 1979 (19 л)
5. Общественное мнение о съезде народных депутатов СССР: сообщение Института социологии АН СССР и Всесоюзного центра изучения общественного мнения (соавт. Т.И. Заславская). Вечерняя Москва, 07.06.89
6. Социальные идентификации в условиях кризиса. Мир России. 1995. № № 3 и 4 (1,5)
7. Структура и побудительные импульсы социально-тревожного сознания. СОЦИС. 1997. №3
8. Солидаризация в рабочей среде: (в соавт.). М: ИС РАН. 1998 (13.5 л.)
9. А всё же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество. Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс, 2001 (08 л.)
10. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и дополн. (соавт. А.Здравомыслов). М.: Аспект-пресс (20 л.)
11. Становление трудовых отношений в постсоветской России (в соавт.). М.: Академический проект, 2004. (14 л.)
12. Нестабильная социальная идентичность как норма современных динамичных обществ (соавт. Е.Данилова). СОЦИС, 2004. №4
13. Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и обществ (1999–2002). Мастер-класс проф. В.А. Ядова. Методологический практикум для студентов-социологов. М.: Аспект-пресс. 2004 (18 л)
14. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: Учебное пособие по социологии (Ред. и рук. авт.коллектива). Прогресс-Традиция, 2005 (23 л.)
15. Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998–2002 г.г.). (В соавт.) СПб: РХГА. 2006 (18 л)
16. Кому и для чего нужна сегодня национальная русская социология. СОЦИС. 2008, №3

17. Стратегия социологического исследования. М.: Омега плюс, 2009 (30 л)
18. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Для студентов магистратуры. Изд. Второе. СПб.: 2009 (12 л.)

В этих работах – полезные данные о наших трансформациях и не стыдные тексты автора.

В мемориум можно поместить весьма комплиментарную статью из лондонской Times: A self-taught sociologist? The Times Higher Education Supplement. Oct. 25, 1991.

В ответ я писал: «Володя, раз ты сам поднял вопрос про "сыграю в ящик" – и правильно сделал... где-то Игорь Кон писал, что образ жизни не хотел изучать, но образ смерти – был готов, я хочу спросить тебя про твой архив... прежде всего есть ли он? Боря Грушин какую-то часть архива отдал в Стэнфорд, что с домашней частью, я не знаю... значительная часть архива Леонида Столовича – в Стэнфорде... но они вели, занимались этим... что с твоими бумагами? Ты не такой, как Боря Грушин, я не вижу тебя над архивными папками... но ты сам понимаешь, как это всё важно для науки...».

И вот 4 мая я получаю: «...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное – запись ситуаций с разработкой диспозиционной концепции, найти не смог, хотя и не очень старался» [5, с. 148].

Так что прямого, лёгкого и быстрого пути в обозначенный мир нет. Каждый историк науки будет заходить в него и изучать его по-разному, потому надо быть готовым к появлению множества Ядовских «миров». Для меня смерть Ядова – это событие, осознанное лишь в том плане, что я не могу ему написать или позвонить. Но всё это произошло настолько недавно, что не изменило характера нашего диалога; я постоянно ловлю себя на мысли о том, чтобы предложенное мною освещение «мира Ядова» было бы созвучно его пониманию себя. Оно должно быть честным, не помпезным и не скучным. Чтобы не ошибиться в своём изложении, я решил максимально использовать Ядовские тексты и материалы, написанные при его жизни сотрудниками, коллегами, друзьями Владимира Александровича.

Мой исследовательский подход связан с построением того, что я называю «Миром Ядова», т. е. речь пойдёт об анализе жизни и наследия Ядова в специальном многомерном семантическом пространстве. Не вызывает сомнений многомерность мира каждого человека, и всё же мы должны признать большие различия в размерах и метриках этих индивидуально-личностных пространств и без особой аргументации принять то, что мир человека, прожившего более восьми десятилетий в сложнейшей, постоянно меняющейся социальной среде, и внёсшего своей деятельностью значительный вклад в развитие отечественной социологии, крайне сложен. Таким образом сейчас речь может идти лишь о создании достаточно простой модели этого мира с тем, чтобы потом достраивать её, усложнять и наполнять новыми данными.

В нашей историко-социологической литературе говорят о «феномене Ядова», о Ядове как «явлении», о «человечном человеке науки», отмечают, что «Ядов – это эпоха» и так далее. В принципе, всё это верно, но в исследовательских целях понятие «мир» представляется мне более подходящим, конструктивным. «Феномен», в моей интерпретации, – более статичен, краткосрочен, чем «мир», более локален. Понятие «эпоха» всё же в первую очередь – социально-временное. В моём понимании, «Мир» – априори пространственен, многомерен, красочен и в нём непременно есть временная ось, «Мир» – это пространство для анализа.

Сейчас я вижу «Мир Ядова» как семантическое (информационное) пространство, имеющее три важнейших подпространства, каждое из которых в свою очередь обладает сложным, многоячеечным и слоевым строением. Первое из этих подпространств может быть названо «личностным». В нём могут быть расположены (или из него можно черпать) данные о становлении личности Ядова и его личностных особенностях, о процессах его профессионализации и вхождения в научное сообщество. Второе подпространство – условно – «профессиональное». Прежде всего – это всё, что относится к проведённым Ядовым исследованиям и работе над книгами. Условность такого обозначения этой области «Мира Ядова» заключается в том, что личностное и профессиональное в жизни Ядова очень переплетены, его

творчество – высокобиографично. Третье подпространство назовём «коммуникационным», прежде всего, оно – конечно же – профессионально-коммуникационное. Ведь для историко-социологического исследования интересны сфера и характер внутрицеховой коммуникации Ядова: его российские и иностранные коллеги, сотрудники, аспиранты. Сложность изучения этой части «Мира Ядова» определяется в первую очередь собственно богатством, яркостью коммуникативных способностей Ядова, а также географией и долготлетием его профессиональных контактов.

Как в любом историко-биографическом исследовании, присутствует в нашем изучении «Мира Ядова» ещё одна переменная, или ещё одно направление – время. Я буду стремиться к хронологическому изложению материалов, но это далеко не всегда удаётся сделать. Зачастую, как это бывает в жизни каждого, невозможно расщепить и уложить во временной упорядоченности то, что в предметном плане связано.

Выше отмечалось, что в российской литературе можно найти определённую информацию для работы над биографией Ядова. И к некоторым из этих источников я буду обращаться. Вместе с тем, основой моего анализа будут два моих биографических интервью, проведённых с Владимиром Александровичем. Первое – свыше трёх печатных листов – было опубликовано в 2005 году [6], [7]. Это – наиболее полный, обстоятельный из всех существующих рассказ Ядова о своей жизни и о своей активности в пространстве социологии. За прошедшие годы оно целиком или частично воспроизводилось разными печатными и онлайн-новыми изданиями. Второе интервью было опубликовано в 2014 году, накануне 85-летия Ядова, в нём обсуждаются некоторые события, происходившие в его жизни и российской социологии после завершения первого интервью [8].

Кроме того, я буду обращаться к дорогой мне переписке с В. А. Ядовым. Она началась 25 сентября 2003 года и завершилась в середине ноября 2014-го, когда уже более не могла продолжаться. На мой вопрос: «Володя, до меня дошли слухи, что ты был в больнице. Как себя сейчас чувствуешь?», – я получил ответ: «Да, велено четыре раза в год делать капельницы».

Автобиографические письма

Ниже будет рассмотрена информация о Ядове в обозначенном выше историко-биографическом пространстве. Но начну – с автобиографических материалов, они задают рамку общего анализа и камертон изложения. Речь идёт о нескольких письмах, полученных мною от Владимира Александровича в последние годы его жизни; они – очень личностные, но из приводимых текстов видно, что у меня не просто есть право на их публикацию, но таковым было желание Ядова. Частично этот наказ уже выполнен [5], но – мне кажется – письма должны быть известны широкой социологической общественности, без знания их невозможно серьёзное изучение биографии Ядова, понимание его личностного мира. Принципиально то, что эти письма Ядова – его спонтанные реакции на разные внешние обстоятельства или следы внутренних размышлений о прожитом. Они не были спровоцированы, стимулированы моими вопросами.

Сначала – письмо, полученное мною 12 октября 2013 года, но в тексте была отметка – «2008». Скорее всего, Ядов переслал мне не личное письмо, а комментарий к какому-либо тексту.

Жил исключительно идеей быть полезным.

Какая ерунда приходит подчас в голову. Начинаю понимать, что жил исключительно идеей быть полезным для... общества, семьи, для студентов и своих коллег, прочее и прочее.

Переживал, что не удалось схватить за жигалку на крыше в первые дни бомбёжек Ленинграда. По возвращении из эвакуации пошёл в лётную школу, а к концу курса перед переходом в авиаучилище война закончилась и к тому же оказался физически негодным в пилоты, маячило училище авиаобслужки. В университете хунвейбинствовал, свято веря в то, что страна наша уникальна и открывает путь в справедливое общество. После XX съезда в этом лишь убедился – пойдём по пути Ленина. Будучи Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ на отчётной конференции вышел из-за стола и пел Интернационал так искренне, что весь зал запел.

Даже, когда стал директором-организатором Института социологии на каком-то партсобрании произнёс душевную

речь в том смысле, что в руководстве партии были всякие, но многие рядовые коммунисты искренне верили в идею и жертвовали ради неё своей жизнью. Одна из любимых моих песен – «И комиссары в красных шлемах склонятся низко надо мной». Мой ближайший друг – итальянский коммунист Нино Коломбо, до сего дня остающийся страстным борцом: пенсионер, но выполняет поручения одной из радикальных отколовшихся от ИКП партий, ездит в другие страны на конгрессы, участвует в уличных демонстрациях.

Свой партбилет, который я держу в обложке от партбилета отца с надписью ВКПБ, я не сжигал и не выбрасывал, а храню вместе с академическими дипломами. Не упускаю случая ещё раз посмотреть фильмы: «Женя, Женечка и “катюша”», «В бой идут одни старики», вижу самого себя на той войне, куда не удалось попасть.

И как будто *вторая* жизнь – социология. В воспоминаниях перед сном никогда не возникают образы из этой второй жизни¹³.

Конечно, большинство событий из жизни Ядова, приведённых здесь, описаны в наших интервью и в его других письмах, но в данном случае всё очень сконцентрировано, приближает нас к каким-то «ядерным» структурам его личности, его мира. Поясню сказанное.

«И комиссары в красных шлемах склонятся низко надо мной» – это строка из песни Булата Окуджавы «Сентиментальный марш», написанной в 1957 году и ставшей широко известной после выхода фильма «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»), признанного одним из символов политической «оттепели». Автором сценария фильма «Женя, Женечка и “катюша”» тоже является Окуджава, а события фильма относятся к периоду войны. О том же времени и фильм «В бой идут одни старики»; это трагический рассказ о молодых лётчиках, и если иметь в виду то, что Ядов на год оставлял общеобразовательную школу и был курсантом лётного училища, то понятно его трепетное отношение к этой киноленте.

Следующее письмо (от 14 февраля 2013 года) – это нарисованный Владимиром Александровичем психологический

¹³ Письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 12 октября 2013 г. Электронный архив Б. Докорова.

автопортрет, выполненный в манере «мягкого кубизма» с вкраплениями сюрреализма. Письмо начинается со слов: «Дорогой Боря, решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключаю, на другой день после похорон бранных останков В.Я.» – и кончается так: «Вот, что мне пришло в голову и что я тебе написал сегодня поутру московского времени как раз до обеда». Можно допустить, начало заметок было навеяно мыслями, пришедшими к Ядову в полусне, дрёме, но по мере написания текста «ситуативная идентификация» сдавала свои позиции под давлением характерной для него оптимистической рациональности. Но в любом случае его слова «опубликуешь мои саморефлексии» я воспринимаю как завещание, как наказ, обязательный для исполнения.

Психологический автопортрет

Ядов – Докторову, 14 февраля 2013

Дорогой Боря, решил набросать эти заметки в твой архив, прекрасно понимая, что ты непременно опубликуешь мои саморефлексии в своих текстах биографий наших коллег по цеху, не исключаю, на другой день после похорон бранных останков В.Я. Так что учти, что здесь есть момент самопрезентации, каковая, что я вычитал у Лены Рождественской¹⁴, есть «ситуативная идентификация» – невольное стремление показать себя определённым образом данному собеседнику. Коль скоро я это знаю, то постараюсь умерить названное стремление, хотя вряд ли удастся его преодолеть полностью. К тому же я знаю, что по типу характера – экстраверт, выскочка, не могу удержаться от реплики оратору, иногда не вполне уместной в данной обстановке. Нахожу самооправдание в схожести подобного поведения с Борисом Грушиным, которого любил как брата родного.

Итак, перехожу к предмету словоизлияния.

Я не могу отнести себя к категории книжников, библиотечных червей, каковыми были, например, Игорь Кон

¹⁴ Речь идет о работах Е. Ю. Рождественской – специалиста по качественной методологии.

и Геннадий Батыгин. Геннадий считал, что если не прочёл несколько (что-то очень много) работ за день, то день прошёл впустую. Для меня, злостного курильщика, работа в библиотеке всегда была несколько мучительна. Не только и не столько по причине частого бегания в курилку, сколько потому, что поразмышлять над прочитанным с сигаретой в кресле – это некий кайф, а дымить в компании библиотечных завсегдаев-болтунов никакого удовольствия не представляет. В Лондонской школе экономики и социальных наук я наострился выносить книгу из библиотеки под плащом «Болонья», для этого прямо приспособленного. За спиной под ремнем можно было вынести здоровенный том или несколько журналов, благо в 60-х электронного контроля на выходе из читального зала не было. К закрытию библиотеки я ставил унесённое на место. Продуктивность такой тактики была намного выше нормативно принятой.

Не ровняя себя с упомянутыми друзьями-книголюбями, я всё же читал и продолжаю читать, чаще просматривать ежедневно не так уж мало. Сегодня это занятие стократно облегчено поиском в Интернете. Вот и сейчас я пошарил в сети «Психология процесса творчества», нашёл поначалу словосочетания «воображение» и «память», множество текстов о творчестве художника и композитора. Добавил в поиск «научный» и выудил из Л. С. Выготского: «Кто оторвал мышление с самого начала от аффекта, тот навсегда закрыл себе дорогу к объяснению причин самого мышления, потому что детерминистический анализ мышления необходимо предполагает вскрытие движущих мотивов мысли, потребностей и интересов, побуждений и тенденций, которые направляют движение мысли в ту или другую стороны».

Я искал связь с эмоциями, т.к. в своей работе этот момент полагаю очень существенным. Попробую объяснить. Заметил за собой, что важные вещи, вычитанные из текстов, даже записанные собственноручно, запоминаются не столь твёрдо, как проговоренные с собеседником. Много, что существенно влияло на мою работу, было почерпнуто именно в общении с умнейшими коллегами. Первым назову [БД: Зигмунта] Баумана. Я, кажется, говорил тебе, что в первый приезд к польским социологам передал ему свою книжку «Идеология как форма духовной деятельности» [9], написанную на основе кандидатской диссертации. Зигмунт

пригласил домой и стал говорить, что я многого по данному предмету не прочёл. Это было исключительно ценно ещё и потому, что мы обсуждали различные варианты интерпретации некоторых идей. Другим, и опять же польским коллегой, стимулирующим воображение, был Пётр Штомпка. Он подтолкнул меня в сторону деятельностной парадигмы в современной социологии.

Ещё пример. Длительные беседы с Вячеславом Стёпным, с которым мы более года проживали в академическом доме для приезжих учёных, оба были назначены директорами институтов. Философ Стёпин – одержимый наукой человек, выдающийся мыслитель, работы которого переведены на многие европейские языки. Он внушил мне идею о связи научной парадигмы с научной картиной мира, господствующей в данную эпоху (идея Лакатоса). Развивая эту мысль, я придумал своего рода схему историко-культурной последовательности теоретических парадигм в социологии от классики до постсовременности. Стёпин дал эмоциональный толчок к тому, что мы с тобой обсуждали как интуитивную догадку, по Марио Бунге: накопленные знания под влиянием стремления к решению проблемы высвечивают комплекс адекватных, ранее усвоенных.

Возможно, по причине своего темперамента я всегда предпочитал работу командой. В коллективных обсуждениях лицом к лицу активизируются и знания, и желание «не ударить в грязь лицом» перед товарищами, и какой-то азарт, подобный азарту охотника, и Бог знает что ещё. Синергетический эффект, одним словом, мозговая атака.

Вот что мне пришло в голову, и что я тебе написал сегодня поутру московского времени как раз до обеда.

Привет.

Володя.

В тот же день я ответил: «Володя, написанное “сегодня поутру московского времени как раз до обеда” – очень ценный материал. Храню. И подумай, может, продолжишь потихоньку... время до обеда – самое лучшее, я тоже “жаворонок”, люблю работать спозаранку...».

Но «раскачать» Ядова на продолжение мне не удалось.

Третье из приводимых в этом разделе писем было написано Ядовым в начале октября 2013 года, возможно, на его эстонском хуторе или сразу по возвращении оттуда

в Москву. Он ещё был здоров, активен в работе, встречался с коллегами, строил планы. Через несколько месяцев ему исполнялось 85 лет и, допуская, он итожил прожитое. И пришёл к выводу, очень «Ядовскому», оптимистическому: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь»; название приводимого документа было сразу задано Владимиром Александровичем.

Что бы я сказал о своей жизни

Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь. Моему поколению выпало прожить не одну, а семь жизней: довоенную послеоктябрьскую, период страшной войны, послевоенную, полную надежд, хрущевскую оттепель, затхлую брежневскую, великую горбачёвскую перестройку и, наконец, нынешнюю эпоху коррупционного и правового беспредела.

Сколько социальных ролей было исполнено? Начал капризным ребёнком при любящих родителях, дворовым хулиганом, примерным пионером со всевозможными значками юного ленинца, от ГТО и юного Ворошиловского стрелка до значка МОПР (Международная организация помощи борцам революции); гордился пионерским галстуком и испанкой с красной кисточкой на стриженной под ноль голове; эвакуированным заморышем шагал с барабаном впереди отряда в деревне под Лугой; вместе с ребятами из четвёртого класса под бомбами реэвакуировался в Ленинград и опять под обстрелом был отправлен эшелонем детей в Ярославскую область; пас овец и собирал колоски; в комсомол меня принимали в г. Буй, куда шли 10 км, а в райкоме демонстрировали знание нового гимна страны: «Нас вырастил Сталин...». Товарным вагоном с мамой и сестрой вернулся в Ленинград; 9-й класс окончил курсантом авиашколы, гордился лётной формой с крылышками на погонах; День победы встретил с друзьями на Дворцовой площади.

А дальше: был комсоргом факультета и зам. секретаря комитета ВЛКСМ университета; с партийным выговором учительствовал в начальной школе; исключённым из партии был рабочим резбошлифовщиком; после смерти Сталина с партбилетом ненадолго стал аспирантом и два

года Первым секретарем РК ВЛКСМ; благодаря язве желудка валялся в больнице и там почти закончил диссертацию. Вместе с Андреем Здравомысловым организовал первую в стране лабораторию социологических исследований. Был руководителем отдела ИКСИ в Ленинграде, руководителем социологического отдела в ИСЭП, старшим сотрудником Ленфилиала Инст. истории естествознания и техники. Добрался до должности директора академического института... Был вице-президентом трёх международных ассоциаций...

Безмерно счастлив с Люкой¹⁵, со школьных лет моей любимой подругой на всю жизнь: горжусь Колей, своим сыном, человеком чести; двумя внучками, внуком и двумя правнуками.

Счастлив работой с друзьями-коллегами, вместе с которыми немало опубликовали, за что не стыдно; счастлив с друзьями единомышленниками своего поколения, из которых многих уже нет с нами; счастлив с коллегами по работе...

Что не успел сделать? Всё, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю.

О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт.

Вероятно, за истекшие годы обидел многих, но, поверьте, без злого умысла.

Октябрь 2013.

Приведу и мой ответ (*Докторов – Ядову, 8 октября 2013 г.*):

Володя, спасибо за текст... это как же здорово читать «Я... прожил удивительно счастливую жизнь». Но скажу тебе, ты сделал гораздо больше, чем написал, несоизмеримо больше. Это я говорю тебе и как друг, и как историк нашей социологии. Я писал тебе, что советская социология начинается с буквы «я», и буду писать. Обнимаю, Боря.

Если обобщить, подытожить сказанное Ядовым в этих трёх письмах, то можно сказать, что «Мир Ядова» – это оптимистическое пространство.

¹⁵ Лесохина Люция (Людмила) Николаевна (1928–1992) – психолог, жена В.А. Ядова.

Комментарии к написанному

Я никогда не спрашивал Владимира Александровича, почему он доверял мне и писал столь откровенно. Думаю, если бы что-либо подобное я попытался узнать у него, то это свидетельствовало бы о моём полном непонимании наших отношений и его внимания к моему проекту по истории российской социологии.

«Шапочно» мы были знакомы с Ядовым очень давно, с середины 1960-х., а осознанно – с 1969 года. К тому времени я знал, что он – доктор наук, известный в Ленинграде и в стране социолог, но никаких личных контактов у меня с ним не было. Однако уже один из первых опытов общения с ним показал мне, насколько он реактивен на новое и решителен в деле. В то время данные опросов по относительно небольшим выборкам обрабатывались вручную, и в основном всё ограничивалось исчислением процентов. Я делал первые шаги в социологии, и как только что завершившему обучение в аспирантуре математико-механического факультета, мне не составляло никакого труда написать простейшую программку для ЭВМ и рассчитать процентные значения всех чисел по базе от 1 до 100. После этого я распечатал всё, тогда ещё пользовались узкими бумажными лентами, и склеил для себя «книжку» для исчисления процентов. Ядов увидел у меня эту кустарщину, зажёгся вмиг и попросил этот материал на лето, сказав, что такое изобретение крайне нужно социологам, и он постарается издать это всё в виде ротاپринтной брошюры. И, действительно, осенью 1971 года эта брошюра была отпечатана в Институте АН СССР и, говорят, расходилась, как горячие пирожки на морозе.

Затем мы долгие годы работали в Институте социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, и наши контакты продолжались и тогда, когда он в силу давления на него Обкома КПСС и Дирекции Института вынужден был покинуть его. Несколько лет он был в «ссылке» – в Ленинградском отделении Института естествознания и техники, куда устраивали сильных исследователей, лишённых доверия местных партийных боссов. Продолжались они и позже, когда Ядов возглавил Институт социологии АН СССР и переехал в Москву. Он стал первым, кому в начале мая 1993 (он тогда заехал в Ленинград) я сказал, что подал документы на эмиграцию в США и получил разрешение на выезд. Через год я уехал, на несколько лет во-

обще отошёл от науки, и лишь на рубеже веков наше общение восстановилось.

Но оно вышло на новый уровень, стало более доверительным, когда в первых числах января 2005 года я предложил Ядову поучаствовать в моём проекте и согласиться на биографическое интервью, которые я тогда задумывал проводить по электронной почте. Даже теперь, когда электронная почта превратилась в обыденность, такая технология интервью многим кажется странной, но десять лет назад она вызывала множество вопросов. Высылая Ядову приглашение, я приложил и переданный в журнал «Телескоп» текст первого завершённого интервью с Б. М. Фирсовым. И 24 января получил ответ: «Я внимательно прочитал интервью с Фирсовым и даже смог с ним поговорить, т. к. он был в Москве на очередной конференции о России в Шанинке. Интервью очень интересное. Я, конечно, согласен и почту за честь беседовать с тобой».

До начала интервью с Владимиром Александровичем я опубликовал большую биографическую статью о Б. А. Грушине, закончил интервью с Б. М. Фирсовым, вёл беседу с Я. И. Гилинским. Со всеми этими социологами я был на «ты», так обращался к ним в нашей переписке и в тексте интервью. Продумывая план интервью с Ядовым, я почувствовал некий дискомфорт, вызванный тем, что в вопросах интервью буду обращаться к Ядову по имени и отчеству. Поэтому я написал ему: «Дорогой В. А., Вы подписываете Ваши письма добрым Володя, можно мне так к Вам и обращаться? Мне было бы это очень дорого». В его ответе было даже большее. Предложение обращаться к нему на «ты», и здесь крайне интересна и важна для понимания «мира Ядова» приведённая им аргументация: «О, само собой. Разница в возрасте 15–30 лет огромна. В наше время это разные поколения. Но мы по сути в одном поколении “шестидесятников”. Уже этого достаточно чтобы обращаться на “ты”».

Материалы интервью будут использоваться постоянно, и сегодня анализ рассказанного Ядовым, наводит на мысль, что содержание нашей беседы могло бы, точнее – было бы – во многом иным, если бы наше общение продолжалось в «старом» формате: он мне – «ты», по-моему, Ядов вообще, по комсомольской традиции, почти ко всем молодым (а мне на момент нашего знакомства не было 30 лет), а я ему «Вы». Это во многом отдавало бы интервью аспиранта, собирающего информацию для своей диссертации, с профессором.

Наше взаимопонимание углубилось после того, как 3 января 2008 года Ядов сделал мне совсем неожиданный, новогодний подарок: предложил ответить на его вопросы. Он написал: «Не знаю, хватит ли мне времени и способности, но хотел бы предпринять интервью с тобою наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это было бы и справедливо и поучительно». Конечно, я немедленно согласился: «...очень рад твоему предложению «поговорить» о моей работе... о моём методе... ей-Богу, буду максимально искренен... начнем потихоньку...». Безусловно, для меня было крайне важным узнать мнение Ядова о методологии моих историко-социологических поисков, но одновременно, я предполагал получить нечто новое о видении им сложных мало изученных проблем биографического анализа и качественных методов социологии в целом.

Свою главную цель Ядов объяснял желанием поближе рассмотреть узловые точки моей методологической саморефлексии, в частности то, как у меня была представлена «протестантская “затравка” новаторства героев моих исторических исследований в области становления опросов общественного мнения в США». По мнению Ядова, из моего рассказа о Джордже Гэллапе было видно «насколько истинные янки боготворят семейные корни и как они имплантированы в судьбы страны и народа. Если сопоставить с нашими реалиями, ничего даже близкого!». Прошло восемь лет после тех обсуждений, тогда я завершал изучение американской тематики и входил в историю отечественной социологии, и только теперь раскрывается, как много дала мне та дискуссия с Ядовым для уточнения понимания того, как надо строить историко-биографическое интервью, именно тогда ко мне пришло осознание того факта, что я имею дело с разновидностью общения [10], [11]. Но, зная характер Ядова и его стремление проверить многое на собственном опыте, я могу допустить, что слово «поучительно» не было случайным. У него, действительно, было желание окунуться в эту методологию и технологию.

После этого наши разговоры «через океан» стали регулярными. В 2012 году было интервью с Владимиром Александровичем о его жене, которая одной из первых в стране разрабатывала социологические, социально-психологические и педагогические аспекты проблемы образования взрослых, затем состоялось второе интервью с Ядовым. Так что наше общение не прерывалось... и Ядов не сомневался, что я постараюсь со-

хранить главное из нашей переписки; так в начале 2013 года он писал мне: «Не перестаю удивляться тем, как бережно ты хранишь свои архивы. По той причине, что сам в этом отношении контр-персонаж».

На пороге личного пространства

Наверное, приводимые ниже биографические сюжеты можно анализировать и в других нишах нашего биографического пространства, но мне кажется, что всё же в них доминирует «личностное». Сами же сюжеты расположены в хронологическом порядке, хотя и здесь нет жёсткой линейности упорядоченности.

Предбиография и ранние годы биографии

Начну с темы, относящейся к предбиографии – происхождение фамилии. Очень часто обсуждение этой темы выводит в далёкое прошлое семьи. Но здесь этого нет. «Насчёт происхождения фамилии много версий, – писал Ядов, – но ни одной надёжной. Крайне редкая. Однажды я сказал коллегам, что в Ленинграде нет ни одного из Ядовых, кто не был бы моим родственником. Один из присутствовавших имел доступ к архивам городского паспортного стола. Он предложил пари на бутылку коньяка, что найдет не известных мне Ядовых. Принёс штук шесть адресов, все почему-то из Красного села. Звоню тамошнему Ядову и спрашиваю, не из Тамбовщины ли его предки. А он сообщает, что его и других родственников прародители из Непала! Оказывается, в Индии и Непале Ядав – всё равно как у нас Петров. Фамилию переиначили на русский манер. Есть семейная легенда, будто один из предков был управляющим у помещика в селе Ракша. Детей его прозвали Ядовскими, это перешло в фамилию, когда после отмены крепостного права крестьянам стали давать собственную фамилию вместо клички по помещику. В позапрошлом году ездил к родственникам в Ракшу, откуда отец родом. Крупное село под Моршанском. До революции там были улицы Большая и Малая Ядовские. Спрашивали селян о Ядовых. Оказалось

немало, но ни одного из кровных родственников. <...> Наконец, самое простое объяснение: фамилия от старорусского “яд” – еда».

Замечу, для меня «индийская» (да и «тамбовская») версия не нова. Помню, как при одном из обязательных для всех посещениях овощебазы для переборки гниющих овощей мы обсуждали в дружеской кампании истории наших фамилий. Тогда, индийская линия была признана правдоподобной...

В сборнике «Vivat, Ядов!» [12], подготовленном коллегами Ядова к его 80-летию, (ниже материалы из него будут часто цитироваться), есть воспоминания родной и двоюродной сестёр Ядова об истории их семьи. Позже, его родная сестра, Инесса Александровна Буланина, поделилась дополнительными материалами. Всё это и составило информационную базу ниже приводимого описания семьи Владимира Александровича.

Бабушка Евдокия Григорьевна Ядова (1875–1951) и дед Григорий Иванович Ядов (1870–1924) имели десять детей. Дед служил управляющим Тульского имения князя Оболенского, бывшего в родстве с семьёй Льва Николаевича Толстого. Все знавшие Григория Ивановича отмечали его исключительную порядочность. Во время революционных событий 1917–1918 годов, когда громили барские усадьбы, Оболенские через Крым бежали в Европу, а Григорию Ивановичу поручили собрать фамильное серебро для отправки за границу. Всё переписывалось, упаковывалось, старшие дети помогали – ни одного предмета отцом не позволено было утаить. Позже усадьба была разорена, но Ядовым разрешили выехать из имения невредимыми, сказавшись репутация Григория Ивановича как человека справедливого и честного, и они переселились в Тамбовскую губернию – на родину Евдокии Григорьевны.

Дети росли дружными; все знали, что такое сельский труд. Со временем они стали идейными вожаками революционно настроенной молодёжи. При их участии была создана первая комсомольская организация в районе.

Впечатления детства, проведённого в дворянской усадьбе Оболенских, питали стремление детей к культуре, искусству, чтению. Отец Ядова – Александр Григорьевич (1904–1964) – был любознательным, пытливым, думаю-

щим. Он первым из братьев в 1923 году поехал учиться в Ленинград, в Институт Красной профессуры (впоследствии Институт им. Н.К. Крупской), увлёкся историей и философией. Потом был вузовским преподавателем философии, политэкономии, истории КПСС. Активно участвовал в лекторской работе по линии общества «Знание». По воспоминаниям сестры Владимира Александровича, отец оказал большое влияние на формирование интересов сына, на его выбор философского факультета Университета, а затем на его переход в социологию.

В Великой Отечественной войне А. Г. Ядов участвовал с первых дней, воевал сначала на севере, потом прошёл всю Европу до Германии. Был начальником штаба войска связи. Вернулся с фронта после победы с контузией, наградами, горькими живыми рассказами о войне.

Мать Владимира Александровича – Ядова Мария Ивановна (1901–1980), в девичестве Амнуил, – родилась и жила до 1924 года в Смоленской области: Монастырщенский район, местечко Кадино (по этим местам прокатилась волна Холокоста; в 2007 году в деревне Кадино проживало 204 человека). В 1924 году она приехала в Ленинград на учёбу. Училась в Первом медицинском институте на химико-фармацевтическом факультете и окончила его в 1930 году. Начала работать на рыбокопильном заводе «Пищевик», а после войны заведовала химической лабораторией на Рыбокопильном заводе. Была авторитетным специалистом, вносила рационализаторские предложения, в специальных изданиях публиковала статьи и брошюры. Была деятельным, уважаемым человеком и была награждена медалью «За доблестный труд».

Уже при рождении, всего через 12 лет после Революции, Ядов был заряжен энергией тех, кто искреннее многих других верил в её идеалы и старался следовать им. Таковы были: грамотные и общественно активные выходцы из российских провинциальных городов и еврейских местечек. Именно оттуда в Ленинград приехали на учёбу его будущие родители и встретились там. Сыну они дали имя Ленина, а дочь назвали в честь Инессы Арманд.

В ответ на моё замечание о том, что его поколение многое видело и пережило, Ядов вспомнил несколько интересных историй.

Голод на Украине выгнал из дома 16-летнюю девушку Груню, которая расписывалась крестиком. Отец Ядова подобрал её на улице, привёл в дом, так она всю жизнь и прожила в их семье, смотрела за детьми, помогала по хозяйству, во время блокады, когда все уехали, она смотрела за квартирой. Сначала жила в выгороженном закутке в коридоре большой коммуналки, а потом ей дали комнату в том же доме, этажом выше. С этой комнатой связано такое событие. Как-то в семью Ядова позвонил из Москвы его и его жены студенческий друг Рой Медведев и попросил устроить на проживание одного выпущенного из лагеря, а кого – не сказал. Поселили в Грунину комнату, она говорила, что человек странный: никуда не выходит, сидит за пишущей машинкой, питается хлебом и молоком, которые она приносит. Много позже Медведев сказал, что это был Солженицын. Ядов его тогда не видел, через Грушу тот просил не беспокоить его.

Начало войны застало семью Ядова в Юкках, вблизи от Ленинграда. Отец с утра пошёл на озеро, а Владимир отправился туда около 12 дня. Шёл по селу, люди слушали уличный репродуктор, выступал Молотов. Когда отец узнал, что началась война, вскочил и на весь пляж закричал: «Товарищи, война!». И немедля уехал в город в белых штанах и белых парусиновых тапочках, что аккуратно освежал зубным порошком. Он был старшим лейтенантом запаса, связистом. Вернулся через четыре года. Жив остался потому, что почти всю войну служил начштаба особого батальона связи на финском фронте, где боёв практически не было. Воевал уже в Пруссии и Харбине.

Роберт Геннадиевич Козлов, генерал-майор авиации, вспоминает, что он познакомился с Ядовым, когда им было по 12 лет, они жили на соседних улицах в трёхстах метрах друг от друга. В детстве их интересовала техника, прежде всего – самолёты, автомобили, оружие, они всё время пытались что-либо смастерить. Были у них и более экстравагантные развлечения. У Ядова была привычка, спускаясь бегом по лестнице, звонить во все квартиры подряд. Однажды, вспоминает друг Ядова, при нём один из жильцов успел схватить шаловника и надрать ему уши. Но было и более рискованное развлечение: однажды Володя перелез через ограждение балкона, уцепился за перила и

повис с наружной стороны над колодцем двора на высоте шестого этажа [13].

К июню 1941-го Ядов окончил четвёртый класс, немцы начали бомбить, сбрасывали десятками «зажигалки», термитные бомбочки. Мальчишки дежурили на крышах своих домов со здоровенными ухватами, бомбу надо было сбросить вниз во двор. Ядов писал: «Мне не повезло. Счастливики получили медаль “За оборону Ленинграда”».

А вот как в интервью описана первая встреча Ядова с немцами: «В конце июля школу эвакуировали в сторону Луги, то есть именно туда, где немцы прорвались к городу. Нас сажают в автобусы, едем на железнодорожную станцию. Вдруг немецкий патруль – десантники. Ребята орут: «Фашисты, убийцы!». Мы только что узнали о Зое Космодемьянской. Учительница приказывает ложиться, а мы из окон кричим. Немецкие солдаты пропускают автобус и дальше видим наши разбитые танки по обеим сторонам дороги, а на станции всё горит. Всё же погрузились в эшелон, и я попал в интернат возле Вологды. Сестра отца нашла меня там и вывезла в Ярославскую область, где работала в детском интернате».

Привёл Ядов ещё два «мемуара» (это его слово) о встречах с немцами, но остановлюсь лишь на одном из них. 1944 год, он учится в авиационной школе, курсанты получали изрядный хлебный паёк, так что он чувствовал себя кормильцем семьи. Видит как-то из окна, школа размещалась на Московском проспекте, колонну пленных, им устроили привал. Курсантам в этот день выдали по буханке чёрного хлеба, выбежали они на улицу раздавать хлеб немецким доходягам, конвойные кричали – не давайте всю буханку одному, ломайте. И, правда, кому досталось, прячет за пазуху. Тогда, комментировал Ядов, они сочли это чисто немецким, но позже пришло понимание того, что он наблюдал реакцию на социальную ситуацию, характерную для любого человека.

Подобно многим ребятам того времени он стремился отправиться на войну, но по состоянию здоровья был отчислен из училища. Цитированное выше письмо о том, что Ядов прожил счастливую жизнь, завершается словами: «О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт». Память о войне никогда его не оставляла, нередко в друже-

ских застольях Владимир Александрович пел трагическую песню Александра Галича «Ошибка», более известную как «Мы похоронены где-то под Нарвой...»:

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь – не вода!
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовёт своих мёртвых Россия,
Так значит – беда!

В своём тексте памяти В.А. Ядова А.М. Никулин вспомнил, как на одном из ежегодных симпозиумов «Пути России» Ядов внезапно перебил Ю. А. Леваду, который перечислял так называемые мифы «человека советского». Когда Левада упомянул миф о победе в Великой Отечественной войне, Ядов, вскочив с места, воскликнул: «Позвольте, какой же это миф, войну-то мы действительно выиграли!». Левада, великолепный и мгновенно реагирующий полемист, тут лишь беспомощно улыбнулся и беззащитно отмахнулся от Ядова рукой» [14].

Читая ещё в рукописи воспоминания Татьяны Ивановны Заславской, именно в то время проходило наше интервью, я обратил внимание на слова о том, что высокая интенсивность информационного поля о происходившем на войне обнаруживала пропасть между жизнью и пропагандой, и это способствовало её социальному взрослению. На мою просьбу прокомментировать сказанное, Заславская прежде всего отметила: «Действительно, фраза об “интенсивности информационного поля” очень значима». Оказывается, во время войны их московская квартира на Пятницкой стала одной из редких надёжных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у них и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что она слышала от этих людей, было до бесконечности не похоже на сообщения в газетах.

В конце войны и в первые послевоенные годы Заславская с сестрой, Майей Ивановной Черемисиной, которая была на

три года старше неё и которая стала крупным специалистом в русской филологии, лингвистике, часто ходили в студии молодых поэтов, участвовали в ночных посиделках и слушали стихи Гудзенко, Межирова, Солоухина, Коржавина и других молодых поэтов, позже передавших в своих стихах войну и дух «оттепели». Я спросил её, повлияли ли на её мировоззрение эти стихи. Приведу её ответ: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жёстко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили её ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружающем мире, а тут такие прекрасные люди и такие замечательные стихи! Мы с Майей воспринимали это как настоящий “пир души”» [15].

И здесь вполне уместно, хотя в хронологическом отношении преждевременно, обратиться к сюжету из интервью со Здравомысловым, в котором он фиксировал окончание работы над книгой «Человек и его работа»: «В начале 1966 года я вернулся из Кении и обнаружил, что наш труд «Человек и его работа» уже находится в издательстве «Мысль». Книга вышла в 1967 году при поддержке Н. И. Лапина. Должен сказать, что если бы не целеустремленность Володи, то «Человек и его работа» никогда бы не была опубликована». Реакцией на сказанное Андреем Григорьевичем был мой вопрос: «А как, из чего произросла её идея?». Я имел в виду генезис изучения отношения рабочих к труду, но Здравомыслов вышел на рассмотрение более общей темы – возникновение новой социологии. Он отметил: образование, усвоение определённой версии марксизма и влияние культуры, пульсировавшей в обществе, и жизнь в той духовной атмосфере, которая была связана с «оттепелью», с возникновением первых ростков свободы мысли. И далее последовало, на мой взгляд, абсолютно верное и метафорически сильное утверждение: «Я бы сказал так: Булат Окуджава имел для нас гораздо большее значение, чем Питирим Сорокин, которого мы знали в начале 1960-х годов лишь по трём упоминаниям В. Ленина».

Окуджава – для представителей поколения Заславской, Здравомыслова, Ядова – был поэтом, рассказавшим правду о войне и укрепившим в них светлые надежды о новом обществе. И закончил Здравомыслов свой ответ такими словами: «А что касается наших помыслов, то они всегда были направлены на обоснование социальных изменений, главным образом, на макроуровне. Борис Андреевич Грушин Как-то сказал, что мы сделали больше для изменения советского общества, чем диссиденты. С этим, конечно, не все согласятся, но факт состоит в том, что в 1960-е годы был создан резерв перестройки, который был «отодвинут» во время застойного периода, и вновь востребован в конце 1980-х – начале 1990-х годов» [16, с. 12].

Философский факультет ЛГУ

На философский факультет ЛГУ Ядов, заряженный беседами с отцом, поступил в 1947 году. В давнем интервью с Ядовым, проведённом во второй половине 1990-х, он говорил, что в общем какой-то интерес и убеждённость, что он должен пойти на философский, у него были, и его школьные товарищи были согласны с ним. Уже в начале обучения он активно занялся изучением английского языка (в школе, как и большинство в те годы он изучал немецкий), но вместо учебных текстов старался брать имеющие какое-то отношение к предмету, которым интересовался. Прежде всего это были проблемы общественного сознания, а в дипломной работе он переключился на тему «Сталин о борьбе против социал-демократов». По воспоминаниям Ядова, он занимался этой «борьбой», стал читать на английском что-то, относящееся к социал-демократическому движению, и извлекал оттуда только то, что Сталин был абсолютно прав в своей «борьбе». Никаких сомнений в правильности официальной позиции у него тогда не возникало. Выше приводился короткий автобиографический текст Ядова, есть в нём слова весьма созвучные этому: «В университете хунвейбинствовал, свято веря в то, что страна наша уникальна и открывает путь в справедливое общество. После XX съезда в этом лишь убедился – пойдём по пути Ленина. Будучи Первым секретарем Василеостровского РК ВЛКСМ на отчётной конферен-

ции вышел из-за стола и пел Интернационал так искренне, что весь зал запел».

Для понимания становления учёного крайне важно знание его университетских учителей, наставников, какими учёными они были, каких теоретических и методологических взглядов они придерживались. К сожалению, эта тема не попала в наше обсуждение с Ядовым. Я такого вопроса не задавал, отчасти поскольку понимал, что длинной цепочки преподавателей социологии, берущей своё начало в дореволюционное время, я построить не смогу, а именно она необходима была мне для поисков истоков современной российской социологии. Дело в том, что тогда я лишь начинал моё исследование прошлого современной советской и постсоветской социологии и ещё находился в «плёну» изучения биографии Джорджа Гэллапа. Тогда после обращения в Университет, в котором учился Гэллап, мне прислали «Личное дело студента», в котором были занесены все курсы, которые Гэллап изучал, и указаны имена профессоров. Мне удалось разыскать информацию об этих преподавателях и во многих случаях определить, у кого в Америке и Европе они учились. Так была выстроена пятичленная цепочка учителей Гэллапа, соединившая его с отцами экспериментальной психологии: Фехнером, Гельмгольцем, Гальтоном и др. Априори было ясно, что ничего, даже приближающегося к воссозданию подобной последовательности преподавателей Ядова и его поколения студентов не могло быть, но всё же поговорить с ним на эту тему было необходимо.

Размышляя о генезисе современной российской социологии, я намеревался выстроить нечто аналогичное применительно к социологам первого поколения. Эти мои рассуждения Ядов прокомментировал следующим образом (27 марта 2007):

Не завидую тебе, если примешься искать наших учителей и праучителей. Принципиальная и отличающаяся от гэллаповской истории МОДЕЛЬ обучения была «однозначно» самовыбором из доступного. У меня случились Тугаринов (принцип искать незатасканную проблему), Ананьев – интерес к теоретизированию и МАКРОтеоретизированию (науки о человеке), Надирашвили (вкус к неоднозначному толкованию эксперимента), Хильда Химмельвайт и др. в Англии

– освоение литературы и практики эмпирических исследований, а также модель общения со студентами и т. д.

Но главное – я в основном сам выбирал, с кем следует ближе профессионально сойтись. Не говоря о наших (ты это знаешь + Стёпин), я особенно высоко ценю разговоры с Бауманом, Новаком, Штомпкой, Гидденсом...

Не менее важно и то, с кем желание общаться пропадало, притом в смысле неприемлемости теоретико-методологических предпочтений коллеги (например, мой профессор в Манчестере социознограф Рональд Франкенберг). И таких предостаточно, причём видных учёных.

Можно было бы на досуге попробовать воссоздать эти цепочки.

Конечно же, я предвидел подобную реакцию Владимира Александровича, но она была важна мне для подтверждения моей гипотезы о втором рождении российской социологии на рубеже 1950-х – 1960-х годов.

Позже, мне удалось отчасти исправить упущение, сделанное в интервью с Ядовым и получить информацию о характере преподавания на философском факультете ЛГУ в годы его студенчества. Одновременно с ним на этом же факультете училось несколько человек, которые тоже стали социологами и которых в ходе интервью я просил рассказать о студенческих временах.

Ядов был отличным студентом, иначе в те годы, когда ещё существовали представления о том, что комсомольским «вожаком» может быть лишь во всём лучший, когда среди студентов были молодые люди, прошедшие войну, ему не доверили бы руководство комсомольской организацией сначала учебной группы, потом факультета, а затем университета. В наших интервью мы не обсуждали с Владимиром Александровичем его участие в общественной работе, но из воспоминаний тех, с кем он учился, можно с уверенностью сделать вывод о его авторитетности среди студентов и о высоком доверии ему.

24 мая 2009 года Ядов прислал мне «мейл» такого содержания: «...посылаю текст, к-рый многое говорит о моём поколении. Привет. Володя». К нему прилагалась рукопись Ю. А. Красина, озаглавленная «19-я “гвардейская”» [17], объёмом – около трёх авторских листов. Начинается она следующим образом:

Университет наполнен жизнью. У студентов страдная пора – весенняя экзаменационная сессия. В коридорах суета. Одни спешат или, наоборот, не решаются идти сдавать трудный экзамен; другие радостно выходят из аудитории и на вопрос товарищей: «Что?» – удовлетворённо отвечают: «Пять». Но настоящая кипучая жизнь в Большом комитете. Здесь все заняты подготовкой к поездке на ГЭС. Беспрерывно звонят телефоны: «Дайте Ядова. Ядов там?». Ядов теперь самый популярный человек. В его руках все нити подготовки.

В рукописи описываются события лета 1949 года, когда студенты выступили с инициативой: в период летних каникул принять участие в строительстве объектов сельского хозяйства. Создавались студенческие строительные бригады. На долю комсомола Ленинградского Университета выпало строительство двух межколхозных гидростанций. Философский факультет вошёл в отряд по строительству Медведковской ГЭС в Ефимовском районе Ленинградской области. Читается всё очень интересно, среди студентов – многие теперь известные люди, например: Фёдор Абрамов и Рой Медведев. Ядов был заместителем секретаря университетского Комитета ВЛКСМ и занимался формированием стройотряда. В тексте Ю. Н. Красина Ядов – одна из центральных фигур, он – среди руководителей студенческого отряда.

Дополню сказанное: Юрий Андреевич Красин учился на одном курсе с Ядовым. Он – доктор философских наук, профессор, специалист по социальной философии и политическим наукам.

Но было бы ошибочным считать, что «предоттепельные» и «оттепельные» настроения, стремление к критическому восприятию многих положений марксизма разделялись всеми студентами. Один из социологов первого поколения, доктор философских и экономических наук, будущий создатель социологического факультета ЛГУ профессор Василий Яковлевич Ельмеев учился одновременно с перечисленными выше социологами. В начале беседы с ним я отметил: «За Вашим поколением в целом закреплено коллективное имя – “шестидесятники”». Складывается такое впечатление, что себя Вы не относите к этой плеяде или я ошибаюсь? Вы пишете, что обязаны тому философскому факультету, который существовал до прихода “шестидесятников»».

Ельмеев так пояснил свою позицию: «Перефразируя известное высказывание В. И. Ленина, скажу, что в каждом поколении существуют два поколения. Это относится к “шестидесятникам”. Я не тот из них, кто приветствовал горбачёвский “рыночный социализм”, который превратился в “рыночный капитализм”, плачевные последствия которого испытывает ныне большинство “приватизированного” населения. Угрызения совести меня не мучают, не был среди тех, для которых “Иного не дано” (известный сборник других шестидесятников)» [18, с. 236]. И далее мы продолжили: вопрос «Чем объяснить то, что, будучи ровесниками и пройдя обучение у одних и тех же профессоров, Вы, с одной стороны, и Ядов и Здравомыслов, с другой, имели заметно различающиеся точки зрения на социологию как науку? По сути дела, у вас были разные идеологии этой науки» и ответ Ельмеева: «Нас расколол XX съезд партии, деятельность Н.С. Хрущёва. В университете в тот период шло размежевание между поколением фронтовиков, не принявших хрущевские реформы, и поколением, не участвовавшим в войне. Не угодил Хрущёву и наш ректор – А.Д. Александров, который вынужден был оставить университет. Я со студенческих лет был в окружении фронтовиков и встал на их сторону. Мы примыкали к разным учителям. Я, например, общался и слушал лекции и напутствия М.В. Серебрякова – профессионального революционера, организатора марксистского кружка в университете в первые годы после революции, но не могу считать себя учеником В.П. Рожина» [18, с. 236].

Из сказанного Ельмеевым следует, что он «был в окружении фронтовиков и встал на их сторону», но одновременно получается, что другие, в том числе Ядов, были на «другой стороне». Это неверно. Обратимся к словам А. Г. Здравомыслова, он пишет, вспоминая школьные и первые университетские годы Ядова: «...Володя успел приобщиться к военным порядкам, так как он начинал учиться в лётном училище. Уже там его выделили из состава курсантов: ему было присвоено звание сержанта. Володя не стал лётчиком: не прошел медкомиссию. <...> Однако краткий опыт приобщения к военизированным порядкам оказался бесценным стартовым капиталом. Этот опыт позволил приблизиться к фронтовикам. Уже на третьем курсе его

приняли в партию, что для простого школьника было бы просто невозможно» [19].

Небольшая заметка Харьковского профессора социологии Иделаиды Ковалёвой – дополнение приведённых рассказов её соучеников об университетских годах. Она называется «Человек и стратег», и есть в ней такие слова о Ядове: «Неуёмная общественная деятельность, где всё и просто, и сложно, очевидно и загадочно, где проблемы и поиск их разрешения порождали то состояние души, которое в дальнейшем требовало научного анализа конкретных ситуаций и реальных социальных процессов» [20]. Ковалёва полагает, что уже тогда Ядову была близка мысль о том, что «надо по возможности влиять на движение социальных планет...». Напомню, это фраза из интервью с Владимиром Александровичем, вынесенная в заголовок нашего первого интервью.

Долгий и извилистый путь в социологию

Интервью с Ядовым началось с вопроса: **«В нашей беседе я вижу два главных направления: о твоей судьбе, творчестве и о развитии советской и российской социологии. Начнём с первого...»** [6, с. 2]. Безусловно, вопрос предоставляет неограниченный простор для размышлений и выбора исходной точки для разговора, Ядов посчитал, что ключевым моментом в развитии его жизненной траектории было исключение его из партии: «Что касается судьбы, то поворотным моментом, который затронул и мои научные интересы, было исключение меня из партии в 1952 г. Исключили за то, что при вступлении в КПСС я “не написал правду”, не сказал, что отец в 1928 г. был в зиновьевской оппозиции. При разбирательстве дела в областной парткомиссии я говорил, что отец никогда мне об этом не рассказывал. Когда я вступал в партию (на втором курсе ЛГУ), отец был не только членом партии, но преподавал в вузе историю КПСС. К тому же я родился на год позже его “фракционной деятельности”. Расследование вела женщина по фамилии Сталева (запомнил на всю жизнь). Она именовалась “партследователем”. Очень по-доброму меня слушала, а потом, как в дурных детективах, ударила кулаком по столу и заорала: “Будешь

говорить правду?» Короче, нас вместе с отцом в Смольном из партии исключили».

По итогам обучения в университете Ядов был рекомендован в аспирантуру без экзаменов, но после всего произошедшего об аспирантуре и речи не могло быть, более того, он вообще не получил никакого распределения. Тогда он обратился к директору школы, которую окончил, и она взяла его и даже не уволила его, когда он обращался в разные инстанции, доказывая неправомерность выговора. Кончилось это тем, что его вообще исключили из партии, и тогда уже директор сказала ему: «Володя, я не могу больше, тебе придётся уйти».

Он остался без работы, увлёкся фотографией. «В это время умер товарищ Сталин, – вспоминал Ядов, – Я снимал “для истории” лица людей, собравшихся возле уличных громкоговорителей, они слушают сообщения о болезни и смерти Сталина, плачут, я сам рыдал... Моя жена Люка однажды пришла и рассказала, что в автобусе офицер обратился к ней со словами: “Девушка, почему вы плачете? Это счастье, что он умер”. Мы были потрясены и сочли этого офицера замаскированным антисоветчиком».

Позже Ядов всё же обратился в обком партии, чтобы ему дали возможность работать. Нигде не хотели брать исключённого из партии, да ещё и выпускника университета. Но всё же на небольшом заводе станков, где нужны были грамотные в широком смысле люди, способные работать с новой техникой, его взяли.

По мнению Ядова, «несчастье помогло». Он быстро обучился и через месяц-полтора стал лекальщиком сразу второго разряда, так что они с мастером-наставником начали работать посменно. Это дало Ядову возможность непосредственно наблюдать разные проявления отношений между различными участниками производственного процесса. В интервью В. В. Радаеву в 2007 году на просьбу рассказать, как появилась книга «Человек и его работа», ответил: «Думаю, она тесно связана с моей биографией, с моим личным опытом. Ведь я одно время был исключён из партии и был вынужден работать на заводе. Сначала вынужден, потом понравилось. Маленький завод, семейная обстановка, все друг друга знают, администрация тоже была не очень далека от рабочих, меня директор знал по имени. Мне по-

казалось интересным разобраться с тем, что происходит в этой среде» [21].

Поскольку цеху повезло иметь рабочего-философа, цеховая парторганизация поручила Ядову вести политзанятия и... предложила вступить кандидатом в КПСС. Биографию они, естественно, знали, но он, будучи, как он заметил, «совершенным хунвейбином» с радостью подал заявление. Далее, он вспоминал: «Пока дело шло по инстанциям, помер Вождь и Учитель. Причём, я его искренне оплакивал. Заседание бюро райкома. Мне говорят: считаем, что вас надо в партии восстановить, и направляем документы в Центральную комиссию партконтроля. И получилось, как в романе – вместе с отцом нас исключали, вместе в один день и восстановили в партии».

Но к занятиям наукой он не сразу вернулся, преграду на этом пути ему поставил Борис Максимович Фирсов, в будущем – аспирант Ядова, один из первых в СССР исследователей массовой коммуникации и общественного мнения, доктор философских наук, организатор и первый ректор Европейского Университета в Санкт-Петербурге. В завершающей части его небольшого эссе, озаглавленного «О моём наставнике и друге», есть слова: «Я – тот самый Борис Фирсов, секретарь обкома комсомола, который в 1955 году приехал за ним на машине, привёз в обком ВЛКСМ и заставил пойти работать первым секретарем Василеостровского райкома комсомола, где он, Владимир Ядов, аспирант второго курса Ленинградского государственного университета, тогда состоял на комсомольском учёте. Признаю свою вину в том, что защита Ядовской диссертации была отложена на два года» [22].

Об одном из «подвигов» Ядова на посту секретаря райкома комсомола вспоминал И. С. Кон: «Наше знакомство с Ядовым началось с острого конфликта. В 1956 г. я пришёл на факультет философии ЛГУ после того, как учёный совет факультета дважды проваливал меня. В каком-то смысле я чувствовал себя как в серпентарии, где со всех сторон можно ждать нападения. В одном из своих первых выступлений на факультетском партсобрании я, между прочим, упомянул, что в юности увлекался комсомольской работой. Вдруг поднимается аспирант, он же секретарь Василеостровского райкома комсомола, и заявляет, что выступление тов. Кона

идейно ошибочно, комсомольская работа – дело серьёзное, относиться к ней, как к “увлечению” непозволительно. Мне сразу стало ясно, что комсомольский функционер глуп, фанатичен и недоброжелателен и к тому же является орудием людей, пытавшихся воспрепятствовать моему приходу на факультет, так что нужно держаться от него подальше. Но вскоре Ядов попросил меня прочитать свою диссертацию (или это сделал его руководитель, Тугаринов, точно не помню), а в деловых вопросах я абсолютно безличен. Работа оказалась (по тем временам) превосходной, умной, самостоятельной. Ядов читал и Маннгейма, и специальную литературу по социологии познания, на таком высоком интеллектуальном уровне понятия идеологии у нас никто ещё не анализировал. Я не только дал положительный отзыв, но мы стали с Володей серьёзно разговаривать» [23].

Аспирантуру Ядов начал с разработки категории меры у Гегеля, но ничего оригинального придумать не мог. Тогда он взял тему об идеологии, и здесь открылась масса интересного. Были проработаны концепции Плеханова, взгляды Маннгейма и Шелера, много позже Ядов понял, что, согласно его выводам, коммунистическая идея была утопией, а не «научной идеологией». Гордый проделанной работой, он принёс свой труд Тугаринову. Через пару дней профессор сказал, что такую работу он ни в жизнь не рекомендует к защите. Диссертацию Ядов заканчивал в больнице, где лежал после операции язвы желудка, заведующий отделением разрешил занимать его кабинет, когда тот был свободен. Далее Ядов писал: «Короче, Василий Петрович нанёс мне травму почище язвы. Проходит время, и он, мимоходом, в коридоре спрашивает, почему я пропал, надо же выносить работу на предзащиту. Выступает на факультетском семинаре и ссылается на Ядова». Диссертация «Идеология как форма духовной деятельности общества» [24] была защищена в 1959 году, а через год по рекомендации Тугаринова вышла под тем же названием книга Ядова. В ней была глава с разоблачением механизмов «серой» и «чёрной» пропаганды. Эту главу издали отдельной брошюрой в Москве и перевели на разные языки, включая испанский. Кубинцы потом сами перевели и книгу.

Ядов довольно скоро стал известным среди философов и нарождавшегося социологического сообщества учёным,

но, как часто случается, оформить текст докторской диссертации не мог собраться. Наконец решительная Галина Саганенко, теперь – доктор социологических наук, а тогда недавняя выпускница матмеха ЛГУ, которая помогала Ядовской команде в математической обработке эмпирических материалов, заявила ему: «В. А., пока Вы не защитите докторскую, нам нет хода». Он взял трёхмесячный отпуск и сочинил нужное ВАКу, работа называлась «Методологические проблемы конкретного социологического исследования (Основные принципы марксистского конкретного социологического исследования и методологический анализ эмпирического изучения мотивации труда)» [25]. Передо мною – автореферат этой диссертации (1967 года), первой в стране по методологии социологических исследований, его интересно анализировать, ибо это позволяет лучше понять хронологию исследований и основных публикаций Ядова.

Основой такого изучения является перечень опубликованных и находившихся в печати работ соискателя. Первое, что бросается в глаза, – это полное отсутствие работ по идеологии, другими словами, здесь всё новое: предмет, объект, методология, другая наука. Первая из опубликованных социологических работ – об изучении бюджета времени, 1961 год. Таким образом, философ Ядов за два года стал социологом Ядовым. Отмечается, что по теме диссертации было опубликовано 29 работ, включая и переданные в печать. Судя по названиям, примерно половина работ касалась изучения отношения к труду (первая из них датирована 1964 годом), и в другой половине публикаций рассматривались разные аспекты методологии теоретико-эмпирических социологических исследований. Эта проблематика стала отражаться в публикациях Ядова, замечу, и Здравомыслова в 1963 году. В примечании к списку публикаций указывалось, что книга «Человек и его работа» передана в издательство «Мысль» и находится в плане выпуска 1966 года. Также из названия работ, включённых в автореферат, следует, что к тому времени была проработана основная часть материалов, составивших в недалёком будущем содержание книги Ядова по методологии социологического исследования.

В автореферате названа дата защиты докторской диссертации – 23 марта 1967 года; возможно, тогда она и состоя-

лась. Теперь приведу краткий рассказ Ядова о самой защите: «На нашем философском этаже места для желающих присутствовать не достало. Спустились в Большую (амфитеатром) аудиторию истфака. Я в заключение благодарю тех, кому обязан помощью, и в их числе Хильду Химмельвайт из Лондонской школы экономики и политики. Жуткий скандал. Члены Совета выступают и говорят то-то и то-то. Мы с Люкой (Б. Д. : напомним, это – жена В. А.) и товарищами по лаборатории переживаем в ожидании итогов голосования. Большинство «за». Здорово помогла Галина Андреева, мой оппонент. Она объясняла Совету, что Химмельвайт – крупнейший социопсихолог, экспериментатор и прочее. Так что «вымывала» из сознания голосующих ассоциации с какой-либо идеологией.

А в конце защиты, когда кто-то из зала бросил реплику «Вы же забыли поблагодарить оппонентов!», он ответил: «Ой! Как же это я? Тем более что все трое – мои добрые друзья!» [26]. Надо было видеть, замечает Андреева, как вытянулись лица членов учёного совета и уже избранной счётной комиссии.

Дополню это описание процедуры защиты воспоминаниями доктора социологических наук Александра Васильевича Тихонова, тогда ещё начинавшего свой путь в социологию: «Ядов – как боксёр на ринге. Настоящая защита, настоящее нападение, вплоть до подмётного письма. Центральный вопрос накалённого спора: а не является ли позитивизмом то, что делает Ядов путём разложения на показатели теоретических понятий? В аргументах Ядова появился тогда и знаменитый стакан, который наполовину полон, а наполовину пуст. Защита меня покорила. Настоящая, никакой подделки. Несколько «чёрных шаров» её только украсили» [27].

Защита докторской диссертации состоялась за месяц до дня рождения Ядова, ему исполнилось 38 лет. Закончился долгий и непростой путь в науку, которую он сам и его коллеги-ровесники создавали. Он был студентом, комсомольским лидером, рабочим-станочником, аспирантом, который самостоятельно нашёл и разрабатывал проблему, лежащую на стыке социальной психологии и политической социологии (понятно, таких наук в стране ещё не было), студентом-стажёром в университетах Англии, создателем и руководителем первой в СССР социологической лаборато-

рии. Уже было завершено исследование отношения к труду рабочих, признанное вскоре составной частью фундамента советской социологии. Успешная защита Ядовым докторской диссертации на философском факультете ЛГУ стала не только актом признания сделанного им. То был момент фактического признания достаточно консервативным экспертным сообществом, многие члены которого либо отрицали существование социологии как науки, либо отводили ей небольшое пространство в истмате, рождения в стране новой социологии – теоретико-эмпирической науки. Таким образом, закончились годы поиска Ядовым своей профессиональной идентичности.

«Точки сгущения» профессионального пространства: ленинградский период

Начало

Перечень публикаций в автореферате докторской диссертации Ядова свидетельствует, что всё началось с изучения бюджета времени; статья об этом методе была написана группой авторов – сотрудников Ядовской лаборатории, и опубликована в «Вестнике ЛГУ» № 4 за 1961 год [9]. Зная, каким неспешным в те годы был путь рукописей в журналах, можно допустить, что статья была передана в редакцию ещё в 1960 году или в начале 1961 года. Принимая во внимание тот факт, что Владимир Александрович до конца жизни «находился в науке», легко видеть, что стаж его работы в социологии – заметно более полувека. Было бы ошибочным сейчас ставить перед собой цель хотя бы самого общего очерчивания сделанного им, безусловно, это задача будущих специальных поисков и направленного анализа. Я ограничусь тем, что обсуждал с ним в интервью и в переписке, полагая, что рассматривавшееся – существенный элемент его творчества и наследия.

Напомню, интервью с Ядовым началось с вопроса: «В нашей беседе я вижу два главных направления: о твоей судьбе, творчестве и о развитии советской и российской социологии. Начнём с первого...». Изложение судьбы он начал с воспоминания об исключении из партии. По завершении ответа, я отправил ему дополнительный вопрос: «...это о судьбе,

теперь о творчестве...». И здесь первым предложением ответа было: «Творчество началось с изучения бюджетов времени рабочих одного завода». Затем Ядов, не конкретизируя сказанное, перешёл к воспоминаниям об исследовании «Человек и его работа» и мимоходом заметил: «Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...». В тот момент я действительно не знал, как Ядов входил в социологию, но у меня было ощущение важности выяснения этого, поэтому последовал вопрос: «Что значит: “Когда Игорь Кон обратил меня в социолога...”»? Я думаю, что этот вопрос оказался принципиальным для понимания становления Ядова как социолога, а, отчасти, процесса развития социологии в стране. Приведу ту часть развёрнутого ответа Ядова, которая раскрывает сделанное Коном:

Игорь сыграл решающую роль в моём, как говорят постмодернисты, проекте профессиональной жизни. Понятие «проект» здесь уместно, ибо возник он благодаря Игорю, не был предначертан теми структурами, в которых меня формировали. Мы оба преподавали на философском истмат. И однажды Игорь говорит: «Володя, мне попалась книга Гуда и Хатта [28], о методах социологического исследования. Посмотри, я думаю, тебе будет интересно». Почему он так решил? Не знаю, хотя догадываюсь. В отличие от него, в полном смысле академического учёного, который всё время проводил в библиотеке и за своим рабочим столом, я с энтузиазмом занимался общественной работой, бегал по собраниям и прочее. Кстати, однажды на комсомольском собрании (присутствовал на факультетском как заместитель секретаря комитета комсомола ЛГУ) я обрушился на своего товарища с яростной критикой по поводу какого-то его высказывания, показавшегося мне сомнительным в смысле «большевистской зрелости». Игорь потом не раз подшучивал, что Ядов чуть было не исключил его «из рядов». Видимо, он чувствовал, что эмпирическая социология ближе мне по характеру и темпераменту, нежели философия и кабинетная работа с книгами.

Гуд и Хатт произвели ожидаемое впечатление. Тот же Кон посоветовал начать с изучения бюджетов времени. С помощью В. П. Рожина вместе с Андреем Здравомысловым создали социологическую лабораторию, куда вошёл и Эдуард Беляев. Он лучше нас владел английским и перевёл гу-

дов-хаттовский учебник, который долго ходил по рукам в машинописном виде. Если полистаешь моё пособие по методам исследования, там немало ссылок на эту книгу.

Я привёл не весь ответ, но последнее предложение Ядова необходимо процитировать: «Судьбоносную роль Игоря Кона я описал, согласен?». И ещё об отношении Ядова к Кону. В заметке Ирины Тартаковской есть воспоминание о том, что, читая в её статье цитату из Кона, Ядов отметил его образцовый стиль и добавил: «Вот как надо писать, видите? Практически Пушкинский слог. Горжусь таким другом!» [29].

Всё рассказанное Владимиром Александровичем показалось мне интригующе интересным, но опыт историка, накопленный при анализе биографий первых американских исследователей общественного мнения, подсказывал, что поиск не закончился, а лишь начался. Я обратился к Игорю Семёновичу Кону с просьбой прокомментировать слова Ядова, и сказанное им оказалось принципиально значимым:

Ядов не совсем точно излагает эту историю. Книга Гуда и Хатта лично для меня никакого значения не имела. Я вообще никогда специально не интересовался методами, да и самую книгу сразу же по её получении, не читая, отдал ребятам, они вернули мне её через много месяцев.

Что социология – эмпирическая наука, я знал давно. В книге «Позитивизм в социологии» (1964) и предшествующих ей статьях, печатавшихся с 1962 г., я фактически написал историю социологии как науки, всех классиков социологии я так или иначе читал и излагал. Самого меня интересовала прежде всего историческая социология. Но на меня произвела сильное впечатление статья Г. Пруденского в журнале «Коммунист» о свободном времени. Я подумал, что чем-то в этом роде можно и нужно заниматься и у нас (политическую социологию в СССР я считал абсолютно невозможной), и посоветовал это Володе, потому что считал его очень способным человеком, хотя наши отношения начались со стычки. Однако он в это время был ещё «чистым философом» и сказал, что эта тема и вообще эмпирия кажется ему мелковатой.

Я не спорил. Но я твёрдо знал, что в ближайшее время эмпирическая социология у нас всё равно появится, и по-

тому заранее заказал через книжный отдел Академии наук учебник, который считал лучшим. <...>

Тем временем Рожин пробил создание социологической лаборатории, Ядов стал её заведующим, и это изменило его интересы. И как раз к открытию их лаборатории я получил книгу Гуда и Хатта и сразу же, не читая, отдал её ребятам, среди которых был и мой аспирант Эдик Беляев. Они немедленно начали её осваивать, и это существенно облегчило их собственный старт. Моя заслуга лишь в том, что я раньше других понял необходимость эмпирической социологии, выписал нужную книгу и не был собакой на сене, а отдал её тем, кому она была реально нужна.

Завершая эту цитату, замечу, что в процессе вхождения в изучение истории российской социологии я постоянно консультировался с Коном и не провёл с ним интервью лишь потому, что он тогда работал над мемуарами «80 лет одиночества» и обещал передать мне книгу. Книгу он подарил мне в 2008 году, когда мы встретились на социологическом конгрессе в Москве. И так случилось, что в день похорон Кона я был в Москве, и мы вместе с Ядовым простились с Игорем Семёновичем...

Тематика лаборатории с самого начала формировалась вокруг проблем социологии труда. Начали со сбора вырезок газетных публикаций по социалистическому соревнованию и движению за коммунистический труд. Вскоре все шкафы были забиты этими вырезками, и тогда стало понятно, что из газет мало что можно было узнать. Надо было самим идти на завод.

Ознакомившись со статьёй Пруденского о бюджете времени, молодые, точнее сказать, начинающие социологи загорелись идеей самофотографирования бюджета времени рабочих. Методом случайного отбора из общего списка работников одного из цехов Кировского завода они создали выборочную совокупность из 100 человек, объяснили респондентам правила ведения записей (каждые десять минут человек должен был записывать то, что он делал), и в течение недели провели сбор данных. По предложению Ядова, подготовили коллективную статью. В результате, отмечает Здравомыслов: «появилась первая публикация нашей лаборатории».

Что касается изучения бюджета времени, то эта тема всплыла 4 мая 2010 года как реакция на присланный мне

Ядовым перечень его книг и статей, отобранных им для переиздания (см. выше). Этот список из 18 названий завершился словами: «В этих работах – полезные данные о наших трансформациях и не стыдные тексты автора». Отвечая ему, я в тот же день написал: «... Володя, я всё посмотрел... это хорошо, что ты включил книгу 63 года, это твоя кандидатская... есть два вопроса... Мне думается, что можно включить вашу первую коллективную публикацию по бюджетам времени, это ваше начало... и совсем не понимаю, почему ты не включаешь «Социологические исследования»¹⁶. Это первая книга по методам в СССР, и по ней учились многие и многие...».

На следующий день был получен ответ Ядова: «...публикации по бюджетам времени, равно как и первое издание по методам, могут быть интересны только историкам. Историк, если понадобится, без труда их получит в библиотеке». Была названа в этом списке публикаций и газетная статья, написанная в соавторстве с Т.И. Заславской: «Общественное мнение о съезде народных депутатов СССР: сообщение Института социологии АН СССР и Всесоюзного центра изучения общественного мнения». Статья вышла в газете «Вечерняя Москва» 7 июня 1989 года. Я спросил Ядова, в чём значение этой публикации, он ответил: «Газетная статья с Заславской – и уникальное свидетельство «судьбоносного» события в истории страны, и документ, демонстрирующий нашу вовлечённость в горбачёвскую перестройку. Газетную статью ни один коллега или студент искать не станут, а она, так сказать, знаковая».

В целом же можно сказать, что, работая над перечнем своих публикаций для возможного переиздания в будущем, Ядов, конечно же, размышлял не о многотомном собрании сочинений, в первую очередь интересном специалистам, но о некоем пособии, полезном для студентов и широкого круга коллег.

«Человек и его работа»

Теперь вернёмся к ответу Ядова на вопрос о его творчестве. Вслед за упоминанием о стартовом изучении бюджетов

¹⁶ Имеется в виду книга Ядов В.А. Методология и процедуры социологических исследований. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968.

времени, он писал: «После первого опыта с бюджетами времени начался “Человек и его работа”». Здесь – лишь обозначение направления деятельности, но, естественно, я начал «разматывать» эту тему, ведь речь идёт об одном из классических проектов советской социологии. Известно, что авторами исследования были молодые, тогда мало известные Здравомыслов и Ядов, но книга с описанием методологии и результатов вышла под их редакцией и профессора В.П. Рожина, в те годы декана философского факультета ЛГУ.

Естественно возник мой вопрос: «Зарождение проекта “Человек и его работа” представлено в российской истории... и всё же есть ряд мест, требующих детализации. Меня интересует роль В.П. Рожина». Ответ Ядова состоял из двух частей, первая – о роли Рожина: «Василий Павлович Рожин не был “крышей”, мы не думали, что надо что-то “крышевать”. Но в издательстве цензура выкинула из книги главу о сравнении отношения к труду молодых американцев и ленинградцев – глава по дубль-исследованию Фредерика Херцберга в США. Здесь никакой декан не смог бы помочь. Когда Игорь Кон обратил меня в социолога, Рожин энергично поддержал и пробил через Совет ЛГУ создание первой в стране вузовской социологической лаборатории. Мы включили его в соавторы не для “крыши”, а из благодарности».

Вторая часть ответа начинается словами: «Добавлю про “крышу”». И далее: «При подготовке книги «Человек и его работа» издательство “Мысль” запросило официальную рецензию у Коли Лапина [Б.Д.: Николай Иванович Лапин]. Коля ничего нам об этом не говорил и рассказал, какова была обстановка, лишь после недавней публикации вместе с Андреем Здравомысловым “Человек и его работа в СССР и после” [30]. Здесь мы восстановили главу о советских и американских рабочих с пояснением, что цензура её изъяла в первом издании. Коля, получив подаренную нами книгу, звонит по телефону и говорит: “Что вы там нафантазировали? Какая цензура? Вы знаете, что редакция вообще отказывалась принять работу только потому, что был подзаголовок “Социологическое исследование”? Я, обормоты, вас спас, предложив убрать пятую главу”. Видишь теперь, кто сыграл роль “крыши”?».

«Человек и его работа» – важная тема для истории советской социологии, но если анализ собственно методолого-ме-

тодических подходов, разрабатывавшихся Здравомысловым и Ядовым, а позже – их многочисленными учениками и последователями, может быть проведён по публикациям, то интервью даёт нам сюжеты, о которых могли рассказать лишь участники того исследования. А не зная таких, казалось бы, «внешних» по отношению к узкотрактуемым собственно «научным» вопросам, трудно понять саму методологию и лишь весьма поверхностно можно представить, как развивался этот проект, в каких условиях осуществлялась работа.

По воспоминаниям Ядова, проверить справедливость идеи Маркса насчёт превращения труда в первую жизненную потребность можно было лишь в сравнительном исследовании отношения к труду рабочих-пролетариев в капиталистическом обществе. По Марксу, социализм – преддверие коммунизма, поэтому исследователи ставили перед собой задачу эмпирической проверки того, насколько советское общество приближалось «к этой двери в свободу». Замечу, это было начало 1960-х, когда страну окружал «Железный занавес», контакты с Западом далеко не приветствовались и контролировались «компетентными органами» и когда в нарождающемся социологическом сообществе практически полностью отсутствовали профессиональные контакты с зарубежными коллегами.

«И тут, – отмечал Ядов в нашем интервью, – подвернулся Фредерик Херцберг из Айовы». Они – он и Здравомыслов – нашли его по книгам, которые библиотека ЛГУ получала по обмену из Хельсинкского университета. Они сразу заметили, что Херцберг – именно тот человек, который был им нужен: одна книга – анализ динамики удовлетворённости работой американцев чуть ли не за 40 лет, другая – собственная теория о внутренней и внешней мотивации труда. Они написали «на деревню дедушке», и, в это трудно поверить, Херцберг приехал в Питер, в их социологическую лабораторию. Огайский университет оплатил его затраты, а советская сторона Как-то его пропустила. По словам Ядова, американец «Оказался совершенно своим парнем. Стрелок бомбардировщика при вторжении в Италию, человек с прекрасным чувством юмора».

Херцберг без возражений согласился провести *общенациональный* опрос молодых американских рабочих по

ленинградской методике без единой поправки, так как в Ленинграде уже заканчивали полевые работы. И он выполнил обещание... Но для работы Ядову и его сотрудникам нужны были сырые данные для разных способов анализа, а цензура пропускала лишь текстовые письма. В 1964 г. Ядов вернулся домой после стажировки в Англии и, пользуясь доверием КГБ (ясно, что в Англии «выполнял их задание»), отправился на конференцию в Вену. Подходит некий красавец вроде Джеймса Бонда и говорит: «Я привез пакет от профессора Херцберга», – и передает рулон табуляграмм. Приезжает Ядов в Ленинград, и прямо на перроне его встречает курировавший его поездку в Вену отечественный «бонд». Он оттеснил жену Владимира Александровича и сообщил: «У вас пакет из Вены. Прошу мне отдать». Ядов: «Ну, слушайте, надо ворошить чемодан, давайте завтра утром». Соглашается. Дома Ядов звонит ребятам, и всю ночь они переписывали статистику с рулонов. Не успели закончить, а «сотрудник» явился поутру и забрал присланное Херцбергом. Так что несчастная глава в книге написана не вполне аккуратно, так как мы рассчитывали разные индексы, которые Фредерик не использовал. Ядов полагал, что информацию о его встрече с посланником Херцберга донёс в Москву один друг-болгарин.

Херцберг опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» статью, в которой писал, что трудовая мотивация советских рабочих практически не отличается от американской. Ядов написал в «Вопросы философии» статью под заголовком «Давайте смотреть фактам в лицо». Аргументы те же, что и в недавнем переиздании книги «Человек и его работа». Получалось, советские и американские рабочие равно различались в их мотивации в зависимости от содержательности труда. С одним «но» – у американцев независимо от характера работы на первом месте находилась озабоченность занятостью, страх увольнения. В переизданной книге есть глава о постсоветской ситуации. Сын Ядова Николай провёл исследование буквально на тех же питерских заводах и рабочих местах, где были заняты молодые сорок лет тому назад. Оказалось, по словам Ядова: «сегодня мы от них не отличаемся».

Рассмотренный сюжет оказался довольно затяжным, но в содержательном отношении он очень ёмок. В нём – и пор-

трет Ядова, и обстоятельства работы над известной каждому российскому социологу книгой, и процесс развития советской социологии. Он сам по себе – во многом о «мире Ядова».

Становление профессиональных ориентаций Ядова в значительной мере определила его годовая стажировка в Англию, о ней он потом часто вспоминал на семинарах и в дружеских беседах. Такая возможность открылась в 1963 году, когда ректор ЛГУ – выдающийся математик, тогда член-корреспондент Александр Данилович Александров, интересовавшийся социологией, предложил Ядову отправиться в Америку.

Первые три месяца Ядов провёл в Манчестерском университете, и первым его наставником был социантрополог профессор Рональд Франкельберг. Это было совсем не то, что хотел Ядов. Он не был сторонником этнометодологии и предполагал углубить свои знания в области количественной, позитивистской методологии. Затем он сбежал в LSE к социопсихологу Хильде Химмельвайт, которая многому его научила.

В период стажировки лабораторией руководил Здравомыслов, тогда были получены первые результаты исследования и были приняты к печати первые совместные статьи: сборник под редакцией Г.В. Осипова «Социология в СССР» [31] и сборник Г. Е. Глезермана, изданный Академией общественных наук при ЦК КПСС) [32].

Трудовая, заводская тематика прошла через всю жизнь Ядова. Так, в момент проведения интервью он участвовал в редактировании первого российского теоретико-прикладного словаря «Социология труда». То была идея Будимира Гвидоновича Тукумцева, которого Ядов назвал «мотором» этого проекта, а себе он отвёл роль «шпинделя».

Для историка, в какой бы области исследований он не работал, важнейшим вопросом является, «а что было до того?», как возникло то, что он наблюдает и изучает. Социология труда – одна из тех сфер нашей науки, в которой много было сделано в дореволюционной России. Поскольку среди центральных проблем всего моего историко-социологического исследования с самого его начала была задача поиска корней современного этапа российской социологии, то вполне обоснованным был мой вопрос о знакомстве Ядова с дореволюционными разработками по социологии труда.

В более поздние годы, особенно в постперестроечное время Ядов, в частности, как редактор фундаментального коллективного труда по истории социологии России, несомненно имел глубокие представления об изучении труда в дореволюционной России, но в начале 1960-х, когда разрабатывалась программа социологического анализа отношения рабочих к труду, он не был знаком с опытом дореволюционных исследователей, да и не очень интересовался им.

Свой ответ на вопрос о знакомстве с прошлым он начал словами: «...сильно сомневаюсь, что до 1917 г. были публикации в этом именно плане – отношение к труду». И вообще, он полагал, что эвристическая ценность публикаций царско-романовского периода, первых пятилеток, военного периода 1941–1945 и двух пятилеток послевоенного времени, так или иначе относившихся к их исследованию, не представлялась высокой. Главная проблема проекта Здравомыслова-Ядова состояла в том, чтобы понять, становится ли труд первой жизненной потребностью, как декларировалось в 1960-е, тогда как дореволюционная рабочая Россия была, по его мнению, великолепно описана классиками литературы и представлена бурлаками Репина и «Эй, ухнем!» шаляпинским басом. Тогда не было загадки с мотивацией труда, он был полурабским. Ядов писал: «После Октября Троцкий инициировал "трудармию", в Отечественную все жили единственной мыслью: "мы за ценой не постоим" и далее – "восстановим народное хозяйство во что бы то ни стало". Бригады коммунистического труда в хрущёвское время – вот что нам было интересно. В последней книге приведены статистики, которые говорят о том, что участники этих бригад по индексам ответственности и продуктивности ниже средних! Правда, и в первой публикации мы писали, что "ударники" часто говорили, что не знают, участвуют ли в этом движении» [6, с. 8].

Учебник для всех поколений

Выше, при рассмотрении автореферата докторской диссертации Ядова, отмечалось, что в то время все его публикации можно было примерно поровну разделить на две группы: относящиеся к изучению трудовых отношений и фокусированные на анализе проблем методологии социологического исследования. Также в автореферате отмечалась

готовность книги «Человек и его работа», которая планировалась к выпуску в 1966 году, но была опубликована в 1967-м. Однако, скорее всего, Ядов не знал, даже не допускал того, что совсем скоро появится другая его книга, в которой он подытожит свой опыт в области методологии социологии и у которой будет не менее яркая судьба, чем у первой его книги. Содержание этой методологической книги, она вышла в нескольких изданиях под несколькими различающимися названиями, известно практически всем социологам, живущим на постсоветском пространстве, но историю её рождения знают немногие. Послушаем Ядова, но прежде я замечу, что главный герой предлагаемой истории – Уло – это эстонский социолог, хорошо известный российским социологам старших поколений как Юло Вооглайд. Ядов писал, что Юло – неверное произношение имени Вооглайда [6, с. 16]:

Я читал курс в ЛГУ на философском факультете, а в нашу социологическую лабораторию приезжали эстонцы, Уло в первую очередь. Однажды мы приняли целую компанию Уло и даже вывесили приветствие “Tule teremast” – «Добро пожаловать!»

Уло пригласил меня прочитать курс по методологии в Тартуском университете и издать стенограммы. <...> я воспарил. Живу в маленькой гостинице “Park”, на втором этаже, спускаюсь к завтраку, хозяйка приносит именно мой завтрак и к тому же спрашивает: “Когда Вам принести кофе в номер?”. Полный отпад. Другой мир. Эстонский первый секретарь партии Кэбин прикрывал свой народ. Московские партократы ничего не понимали, пока им не перевели. Горбачёв также. Он прибыл в Эстонию после визита в Латвию и говорит: “Дорогие латвийские товарищи”. Потом, после подсказки ливрейного лакея: “Плохо, что мало кто из эстонцев знает русский”. Министр культуры (женщина) бросает реплику: “Михал Сергеич, кто у нас не говорит по-русски, плохо знает и эстонский”.

Итак, я живу в семейной гостинице, утром читаю лекцию, к полудню слушаю аудиозапись, к ночи – текст раздела учебника».

А всё развивалось так. Эстонские коллеги Ядова попросили ректора Тартуского университета обратиться к своему ленинградскому коллеге командировать Ядова на месяц для

чтения лекций «Основы социологического исследования». Лекции читались через день, с 16 до 20 часов, чтобы их могли прослушать все желающие. Большая аудитория главного здания была полностью забита, студенты сидели на подоконниках и на полу. Лекции записывались на пленку, на следующий день они перепечатывались и пересылались Ядову в гостиницу для редактирования. А теперь – воспоминание Вооглайда об этой работе [33]:

Последние чистовики (второй раз перепечатанный текст) Ядов получил в автобусе, который через две минуты должен был выехать в Ленинград. Ещё пару недель пошло на окончательную шлифовку текста. Потом в Ленинград за текстом приехал курьер, текст перепечатали на самоновейшей печатной машинке на ротапринтной бумаге со специальной рамкой, и через два-три месяца от начала цикла лекций в августе 1968 г., на свет появился первый учебник социологии в так называемом социалистическом лагере. Почему мы так спешили? Время было столь переменчивое, а мероприятие столь важное и опасное, что каждый день на этом пути мог стать последним. Мы подготовили учебник до того, как его успели прочитать те, кто мог бы (и должен был бы) его запретить».

И завершает свой рассказ Вооглайд словами о том, что отовсюду, куда была направлена книга, пришли поздравления и заказы на 400–700 экземпляров. Но весь тираж был 500 экземпляров.

Теперь понятно, почему Ядов писал, что книга «Методология и процедуры социологических исследований», родившаяся в Тарту в 1968 году, с серенькой мягкой обложкой грела его душу больше, чем последующие издания – с твёрдой обложкой и фотографией автора на обороте.

Приведённый рассказ даёт нам возможность кратко затронуть принципиальную при изложении биографии Ядова тему, которую можно назвать «Ядов и Эстония».

И в другом месте нашей беседы: «Я чувствую себя на эстонском хуторе очень комфортно. И полюбил этот народ. Он совсем другой. Имперских притязаний нет, сами освоили землю, где прошёл ледник. До сих пор на нашем маленьком участке при пахоте вылезают камни. А на больших полях – груды валунов, и старые дома построены из таких камней. Они свою землю выстрадали. Слово таа – «земля» – употребляется во многих сочетаниях, близких

по смыслу к понятию «Родина». Мой хутор официально обозначен на карте земельного департамента как Jädvimaa «Kastani». Каждый хутор должен иметь своё название. Дочь ближнего соседа предложила – назвать «Каштан», потому что, когда мы там поселились, в ряду елей и берёз был еле живой каштан, который мы возродили к жизни. Не только цветёт, но деток производит».

Один эпизод из жизни Ядова на хуторе, рассказанный Юло Вооглайдом, одновременно покажет широкую известность Ядова в Эстонии и жизненность, естественность его поведения. Многие старались помочь Ядову жить на хуторе, но он всё же стремился быть самостоятельным. Купил себе мопед и стал ездить за хлебом. Он стремился обгонять бегущих по дороге собак, и если удавалось, то смотрел через плечо на отставших, но однажды не заметил камень на дороге. Результат: несколько переломов, гипс, на всё лето костыли. Вот в таком виде он оказался в близлежащем городе Раквере на автовокзале, ждал автобуса, чтобы вернуться на хутор после врача. Его заметила там женщина, которая в студенческие годы слушала его лекции, и стала звонить знакомым. «Представляешь, – говорила она, – что мы тут видели. В Раквере на автовокзале сидит бродяга, рядом шапка и костыли, а лицо – ну точно как у Ядова! Есть же на свете похожие люди!».

Отношения Ядова с эстонскими коллегами завязались в середине 1960-х, но в истории развития советской социологии, особенно – исследований массовой коммуникации и общественного мнения, а также всего комплекса использования методов сбора и анализа социологической информации большое значение имеют конференции, проходившие на спортивной базе Тартуского университета в Кяэрику (иногда, Кяярику; Kääriku) в 55 километрах от Тарту. Вот мнение Ядова: «Встречи в Кяэрику – событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода “западом”. Языка московские начальники не понимали, и генсек Эстонской компартии Йоханнес Кэбин точно играл роль “крыши”. В Кяэрику участники собраний чувствовали себя, примерно, как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали, как шестидесятники, если переводить на язык идеологии». Организаторами, моторами этих встреч были Вооглайд и Ядов.

Приходится признать, что среди российских социологов осталось крайне мало живых участников (я к ним не принадлежу) тех событий, ведь всё это было полвека назад. Тема первой встречи в октябре 1966 года была «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации»; второй, в 1967 году – «Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация»; на третьем семинаре в 1968 году обсуждалась проблема «Личность и массовая коммуникация». В 1969 году состоялась четвёртая и последняя встреча социологов. Итоги работы трёх первых семинаров отражены в сборниках, но публикацию материалов четвёртого запретили партийные органы республики. В 2010 году, постоянный участник этих встреч, тартуский профессор Леонид Столович писал: «Пустыня уже грозно надвигалась на оазис» [34, с. 14]. Во встречах участвовали молодые учёные, имена которых навсегда вписаны в историю отечественной социологии: В.А. Ядов, И.С. Кон, Б. М. Фирсов, А. Г. Харчев из Ленинграда, Ю. А. Левада, Б.А. Грушин, Л. А. Седов из Москвы. Свердловчане Л.М. Архангельский и Л.Н. Коган со своими сотрудниками, из Новосибирска приехал – В.З. Коган, из Латвии – А. Милтс. Были москвичи: методолог Г.П. Щедровицкий, философы П. П. Гайденко и Ю.Н. Давыдов. Одно из заседаний вёл Ю.М. Лотман. Активнейшую роль в организации встреч и в обсуждениях играли эстонские социологи: Марью Лауристин, Яак Аллик, Пеэтер Вихалемм, Ассер Муруттар, Пауль Кенкман, Миик Титма. Впоследствии они стали видными социальными аналитиками и политическими деятелями независимой Эстонии, представляющими разные политические течения. И Ядов весьма гордился тем, что Сенат Тартуского университета избрал его профессором *honoris causa*, единственным из российских обществоведов.

Итак, сначала (1968 год) тиражом в 500 экземпляров (в библиографической карточке Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге указано – 2000 экз.) появилась книга «Методология и процедуры социологических исследований». Выше приведённые слова Воглайда констатируют, что спрос на неё был огромный; большая часть книг разошлась в Эстонии и Ленинграде. Осенью 1972 года под эгидой АН СССР вышла ставшая вехой в истории российской социологии книга «Социологическое исследова-

ние. Методология. Программа. Методы». С учётом того, что социологов в те годы было немного и социологического образования в стране не существовало, тираж в 11 тысяч казался немалым. Но потребность в такой книге была весьма значительной, и книга была раскуплена мгновенно. Правда, поскольку книга вышла в издательстве «Наука», её приобрели библиотеки многих вузов и крупные городские библиотеки. В то время уже были книги по социологии Г. М. Андреевой, Б.А. Грушина, Ю.А. Замошкина, А.Г. Здравомыслова, И. С. Кона, Ю.А. Левады, Г.В. Осипова, существовала «Социология для всех» В.Э. Шляпентоха, но нужен был учебник. Новая книга Ядова и стала таковым, на долгие годы.

В книге 1972 года в силу каких-то причин не было указано Тартуское издание, таким образом, многим читателям этот факт остался неизвестным. Книга, вышедшая под тем же названием и тоже в «Науке» в 1987 году (тираж – 8000), представлена как «Издание второе, переработанное и дополненное». Хотя в действительности это была уже третья версия методологической книги Ядова.

Когда я проводил интервью с Владимиром Александровичем, я не знал, что эта книга в дополненном и переработанном виде живёт под именем «Стратегия социологического исследования»; потому и разговора о ней не было. Ядов сказал мне о ней лишь во втором интервью, в самом конце, когда уже не было возможности «раскручивать» эту тему. Впервые сообщила мне об этой книге Виктория Владимировна Семёнова в ходе нашего интервью в 2010 году, но Как-то мимоходом. Рассказывая о своей книге «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию» (1998 г.), она заметила, что «Потом, в более коротком и обновлённом варианте содержание этой книги вошло в мою главу в книге В.А. Ядова «Стратегия социологического исследования». Эта работа ни разу не обсуждалась в нашей переписке с Ядовым, и я вспомнил о ней лишь в процессе написания этой книги.

Естественно, первым делом я написал письмо Виктории Семёновой: «...пожалуйста помогите... затеял я написать небольшую книгу о Ядове... <...> в нашем интервью вы писали о своём участии в книге В. А. «Стратегия социологического исследования»... согласно статье в Вики, эта

книга выходила в 3-х изданиях... как эта книга соотносится с Ядовской книгой «Социологическое исследование: методология, программа, методы?».

Из ответа Семёновой стало ясно, что «Стратегия социологического исследования» возникла при очередном предложении Ядову переиздать «Социологическое исследование...». Тогда он решил расширить её, в частности, пригласил Семёнову написать главу «Качественные методы...». На мой вопрос о целях появления этой главы, Виктория Семёнова ответила:

Мне кажется, что всё достаточно просто, по-моему, я говорила вам это ещё в моём интервью. В.А. Ядов обладал удивительным качеством не отвергать сходу всё незнакомое и новое в науке, даже если он не был уверен в реальном его потенциале и не был приверженцем данного направления. По-китайски – пусть расцветают все цветы. Или по принципу: я не верю, а вдруг в этом что-то есть? Поэтому он, как директор института, и не отверг предложение Берто о сотрудничестве с институтом и не закрыл сходу наши штудии по качественным методам и биографиям. Хотя его позиция может быть озвучена следующим образом: конечно, это ерунда, но ею почему-то стали интересоваться в разных странах, может, в этом что-то и есть – это его аргументация для журнала СОЦИС, когда шла речь о публикации статьи Елены Рождественской в журнале. Отсюда его предложение включить главу о качественных методах и поддержка темы моей диссертации. Но сам он тогда совсем не разделял этих идей.

Тот факт, что книга «Стратегия социологического исследования» оказалась востребованной, она была издана в 1998 году [35] и переиздана в 1999 [36] и 2000 [37], и 2007 [38] годах, хотя в своей основе это была работа рубежа 1960-х – 1970-х, говорит о том, что «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы» опередила время на несколько десятилетий и осталась полезной даже после появления других учебников и учебных пособий. Добавлю, что обращение к каталогу Российской национальной библиотеки в СПб выявило ещё одно издание книги «Социологическое исследование...», оно состоялось в 1995 году в Самаре [39].

Что можно сказать? Редкостная судьба научной книги...

Диспозиционная теория личности

В конце 1960-х Ядов начал ещё один проект, тогда для многих открывший «нового» Ядова, социолога и психолога, специалиста по мало знакомым подавляющему числу социологов многомерному корреляционному и факторному анализу. Причём, эти математические методы были не «украшением», иллюстрацией владения учёным тонкими технологиями, а существенной частью его теоретико-методологической концепции. Ниже будет приведено воспоминание Владимира Александровича о рождении его диспозиционной модели личности, и в ней не упоминается присутствие в тот момент в его сознании тех или иных ассоциаций по поводу познавательных возможностей факторного анализа. Но я думаю, если бы он на тот момент не знал о существовании этой технологии, не понимал бы её природу, скорее всего многое в его базовом видении диспозиционного устройства личности было бы иным. В постановочной части его исследования Ядов предстает как социолог, но далее он становится психологом личности, учеником и последователем Бориса Герасимовича Ананьева.

...поведенческие намерения. И вот, когда Ядов готовился к стажировке в Англию, Ананьев дал ему задание досконально изучить кластерный анализ. Факторный анализ, который родился внутри психологии, был к тому времени знаком советским психологам, а кластерный – нет.

Таким образом, к концу 60-х, после возвращения Ядова из Англии, он в целом представлял возможности корреляционного, факторного и кластерного анализов, и уже в силу этого имел представление об идее иерархии свойств личности (отправной точке рассуждений Чарльза Спирмэна при разработке базовой модели факторного анализа), а также знал о существовании скрытых, не наблюдаемых аналитиком переменных, которые объясняют взаимоотношение наблюдаемых рациональных и эмоциональных свойств индивидов.

Теперь приведу воспоминание Ядова о том, как возникла идея диспозиционного подхода и произошёл прыжок от «человека и его работы» к этой концепции [6, с. 11]:

Расскажу подлинную историю «изобретения» диспозиционной концепции. Как было дело? Я очень интересовался «эффekten Лапьера», суть которого в том, что аттитюды

не согласуются с реальным поведением человека. Но мы-то фиксируем именно социальные установки вроде нынешних опросов: «За кого будете голосовать?» Респондент отвечает, но что из этого следует? На моём «чердаке» среди прочего валялась теория систем (Берталанфи и др.), и вдруг озарило: а не являются ли поведенческие намерения одним из элементов иерархической структуры чего-то. Позже пришёл в голову термин «диспозиции личности», то есть метафора из военной терминологии (стратегия, тактики...). Метафора, уверяют психологи, – пусковой механизм идеи. Со своего «чердака» я спустился в реальную квартиру заполночь и разбудил Люку. Ты знаешь, она социо-педагог. Люка говорит: это же открытие! Для начала я прикончил остававшийся коньяк, а утром позвонил Лёше Семёнову, моему молодому сотруднику, психологу по базовому образованию.

Лёшка немедленно приехал и тоже восхитился. Начали думать вместе. Он говорит: системы, хорошо, но они же разные. Есть открытые и закрытые, иерархические и проч. Что пишет В.А. Геодакян – главный в то время советский автор, который защищал кибернетику, в основном иллюстрируя Берталанфи примерами из эволюции живых организмов? В иерархических системах, говорил Лёшка, высшие уровни доминируют. Примитивный мозг лягушки позволил ей жить и в воде, и на суше. Рыба-дура не смогла так приспособиться. Может, ценностные ориентации личности эту доминирующую функцию в человеческом поведении и исполняют? Это был некий прорыв, и мы оба независимо друг от друга что-то набросали, а потом собрались всем сектором. Горячо обсуждали и в конце концов сочинили исследовательскую программу, которая легла в основу проекта «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности».

И затем [6, с. 12]: «Первые журнальные публикации были в соавторстве, а потом как-то имена моих коллег выпали, и остался Ядов. Роберт Мертон открыл в социологии науки «эффект Матфея». Разослал в разные журналы уже опубликованные ими же статьи, но с подписью неизвестных авторов. Ни одна не была принята! Научный авторитет автора оригинала статьи был решающим. Видимо, эффект Матфея сыграл свою роль, и благодаря ему Ядов стал единственным автором теории. Облегчает совесть то, что идею всё же предложил я».

В такой версии Ядов использовал данный фрагмент нашего интервью во втором издании книги по диспозиционной теории [40] и пояснил в примечании, что под «чердаком Берталанфи» он имеет в виду сравнение Марио Бунге, философа и логика, интуиции с действиями некоего мастера, хранящего на чердаке своего дома всякий ненужный хлам. Когда ему понадобится некий инструмент, он отправляется на чердак и находит его, как бы интуиция высвечивает. Ядов пишет: «Мораль: из массы накопленных знаний вдруг является “полезное к случаю”».

В самом интервью он тоже не обошёл комментарием тему «чердака», но сделал это несколько иначе: «Деликатный вопрос насчёт собственно творчества. Мне нравится высказывание канадского философа Марио Бунге насчёт творческих способностей. Он пишет: немало тех, кто обладает обильными знаниями; часто эти знания – как хлам на чердаке, в полном беспорядке хранятся в его памяти. Но есть и такие, кто способен осветить хлам фонариком и взять нужное. Это – интуиция».

Логика диспозиционной теории непроста, её освоение предполагает наличие хорошей подготовки в области исследований личности; одновременно – весьма сложен (во всяком случае так было в 1970-е) математический аппарат, использованный Ядовым: факторный и корреляционные анализ, построение индексов, регрессионные схемы. У меня есть право на такой вывод, ибо в конце 1960-х я направленно занимался методологией факторного анализа, более широко – многомерного статистического анализа, и консультировал сотрудников лаборатории, которую возглавлял Б. Г. Ананьев, выступал на их семинарах и при поддержке Бориса Герасимовича защитил в 1970 году кандидатскую диссертацию по психологии. Предметом моего исследования были история факторного анализа и методология его использования в психологии. Я помню, с каким трудом психологи осваивали даже значительно более простые методы матанализа, а факторный анализ многими воспринимался как «китайская грамота».

В историко-наукоеведческом плане было бы интересно проследить, как менялось изложение Ядовым основ диспозиционной теории, какие аргументы приводились им в обосновании иерархического строения ценностного синдрома

личности. В коллективной монографии «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности», вышедшей под редакцией Ядова в 1979 году, в качестве первой публикации по этой теме указывался сборник «Личность и её ценностные ориентации», вышедший в виде двух выпусков Информационного бюллетеня ИКСИ АН СССР в 1969 году. В библиографической карточке каталога Российской национальной библиотеки в СПб приведён и подзаголовок «Материалы изыскательского проекта «Соотношение ценностных ориентаций и реального (явного) поведения личности в сферах труда и досуга». Но ни в книге 1979 года, ни на библиографической карточке издания 1969 года не указан редактор сборника. Скорее всего, им был Ядов, но – возможно – им был кто-либо не из участников исследовательского коллектива.

В каталоге Российской национальной библиотеки в СПб отмечена небольшая книжка «Личность как объект и субъект социальных отношений (попытка построения диспозиционной концепции личности)». Она не указана Ядовым в работе 1979 года скорее всего потому, что на ней имеется гриф «Для служебного пользования». Автором этой книги является В.А. Ядов, но в карточке нет данных о том, какой институцией была издана эта книга.

В ходе интервью меня интересовал взгляд Ядова на отношение его советских коллег к диспозиционной теории. Согласно его ответу, в российских энциклопедиях и словарях по социологии и психологии диспозиционная концепция, как правило, присутствует. В многократно переиздаваемом учебном пособии по социальной психологии Г. Андреевой она изложена, по мнению Ядова, даже лучше, чем он это сделал бы сам. Отметил он наличие фрагментов его текстов в двух-трёх ридерах нового поколения. Назвал тех, кто продолжал разработку диспозиционного подхода: В. Чичилимова и В. Хмелько; заметил, что он сам с аспирантами работал в этом направлении. Говоря о зарубежных аналитиках, Ядов указал лишь Милтона Рокича.

Жанр историко-социологического, но не просто узко-биографического исследования жизни и творчества Ядова позволяет мне привести ещё один его текст о рождении диспозиционной концепции. Его название – «Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция» [41, с. 48], и его содержание во многом близко к рассмо-

тренному выше, но есть в нём и новое. Во-первых, здесь есть ряд деталей, которых не было в версии, содержащейся в интервью. Во-вторых, он вводит читателя в «творческую лабораторию учёного», показывает, как зарождалась одна из известных теперь концепций «социологической психологии» (термин, предложенный И.С. Коном). И, конечно же, этот текст – абсолютно «Ядовский»: разговор об очень серьёзном, о том, что Ядов считал одним из важнейших своих достижений в науке, но без «нажима», без «бронзы» в голосе, с юмором. Безусловно, это не тот материал, что в утерянной папке (смотри выше письмо Ядова 4 мая 2010 г.), тем не менее, он крайне полезен. Электронное письмо от 23 мая 2010, к которому был приложен приводимый ниже текст, было весьма кратким: «Боря, сегодня от нечего делать, стал набрасывать “мемуар”. Он не закончен. Посмотри. Привет». Жаль, конечно, что больше таких «бездельных» дней у Владимира Александровича не оказалось, и текст остался незаконченным.

***Мемуар о том, как разрабатывалась
диспозиционная концепция¹⁷***

Эту историю я описываю по памяти, т. к. никогда не относился серьёзно к архивам и больше того – выбрасывал разные записи в знак завершённой работы. А жаль. История с разработкой диспозиционной концепции саморегуляции социального поведения личности может быть интересной с точки зрения умственного процесса.

Когда мы начали в ИКСИ при Руткевиче проект «Ценностные ориентации», там действовало правило: если проект солидный, судя по замыслу и детальности разработки программы и полевых инструментов, то данное подразделение из статуса «группы изыскательского» проекта преобразуется в «отдел генерального проекта». Это означало финансирование полевых исследований и возможность пригласить на работу новых сотрудников. Мы же, находясь в Ленинградском филиале Института, испытывали все отсюда вытекающие трудности: ни машбюро, ни возможности

¹⁷ Текст этой статьи получен Б.З. Докторовым от В.А Ядова 23 мая 2010 года; см. [41].

договориться с коллегой и хотя бы временно попросить его лаборанта в качестве интервьюера.

Концепцию исследования разрабатывали, собираясь примерно через день-два после распределения на предыдущем семинаре «домашних заданий». Задания сводились к поиску нужной литературы. Я был руководителем сектора «изыскательского проекта», сменив в этой должности Игоря Кона. Игорь между тем непременно участвовал в наших посиделках. После очередного сообщения кого-либо из команды он как правило заключал: это известно и подвергается критике такими-то авторами. Мы распределяем новые задания на дом и, спустя время – аналогичный вердикт всё знающего Игоря Семеновича.

Между тем, сидя в своём кабинете на улице Чайковского, где после выезда одной семьи в большой коммуналке мне досталась огромная комната с застеклённым эркером, я предавался размышлениям. Пытался Как-то связать усвоенное из литературы. Что именно?

Милтон Рокич, парадокс Лапьера и попытки разрешить парадокс, как мы их называли, «аттитюдниками» (МакГайр и другие), Дмитрий Узнадзе и Владимир Николаевич Мясищев – основные источники. Всё это никак не связывалось меж собой.

Что следовало связать? Ценностные ориентации субъекта и его реальное поведение. Но не напрямую, так как общеизвестно, что, к примеру, стремящийся к правде подчас подвирает и обманывает, о соблюдении 10 заповедей и говорить не приходится: будь так, Ватикан в своё время не обогатил бы свои тайники золотом и драгоценностями за счёт индульгенций. Если работать с аттитюдами, то методически неясно, как схватить предложенную [таким-то] трёхкомпонентную его структуру: когниции, эмоции и поведенческая установка.

С узнадзовской установкой не легче. Мы тесно общались с Шота Надирашвили, учеником Узнадзе и тогдашним директором Института психологии имени Узнадзе. Я не раз бывал в Тбилиси и помню застолье, в ходе которого Шота наглядно объяснил мне, что есть установка. Спрашиваю: объясни, наконец, какова роль осмысленного в установке? Он: «Ганцхоба (установка по-грузински) – это целое». Потом обращается к жене и просит принести ещё вина из

подвала, «разное вино возьми, Мэри. А ты, Владимир, сделай вороночку из вот этого листа чистой бумаги, который я беру из пачки». Говорит сидящим за столом: друзья, пусть каждый из вас вошьет несколько капель в рог нашего ленинградского друга, хотя рог не настоящий. Он нас простит, потому что я предлагаю эксперимент. Когда мой «фунтик» наполнился, Надирашвили предложил откусить нижнюю часть и выпить содержимое. Потом встал в позу и задал вопрос: «Скажи, дорогой, можешь определить пропорции этих замечательных вин в своём бокале? Не можешь. Ганцхоба – это ганцхоба».

Между тем, Узнадзе, утверждая бессознательность установки, говорил, что она «объективируется» в случае, если установочное действие не приводит к ожидаемому результату. Ключ, например, не открывает замок: мы начинаем соображать, тот ли ключ, не засорился ли он или замок и т.д. Я соображаю, что установка чем-то сродни аттитюду. Чем? Эмоционального компонента нет (переживается не привычный акт открывания двери, но его бесполезность), а когниции оживают, ищем причину. Потом сознательное снова погружается в подсознание. Нет, ганцхоба нам в исследовании не помогает. Но что-то в теории Узнадзе есть, что надо дальше продумать. Узнадзе считает, что ганцхоба формируется на стыке некоторой жизненной потребности и ситуации, в которой эта потребность может быть реализована.

И здесь меня что называется осенило: потребности-то разные, сиюминутные и многие иные. Почему не представить иерархию потребностей (например, как у А. Маслоу или иную), где каждому уровню потребности будет соответствовать адекватная её насыщению ситуация? Беру с книжной полки Геодакяна, который в то время был лидером просвещения наших умов по части системного анализа. Открытые системы, закрытые системы, иерархические системы... Ценностные ориентации – вершина системы Чего? Скажем, предрасположенности к поведению в разных ситуациях плюс для удовлетворения потребностей разного уровня. Остаётся продумать конструкцию диспозиционной иерархии, и научное открытие сделано!

Было часа два за полночь. Я разбудил Люку, захлебываясь от раздражающих чувств, изложил идею, и мы тяпнули из какой-то бутылки, что нашлась в доме.

Утром позвонил Лёше Семенову, нашему молодому сотруднику с полноценным образованием психолога. Лёша примчался не помню в какое время, но до завтрака. Первое, что он сказал: идея того стоит, но... Если система диспозиций иерархична, то высшие уровни доминируют, а так ли это? В смысле эволюции это так, мозг человека и лягушки радикально отличны. И всё же вторая сигнальная система человека не всегда контролирует его подсознание. Мы вместе решили, что идею надо обсудить немедленно, а там видно будет.

В выше приведённом тексте нет указания на внешние обстоятельства, заставившие Ядова концентрированно размышлять над поисками серьёзной проблемы для нового исследования, там проект родился на «пустом месте». Не было указания на внутреннюю готовность, вызванную обсуждениями на семинаре и «домашним заданием» И.С. Кона. А ведь с точки зрения теории научного творчества подобные побудители деятельности крайне важны для рождения новой, плодотворной идеи. Они-то и были побудителями похода Ядова на «чердак» с целью поиска необходимого. В интервью тоже был рассказ Ядова о добром застолье в гостеприимном доме Надирашвили, где он образно объяснил Ядову природу установки. Но этот сюжет был сам по себе, без привязки к рассказу об озарении Ядова. Я не думаю, что в момент написания этого текста Ядов помнил о том, что это живое обсуждение природы ганцхобы он освещал в интервью более пяти лет назад. Таким образом, мы имеем ценный для истории науки случай, когда изобретатель, открыватель чего-либо дважды описывает процесс рождения базовой идеи.

Вообще говоря, это не лучший вариант спрашивать родителей нескольких детей, кого из них они более любят, но автора ряда успешных, известных исследований всё же можно попросить высказаться о том, какой из проектов ему наиболее дорог. В интервью с Ядовым подобный вопрос – в той или иной формулировке – был потому уместен, что из нашей переписки я знал ответ. Мне хотелось, чтобы он стал, в какое-то время, публичным. Этой темой завершилось наше второе интервью, состоявшееся в преддверии 85-летия Владимира Александровича, потому приведу и вопрос, и ответ полностью: «Володя, что из сделанного тобой

за многие годы научной и педагогической деятельности ты назвал бы самым главным? Как ты полагаешь, такого же мнения придерживается наше профессиональное сообщество или оно видит сделанное тобой иначе, с другой точки зрения?». Вот какого мнения он придерживался: «Я думаю, что собственно в науке главное – это диспозиционная концепция, а в плоскости педагогики – учебное пособие по методологии, методам и технике исследования. Тот факт, что последнее (восьмое) издание было в 2006 году под грифом «Университетский учебник» – тому свидетельство. (Главу о качественной методологии написала Виктория Семёнова.) Книга «Человек и его работа» была выполнена как учебное пособие, в котором мы шаг за шагом описываем ход исследования от формулировки проблемы (здесь надо отметить вклад Андрея Здравомыслова) до приёмов обработки данных (Галя Саганенко). Книгу мы полностью переписали после моего возвращения из Англии. В профессиональном сообществе «заслуги Ядова» оцениваются двойкой. Мои сверстники (например, Г. Андреева, И. Кон, Н. Лапин, Ю. Левада, О. Шкаратан) особо ценили диспо-концепцию, а более молодые говорили, что осваивали профессию по двум названным выше работам.

Хочу ещё и ещё раз подчеркнуть, что многим обязан своим товарищам по исследовательским проектам, из пиртской команды в первую очередь» [8].

Нам всем повезло

Пора понять и сказать, что всем нам повезло быть современниками, коллегами, учениками человека, осознавшего своё предназначение и нашедшего своё счастье в том, что он смог полностью исполнить его. Очень многие из нас общались – лично или через его книги – с человеком из другого мира, наделённого уникальным социальным чутьём и понимаем. И даром делиться своими знаниями.

По моему мнению, Владимир Александрович Ядов – это учёный и личность такого масштаба, что при изучении его биографии и творческого наследия в высшей степени уместно, даже необходимо обращаться к истории науки и опираться на принципы анализа процессов и результатов

деятельности учёных, писателей и художников, оказавших выдающееся влияние на развитие науки, искусства, общества в целом. Совокупность многих личностных и макросоциальных обстоятельств определила особую роль таких людей в создании научной и художественной картины мира. Внешне это иногда выглядит так, что какая-то высшая сила поручила им сообщить всем остальным нечто жизненно важное, научить чему-то крайне необходимому.

Мне приходилось уже писать о причинах слабости, робости наших историко-биографических исследований, касающихся, в частности, современной российской социологии. Их много, но отмечу, на мой взгляд, главную. Мы не считаем, что уже имеем право на свою историю. Мы все вместе её сделали и делаем, мы её выстрадали и должны изучать её. Однако мы заиклены на теории и методах познания социального мира, на предметно-объектных аспектах изучаемых феноменов и процессов. И не отдаём себе отчёт в том, что главное в науке – это исследователь.

На наших глазах, в течение нескольких последних лет ушла значительная часть людей, стоявших у истоков современной российской социологии. Мы как научное сообщество – осиротели. Неужели и уход Ядова не заставит нас задуматься о том, что изучение нашего прошлого – неотложная задача, стоящая перед всеми нами? Или мы добровольно отказываемся от него?

Настоящий текст – это попытка обозначить самые общие «точки» биографии Ядова, разработка которой потребует многих лет и значительных усилий. Не только собственно интеллектуальных, необходимо также осознание многих нравственных проблем. Ведь создание портрета Ядова подразумевает осуществление многоаспектного и многослойного анализа более чем полувекового развития советской и постсоветской социологии, а также изучения и оценки деятельности многих и многих наших коллег.

Поколение первых советских социологов было сформировано войной и «оттепелью»; им предстояло создать российскую социологию с «нуля». Назову лишь тех из них, с кем Ядова связывали многолетние дружеские связи, кого он характеризовал добрыми словами в интервью и о ком писал в письмах. Частично это отражено выше: Галина Андреева и Борис Грушин, Татьяна Заславская и Андрей

Здравомыслов, Игорь Кон и Николай Лапин, Юрий Левада и Геннадий Осипов, Анатолий Харчев и Овсей Шкаратан, Владимир Шубкин и ещё немногие.

Ядов – один из них, и его наследие должно рассматриваться в контексте сделанного всеми, более того, и представителями следующих профессионально-возрастных когорт. Но сейчас я хотел бы наметить без аргументации и взаимовязки лишь то, что отличает биографию Ядова от прожитого другими и что, мне кажется, лежит в основании уже получившего распространение в нашей историографии понятия «Феномен Ядова».

Из всех первопроходцев только Ядов имеет прямое отношение сразу к трём элементам фундамента нашей социологии: основополагающая «Человек и его работа», вечная книга по методологии социологического исследования и для многих до сих пор трудная и потому плохо понимаемая диспозиционная теория личности. Более того, сделанное им в плане акцентирования полипарадигмальности современной теоретической социологии во многом обеспечило «бескровный» переход от советского к постсоветскому периоду отечественной социологии. Возможно, тем самым ему удалось решить уникальную задачу науковедения и организации науки.

Ядов – единственный среди социологов своего поколения, кто во время войны ушёл из школы и поступил в военное училище. Хотел стать лётчиком. Не прошёл по здоровью, не согласился учиться на техника по обслуживанию самолётов, ибо хотел участвовать в боях, и через год вернулся в школу. Выше были приведено его письмо, которое начиналось словами: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» и оканчивалось: «Что не успел сделать? Всё, к чему лежала душа, исполнил. Долгов не оставляю. О чём жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт».

Жизнь испытывала Ядова и одновременно обогащала его социальный опыт. Не распорядилась бы жизнь с ним так жёстко, не отправила бы его – отличника и комсомольского активиста – на завод, не овладел бы он рабочей профессией, то, скорее всего – не было бы «Человека и его работы».

Ядов – руководитель первой в СССР социологической лаборатории. Он один из первых советских социологов, учившихся за рубежом, в Англии; там он узнал многое

о современных методах социологии и углубил свои знания в области психологии. Потом всё это нашло отражение в его книге «Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы» и в диспозиционной теории личности.

Выше было сказано, что как-то Рой Медведев, друг семьи Ядова ещё со студенческих времён, привёл к ним мужчину и попросил приютить его ненадолго. Практически не покидая дома, мужчина всё время что-то писал на машинке. Позже Ядов узнал, что это был Александр Солженицын. Но подобно Борису Грушину, Ядов не участвовал в диссидентских начинаниях и мог сказать о себе: «Я не участвую в чужих войнах, веду свои». Тем не менее, в начале 1980-х Ядов оказался в Ленинграде опальным и на несколько лет был вынужден отойти от активной работы в социологии. Однако, когда началась перестройка, в Москве не нашлось человека, которому руководство Академии наук и ЦК КПСС могло бы доверить преобразование Института конкретных социальных исследований в Институт социологии.

В большом разговоре о «Школе Ядова» Виктория Семёнова рассказала, как в один из дней работы Всероссийского социологического Конгресса в Уфе (2012 год) посередине большого холла, заполненного приехавшими на конференцию и неорганизованно общавшимися между собой учёными, вдруг поставили стул или табуретку, на которую сел Владимир Александрович. И сразу вокруг него зароились все собравшиеся. Всё «броуновское движение» в холле вдруг организовалось вокруг этой центральной табуретки.

Такова была харизма Ядова, магия его личности. Я уверен, для многих, кто впервые его видел «вблизи», возможно обменялся парой фраз, это – событие на всю оставшуюся жизнь, тема для многолетних рассказов студентам и коллегам.

Судьба хранила Ядова от того, чтобы не сорваться с балкона, не погибнуть на настоящей, войне, не сломаться после исключения из партии и фактически надолго или навсегда потерять право заниматься наукой, не получить непоправимых травм на чужих войнах, не «обидеться» на систему за изгнание из ленинградской социологии. Она дала ему долгую и, как он сам сказал, счастливую жизнь. Временем, обстоятельствами на него была возложена особая миссия –

создание российской социологии. И он её выполнил, хотя никогда не заявлял об этом. Всегда был настроен на познание нового и всегда был открыт людям.

В качестве эпиграфа книги взяты слова любимой Владимиром Александровичем трагической песни Галича «Ошибка». Завершить книгу хочется четверостишием из также любимого Ядовым «Сентиментального марша» Окуджавы:

Надежда, я вернусь тогда, когда трубач отбой сыграет,
Когда трубу к губам приблизит и острый локоть отведёт.
Надежда, я останусь цел: не для меня земля сырая,
А для меня – твои тревоги и добрый мир твоих забот.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.З.* Современная российская социология. Историко-биографические поиски. 9-и тома. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-конс. А.Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е.И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2016 URL: http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/menu.htm.
2. *Человек и его работа* (социологическое исследование) / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967.
3. *Ядов В.А.* Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М.: 1972
4. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности* / Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
5. *Докторов Б.З.* В.А. Ядов: «Я бы сказал, что прожил удивительно счастливую жизнь» // Социологический журнал. 2015. Том 21. № 3. С. 146–154.
6. *Ядов В.А.*: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...». 2005. // В кн.: [1], Том 2, с. 183–209.
7. *Ядов В.А.*: «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» (2). 2005 // В кн.: [1], Том 2, с. 210–233.
8. *Ядов В.А.*: «Всё зависит от нас самих» (Интервью Б.З. Докторову). 2014 // URL: <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/yadov2.pdf>.
9. *Ядов В.А., Беляев Э.В., Водзинская В.В.* и др. Изучение бюджета времени как один из методов конкретно-социологического исследования // Вестник ЛГУ. Экономика. Философия. Право. 1961. № 23. Вып. 4.
10. *Докторов Б.*: «Работа над биографиями – это общение с моими героями» (интервью В.А. Ядову) // В кн.: [1], Том 3, с. 174–205.

11. Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // В кн.: [1], Том 3, с. 206–246.
12. *Vivat*, Ядов! К 80-летнему юбилею: сборник Ред.-сост. Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева и др. М.: Институт социологии РАН, 2009.
13. Козлов Р.Г. Взгляд в 80-летнюю даль // В кн.: [12], с. 164–165.
14. Никулин А. Ядов и его «Наука постигать» (в печати). 2015.
15. Заславская Т.И.: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // В кн.: [1], Том 2, с. 16–49.
16. Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. № ¾ // В кн.: [1], Том 2, с. 50–88.
17. Красин Ю.А. 19-я «гвардейская». Заметки участника с комментариями, спустя полвека // КЛЮО. 2010. № 2. Цитируется по материалам, присланным В.А. Ядовым (Электронный архив Б. Докторова)
18. Ельмеев В.Я. «Я был и остался сторонником материализма в социологии». В кн. [1], Том 2, с. 234–248.
19. Здравомыслов А.Г. Заметки о времени социологического прозрения // В кн.: [12] с. 129.
20. Ковалева И.Д. Человек и стратег // В кн.: [12], с. 495–496.
21. Ядов В.А.: «Социология труда начала умирать, потому что появился рынок труда» // В кн.: [12], с. 90–91.
22. Фирсов Б.М. О моём наставнике и друге // В кн.: [12] с. 126.
23. Кон И.С. Заметки о Владимире Ядове // В кн.: [12] с. 116.
24. Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. Автореф. дисс. на соискание учён. степ. канд. философ. наук. Л., 1959.
25. Ядов В.А. Методологические проблемы конкретного социологического исследования (Основные принципы марксистского конкретного социологического исследования и методологический анализ эмпирического изучения мотивации труда). Автореф. дисс. на соискание учён. степ. д-ра философ. наук. Л.: ЛГУ, 1967.
26. Андреева Г.М. Ядов как ЯВЛЕНИЕ // В кн.: [12], с. 114–115
27. Тихонов А.В. Феномен Ядова // В кн.: [12], с. 329.
28. Good W.J., Hatt P.K. Methods in Social Research. New York: McGraw-Hill, 1952.
29. Тартаковская И.Н. Презирая иерархии... // В кн.: [Vivat 2009].
30. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после: Учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
31. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности рабочего // Социология в СССР: Т. 2. М.: Мысль, 1965.

32. *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Влияние различий в содержании и характере труда на отношение к труду // Опыт и методика конкретных социологических исследований / Под ред. Г. Глезермана. М.: Мысль, 1965.
33. *Вооглайд Ю.* Ядов – Учитель // В кн.: [12], с. 464.
34. *Столлович Л.* Социологи в Кяэрику // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1(79)
35. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учебн. для студентов вузов / В соавтор. с В.В. Семёновой. [5-е изд. доп.] М.: Добросвет: ИС РАН, 1998.
36. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учебн. для студентов вузов / В соавтор. с В.В. Семёновой. [5-е изд. доп.] М.: Добросвет: ИС РАН, 1999.
37. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности: Учебн. для студентов вузов. / В соавтор. с В.В. Семёновой. М.: Ин-т социологии: Добросвет, 2000.
38. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2007.
39. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. Доп. и испр. изд. Самара: Самар. ун-т, 1995.
40. *Саморегуляция* и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013.
41. *Ядов В.* Мемуар о том, как разрабатывалась диспозиционная концепция // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 4.

БИОГРАФИИ СОЦИОЛОГОВ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Одним из главных направлений изучения истории послевоенной советской / российской социологии является «портретирование», включающее в себя подготовку биографического материала о жизни и деятельности социологов, участвовавших и участвующих в создании и развитии отечественной социологической науки. Выше отмечалось, что именно портретирование – биографическая статья о Б. А. Грушине (2004 год) – положило начало настоящего исследовательского проекта, и за прошедшие годы возник целый ряд приемов подготовки историко-биографических текстов.

Значительное место в серии этих приемов занимает интервьюирование советских / российских социологов семи поколений. Большая часть этого архива – личные интервью по электронной почте. В подавляющем числе случаев их объем – около двух печатных листов, но есть и относительно новый жанр. Речь идет об интервью-книге, т.е. интервью такого размера, что они становятся самостоятельными книгами. Уже сейчас подобные книги опубликованы М. К. Горшковым, Д. М. Рогозиным, Р. Т. Насибуллиным, а некоторые находятся в издательстве: Л.Г. Бызова и Г.Е. Зборовского.

Жизнь породила еще один прием сбора биографической информации – интервью об умерших социологах, это – разговоры с их родными, друзьями, коллегами.

Более десяти лет в качестве самостоятельного направления я рассматривал написание биографических текстов – сложный, трудоемкий, но притягательный жанр. Ведь работа над биографией человека, которого знал многие годы и к которому испытывал добрые, дружеские отношения, – это продолжение общения с ним. Однако в последние несколько лет я стал рассматривать написание биографий формой мысленной беседы, или мысленного интервью.

Общее количество традиционных и мысленных интервью – около 200. Этот огромный массив содержит не только жизненные истории большого числа социологов, но и богатейшую информацию о прошлом, настоящем и будущем

нашей науки. Это – история советской и пост-советской социологии, рассказанная ее создателями.

В Разделе 1 названы социологии, чьи биографии включены в эту книгу. В Таблице, приведенной ниже, указаны поколения, которые они представляют, год жизни этих ученых и время публикации их биографий. «Портрет» Алексеева был написан к его 75-летию, все остальные биографии – после смерти героев биографических текстов.

	Социологическое поколение	Годы жизни	Год публикации
Заславская Т. И.	I	1927–2013	2013
Левада Ю. А.	I	1930–2006	2007
Алексеев А. А.	II	1934–2017	2009
Голофаст В. Б.	III	1941–2004	2008
Батыгин Г. С.	IV	1951–2003	2011

Статьи, эссе написаны, но мои мысленные беседы с этими социологами продолжаются...

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЗАСЛАВСКАЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕЕ ЖИЗНИ¹⁸

Сделанное Т.И. Заславской как социологом, экономистом, организатором науки, политиком и общественным деятелем будет отражено в истории советской / российской науки, в работах, анализирующих процессы перестройки и последующего периода, связанного с поиском путей постсоветского развития нашего общества и государства. Но это – со временем, а сейчас в самых общих чертах хотелось бы сказать о Т.И. Заславской как об уникальной личности и ученом-гражданине. Есть люди, которые знали Татьяну Ивановну много дольше и лучше меня, работали с нею вместе или в одной проблемно-предметной области. Придет время, и они напишут свои воспоминания. Однако думаю, что

¹⁸ Докторов Б.З. Памяти Татьяны Ивановны Заславской: размышления о её жизни //Социологический журнал, 2013. № 3. С. 149-165

все же есть обстоятельства, разрешающие и мне написать эти заметки о Татьяне Ивановне. Прежде всего я работал несколько лет под ее руководством во Всесоюзном центре изучения, общественного мнения; во-вторых, в 2005–2007 годах брал у Заславской биографическое интервью по электронной почте [1; 2] и перед публикацией материалов все согласовывал с автором; В-третьих, мне и ранее доводилось анализировать судьбу Татьяны Ивановны [3], бывать у нее дома и на даче, многое обсуждать с ней.

Процесс интервью был долгим, так как именно в то время Т.И. перечитывала свои многолетние дневники и писала мемуары [4]. Приведу фрагмент письма Заславской от 2 августа 2006 года; он одновременно раскрывает детали ее работы над воспоминаниями и показывает, насколько щепетильным и ответственным было ее отношение к интервью:

Сейчас написано 26 п.л. из предполагаемых 40 и 6 разделов из предполагаемых 11-ти. <...> Тяну из последних сил. Единственная выгода для нашей с Вами работы – это то, что я приближаюсь ко второй половине жизни и, так или иначе, буду на Ваши вопросы отвечать.

Должна Вам признаться, что в процессе работы с документами, дневниками и перепиской узнаю о себе много нового. Прежде всего, конечно, о жизненных событиях, т.е. что, когда и как происходило. «Что» – потому что о некоторых событиях я вообще не помнила, «когда» – потому что многие события в памяти оказались смещены во времени, а «как» – это часто интересные детали событий, которые совершенно смылись из памяти. <...> Я как бы заново переживаю свою жизнь, которая отнюдь не являлась величавым шествием к научной славе. Было много горя, мук и даже отчаяния и в личной, и в общественной жизни. Мне кажется, что за то хорошее и отличное, что послал мне Бог, я заплатила полностью «невидимыми миру слезами». Особенно писать об этом, конечно, не буду, поэтому мемуары не будут тождественны моим реальным воспоминанием о жизни, но что поделаешь?..

Сейчас я посмотрела Ваши оставшиеся не отвеченными вопросы. Ответить коротко, то это можно сделать за один день, но это мало интересно. Более интересны размышления и подробности, которые требуют времени. Но обещаю Вам вернуться к этой работе, чтобы отвечать в день хотя бы на один вопрос.

Таким образом, информационной базой предлагаемых заметок являются названные интервью и мемуары, но это – не только жизнеописание Заславской. Данный материал – продолжение моих исследований по истории современной российской социологии и еще одна попытка в разработке методологии изучения творческого наследия тех, кто стоял у истоков послевоенной советской социологии. Десять лет назад работа над этой темой была более академичной по стилю, но, к сожалению, последние годы заметно актуализировали ее. В ноябре 2006 года в своем кабинете умер Ю.А. Левада, через год скончался Б.А. Грушин, в следующие четыре года не стало А.Г. Здравомыслова, В.Н. Шубкина, И.С. Кона и вот – Т.И. Заславской. Мне бы не хотелось расширять этот мартиролог за счет имен социологов этой возрастной группы и более молодых, ясно одно: у российского социологического сообщества появилась новая функция – изучение биографий и деятельности наших учителей, наставников, коллег и друзей с целью обеспечения неразрывности российской социологии, создания и сохранения научных традиций. Речь идет об освещении фактической стороны их жизни и работы, сборе воспоминаний о них, составлении полных библиографий их публикаций, переиздании написанных ими книг и статей.

Движение в этом направлении началось. Так, Т.В. Левадой издана серия книг, содержащих работы Ю.А. Левады и воспоминания о нем, выпущены материалы конференций памяти Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Б.А. Грушина, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.Г. Харчева. Но может быть сделано больше: ведь то, что относительно несложно для нас, в принципе не смогут сделать новые поколения социологов.

Даже в моих историко-социологических работах я не скрываю пристрастности своего отношения к ученым, чье творчество и чью жизнь рассматриваю. Тем более я не могу оставаться академически бесстрастным сейчас. Я уважал Татьяну Ивановну Заславскую как ученого и, зная ее четверть века, имел возможность убедиться в высочайшем уровне ее человеческих качеств и почувствовать ее глубокую женскую притягательность.

Жизнь Татьяны Ивановны завершилась недавно, и конечно, сейчас данное обстоятельство детерминирует характер мысленного диалога с нею. Постепенно социологическим со-

обществом будут осваиваться источники, представляющие ее как обществоведа, одного из руководителей нашей профессиональной ассоциации, парламентария; также надеюсь, что будут изучены ее личные дневники, экспедиционные записи.

Материалы, доступные мне сейчас, – мемуары и интервью с Т.И. Заславской – предоставляют возможность рассказать о ее жизни и судьбе через анализ становления системы ценностей и личностных качеств, которые составляли базис профессиональной и общественно-политической деятельности этого ученого. Трудно сказать, в какой мере подобная методология универсальна, но на Заславскую принцип «биография человека – это его ценности» распространяется в полной мере.

Становление личности и профессиональное самоопределение

Осталось всего четыре года до столетия Октябрьской революции 1917 года, с тех пор прошло много лет, но все равно мы пытаемся увидеть в нашем современном обществе следы предоктябрьской России, трагических лет гражданской войны и бурного периода строительства социализма. Иначе нам не понять настоящего. Тем более следует учитывать особенности общественной атмосферы того неблизкого прошлого при изучении биографии Т.И. Заславской. Ведь она родилась всего через десять лет после революции, и формирование ее ценностного мира – в большей мере, чем у ее ровесников, других представителей первого поколения советских / российских социологов, – проходило в пространстве двух культур: «старой», либеральной, профессорско-дворянской, и «новой», пролетарской, школьно-дворово-коллективистской.

Судя по всему, в ее сознании граница между этими двумя социокультурными, нравственными пространствами никогда не исчезала полностью. Вспоминая середину 1930-х, свое московское детство, Т.И. писала о себе и своей сестре¹⁹: «В нас не было ни грана аристократизма. Не сто-

¹⁹ Майя Ивановна Черемисина (род. 1924) – лингвист, доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ; создатель Новосибирской синтаксической школы.

вариваясь и никогда не обсуждая это, мы обе стремились *быть такими, как все*, хотя на самом деле были *иными*, постоянно ощущали эту двойственность и понимали, что другие чувствуют ее не хуже нас. Но этим другим был не аристократизм, а пока еще не находившая внешнего выражения система моральных ценностей, а также внутренняя интеллигентность, вынесенная из киевского детства» [4, с. 68]. Более того, ощущение маргинальности присутствовало у Т.И. всегда: «Где бы я ни была, с кем бы ни общалась и ни дружила, в каких бы кампаниях ни участвовала, нигде я не ощущала себя полностью принадлежащей данной среде. Всегда идентификация была лишь частичной, везде я была “своей” и все-таки “не своей”» [4, с. 68].

Таня Карпова (такова девичья фамилия Т.И. Заславской) родилась и прожила первые пять лет в Киеве, в доме деда со стороны матери. Георгий Георгиевич де Метц, сын бельгийского подданного и русской дворянки, был профессором физики в Киевском университете Св. Владимира. В соответствии со ступенями академической карьеры он в 1906 году получил личное, а в 1913 году – потомственное дворянство. Таким образом, сам он был дворянином 12 лет, а члены его семьи – всего 4 года. Тем не менее, по воспоминаниям Т.И., это негативно отразилось на их последующей жизни.

Ее бабушка, Сарра Карловна Крафт, была дочерью высокопоставленного офицера из русских немцев. Он рано умер, но его дети получили прекрасное образование за государственный счет. Два брата бабушки еще в царское время стали адмиралами, старшая сестра окончила Парижскую консерваторию и медицинский факультет Сорбонны и жила во Франции. Сама бабушка три года проучилась в парижской консерватории, но потом всю свою жизнь посвятила семье. В доме дедушки была традиция: один день все говорили по-русски, второй день – на французском языке, а третий – на немецком.

Мемуары Заславской начинаются словами: «Я родилась 9 апреля 1927 года в Киеве в семье Ивана Васильевича и Татьяны Георгиевны Карповых. Эта была одна из многих семей, косвенно обязанных фактом своего возникновения революции, – уж очень резко различалось социальное происхождение моих родителей. Моя мама происходила из

высоко интеллигентной профессорской семьи, а папа – из семьи фабричного рабочего и крестьянки» [4, с. 11].

Мама Татьяны Ивановны училась на филологическом факультете Киевского университета, свободно владела рядом европейских языков, знала греческий и латынь, успешно училась музыке. Но реализовать свой творческий и квалификационный потенциал в силу своего происхождения и семейных обстоятельств не смогла. Она погибла 21 июля 1941 года во время первой бомбежки Москвы. Отец начал свое образование с церковно-приходской школы. В августе 1914 г. он был призван в армию, участвовал в Империалистической войне, был ранен и награжден «Георгием» 4-й степени. В дальнейшем он окончил философско-педагогический факультет Киевского университета, а в 1941–м. стал профессором Московского педагогического института иностранных языков.

Предбиография Т.И. – уникальна, ничего подобного нет ни в одной из известных мне биографий представителей первого поколения российских социологов [5]. И, пожалуй, здесь мы встречаем редкостный случай того, как история семьи предопределила главные линии профессиональной деятельности человека. От материнской семьи Заславская унаследовала способности к углубленной научной работе, она с раннего детства слышала, что наука – это самое почтенное занятие. По отцовской линии к ней пришло уважение к крестьянскому труду, внимание к жизни деревни.

Под влиянием семьи закладывалось ядро системы ценностных ориентаций Заславской. Отвечая на один из первых вопросов интервью о том, что формировало ее идеалы, Т.И. ответила: «Думаю, гуманистическое воспитание, которое мама старалась дать нам с сестрой... <...> Когда мне было пять лет, мы переехали в Москву, и мама начала вечерами читать нам с сестрой книги, выбиравшиеся, видимо, очень тщательно. Это были самые разные книги: русские и иностранные, грустные и веселые, драмы и романы, повести и рассказы, и про животных, и про людей, про все что угодно. Но все они носили очень гуманный, гуманистический характер» [1, с. 138–139]. К этому же ряду ценностей Т.И. относилась «нравственное равновесие с миром», или «спокойную совесть», а также личные честь и достоинство.

Затем война, она формировала патриотические идеалы. В те годы Заславская стала относить к своим сверхценностям «странную и необычную ценность», которую она называла – Россия. Войну как обстоятельства, определившие ценностный мир и, в ряде случаев, стремление познать общество, называли все социологи, родившиеся на рубеже 1920–1930-х годов. Все в годы войны следили за информацией, сообщавшейся по радио и газетам. У Заславской был еще один источник сведений: их квартира в центре Москвы «стала одной из редких надежных точек, через которые родные и близкие могли находить друг друга. Поэтому все, кто ехал через Москву (обычно на фронт или с фронта), останавливались на пару дней у нас и рассказывали, рассказывали, рассказывали... То, что я слышала от этих людей, было до бесконечности не похоже на то, о чем писалось в газетах...» [1, с. 141]. Именно тогда она обнаружила «пропасть между жизнью и пропагандой».

Читая заготовки Т.И. к мемуарам, я обратил внимание на описание ее впечатлений от встреч с молодыми поэтами-фронтовиками в студии при издательстве «Молодая гвардия» в первые послепобедные дни. Там были Гудзенко, Межиров, Солоухин, Коржавин, Тушнова, Друнина и другие. Зная, что стихи этой когорты поэтов, передавших в своих произведениях войну и позже дух «оттепели», во многом определили мировоззрение социологов ее поколения, я спросил Заславскую об отношении к их творчеству. Приведу ответ полностью, ибо он передает определенные фрагменты ее ценностного мира: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жестко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили ее ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут – такие прекрасные люди и такие замечательные стихи!» [1, с. 141].

И наконец, еще одна группа ценностей, которая возникла во время ее учебы на экономическом факультете Московского государственного университета, была названа Заславской.

Это – идеалы свободного социалистического общества, в котором людям жилось бы хорошо и достойно: «Прежде всего, – высочайшая ценность Свободы и Правды. Когда я говорю о демократическом и справедливом обществе, то имею в виду прежде всего свободное общество. А одна из важнейших свобод – это Свобода утверждать Правду» [1, с. 142].

Закончив экстерном в Москве школу с отличием, Заславская после долгих колебаний и сомнений в 1943 году поступила на физический факультет МГУ, в этом она видела продолжение дела своего деда. Училась она отлично, но на третьем курсе поняла, что физика – «не ее наука», ее интересовало устройство общества. Отпускать с физфака не хотели, но все же она смогла перевестись на второй курс экономического факультета, обязавшись в течение года сдать все экзамены за два курса. Но обучение на физическом факультете не было «потерей времени», много лет спустя Т.И. говорила: «Математические методы я применяла и в экономике, и в социологии, но это было второстепенным. Главным же достоянием, вынесенным мною с физфака, был мой “естественно-научный” тип мышления, и это оправдывает “потерю времени”». [1, с. 144]. По моему представлению, это утверждение является одним из главных ключей к пониманию не только научного стиля Заславской, но и ее гражданской позиции.

Обучение физике сделало ее «иной», чем все студенты-экономисты. На физфаке ей три года объясняли, что законы природы потому и законы, что всегда исполняются. Слушая на экономическом факультете лекцию о «законе планомерного и пропорционального развития социалистической экономики, который, к сожалению, действует не всегда», она задавала вопрос: «Тогда, какой же он закон?». Она ставила вопросы перед преподавателям: «Ну как же это может быть?». Ответов на них не было и быть не могло. Поэтому у преподавателей и сокурсников создавалось впечатление, что она – «не как все». В итоге по окончании университета, это был 1950 год, несмотря на отличный диплом и признание дипломной работы значительной частью кандидатской диссертации, ее не рекомендовали в аспирантуру. Но гораздо сильнее ее поразили слова одной из ее подруг, что сделано это было правильно, так как в ней «было что-то не то, чуждость какая-то». С большим трудом Заславской удалось получить должность младшего науч-

ного сотрудника в секторе аграрных проблем Института экономики АН СССР.

В ходе интервью я спросил у Т.И., почему в центре ее научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села, почему городская девушка из профессорской семьи, которая училась на физфаке и экономическом факультете, выбрала для исследований сельское хозяйство. Она ответила: «Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне <...> и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена» [1, с. 142]. Не знаю, действовали ли здесь законы генетики, но система ценностей явно способствовала движению Заславской в сторону изучения села. Живя в 1940 году в деревне у родственников отца, она «почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря – полюбила». В интервью она заметила: «Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда» [1, с. 142].

Мне кажется, что оно могло возникнуть в сознании Заславской даже раньше. Г.Г. де Метц, ее дедушка, родился в Одессе в год отмены крепостного права, и его социализация проходила в период становления народничества, одной из центральных идей которого было сближение интеллигенции с народом; в то время это было крестьянство. И весьма вероятно, что студент де Метц, а позже приват-доцент физико-математического факультета Новороссийского (Одесского) университета, разделял те или иные взгляды народничества, тем более что в Одессе, где действовал филиал «Земли и воли», они были популярны. Отсюда оправданно предположить, что его дочь, выбирая книги для чтения своим дочерям (Тане и Майе), знакомила их с произведениями Гаршина, Мамина-Сибиряка, Короленко, Некрасова и других писателей-народников. Рассказы этих писателей явно могли вызвать в детских душах глубокое сострадание к жизни крестьян.

Оставлено нам

Очерченный набор ценностных ориентаций Т.И. Заславской – это базис ее профессиональной и общественно-политической деятельности, а также – ключ к пониманию ее жизни и творчества. Одновременно систему ее важнейших

установок возможно трактовать как каркас, пучок главных направлений пространства историко-биографических исследований. На мой взгляд, этими направлениями во многом определяются личностные и профессиональные миры представителей разных поколений советских / российских социологов.

Сформулированное утверждение следует из общих представлений об иерархии ценностных ориентаций личности и одновременно находит эмпирическое подтверждение. Одним из центральных моментов нашей беседы по электронной почте неожиданно оказался вопрос, исходно представлявшийся мне «проходным». Я спросил Т.И., почему в середине 1970-х годов, то есть в ее пятидесятилетие, обладая значительным исследовательским опытом и большим числом публикаций, будучи член-корреспондентом АН СССР (с 1968 г.), она не умерила свои профессиональные усилия, а, напротив, расширила область теоретико-эмпирических поисков и перешла к анализу крайне беспокойной социально-политической тематики, включавшей изучение механизмов управления агропромышленным комплексом, то есть деятельности власти.

Ее развернутый ответ начинается словами: «Это очень серьезный вопрос, касающийся моих базовых ценностей, или того, зачем я вообще пошла в науку, почему из всех наук выбрала экономическую и из каких побуждений со временем перешла в социологию».

На экономический факультет Т.И. перешла потому, что уже в то время политическая экономия представлялась ей единственной наукой, изучающей устройство и функционирование человеческого общества. Тогда она ставила перед собой простую задачу – усвоить уже наработанную теорию об устройстве советского общества. Но оказалось, что усваивать было практически нечего; концепция «реального социализма» не отвечала элементарным требованиям, предъявляемым к теории, она «кишела» внутренними и внешними противоречиями. Тогда возникла вторая задача: понять, как *на самом деле* устроено наше общество. Это означало, во-первых, необходимость опровержения общепринятых экономических и социальных «истин» и, во-вторых, развитие науки, вначале фиксирующей, а затем объясняющей процессы, действительно происходящие в советском

обществе. Так Заславской был прочерчен ее генеральный путь в науке.

Интерес, или рациональная составляющая обращения Заславской к экономическим отношениям государства с колхозами, был вызван тем, что там она видела едва ли не самое больное место теории развитого социализма; там несоответствие практике было вопиющим. Большинство крестьян жили на нищенском уровне до конца 1950-х годов, по сути, оставаясь крепостными. Кандидатская диссертация была успешно защищена ею в 1956 году, а докторская – «Экономические проблемы распределения по труду в колхозах» – в мае 1965-го. Остро критические выводы этого исследования неожиданно пришлись «ко двору». Брежневу, необходимо было переложить все недостатки в сельском хозяйстве на Хрущева.

В начале 2000-х Т.И. говорила, что конечную цель своей работы, за исключением последних 12–15 лет, она видела не в развитии научной теории как таковой, а прежде всего в создании научной базы для совершенствования экономической, социальной и аграрной политики государства. Внутренним стимулом ее научной работы было не только развитие соответствующей области знания, но и возможность влиять на реальную жизнь общества, содействовать улучшению системы его институтов и социальной структуры. А это требовало выхода на проблемы управления и политической власти.

По воспоминаниям Заславской, защитив докторскую диссертацию, она стала заниматься проблемами села, лежавшими на стыке экономики и социологии [1, с. 147]. Формально ее приобщение к социологии произошло в начале 1966 года, когда она участвовала в Первом Всесоюзном симпозиуме социологов в Ленинграде. Она описывает это так: «Как интересно было слушать “наших первопроходцев”, среди которых, как звезды первой величины, выделялись Ядов, Грушин, Кон, Здравомыслов, Харчев... <...> ...Где-то в кулуарах мы встречаемся с Ядовым, коротко знакомимся, и буквально через пять минут я чувствую себя с этим человеком так, словно знала его всю жизнь! Закончив какие-то неотложные дела, В.А. ведет нас... в какое-то небольшое кафе, и в центре нашего внимания сразу же оказались главные в ту пору вопросы развития социологии. В чем-то мы

соглашались, в чем-то расходились и спорили, но главное – сразу стало понятно, что “мы одной крови”, иными словами, одних ценностей и убеждений» [6, с. 143–145].

Реально же вхождение Заславской в социологию началось раньше, и возможно, здесь мы имеем случай, близкий к описанному О.И. Шкаратаном. По его представлениям, он достаточно долго никак не был связан с социологией, хотя фактически уже становился социологом. Так, в беседе с В.В. Радаевым Шкаратан вспомнил, что в 1957 году один приятель-философ спросил его, знает ли он, что на Западе результаты социологических исследований используются в целях развития экономики. Шкаратан удивился и выразил сомнение в возможности подобного. Тогда его собеседник сказал, что он должен это знать, поскольку с сотрудниками С.Г. Струмилина изучал 1920-е годы. Шкаратану осталось только воскликнуть: «Так это и есть социология?» [7, с. 56].

Опыт экспедиционного сбора материалов Заславская начала осваивать в первой половине 1950-х годов под руководством Григория Григорьевича Котова (1901–1979), который оказал на нее исключительно сильное влияние. По ее предположениям, Котов мог в 1920-х годах участвовать в конкретных социальных исследованиях деревни и был убежден, что без долгих и откровенных разговоров (то есть углубленных интервью) с представителями всех сельских социальных ролей невозможно понять суть исследуемых проблем. Сами же посещения колхозов не могли оставить Т.И. равнодушной, усиливали ее сопереживание деревне, о котором говорилось выше. Летом 1955 года для сбора данных она приехала в одну из деревень Нечерноземья – района, побывавшего «под немцем». К тому моменту прошло уже десять лет после окончания войны, но люди там жили в землянках и зимовали вместе с телятами, овцами и свиньями. Она жила месяц в колхозе, приехала туда вместе с полугодовалой дочкой и ее семнадцатилетней няней. Привезла с собой абсолютно все: продукты, лекарства, примус, керосин, утюг, корыто, хозяйственное мыло, консервы – в деревне не было ничего.

Так что через экспедиционный метод, долгие беседы с жителями деревни, через потрясение от увиденного и услышанного к концу 1950-х Заславская фактически стала и экономистом, и социологом; иными словами, началось ее

движение в сторону создания российской экономической социологии. Находясь постоянно «внутри» конкретных исследований, она, – видимо, незаметно для себя – подошла к оформлению, конституированию этого научного направления. В интервью я спросил Т.И.: «Ведь не было так, что в какое-то прекрасное утро Вы встали и сказали себе: “Дай-ка я создам экономическую социологию...”». Ответ был таким: «А вот тут Вы как раз ошибаетесь. На самом деле было почти так. Аганбегян во что бы то ни стало захотел создать на экономическом факультете НГУ отделение социологии (в то время была только специализация студентов с четвертого курса, они писали у нас курсовые и дипломные работы). А для специализации, начинающейся на третий год обучения, нужен какой-то главный специализирующий курс, и Аганбегян предложил нам его подготовить. Мы с Р.В. Рывкиной, как главные кураторы специализации, стали ломать голову, что же предложить студентам. И пришли к выводу, что на социологическом отделении экономического факультета следует преподавать *экономическую социологию*. При этом мы не имели ни малейшего понятия, что на Западе такая наука, хоть и недавно, но уже возникла. <...> И мы успели почитать этот курс два или три раза, после чего решили, что можно и нужно делать книгу. Поэтому наша книга носила характер учебника. Может быть, не совсем, но во многом...» [1, с. 157].

В конце 1970-х – начале 1980-х Заславской и ее коллегам становилось все более ясным, что кризисные явления в советской экономике вызывались в первую очередь социальными причинами, общественные отношения тормозили, отторгали эффективную экономику, препятствовали ее созданию. Этот вывод стал отправным для написания доклада «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», вынесенного на обсуждение семинара в Новосибирском академгородке 8–10 апреля 1983 года. Тогда в Академгородке собрались более 70 новосибирских и примерно столько же иногородних ученых, приехавших из 17 городов страны, что свидетельствовало об исключительном интересе научного сообщества к обсуждавшейся проблематике. Доклад был опубликован в виде препринта и, как отмечала Т.И., «участники семинара, не получившие препринтов, брали их

у счастливых владельцев на ночь и переписывали от руки. Этот факт меня просто потряс...» [1, с. 154].

Доклад оказался не просто серьезным аналитическим документом, заинтересовавшим специалистов; в академической, спокойной форме он отражал многое, о чем думала интеллигенция и что глубоко понимало население страны. В нем содержалась четкая общественная позиция – нужны глубокие социальные преобразования. Интересна реакция сестры Т.И. на текст, который она прочла на этапе подготовки доклада: «Ты знаешь... по-моему, это *не доклад*... Это скорей *манифест*». И действительно, через несколько месяцев доклад был опубликован во многих странах именно как «Новосибирский манифест». На Западе его стали рассматривать как провозвестник коренных изменений в СССР.

Два экземпляра препринта с грифом «Для служебного пользования», оказавшиеся в США и ФРГ, не имели титульного листа, из которого можно было узнать название доклада и фамилию автора. Поначалу советологи предполагали, что доклад был итоговым документом закрытого семинара в Кремле, но потом авторство Заславской было установлено.

Знание реальной жизни населения страны, теоретические выводы, наполнившие «Новосибирский манифест» соответствующей духу времени социально-нравственной энергетикой, признание в профессиональной среде уже в предперестроечные годы сделали Заславскую не только известным обществоведом, но моральным, гражданским лидером интеллигенции, символом «шестидесятников», не растерявших за десятилетия свои надежды на возможность улучшения советской модели социализма, придание ей «человеческого лица».

И здесь, вопреки желаниям Т.И., стремившейся к продолжению своих исследований, события, разворачивавшиеся в стране после прихода к власти М. Горбачева, объективно сделали ее политиком высокого уровня. В конце ноября 1986 года ее избрали президентом Советской социологической ассоциации АН СССР (ССА). Читая сегодня ее доклад, вышедший в газете «Правда» лишь через два месяца под заголовком «Перестройка и социология», понимаешь, что каждое слово в нем обсуждалось на очень высоких этажах власти [8]. Неизвестно, имела ли бы эта статья какие-ли-

бо позитивные последствия, но помогла случайная встреча Заславской с Горбачевым 31 марта 1987 года на одном из официальных мероприятий. Она получила освещение в средствах массовой информации, и сразу же начали развиваться события, завершившиеся признанием социологии в качестве самостоятельной науки. Запись в дневнике, сделанная Т.И. в тот день, включает такие слова: «И все-таки весь этот шум – дело именно моих рук, глядишь, и будет какая-то польза для нашей социологии. Из-за этого я ведь и шла в президенты, хотя подобных сдвигов не ожидала...» [4, с. 573].

Прошло полгода, и Заславской пришлось принимать еще более трудное решение, чем давать согласие на руководство ССА. Все начиналось так: «После поездки в Болгарию в ноябре-декабре 1987 г. мне надо было встретиться с председателем ВЦСПС С.А. Шалаевым. Мы хорошо поговорили с ним, но у меня возникло ощущение, что он меня “прощупывает” на предмет чего-то. И действительно, в самом конце встречи он сделал мне совершенно неожиданное предложение – переехать в Москву и возглавить организацию первого в стране специализированного центра изучения общественного мнения, получающего общесоюзный статус» [1, с. 158]. Принять такое предложение для Заславской означало расстаться с друзьями, учениками, единомышленниками, коллективом, формировавшимся 25 лет и составлявшим ее «второе я». Но она чувствовала, что пульс общественной жизни страны ускоряется, и центр этой жизни перемещается в Москву. Как социологу ей хотелось быть там, где происходили основные события, определявшие судьбы общества. Также было очевидно, что центр изучения общественного мнения будет испытывать политическое давление, способное подчинить его интересам власти и лишить действительной ценности. Поэтому, понимала она, руководитель этого центра должен обладать высоким и относительно независимым статусом, и в этом плане ее положение было уникальным. Стать первым заместителем руководителя центра согласился Борис Андреевич Грушин.

17 декабря 1987 года состоялось историческое событие: Заславская и Грушин встретились с руководителями ВЦСПС и обговорили все принципиальные вопросы организации и работы Всесоюзного центра изучения общественно-

го мнения – ВЦИОМа. У нас есть все основания считать этот день значимым в процессе развития политической системы страны и истории российской социологии.

Первые шаги по созданию ВЦИОМа были сложными для Т.И. Она никогда не занималась изучением общественного мнения, да и решением организационных вопросов столь огромного масштаба ей не приходилось ранее заниматься. По ее воспоминаниям, многое в работе не ладилось, шло «через пень колоду», к тому же ВЦСПС, создавший ВЦИОМ, очень скоро понял, что без данных о мнениях, настроениях людей жить значительно проще, легче, чем при наличии такой информации. Постепенно началось экономическое удушение «новорожденного».

Происходившее в стране, во ВЦИОМе, переезд с семьей в Москву, конечно, изматывали и утомляли Т.И. Я помню, как на ее маленькой, чрезвычайно скромной даче в академическом поселке в районе Можинки, где интервью проходило под диктофон, она рассказывала, как в тот момент жизни ей очень помогло ее крещение в православие. Они с сестрой давно сожалели о том, что родители, будучи атеистами, запретили бабушке крестить детей, да и сами не были уверены, что хотели этого. Но в июле 1988 года в небольшом русском Пюхтинском монастыре в Эстонии они приняли предложение настоятельницы и крестились. Мы договорились с Т.И. не включать этот фрагмент нашей беседы в готовившийся к публикации текст интервью. Но она сама рассказала об этом в книге [4, с. 614–615].

Вскоре ей пришлось пройти еще через одно испытание. В январе 1989 года началось выдвижение кандидатов в народные депутаты СССР, и Заславская была выдвинута по трем линиям: от Академии наук СССР (как академик), от общественных организаций при Академии (как президент ССА) и от ВЦСПС (как директор ВЦИОМа). Вскоре она была избрана народным депутатом СССР именно как президент ССА и в июне 1989 года вошла в «Межрегиональную депутатскую группу» (МДГ). С тех пор прошло около четверти века, и сегодня это сообщество депутатов, объединившихся вокруг А.Д. Сахарова, Ю.Н. Афанасьева и Г.Х. Попова, признается первой советской легальной парламентской оппозицией. Среди требований МДГ были: отмена 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, демокра-

тизация избирательной системы, демократический закон о печати, законы о земле и собственности, новый Союзный договор. Деятельность МДГ протекала в чрезвычайно сложной обстановке. В мемуарах Заславской этот период ее жизни назван: «Моя Голгофа». 29 июня 1989 года в ее дневнике было записано: «Нет у меня ни физических, ни духовных сил воевать с этим “агрессивно-послушным”, по выражению Ю. Афанасьева, большинством Съезда. Но и соглашаться с ним не могу. <...> На Съезде под пронзительным взглядом Горбачева почти всегда голосовала с меньшинством» [4, с. 638].

В конце 1991 года, когда многое в работе ВЦИОМа уже определилось, после решений коллектива, объективно сделавших ее статус директора нелегитимным и потому достаточно болезненно воспринятых Т.И., она отошла от руководства этой организацией. Одновременно, в силу неприятия нового стиля отношений Ельцина и его ближайшего окружения с людьми, ей пришлось отойти и от политической деятельности, о чем она не сожалела. 28 декабря того же года Т.И. записала в дневнике: «Слава Богу, что политика из моей жизни ушла навсегда, больше ей меня не видеть» [4, с. 677]. Начался новый этап в ее жизни – тесное сотрудничество с Теодором Шаниным, известным британским крестьяноведом, специалистом по истории и экономике России, в созданных им Интерцентре и Московской высшей школе социальных и экономических наук – «Шанинке».

Заславская руководила крупным научным проектом, связанным с социологическим анализом социально-экономических преобразований в стране, и кроме того, начала читать в Шанинке курс «Социальный механизм трансформации российского общества». Казалось бы, какие могут быть трудности у серьезнейшего исследователя этой проблематики и политика, наблюдавшего управленческую деятельность высших эшелонов власти, с подготовкой двенадцатичасового курса студентам? Но опять происходило то, о чем Т.И. говорила в нашем интервью о преподавании: «Фактически же я так и не успела полюбить этот вид труда, а потому и в полной мере им овладеть. Преподавание осталось для меня тяжелой и нелюбимой “нагрузкой”» [1, с. 157]. Но все прошло успешно, она смогла продумать и изложить будущим социологам свои основные воззрения

на происходившие в стране изменения, и – как отмечено в дневнике – пообщаться с молодежью, умной, думающей, серьезной.

Наряду с этим в течение десяти лет Т.И. была руководителем и душой ежегодного симпозиума Интерцентра «Куда идет Россия?». Первый форум состоялся в декабре 1993 года, то есть через четыре месяца после ГКЧП и через несколько дней после поражения демократов на выборах в Государственную думу.

Тематика симпозиумов охватила наиболее актуальные проблемы развития российского общества, и ее обсуждение дало многое и для развития социологической теории, и для выработки практических рекомендаций. Симпозиумы стали существенной частью научной жизни обществоведов страны.

Сделанное Т.И. Заславской оставлено ею всем нам. Это ее вклад в познание нашего общества, его демократизацию, в нравственные основы современного российского социологического сообщества.

Немного сугубо личного

На рубеже 1980–1990-х годов имя Т.И. Заславской знала вся активная часть советского общества. Я познакомился с ней, когда в 1988 году начал работать во ВЦИОМе. Но узнал ее лишь в середине июня 1990 года; тогда большая группа московских и региональных сотрудников Центра участвовала в конференции в Алма-Ате. Мы летели туда из Москвы ночным рейсом, и мое место оказалось рядом с ее. Доверительность, открытость ночных разговор с попутчиками – излюбленная тема русской классической литературы. По-видимому, то, что наблюдалось литераторами на небольших станциях, в вагонах поездов, верно и для самолетов. Мне повезло. Я увидел в Татьяне Ивановне то, чего в принципе не могли наблюдать миллионы телезрителей, да и многие ее коллеги. Мне открылись ее стремление как можно больше узнать о жизни других людей и готовность рассказывать о себе. Крайне редкое качество, тем более для человека, находившегося на пике популярности.

В 1993 году, когда я уже знал, что вскоре уеду из России в Америку, я пришел к Татьяне Ивановне домой и сообщил об

этом. Она была первой в Москве, с кем я поделился планами моей семьи, и меня согрели, успокоили ее слова: «Грустно, когда уезжают друзья».

Наши контакты, уже по электронной почте, возобновились лишь осенью 2005 года – она легко согласилась дать мне биографическое интервью. Прошло не менее полугода до того момента, когда наша «электронная беседа» через океан началась. Но для меня это время не было потерянным. В конце марта 2006 года Татьяна Ивановна прислала мне свою документальную повесть-драму «Первый год войны» с подзаголовком «Через призму семейной переписки». Это рассказ 14–15-летней девушки, едущей из Киева в Ташкент с мало знакомыми людьми, и о ее жизни в Ташкенте. Прочтение дневниковых записей Тани Карповой стало для меня вторым открытием Заславской. Они ввели меня в ее ценностный мир.

Пройдет время... и кто-либо отважится написать роман, прообразом главной героини которого станет Татьяна Ивановна. Содержание такого произведения будет определено трагической историей России XX-XXI вв. Повествование может начаться как семейная сага и превратиться в социально-психологическую драму, где размышления и переживания героини будут неразрывным образом связаны с историческими реалиями нашей страны. Героиня романа – не пассивный наблюдатель событий, в которые вовлекли ее жизненные обстоятельства, а активный их участник. Видя все это в ходе интервью, я как-то сказал Татьяне Ивановне: «Ваша жизнь – основа для романа». Она согласилась и после некоторой паузы добавила: «Социально-психологической драмы». Мемуары свидетельствуют – она была глубоко права.

28 февраля 2013 года я находился в Москве на конференции памяти Бориса Андреевича Грушина, которую проводил ВЦИОМ. Программа была очень плотной. Успел лишь выскочить на пару часов, доехать до Дома ученых, где у меня была намечена встреча с Владимиром Александровичем Ядовым... Там оказалась и Татьяна Ивановна. Обнялись, поговорили, она меня спросила: «Может, заедете к нам?». Пообещал в следующий раз...

Очень грустно, когда друзья уходят навечно...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заславская Т.И.*: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
2. *Заславская Т.И.*: «Глоток свободы был слишком основательным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14.
3. *Докторов Б.* Судьба для романа // Троицкий вариант. 2008. № 18N (854). С. 12–13.
4. *Заславская Т.И.* Избранное. Том 3. Моя жизнь: воспоминания и размышления. М.: Экономика, 2007.
5. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
6. *Заславская Т.И.* Мы с Ядовым – «братья по разуму» // Vivat, Ядов! К 80-летию юбилею: Сборник / Ред.-сост. Е.Н. Данилова, Л.А. Козлова, П.М. Козырева и др. М.: ИС РАН, 2009.
7. *Шкаратан О.И.* «Академические исследования требуют спокойствия» // Экономическая социология в России: поколенческие учителя / Сост., отв. ред. В.В. Радаев. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2008. С. 53–81.
8. *Заславская Т.И.* Перестройка и социология // Правда. 1987. 6 февраля.

О ЮРИИ ЛЕВАДЕ. ЖИЗНЬ В ПОИСКАХ «НАСТОЯЩЕЙ ПРАВДЫ»²⁰

[Авторское дополнение] Настоящие заметки о Ю.А. Леваде я писал через несколько месяцев после его смерти, когда было крайне мало информации о его жизни и работе. За прошедшие годы появились воспоминания о нем и специальные исследования его творчества. И считаю необходимым дополнить написанное ранее краткой информацией о его родительской семье <https://ru.wikipedia.org/wiki/Левада,_Юрий_Александрович>.

Юрий Александрович Левада родился в семье журналистки винницкой областной газеты «Більшовицька правда» Натальи Львовны Морейнис и историка-медиевиста Моисея Александровича Когана, впоследствии профессора и декана исторического факультета Ленинградского педагогического института им. Покровского. В середине 1930-х годов Наталья Львовна Морейнис вышла замуж за начинающего писателя Александра Степановича Леваду, который усыновил ребёнка; их брак распался вскоре после рождения младшего брата Евгения (1939—2000), и после войны его отчим жил в другой семье. Дед Ю. А. Левады, фармацевт, профессор Лев Константинович Морейнис (?-1937), был одним из основателей Винницкого медицинского института.

Благодарю многих коллег и друзей Ю. А. Левады и людей, не знавших его лично, за помощь в этой работе.

Жизнь состоялась

Как только российская социология начнет понимать себя и осознавать свою силу, она серьезно займется изучением наследия и биографий тех, кто ее создавал, и кто ее возрождал, с чьей деятельностью связаны важнейшие события в ее современной истории. Справедливо и обратное: без систематического исследования деятельности тех, кто

²⁰ Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82.

в постхрущевские годы формировал теорию и методологию советской социологии, кто зафиксировал образ жизни, особенности массового сознания и характеристики многочисленных форм поведения населения СССР/России, отечественная социология не сможет по-настоящему понять и реально оценить себя.

Можно утверждать, что любой претендующий на полноту исторический, политический, социально-культурный анализ процессов, происходивших в СССР во второй половине прошлого века и в России в начале наступившего столетия, всегда в значительной степени будет базироваться на результатах исследований общественного мнения, проводившихся Юрием Александровичем Левадой (1930–2006). Вместе с тем, очевидно, что стремление историков науки к познанию экологии среды, в которой происходило становление советской социологии, неминуемо подведет их к изучению его жизненного пути.

Важной особенностью творчества Левады, наиболее заметно проявляющейся в его статьях и выступлениях последних десяти лет его жизни, является их латентная и нетривиальная автобиографичность. В них нет мемуарности, но в их предметной наполненности – анализе его наблюдений за динамикой сознания россиян – присутствует и его гражданская позиция, и его «я», т.е. размышления о прожитых им годах. Суммируя все происходившее с «человеком советским» или в «человеке советском», Левада одновременно пытался осмыслить свой жизненный путь. Потому аналитики, для которых главную ценность представляют социологические выводы Левады, неминуемо увидят в них Леваду – гражданина и личность, а историки социологии смогут подойти к пониманию жизни и творчества Левады лишь в том случае, если осият его научное наследие. Пока можно лишь одно сказать: его жизнь состоялась. Когда он стал заниматься социологией, у него было представление, что он и его коллеги должны поставить перед обществом зеркало, чтобы оно в него смотрелось. Всю жизнь он старался это делать [1] и очень многое ему удалось выполнить.

Из сказанного следует два вывода. Первый – творчество Левады и его биография непременно будут предметом специальных историко-научоведческих исследований. Второй – сейчас почти невозможно обстоятельно писать о сделанном

им. Необходима дистанция для обзора жизненного пути и творчества Левады, и нужно время для освобождения от ощущения его харизмы, некоторые грани которой обозначены сорок лет знавшим его Алексеем Левинсоном. Он говорит о «феномене L» [2].

Однако это не означает, что изучение наследия Левады должно быть отнесено в будущее; это было бы крайне нежелательным и для создания его творческой биографии, и для написания истории современной российской социологии. Время не имеет обратного хода, и потому то, что относительно легко сделать сейчас, через несколько лет может оказаться неосуществимым. Потому надо стремиться активно изучать судьбы и творчество тех, кто во второй половине XX века и в первые годы наступившего столетия внес заметный вклад в становление российской социологии и, в частности, в исследование общественного мнения [3]. Это будут «оперативные материалы»: очерки, воспоминания, фотографии, другого рода документы о людях, чей жизненный путь уже завершился, но чье наследие живо и останется значимым для будущих аналитиков общественного мнения. Уверен, что в этом «Зале славы» должно быть место и для портрета Ю.А. Левады.

Дважды шестидесятник

Для нескольких поколений российских социологов, аналитиков общественного мнения, исследователей культуры Юрий Александрович Левада был и будет оставаться эталоном поведения обществоведа в сложных политико-нравственных коллизиях. На его смерть отозвались виднейшие политики страны, ведущие исследователи российского общества, демократически ориентированные средства массовой информации России, ряд западных информационных каналов. Соболезнования прислали президент Владимир Путин, вице-премьер Дмитрий Медведев, а также первый президент Советского Союза Михаил Горбачев [4].

Если кратко сформулировать причину подобного внимания к явно не публичной, не пафосной личности, к ученому, полтора десятилетия вынужденно молчавшему, то она проста: огромный дефицит людей, верящих в существование, говоря словами Левады, «настоящей правды», постоянно

ищущих ее и стремящихся говорить ее. Многим такая вера и такое поведение кажутся наивным, немодным, опасным и бесполезным. Однако в моменты просветления общественного и личного сознания оказывается, что именно этого «устаревшего» товара всегда и всем недостает.

Леваду можно назвать «дважды» шестидесятником. В 1960-е, подобно многим интеллектуалам, он воспринял идеалы хрущевской «оттепели» и сделал их базой, гражданским императивом своих научных изысканий. В середине 1980-х он, поколебавшись, – ведь мысль всегда пессимистична, – принял дух перестройки. В интервью, данном Левадой за два месяца до его смерти, он вспоминал: «Я помню, как обсуждали пришествие Горбачева. Я ему сначала не верил совершенно. Считал, что это очередной Черненко. Но потом исправился» [5].

Обладая мужеством все додумывать до конца, он, скорее всего, никогда не считал, что «иного не дано», но одновременно в течение последних двух десятилетий не допускал мысли о реставрации милой сегодня многим в России имперскости. Даже внутри социологического сообщества, в котором представители старших поколений обоснованно относят себя к шестидесятникам, не все сохранили в себе политические ценности и интеллектуальные устремления того времени. Левада – сохранил. В печально-траурные дни профессор А.Г. Здравомыслов, знавший его четыре десятилетия, писал: «Я бы хотел подчеркнуть, что Юрий Александрович в годы перемен, произошедших в стране, не менял своих убеждений. Он оставался верным тем идеям, к которым пришел в молодости...» [6].

Молодой блестящий ученый

Юрий Левада был человеком закрытым: о себе говорить не любил, воспоминаний не публиковал, но все же из его разрозненных публикаций и скупых в биографическом отношении воспоминаний его друзей и коллег вырисовывается общая траектория его жизни.

Родился он в Виннице; его мать была журналисткой, отец Александр Степанович Косяк-Левада – известным украинским литератором. Он участвовал в Великой отечественной

войне, а после войны работал в Министерстве кинематографии и в Министерстве культуры Украинской ССР. Им написаны сценарии к ряду игровых и документальных фильмов.

Бабушка Левады была полькой, принадлежащей к польско-литовскому графскому роду Сангелло. В доме говорили по-польски, была литература на польском языке. Позже это дало возможность Леваде читать по-польски газеты, политическую и социологическую литературу, слушать радио «Свобода», которое не глушили.

Польская социология, по мнению Левады, имела огромное значение для развития социологии в СССР. Западной литературы в стране не было а польскую, начиная с 1960-х, можно было купить. «Историю социологии, – говорил Левада осенью 2006 года, – кроме польских источников, брать было больше неоткуда, историю западной социологии мы узнавали по-польски. Потом уже можно было добраться Как-то до источника. И для всего моего поколения социологов Польша была мостиком к западной социологии, воротами такими. Можно было через поляков узнать, что там делали, читая их литературу» [5].

Украинский язык он всегда помнил, интересовался Украиной и часто там бывал. По воспоминаниям украинского социолога Владимира Паниотто, в 2004 году Левада участвовал в проведении экзит-поллов, а на пресс-конференции по его результатам неожиданно для всех присутствовавших заговорил на украинском [7]. Возможно, еще в юности он начал изучать и другие языки, во всяком случае, в зрелые годы он читал социологическую литературу и говорил на ряде европейских языков.

О детстве Левады очень мало известно, потому приведу кажущийся мне интересным факт. В годы войны, значит, ему было не менее десяти лет, Левада жил с семьей в Тюмени. В 2001 году я рассказал ему о конференции в Тюмени, и он заметил, что если бы знал о ней раньше, может быть бы и поехал, не был в том городе после эвакуации. И вспомнил, как однажды его мать пришла домой и сказала тихо: «Юра, к нам в город приехал Ленин». Прежде всего он подумал о «живом Ленине». Вообще в те годы очень немногие знали о том, что тело Ильича находилось в Тюмени.

Интерес к философии у Левады возник в старших классах школы; начал читать и понравилось. У деда со стороны

матери – профессора медицины и фармакологии – книжные полки закрывали все стены. Была лесенка, на которой было уютно сидеть и углубляться в философские дебри. В 1947 году с наивной надеждой на существование места, где должны говорить «настоящую правду» [8], Левада поступил на философский факультет Московского университета. В начале 2000-х годов, вспоминая факультет, он говорил: «Мне казалось, что там научат думать... хотя на самом деле отучали, но я этого не знал». Со студенческим окружением ему повезло: «В те годы через факультет проходил “сильный пучок” интересных людей – ни раньше, ни позже, кажется, такого “парада планет” не было» [9]. В цитированной выше статье А. Левинсон отмечает феноменальность студенческой когорты тех лет [2]. Одновременно с Левадой, чуть раньше или позже, учились Борис Грушин, Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Эрик Юдин, Георгий Щедровицкий. На одном курсе с Левадой училась и Раиса Титаренко, будущая жена Михаила Горбачева. Горбачев пишет в своих воспоминаниях: «...все чаще стал я посещать комнату общежития, где жила Рая, познакомился и с ее подругами и их друзьями – Мерабом Мамардашвили и Юрием Левадой (первый позднее стал известным философом, второй – столь же известным социологом). Собеседники они были интересные...» [10, с. 69].

Вспоминая студенческие годы, Николай Иванович Лапин отмечает: «С Юрием Левадой, просто Юрой, я познакомился в 1949 г., когда поступил на философский факультет МГУ. Он был всего на год старше меня, но я изначально воспринимал его как человека, который сразу и точно осмысливал суть происходящего, особенно сложных событий. Обстоятельность и проницательность его ума, надежность его характера ощущались чисто физически» [11].

Чистая философия Леваду тогда не интересовала, это пришло позже, его влекло к социально-политической проблематике, к вопросам социальных изменений. Социологии в те годы не обучали, он слышал о ней совсем немного, никакой специальной литературы у него не было.

Университет Левада закончил в 1952 году, в конце обучения его заинтересовал Китай. По его воспоминаниям, он «наполовину выучил язык», написал диплом, а в 1955 году и кандидатскую диссертацию по китайской революции [12].

В том же году он начал работать в Институте китаеведения, поехал в Китай, где впервые занялся социологическими исследованиями. Массовые обследования ему проводить не позволили, но что-то все же удалось сделать. Потом отношения между СССР и Китаем изменились, и работа по изучению китайского общества стала невозможной.

В 1960 году Левада перешел в Институт философии АН СССР и начал заниматься социологией религии, темой, имеющей многовековые традиции в мировой культуре и обществоведении, но абсолютно новой для того времени в СССР. Уверен, при раскрытии этой темы Леваде приходилось сдерживать себя и при стремлении к высокому уровню философским обобщениям, и при спуске в глубины массового сознания. Исследования завершились книгой «Социальная природа религии» (1965 год), не потерявшей свое значение и в наше время. Им был сформулирован ряд общих подходов к социологическому исследованию культуры, показано, как обществом, человеком воспринимаются сложные явления окружающего мира, и описан механизм становления управляющей общественной системы. Думаю, что многое, о чем ему хотелось тогда сказать, в силу различных соображений высказано не было, но проросло позже в его других работах.

В 1966 году Левада становится одним из первых в стране докторов наук, работающих по социологической тематике, и создает научный коллектив, ведущий исследования по теории социологии. В том же году родился известный левадовский междисциплинарный семинар, на котором обсуждались новые для того времени подходы к изучению всего множества форм социальных отношений. Тогда это был не «теневой» семинар, обычный – классическая форма академической работы.

За «не те» слова он был обречен на молчание

В 1968 году Левада участвует в создании Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). Через год он издает «Лекции по социологии» [13]; два тома, каждый из которых был немногим более ста страниц. Это были материалы, которые он четыре года читал в МГУ будущим журналистам.

Позже Левада называл свой курс примитивным и популярным, но для того времени это было совсем не так. Новым было отчетливое стремление автора показать самостоятельность социологии как науки, раскрыть ценность эмпирических методов при анализе социальных процессов, указать на сложность механизмов взаимоотношения личности и общества. Последующие события, которые теперь являются далекой историей, показали, что ни эти утверждения Левады, ни ряд методических недочетов, ни несколько двусмысленных фраз не могли бы сами по себе стать предметом резкого осуждения «Лекций» и расправы с их автором. Просто время не стояло на месте, идеологи старой закалки, вынужденные в период «оттепели» припудрить свои идеологические воззрения и приглушить карьерные амбиции, больше не могли и не хотели ждать.

Фраза о том, что личность в обществе подвергается разного рода давлению со стороны власти и массового общества и что ее пытаются задавить танками, сказанная задолго до «Пражской весны» и пропущенная цензурой, в 1969 году была интерпретирована как осуждение ввода советских войск в Прагу. В сравнении почти тождественных высказываний Гитлера и Сталина о том, что человек – ничто, а массы – все, нашли идеологическую ошибку. Разразился скандал, поднялась волна злобной критики. Статьи в «Правде» и «Коммунисте», главных печатных органах партии, обсуждения (осуждения) в партийных школах. Главная вина – отступление от марксизма, преклонение перед буржуазной социологией. Потом обсуждение в ИКСИ, уход из университета, выговор по партийной линии, запрет на публикации. Социологический фольклор конца 1960-х включал и такую частушку: «Ой не надо, ой не надо нам рубить-то сгоряча, не расстреляли бы Леваду, да к столетию Ильича» [14].

На время Леваду оставили в покое, но летом 1972 года к руководству ИКСИ пришел М.Н. Руткевич. «Тогда, – вспоминал Левада, – он имел и славу и силу главного погромщика социологии, он на этом делал карьеру, для чего специально и приехал из Свердловска. Стало ясно, что нам тут не жить, надо уходить. Я знал о настроении, поведении Руткевича и сразу ему сказал, что думаю уйти. Он ответил, что уже договорился с Федосеевым о том, что я уйду. Сказал это с привычной ухмылкой, по-моему, с большим наслаждением» [15].

Поскольку в достаточно влиятельных партийных и научно-бюрократических кругах за Левадой закрепилась слава злодея, найти новое место работы ему было нелегко. В конце концов, друзья помогли ему устроиться на скромную должность старшего научного сотрудника в Центральный экономико-математический институт АН СССР (ЦЭМИ). Первоначально с ним должны были перейти еще несколько человек, но в результате не дали даже ставки секретаря. Так, «сам по себе», он работал 16 лет, занимался чем-то вроде социологии экономического развития. У него не было аспирантов, его не публиковали, он не мог преподавать и выезжать за рубеж. Он был обречен молчать.

В дни, когда друзья и коллеги прощались с Левадой, и я делал подборку материалов о нем [16], Владимир Шляпентох писал: «Для меня главное, что сделал Юрий Левада в своей жизни, это мужественное противостояние давлению тоталитарного государства в 1970-е годы, которое с большой вероятностью могло обернуться арестом. Он тогда не дрогнул и стал, по сути, единственным диссидентом среди социологов первой волны» [17].

В разные времена судьбы огромного числа людей были сломлены советской властью, но в ряде случаев ее давление на тех, кто высоко ценил свою правоту, был глубоко предан своим убеждениям и верил в правоту своего видения мира, приводило к обратным результатам. ГУЛАГ сделал Солженицына, заключение выковало Бродского, «психушка» обострила художественное видение Шемякина, высылка из страны Ростроповича привела к тому, что он стал мировой знаменитостью. Их таланты раскрылись в вынужденной эмиграции; обстоятельства дали им почувствовать настоящую свободу в творчестве.

Возможно, власть надеялась на то, что Левада сломается, уйдет во внутреннюю эмиграцию или покинет страну, он же создал свое сообщество, в котором мог чувствовать себя в достаточной мере интеллектуально свободным. Речь идет о том, что все эти годы работал левадовский семинар. Каждые две недели собирались люди: иногда – лишь постоянные участники, и потому хватало небольшой комнаты, иногда – несколько сот человек. Официальная философия, социология были узкими, скованными, потому существовал интерес к нормальным, не идеологизирован-

ным исследованиям, ощущалась необходимость изучения реального человеческого поведения. Случалось, что вокруг семинара возникали скандалы, приходилось менять место. Деятельность семинара и его руководителя интересовали и КГБ, но, скорее всего, органы понимали, что лучше не загонять обсуждение общесоциологических проблем совсем в подполье.

Очень яркий факт, говорящий о гражданском, личном мужестве Левады, приводит в своем эссе Владимир Шляпентох, многие годы живший в Америке. Он вспоминает время, непосредственно предшествовавшее его эмиграции: «Левада, вообще очень сдержанный и даже суховатый человек, не был моим другом, только добрым коллегой. Так вот, как только стало ясно, что я оказался в числе “неприкасаемых”, он стал бывать в моем доме почти ежедневно, полностью игнорируя, что все его посетители – таково было тогда всеобщее мнение – регистрируются соответствующими службами. Когда у меня возникали неприятности, я ждал его прихода с нетерпением для совета и успокоения» [18].

**«Не припомню, когда бы я говорил, писал
или заявлял то, чего я не думал...»**

В конце марта 2004 года бывший ленинградец профессор Дмитрий Шалин, давно преподающий социологию в Университете Невады в Лас-Вегасе, восстановил и перенес на бумагу диктофонную запись своей продолжительной беседы с Юрием Левадой, состоявшейся в феврале 1990 года [15]. С любезного разрешения Д. Шалина привожу несколько разрозненных фрагментов (в тексте интервью они расположены не подряд) из воспоминаний Юрия Александровича об описанных выше событиях.

ДШ: Как вам казалось, в 60–70-е годы, особенно когда Вы были официально в опале, была у Вас возможность говорить то, что Вы думаете?

ЮЛ: Возможно, я Вас в чем-то разочарую, но я могу сказать только то, что могу сказать. Никаких особенных внутренних переживаний я не испытывал. Внешнюю канву этих событий Вы знаете. В шестьдесят девятом – семидеся-

том была попытка расправиться с социологией. Предлогом была моя книжка, я думаю – только предлогом.

ДШ: Встречались Вы на дому [БД: речь идет о семинаре]?

ЮЛ: Мы встречались обычно либо там, где я работал, либо еще на какой-нибудь другой почве. В основном там, где я работал, там у нас и проходил семинар. У нас помещения долго не было... Несколько раз его пытались запретить, мы меняли название, меняли крышу и продолжали жить практически непрерывно.

ДШ: Я вот слушаю Вас, и мне кажется, что Вы можете сказать, или кто-то мог о Вас сказать, что Вы жили не по лжи, Вы по существу, как думали, так и говорили. Я немножко утрирую, но...

ЮА: Думаю, что да. Я не могу припомнить ни одной ситуации, когда бы я говорил, или писал, или заявлял то, чего я не думаю...

ДШ: Хотя и молчали по поводу определенных вещей.

ЮЛ: Во-первых, я просто не участвовал в социологических прочих вещах. Во-вторых, в это время развернулась политическая жизнь на уровне диссидентства.

ДШ: Вы, кстати, не считали себя диссидентом?

ЮЛ: Нет. Я знал людей многих, которые с этим были связаны, в какой-то мере помогал. Никаких ни угрызений, ни опасений по этому поводу не было, но специального участия в работе я не принимал.

ДШ: А был когда-то момент сомнения, что, может быть, пора уезжать?

ЮЛ: У меня не было, ни разу.

ДШ: А Вы можете себе представить такие условия в Советском Союзе – тогда, сейчас, в будущем, – когда Вы бы всерьез задумались, что, может быть...

ЮЛ: Сказать, что мне нужно было бежать от преследования, я не имел права. Сказать, что я чувствую интерес к лучшей жизни, я никак не мог, она меня не интересовала и не интересует сейчас.

ДШ: Было такое ощущение, что когда Вы пишете, Вы что-то не досказываете или выбираете тематику...

ЮЛ: Конечно, в какие-то времена кое-что не досказывал. У меня вчера был разговор с нашим Эрихом Гольдхагеном (Б.Д.: Erich Goldhagen, профессор историк, многие годы работал в Center for Russian Studies в Гарвардском уни-

верситете), которому я сказал... я увидел, что он пишет о фашизме, интересуется им, и я ему сказал, что я когда-то очень занимался этим делом и написал одну статью, в энциклопедии она «Философской» [19]. Она довольно большая и в свое время мне нравилась, а потом... Он меня спросил: «Это написано в духе времени?» Вопрос, на который довольно трудно ответить. Мне самому кажется, что вряд ли совсем в духе времени, хотя и не ясно, что такое дух времени... Вы знаете, что главой редакции «Философской энциклопедии» был академик Константинов, который не все читал, но он меня знал хорошо и статью взял читать. На полях верстки он сделал надпись: «Это про них или про нас?»

ДШ: Тут-то Вы и поняли, что написали нечто хорошее.

ЮЛ: Нет, это я, простите, заранее знал, тут мне особенно не надо было на него опираться, мне единственное надо было, чтобы он не мешал. Тогда редактор, достаточно приличный и достаточно хитрый человек, в нескольких пунктах написал слово «буржуазный», то есть это не просто такая организация, а «буржуазная»...

Востребован новым временем

В истории современного этапа российской социологии есть событие, которое большинству ни о чем не говорит, но при упоминании о котором у небольшой группы социологов первых поколений теплеют глаза. Речь идет о семинарах, или конференциях, в Кяэрику (Kääriku) – небольшом эстонском городке вблизи Тарту. Там – корни наиболее значимых советских исследований в области прессы и телевидения, в тех дискуссиях происходило понимание важнейших методолого-методических проблем социологии, и формировалась одна из наиболее продуктивных в отечественной социологии сетей межличностного общения. Организатором семинаров был тогда аспирант Тартуского университета Уло (Юло) Вооглайд (Ülo Vooglaid), теперь – известный социолог, политик и общественный деятель, а дух этих встреч во многом определялся выступлениями и общим отношением к жизни и социологии Владимира Ядова. Первая встреча проходила в 1966 году, вторая – в 1967 и третья – в 1968. Состоялась и четвертая, но ее материалы не опубликованы.

Через сорок лет после Кяэрику-1 Ядов вспоминает: «Встречи в Кяэрику – событие в советской социологии. Эстония была в СССР своего рода “Западом”. Языка московские начальники не понимали, и генсек Эстонской компартии Иоханнес Кяэбин точно играл роль “крыши”. В Кяэрику участники собраний чувствовали себя, примерно как сегодня на любой международной конференции. Говорили то, что думали, а думали как шестидесятники, если переводить на язык идеологии. В собственно научном плане там блистали Юрий Лотман, узнадзевец Венори Квачахия, Юрий Левада и многие другие выдающиеся интеллектуалы» [20, с. 10]. А вот вспоминает Владимир Шляпентох: «Эти семинары были праздником души и профессионализма» [21, с. 639].

Если судить по оглавлению сборника выступлений на первой конференции, то можно утверждать, что Левада там был ключевой фигурой. Он делал доклад о массовой культуре и различных видах массовой коммуникации, в котором, в частности, сказал: «...смотреться в зеркало не вредно, и в такое зеркало, как общественное мнение, тоже иногда можно смотреть...» [22, 139]. В свете того, что через два десятилетия стало главной темой исследований Левады, интересен один из фрагментов его ответа на замечание В. Б. Ольшанского относительно введенной докладчиком «тонизирующей» функции массовой коммуникации. Ссылаясь на Руссо, Левада говорил о демократии как о сочетании компетентных мнений людей [23, с. 182]. Таким образом, вопросы феноменологии общественного мнения находились в поле зрения Левады уже в начале 1960-х годов, латентно это проблематика присутствует и в его статьях 1970-х – начала 1980-х годов.

Из «заточения» в ЦЭМИ Леваду освободила перестройка. В 1988 году социолог и экономист, академик Татьяна Заславская и профессор Борис Грушин, «отец» опросов общественного мнения в СССР, приступили к созданию Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМа) и пригласили Леваду возглавить в нем теоретический отдел. Получив от Грушина предложение перейти во ВЦИОМ, Левада согласился, выдвинув одно условие: вместе с «командой». Условие было принято, и сильная группа социологов-культурологов, прошедшая через семинар, приступила к новой работе.

Расцветала гласность, вскоре была отменена цензура, население втягивалось в обсуждение всего происходившего в стране, его можно было спрашивать о многом. Символично, что первая книга, выпущенная в 1990 году Левадой и его коллегами, бывшими «семинаристами», называлась «Есть мнение!» [24]. Это не был ответ на сложнейший теоретический вопрос о том, что такое общественное мнение, но нечто созвучное восклицанию «Эврика!», передающему одновременно и удивление, вызванное обнаружением нового, и радость первооткрывателей. Действительно, в те годы значительные группы населения страны были активно вовлечены в перестроечные преобразования; одни – принимая их, другие – отвергая, но в любом случае, они реагировали на происходящее.

В 1992 году сотрудники ВЦИОМа выбрали Леваду директором, тогда ему пришлось заниматься не только теоретическими проблемами изучения общественного мнения, но определять стратегию деятельности института и решать множество рутинных вопросов. С момента рождения ВЦИОМ был ведущей в СССР, затем – в России организацией по изучению мнений населения, его результаты постоянно публиковались в наиболее известных средствах массовой информации, комментировались ведущими политологами и политиками. При этом нередко говорили не «как показали опросы ВЦИОМа», но короче: «по результатам опросов Юрия Левады».

Одновременно с освещением отношения россиян к происходящим в стране событиям (именно и прежде всего это интересует население и журналистов) Левада постоянно вел углубленное исследование динамики сознания россиян. Мониторинг был задуман в 1989 году для отслеживания, как казалось, уходящей природы – «человека советского». Однако опрос 1994 года показал, что все происходившее в обществе не столько формировало «нового» человека, сколько обнаруживало, освобождало в нем ранее скрытое, латентное. Еще через пять лет оказалось, что большинство населения – консервативно, подвержено влиянию ностальгических и даже реставраторских настроений. Четвертое обследование (2003 год) проводилось в обстановке «авторитарной стабильности». Подводя итоги мониторинга, Левада отмечал, что почти за два десятилетия с начала реформи-

рования советского общества в стране не сформировалось демократической, гражданской общности. Реально человек остается «советским», и это его качество подкрепляется государственными символами и официальным отношением властей к сталинским и брежневским временам [25].

Прошло свыше трех десятилетий после разгрома «Лекций» Левады, и вокруг ВЦИОМа начали развиваться события, напомнившие многим далекое прошлое. Созданный еще в «старое» время Центр и в начале нового века формально оставался государственной организацией, хотя свои финансовые проблемы решал самостоятельно, денег из бюджета ему не полагалось. В 2003 году власти под предлогом упорядочения хозяйственных вопросов решили изменить статус ВЦИОМа и убрать его руководителя. И тогда, и сейчас выдвигались разные предположения, соображения о подобной деятельности властных структур; в частности, есть точка зрения, что, по оценкам ВЦИОМа, рейтинг президента имел иную динамику, чем в расчетах аналитиков других организаций. В то время я проводил специальные сравнительные исследования и ничего подобного не обнаруживал. Потому предположу, что реальная причина был в ином: власть действовала на опережение. Смотри в будущее, она в принципе прогнозировала возникновение таких политических коллизий, в которых ей придется договариваться с Левадой о направленности тех или иных опросов, а, может быть, об интерпретации получаемых результатов. Одновременно она понимала невозможность таких переговоров.

Завершилась эта эпопея тем, что Левадой и его сотрудниками была создана новая независимая организация «Аналитический центр Юрия Левады». Туда перешли 82 человека из 82, работавших во ВЦИОМе. Работа не прекратилась ни на один день...

Наследие Левады: это надолго

Менее чем за месяц до смерти Левада следующим образом суммировал сделанное за годы изучения общественного мнения: «Мы стараемся делать, что мы можем делать – профессионально. Говорить, что это получается у нас очень

хорошо, я бы не стал. Получается, что получается. Какое у нас общественное мнение, такая и жизнь. Говорят, что есть центры, которые стараются причесать это мнение под власть. Я вообще не понимаю, зачем это делать. Оно и так такое гладкое и причесанное... Мы ведем мониторинг постоянно, регулярно и независимо от ситуации. У нас ряды до 15 лет и больше. Такая наша жизнь со всеми ее увлечениями, разочарованиями, провалами. И в людях, и в политиках, и в зарубежных связях. Мы считаем своей спецификой не то, что мы ставим вопросы, а то, что мы стараемся их понимать. Мы считаем себя обязанными понимать, почему люди говорят так, а не иначе» [26].

Юношеские мечты Левады о поиске настоящей, или подлинной правды в зрелые годы трансформировались в глубокую исследовательскую установку – понимать социальный мир. Он в полной мере разделял Спинозовскую максиму: «Не радоваться, не горевать, а понимать...» [27, с. 18]. Эта мысль, внутренний императив отражены и в целях многолетней деятельности ученого, и в его методах, и в его результатах.

В жизни-творчестве Левады я могу выделить три этапа (названия – метафорические): поиски собственной религии, период затворничества и годы миссионерства. Все периоды были в высшей степени продуктивными, а кумулятивный эффект – весьма значимым.

Защищая свои «Лекции по социологии», Левада был потому бескомпромиссен, что не мог позволить себе отказаться от тех теоретико-методологических конструкций, которые он начал возводить. Он верил в них и не хотел видеть себя вероотступником. Полтора десятилетия в ЦЭМИ – я не говорю о драматизме самого факта затворничества – превратили Леваду в одного из самых образованных советских социологов, позволили ему вести свободный внутренний диалог по принципам социальной философии и политики. Невозможность публиковаться обернулась для него возможностью сосредоточенно размышлять об основах социального знания, устройстве общества и месте человека в обществе. В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в качестве миссионера. Но в действительности от таковым был. Прежде всего, это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. А по-

тому неудивительно, что печатные и электронные средства массовой информации постоянно несли огромной аудитории слово Левады. К его высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения.

Исторически сложилось так, что в Америке и Западной Европе изучение общественного мнения является научно-аналитическим видом деятельности, лежащим на пересечении социологии, социальной психологии, политологии и журналистики. И хотя уже в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов XX столетия изучением массовых установок занимались такие крупные ученые, как Гордон Олпорт, Пауль Лазарфельд, Самуэль Стауффер, Стюарт Додд, а в настоящее время данные опросов, особенно длинные ряды, используются историками, социальными философами и культурологами, изучение общественного мнения во многих странах не относят к разделу академической науки. В СССР процесс становления исследований общественного мнения развивался иначе, центральные и локальные партийные организации привлекали к проведению опросов социологов, работавших в академических институтах, университетах, в научных и образовательных структурах КПСС.

Начинались опросы общественного мнения в СССР в 1960 году фактически по той же модели, что и в США, по заказу и при поддержке газеты; Б.А. Грушин проводил их для «Комсомольской правды». Но потом он занимался ими как сотрудник институтов Академии наук. Первый всесоюзный репрезентативный опрос по месту жительства на основе территориальной выборки был проведен В.Э. Шляпентохом, когда он работал в Институте социологических исследований АН СССР. В Ленинградском отделении того же института проводил опросы работающего населения Б.М. Фирсов. В Академии общественных наук при ЦК КПСС региональными зондажами мнений занимались Ж.Т. Тощенко и несколько позже – М.К. Горшков. Значительное число всесоюзных и региональных опросов общественного мнения в 1970–1980-х годах было проведено Ф.Э. Шереги, возглавлявшим соответствующий отдел в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. К моменту создания ВЦИОМа в стране было защищено множество

кандидатских и несколько докторских диссертаций по проблематике исследований общественного мнения.

Творчество Левады – исследователя общественного мнения – продолжало и развивало традицию изучения общественного мнения академическими (университетскими) социологами. Но он привнес в эту область социальных исследований, в значительной степени пронизанную традициями и методами позитивизма, опыт и высокую культуру социального философа и феноменолога. Время, логика развития науки и ряд внешних обстоятельств организационного плана поставили перед ним задачу: в конце XX века объединить огромный опыт, накопленный за века в социальной философии и культурологии, с новейшими достижениями в области информатики и технологии опросов. Он принял этот вызов и ответил на него. Его наследие – уникально и бесценно. Это – крупномасштабная и многокрасочная картина трансформации общественного сознания россиян в один из драматических для России и мировой истории моментов: перехода страны от тоталитаризма к демократическим принципам общественного устройства. Его стиль анализа эмпирической информации – уникален, думаю, неповторим, как неповторим тот путь, которым он пришел к изучению общественного мнения.

Вот как характеризует ВЦИОМовский период работы Левады Игорь Кюн, который знал его в течение ряда десятилетий: «Появление Левады во ВЦИОМе было неожиданным. По складу своего мышления и направленности интересов он был, прежде всего, теоретиком, и если бы кто-то до перестройки сказал, что ему предстоит руководить центром по изучению общественного мнения, он, вероятно, просто засмеялся бы. Но в эпоху быстрых социальных трансформаций классические социологические модели оказались неприменимыми... Сами по себе оперативные опросы вряд ли были Леваде особенно интересны, да и количественными методами исследования он, раньше не занимался. Однако он пытался за текущей информацией политического характера нащупать общие тенденции социального развития, динамику ценностных ориентаций “простого советского человека”, и сделал это блестяще» [28, с. 125].

Жизнь Левады так сложилась, что после книги о социальной природе религии им не было опубликовано монографий, однако ему принадлежит значительное число статей,

большинство из которых написано уже после его перехода во ВЦИОМ. Малоизвестные читателям социологические работы десятилетия его молчания собраны в сборнике, увидевшем свет в 1993 году [27]. Через семь лет была опубликована коллекция его статей по общественному мнению [29]. В течение многих лет почти в каждом выпуске журнала «Мониторинг общественного мнения» (сейчас он выходит под названием «Вестник общественного мнения») есть статьи, написанные Левадой.

Проводя огромное число опросов (только за первое десятилетие работы ВЦИОМа их было проведено свыше тысячи и опрошено более полутора миллионов человек [29, с. 572]), решая массу организационных проблем, с которыми сталкиваются полстеры, он всегда оставался, нет – был прежде всего – социологом. Для него изучение общественного мнения являлось важнейшей частью исследования фундаментальных социальных процессов. Девизом левадовского ВЦИОМа и его продолжения – Аналитического центра Юрия Левады является краткая фраза: «От мнения к пониманию». Другими словами, от множества различных мнений к настоящей правде.

Отсюда замаскированная легким стилем изложения глубокая теоретичность статей Левады; это не традиционное для многих аналитиков общественного мнения описание распределений голосов участников опросов. В действительности Левада непрерывно достраивал концепцию социокультурной системы и человека, которая начала у него формироваться при изучении социальной природы религии, развивалась им в серии ЦЭМИшных статей, была пунктирно намечена в небольшой коллективной книге о советском простом человеке [30] и затем проходила более чем десятилетнее испытание в «Мониторинге». Человек «приспособленный», или «адаптивный», человек «недовольный» и позднее – «смирненно недовольный», человек «лукавый», человек «особенный», человек «русский» – это все не просто эмпирически выявленные типы отношения значимых групп россиян к окружающему их миру, но каждый раз – проекция некоторого сложного, многомерного видения человека на определенную, заданную конкретными обстоятельствами (экономическими, политическими, социокультурными и проч.) плоскость. Человек един, правда он – иногда бы-

стро, иногда крайне медленно – меняется, но при разном освещении (его-то и устанавливал Левада со своими коллегами) он смотрится по-разному.

Теперь хотелось бы кратко остановиться на двух аспектах исследовательского подхода Левады, которые, на мой взгляд, не получили должного развития и потому ряд переходов в движении «от мнения к пониманию» оказались недостаточно проясненными. Первый из них касается использования многомерных методов анализа данных опросов, второй – изучения роли средств массовой информации при формировании общественного мнения.

В середине 1960-х годов Левада одним из первых в СССР заговорил о важности использования в социологии математических [31] и кибернетических методов [32]. Эти же вопросы освещались им и в его «Лекциях». Здесь же назову комментарий Левады к докладу Ядова на первой конференции в Кяэрику. Он касался проблем измеряемости и надежности [33].

В начале 1990-х мне приходилось многократно обсуждать с Левадой ход и итоги совместной работы ВЦИОМа и международного Исследовательского института социальных изменений (Research Institute for Social Change). Проект базировался на использовании изоэтренированной математической процедуры шкалирования, с помощью которой создавалась «европейская социокультурная карта» и определялось место России в ряду двух десятков европейских государств [34]. Я помню, что Левада принимал логику этого метода и видел его эффективность при решении нетривиальных типологических проблем. Этот же вывод подтверждается статьей Л.Б. Косовой, в которой излагается попытка использования многомерного факторного анализа к типологии «советского человека» [35].

Сложно сказать, почему ВЦИОМ (позже – «Левада-центр») не вел работ в области многомерной типологии, но эта ситуация поправима; сейчас крайне важным было бы построение пространственной (многофакторной) модели «левадовского человека». Это валидизировало бы выводы Левады, обнаружившего с помощью простейших измерений столь сложную структуру сознания советского человека, и дало бы новый импульс для развития теоретической схемы Левады.

Не обладая полной коллекцией публикаций ВЦИОМа и «Левада-центра», я могу ошибаться, говоря о недостаточном внимании разработчиков проекта «Советский человек» к исследованию деятельности средств массовой информации. Пытаясь выявить главные моменты в трактовке Левадой и его коллегами процесса зарождения мнений и перехода «от мнения к пониманию», я обнаруживаю, что распределение мнений в целом трактуется ими как функция двух переменных: макросоциальных изменений в обществе и изменений, происходящих внутри «советского человека» [36]. Такая схема была бы оправданной, если бы не ставилась задача понимания природы мнений, т.е. выявления всей совокупности причин его динамичности (или статичности). Как выше отмечалось, еще в начале 1960-х Левада говорил о важнейших функциях массовой коммуникации и о демократии как проявлении компетентности общественного мнения, однако эта линия не была достаточно развернута в теоретических и прикладных исследованиях. Это тем более трудно понять, если учесть тот факт, что многие элементы модели взаимодействия средств массовой информации и общественного мнения были разработаны на рубеже 1960 – 1970 - х Б.А. Грушиным в его «Таганрогском проекте» [37].

Он уходил очень далеко от берега

Одна из ключевых, стержневых тем рассказа-притчи Хемингуэя о старике и море возникает в словах старика, обращенных к мальчику: «Твой не любит уходить слишком далеко от берега». Речь идет о хозяине лодки, на которой работает мальчик. Сам старик любил уходить далеко от берега. Только там он мог поймать по-настоящему крупную рыбу, там он оставался один, наблюдал море и небо, говорил сам с собою.

Любая притча с вечными героями: море и человек – имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик – это он. Море – это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы. Огромная рыба – это

собирабельный образ тех объектов, которые интересовали его как философа, социолога и полстера.

Зацепив огромную рыбину, старик думает: «Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом... И некому помочь ни ей, ни мне». Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических проблемах, и он отчетливо понимал, что в поисках их решений ему придется далеко уходить от берега и мелей туда, где он всегда будет один. Творчество без одиночества невозможно. Но как старик, видя облака, море и стаю диких уток, понимал, что «человек в море никогда не бывает одинок», так и Левада не чувствовал одиночества даже в долгие годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и беспрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения с многими учеными прошлого, задумывавшимися о «природе вещей», об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима [27, с. 177].

Иногда старика посещала мысль о том, что, может, не нужно было ему становиться рыбаком. Но при этом он знал, что для того он и родился, и был уверен, что где-то рядом находится его большая рыба. Старик говорил себе: «Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов». Думаю, что Левада исходил из того, что он родился, чтобы исследовать общество, человека, и он оказался готовым к тому счастью, которое пришло к нему в конце 1980-х: ВЦИОМу с его огромными возможностями для мониторинга крупных социальных трансформаций. Он всегда работал с интересом, со страстью [38, с. 186].

На прощании с Левадой профессор В.А. Ядов сказал: «Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: “Ты поедешь куда-нибудь отдыхать?” Он отвечает: “Нет”. Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен» [39]. Душа Левады всегда стремилась работать, он не мог лишить себя радости

каждодневного познания нового, его погоня за «рыбой» не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом – со стаей акул, говорил себе: «Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру». Он не смог довести выловленную рыбку до берега, но высшая правда была на его стороне: «Кто же тебя победил, старик? – спросил он себя... – Никто, – ответил он. – Просто я слишком далеко ушел в море».

* * *

Я познакомился с Юрием Александровичем Левадой в конце 1980-х, когда начал работать во ВЦИОМе. Подошел к нему и назвался: «Борис Докторов». Он ответил: «Я знаю», и на этом вся церемония завершилась. Когда я уезжал в Америку, он сказал мне: «Будь мужественным, старик», и в этом «старик» было и навсегда осталось что-то аксеновско-шестидесятилетнее.

Последний раз мы обстоятельно беседовали поздней весной 2004 года, он был гостем калифорнийского Стэнфордского университета, недалеко от которого я живу. Я приехал к нему в гостиницу, это были две небольшие комнаты с кухней; в таких «апартаментах» обычно селят приезжающую профессуру. Поговорили о целях его приезда, я рассказал немного о своих исследованиях по новым технологиям опросов общественного мнения. Как обычно, говорил Левада немного, но слушал внимательно. Дни стояли жаркие, и хотя утром было чуть прохладно, чувствовал он себя неважно, ему было трудно ходить. Я сказал, что запарковался в подземном гараже прямо у выхода из лифта и по его реакции понял, что это было удачное решение. Вся дорога от гостиницы до Центра по изучению России заняла не более четверти часа. Начался небольшой дождик, обещавший временное ослабление жары. Мы остановились там, где длинная и широкая аллея, посаженная пальмами и калифорнийскими тополями, упирается в огромное здание, выстроенное в староиспанском стиле. Перед ним – фонтаны, в просторном внутреннем дворе – копии фигур Родена. Дальше я ехать не мог, правила езды по территории университета очень строги. Леваде надо было пройти еще метров триста.

В моей памяти Левада навсегда остается человеком, идущим к другим с настоящей правдой о России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Левада Ю.* «Запугивание населения – признак растерянности власти» // Новая газета. 2004. 5 ноября <<http://2004.povayagazeta.ru/nomer/2004/84n/n84n-s22.shtml>>.
2. *Левинсон А.* Держатель нормы. Юрий Александрович Левада (1930–2006) <<http://www.strana-oz.ru/?numid=33&article=1390#s4>>.
3. *Докторов Б.* Выдающиеся полстеры второй половины XX века. К открытию цикла // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 116–119.
4. Москва сегодня прощалась с известным российским социологом Юрием Левадой. <<http://www.echo.msk.ru/news/344916.html>>.
5. Вытеснение в мертвую память. Памяти Юрия Левады: Интервью Татьяне Косиновой <<http://polit.ru/analytics/2006/11/17/levada.html>>.
6. Электронное письмо А. Здравомыслова Б. Докторову от 20 ноября 2006 года.
7. Электронное письмо В. Паниотто Б. Докторову от 19 ноября 2006 г.
8. *Левада Ю.А.* «Научная жизнь – была семинарская жизнь» // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд-во Рус. христ. гуманит. института, 1999. С. 83.
9. *Нарышкина А.* Совершенно свободное плавание <<http://ladentelle.livejournal.com/305.html>>.
10. *Горбачев М.* Жизнь и реформы: Кн. 1. М.: Новости, 1995.
11. Электронное письмо Н. Лапина Б. Докторову от 20 ноября 2006 г.
12. *Левада Ю.А.* Об особенностях народной демократии в Китае: Автореферат. дис. ... канд. филос. наук. М., 1955.
13. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. Вып. 1–2. М.: Институт конкретных социальных исследований, 1969.
14. Интервью с проф. В.Т. Лисовским // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 4. С. 7–25 <<http://ecsosman.edu.ru/images/pubs/2004/11/20/0000184127/002intervu7-25.pdf>>.
15. *Левада Ю.:* «Я считал, что было бы неестественно вести себя Как-то иначе» <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html>.
16. Человек, всю жизнь искавший «настоящую правду». Памяти Юрия Александровича Левады // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2006. № 6. С. 41–43.
17. Электронное письмо В. Шляпентоха Б. Докторову от 21 ноября 2006 г.

18. *Шляпентох В.* Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // НЛО. 2007. № 87 <<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13.html>>.
19. *Левада Ю.* Фашизм. Статьи по социологии. М., 1993. С. 123–135.
20. *Ядов В.А.:* «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет..» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев.* 2005. № 3.
21. *Шляпентох В.* Социолог: здесь и там // Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
22. *Левада Ю.А.* Выступление на конференции // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кязрику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967.
23. *Левада Ю.А.* Участие в дискуссии // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кязрику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967.
24. Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Издательство «Прогресс», 1990.
25. *Левада Ю.* «Человек советский» 1989–2003 гг. Размышления о «большинстве» и «меньшинстве» // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (73). С. 9–18.
26. Не стало Юрия Левады... // Новые Известия. 2006. 17 ноября. <<http://www.newizv.ru/news/2006-11-17/58360/>>.
27. *Левада Ю.* Статьи по социологии. М., 1993.
28. *Кон И.* Вспоминая о Леваде // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 123–126.
29. *Левада Ю.* От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
30. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 80–90-х /Отв. ред. Ю.А. Левада. М.: Интерцентр, 1993.
31. *Левада Ю.А.* Точные методы в социологических исследованиях // Вопросы философии. 1964. № 9. С. 13–14.
32. *Левада Ю.А.* Кибернетические методы в социологии // Коммунист. 1965 № 12. С. 91–98.
33. *Левада Ю.А.* Выступления по поводу доклада В.А. Ядова // Материалы встречи социологов «Методологические проблемы исследования массовой коммуникации». Кязрику – 1966. Тарту. Тартуский государственный университет, 1967. С. 122–133.
34. *Докторов Б.З.* Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.
35. *Косова Л.Б.* «Человек советский» – возможность типологии // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 2 (28). С. 17–21.

36. *Левада Ю.А.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.* 1997. № 2 (28). С. 9–15.
37. *Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования /* Под ред. Б.А. Грушина, Л.А. Оникowa. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
38. *Дубин Б. В.* Образ и образец: памяти Ю.А. Левады (1929–2006) // *Социологический журнал.* 2007. № 1. С. 186–187.
39. *Демина Н.* Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006 <<http://nataly-demina.livejournal.com/100213.html#cutid1>>.

СКАЛА АЛЕКСЕЕВА²¹

[Авторское дополнение] Андрей Николаевич Алексеев (1934, 22 июля – 2017, 29 сентября) скончался менее года назад, уверен, пройдет совсем немного времени, и многое будет написано о его жизни, исследованиях и гражданской активности. Настоящая статья была написана к 75-летию юбилею Алексеева и опубликована в 2009 году. За восемь лет, прошедших между выходом в свет этой статьи и смертью Андрея Николаевича, им было сделано очень много. Главное, он развивал методологию и расширял область применения создававшейся им годами «драматической социологии». Вслед за 4-х томниками «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003–2005 гг.) и «Профессия – социолог» (2004), им были подготовлены два тома «Драматическая социология и ауторефлексия. Из неопубликованных глав» (2012–2013). В начале 2017 года он завершил четыре из семи задуманных им томов «После Миллениума». Ряд названных книг размещены на сайте <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>.

Отдельно назову «Блог Андрея Алексеева», который он в течение пяти лет вел на портале <http://www.cogita.ru>. Блог был – многотематическим: политика, культура, искусство, жизнь Петербург и, конечно же, социология. И все это цементировалось собственными статьями Алексеева или его неизменными комментариями. Здесь Андрей Алексеев в полной мере проявил себя как активный наблюдатель социума, журналист, петербуржец и социолог.

²¹ Докторов Б.З. Скала Алексеева // Социологический журнал. 2009. №3. С. 136-158.

Человек залезает на конкретную скалу вовсе не затем, чтобы все за ним лезли. Каждый пусть лезет на свою скалу, а кто-то, глядишь, заберется и на Эверест²².

В настоящей статье анализируются некоторые аспекты работы, осуществленной Андреем Николаевичем Алексеевым в последние три десятилетия. Ничего юбилейно-праздничного в этом тексте нет, тем более что в значительной мере он был написан более года назад и лишь в силу не зависящих от меня обстоятельств не был своевременно опубликован. Статья продолжает серию моих работ методологического и историко-научно-ведческого плана, цель которых, в частности, – найти исследовательский метод, позволяющий анализировать и описывать ближнее прошлое отечественной социологии, отталкиваясь или в значительной степени опираясь на биографии ученых, создававших и создающих эту область знания.

Био-логический подход

Написать историю науки, ничего не сказав о ее создателях – лидерах и научных коллективах, – невозможно, но часто все они представлены как тени, силуэты, профили, вырезанные из черной бумаги и наклеенные на белый фон. С той поры как подобная технология передачи лиц – без глаз и эмоций – родилась, а потом достигла высочайшего уровня, возникло искусство фотографии и кино, позволяющее передать и внешность человека, и в лучших случаях – его личность, характер. Вот и создание истории с «человеческим лицом» представляется мне попыткой уйти от истории, в которой «действовали бы» силуэты, к прошлому, наполненному реальными людьми.

В создаваемой мною типологии поколений советских/российских социологов есть «странная» вторая профессиональная когорта, единственная, которая осознанно не вписана в лестницу с равными 12-летней толщины ступенями. Так, первое поколение – это родившиеся в промежутке

²² Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауто-рефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003. С. 193.

с 1923 до 1934 года, третье – в интервале 1935–1946 годов и так далее (см. табл.).

Не претендуя на то, чтобы упомянуть всех представителей первого поколения (хотя их было немного, возможно, не более полусотни), назову имена тех, кто большинством нашего сообщества признается лидерами. Это, к примеру: Г.М. Андреева, И.В. Бестужев-Лада, Л.А. Гордон, Б.А. Грушин, Л.Н. Коган, И.С. Кон, С.А. Кугель, Ю.А. Замошкин, А.Г. Здравомыслов, Т.И. Заславская, Н.И. Лапин, Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, Р.В. Рывкина, А.Г. Харчев, О.И. Шкаратан, В.Э. Шляпентох, В.Н. Шубкин, В.А. Ядов. В 2008 году отмечалось 50-летие современной российской социологии, и тем из пионеров отечественной социологии, кто дожил до наших дней, сейчас 80 лет или несколькими годами больше.

Анализ показывает, что представители первого поколения советской социологии родились в промежутке от 1923 до 1934 года. Годы рождения значительной части ученых, чьи имена указаны выше, приходятся на конец 1920-х. Таким образом, на момент *второго* рождения советской социологии они были молодыми кандидатами, лишь единицы – докторами, наук, и их взгляды на общество формировались под влиянием подвигов героев революции и Гражданской войны, событий Великой Отечественной, обрывочных сведений о борьбе с «врагами народа», смерти Сталина и разоблачением культа личности.

«Странность» второго поколения заключается в том, что его представители по возрасту в среднем ненамного моложе образующих первую возрастную когорту. «Вторые» формировались как личности практически в том же социальном пространстве, что и «первые», но в силу личных жизненных обстоятельств «вторые» пришли в социологию несколько позже «самых первых».

Таблица

Схема поколений советских/российских социологов

Поколение	Годы рождения	Центральные годы
Первое	1923–1934	1928–1929
Второе	2-я половина 1920-х – 1934	
Третье	1935–1946	1940–1941

Окончание табл.

Поколение	Годы рождения	Центральные годы
Четвертое	1947–1958	1952–1953
Пятое	1959–1970	1964–1965
Шестое	1971–1982	1976–1977
Седьмое	1983–1994	1988–1989

Пока трудно сказать, чем в своем творчестве и мироощущении второе поколение отлично от первого, об этом можно будет говорить лишь по итогам специальных историко-наукоеведческих исследований, тем более, что многие из «старейшин» нашего цеха продолжают активно работать. «Первые», так уж сложились их судьбы, входили в социологию азартно. «Вторые» – более трезво, взвешенно, в некотором смысле им приходилось *отказываться* от ранее избранного профессионального пути и многое пересматривать в своих политико-нравственных воззрениях. Не имея возможности для аргументирования этого допущения, скажу, что оно вытекает из проведенных мною интервью с представителями этой общности, из анализа «Драматической социологии» Алексеева [1], книги Фирсова о разномыслии [2] и незавершенных мемуаров Соколова [3].

Существует еще одна особенность алексеевской картины мира, задающая специфику его положения в нашем профессиональном сообществе (последнее отражено в приведенных выше словах Т.И. Заславской, В.Э. Шляпентоха и Б.М. Фирсова). Помимо нетривиального общетеоретического и методолого-методического содержания, его работы привлекают внимание своей гражданственностью, более точно – поисками роли социолога в обществе. Причем он ничего не декларирует, не предписывает, не морализирует. Он действует проще, но много рискованнее и одновременно – ответственнее. Алексей избегает использования термина «эксперимент на себе», считая, что это звучит слишком красиво, но именно этот термин передает достаточно точно его исследовательский метод. И.С. Кон в недавнем письме Алексееву (автор письма прислал мне копию) весьма справедливо заметил: «... люди предпочитают анализировать не свои, а чужие страдания, так что подражать Вам мало кто захочет» [4].

Алексеев все проецирует на себя. Он рассуждает и действует так, как ему представляется должным, как может

разрешить себе лишь свободная – не от общества, но от страхов – личность. Он не просто расширяет методолого-инструментальный арсенал социологии новыми подходами и приемами, но дополняет его нравственными принципами; но не в виде перечня должного и запретного, а через формирование предмета собственных исследований. Принципиально то, что Алексеев никого не призывает следовать за ним, понимая, что каждый сам выбирает маршрут своей жизни. Еще в далеком 1980 году он писал в письме социологу Инне Рывкиной о том, что, своим переходом из социологов в рабочие (см. ниже) никакого вызова социальным институтам он не делал, что лучший ныряльщик это тот, который входит в воду без брызг [1, с. 193].

Известный специалист в области истории и философии физики Б.Г. Кузнецов во введении к своей небольшой автобиографической книге – коллекции эссе о встречах с людьми, оставившими неизгладимый след в его памяти, отмечал, что исследователя прошлого науки и творчества ученых, возможно, более уместно называть «биолог», нежели «биограф» [5]. «Графия» указывает на описание жизни, тогда как не используемый в наше время в его исходном смысле линнеевский термин «биолог» соединяет «Биос» и «Логос» и указывает на *постижение, познание* жизни в ее единстве с окружающим миром. В этом смысле предлагаемые заметки можно рассматривать как *био-логические*.

Драматическая социология

Уникальность жизненного пути Алексеева заключается в том, что осуществленное им в 1980–1988 годах исследование просто невозможно отсечь от его биографии, и, наоборот, многие важнейшие события его жизни стали предметом его собственного социологического анализа и содержанием опубликованной им тетралогии «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» [1]. Это и объясняет, почему мой рассказ об этой книге становится в значительной степени и биографическим повествованием.

Первые два тома работы Алексеева увидели свет в 2003 году, два следующих – двумя годами позже. Небольшой ти-

раж четырехтомника (400 экземпляров) делает круг людей, имеющих его на своих полках, крайне узким. Тем не менее, его потенциальная читательская аудитория огромна: все четыре тома этого труда выложены в Интернете.

Таким образом, главная цель моих заметок – представить работу Алексеева тем, кто о ней ничего не знает, но в любой момент может для начала заглянуть в нее, а там – как сложится. Чтение объемного труда, да еще в сетевом варианте, дело непростое. Но мне кажется, что равнодушных к этим материалам будет немного, а вот восприятие и отношение к ним будет различным. В значительной степени оно будет определяться способностью читателя погрузиться в тот мир социальной драмы, который автор постепенно открывал для себя и в который оставил открытыми дверь для других. Но пройти по дорогам этого мира каждому предстоит собственным путем, идти след в след за автором невозможно.

Особенность «Драматической социологии» заключается в *многоплановости*. Она в той же мере повествует о человеке в системе социальных отношений, что и о жизнедеятельности ее автора. Сама социальная реальность и исследовательский опыт позволили автору сформировать адекватную методологию и инструментарий исследования. Четырехтомник (далее я буду называть его книгой) – это «кинолента» о событиях, протекавших в Ленинграде во времена «заката застоя» и «разбега перестройки», и о людях, сначала просто ожидавших перемен, а затем начавших формировать новую демократическую среду. Книга рассказывает об авторе и одновременно дает представление об огромной коммуникационной сети, в которой живет социально активная личность; о размерах подобной сети и ее строении мы мало задумываемся, а между тем действующих лиц в ней свыше полутысячи. По отношению к автору многие из них выступают в качестве *со-беседников, со-авторов и со-трудников*. Это придает изложению объемность, полифоничность и дискуссионность.

В начале 1980-х годов ряд обстоятельств личного и общественного характера привели Алексеева, в прошлом журналиста, сложившегося социолога, кандидата наук, сотрудника академического социологического института, на один из крупных ленинградских заводов. Это был не вынужденный акт, но собственная инициатива. Став на-

ладчиком и оператором координатно-револьверного пресса, сложного станка, позволявшего производить на листовых деталях высокоточные дыропробивные работы, он в течение восьми с половиной лет наблюдал различные формы взаимоотношений в производственном процессе и общественной жизни на заводе. Многие из увиденного-прочувствованного-осознанного стало ядром его повествования.

Поначалу наблюдаемая Алексеевым социальная реальность включала собственно производственные процессы и межличностные коллизии внутризаводского масштаба. Анализируя происходившее вблизи, социологу-рабочему удалось «подсмотреть» многообразие таких форм поведения рабочих, которые противоречили стереотипным представлениям о «социалистическом отношении к труду». Разрешенное и отчасти даже поощряемое руководством нарушение трудового законодательства, пьянки «с умом» на рабочем месте, «халтуру» по-рабочему, то есть не плохую работу, а, наоборот, сделанную при минимуме трудозатрат и выгодную себе и производству, «партизанщину» – самовольное нарушение технологии, искусственное сдерживание роста производительности труда и многое другое. Своего рода интегральным свойством низшего и среднего руководящего звена было, по Алексееву, «разгильдяйство» (незаинтересованность + некомпетентность + безответственность [1, т. 1, с. 124], возрастающее по мере восхождения на высшие уровни руководства. Разгильдяйство было итогом и следствием безответственности низов и беспомощности верхов [1, т.1, с. 183–184].

В.А. Ядов, обобщая наблюдения Алексева, говорит о выявлении и точном представлении им для социологической науки механизмов «двойного нормативного стандарта». Пока между мастером и рабочим сохранялись партнерские отношения, первый лишь фиксировал нарушения трудовой дисциплины вторым, но при возникновении конфликта досье раскрывалось, что могло приводить к увольнению рабочего [1, т. 4, с. 14]. Примечательно, что другой эксперт, свыше десяти лет занимавшийся проблемами заводской социологии и в годы эксперимента Алексева работавший с ним на одном заводе, но в качестве «социолога-управленца», Б.И. Максимов, по его собственному свидетельству, поначалу убеждал Алексева не «идти в рабочие», ибо ничего нового

тот не увидит, выражал готовность, «не сходя с места», рассказать об уловках рабочих, фиктивности соцсоревнования и т. п. И все же переоткрытие всех этих феноменов Алексеевым произвело эффект разорвавшейся бомбы [1, т. 4, с. 37].

Действительно, к началу 1980-х многое из описанного Алексеевым прекрасно знали «работяги», не было это тайной и для большинства заводских социологов, исследовавших трудовые отношения. Однако «лукавая» отраслевая и общегосударственная статистика многое намеренно маскировала, а массовые опросы не могли зафиксировать ряд тонких, тщательно оберегавшихся от внешнего наблюдателя сторон жизнедеятельности производственных коллективов. К тому же было заранее ясно, что широкое обсуждение негативных аспектов организации труда рабочих – «ведущей силы» советского общества – грозит исследователям массой неприятностей. В полной мере их испытал на себе Алексей, вскоре убедившийся в том, что и его деятельность, и результаты его наблюдений были объектом пристального внимания администрации и партийной организации завода, а также «компетентных органов».

Поначалу то, что делалось Алексеевым, можно было отнести к социологии труда, но через пару лет предмет его исследований заметно расширился, хотя он не стремился к подобному разрастанию своего проекта. Как говорится, в один прекрасный день на его квартире был произведен обыск в связи с уголовным делом, к которому он не имел никакого отношения. Милиция вскоре признала «ошибку», но все его дневники, письма, материалы наблюдений были не возвращены владельцу, а переданы в органы госбезопасности. Начались его встречи с сотрудниками КГБ и их беседы с его друзьями и знакомыми, у которых искали подтверждения его антигосударственной деятельности. Через три месяца часть отобранного вернули, но отказали в возврате нескольких научных сборников с грифом «Для служебного пользования» и около 800 страниц рабочих материалов (дневников, писем). Вслед за обыском «случайно» произошел взлом квартиры, был устроен беспорядок, но ничего из того, что обычно представляет интерес для воров, не пропало. На заявление потерпевших был ответ: все совершено тринадцатилетним хулиганом, слишком юным для предъявления ему обвинения.

Жизнь и далее активно «помогала» Алексееву, давая ему такие бесконечные возможности для наблюдений и обобщений, о которых он и мечтать не мог, не то что планировать. По представлению КГБ завод начал процедуру его исключения из КПСС, в которой он к тому времени состоял почти четверть века. Причины: «цинизм, пренебрежительное отношение к советской науке, рабочему классу, элементы антисоветизма» [1, т. 1, с. 278]; «проведение социологических исследований политически вредного характера, написание и распространение клеветнических материалов (так!) на советскую действительность и грубые нарушения порядка работы с документами для служебного пользования» [1, т. 2, с. 333]. Естественно, «вредителя», «саботажника» и «шпиона» исключили. Помнящие те времена понимают, что на исключении из партии процесс не мог остановиться. Свои ряды от него «очистил» Союз журналистов, членом которого Алексей был свыше двух десятилетий, и два других профессиональных объединения – Советская социологическая ассоциация и Всероссийское театральное общество.

Так исследование, исходно сфокусированное на анализе маленькой клеточки социального организма (первичный трудовой коллектив), постепенно включило наблюдение за крупными *системными* образованиями и поднялось до уровня изучения человека в системе «социалистических общественных отношений».

Значимость сделанного Алексеевым состоит не только в том, *что именно* ему удалось увидеть в ходе эксперимента, но и в том, *каким образом* автору удалось заглянуть в ту часть социальной реальности, которая плотно занавешивалась от общества идеологическими, властными институтами. Речь идет о *системе* исследовательских *действий* – о технологии сбора эмпирической информации.

Наблюдающее участие

Краеугольным положением методологии Алексеева, позволившим ему обнаружить и описать недоступное другим социологам, стала введенная им разновидность давно известного в социологии метода – наблюдения. Традиционно выделяют включенное, или участвующее, наблюдение, в котором социолог старается занять объективистскую по-

зицию и минимизировать свое влияние на наблюдаемые им процессы. Новинка Алексева – *наблюдающее участие*, предполагающее изучение «социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования» [1, т. 1, с. 13]. В этом случае наблюдатель стремится быть не пассивным, но активным участником происходящего и познаваемого, разрешая себе *изнутри* вносить в наблюдаемый им процесс некие, определяемые им самим «возмущения». Тогда в конкретном явлении или процессе раскрываются, проступают те стороны, свойства, которые присутствовали в них, но сами бы не заявили о себе. Так частное, по Алексеву, заурядное [1, т. 1, с. 179], становится *моделью* общего.

Эта «процедурная» добавка, точнее, социологическое действие, превращает участвующее *наблюдение* в наблюдающее *участие* и принципиально меняет логику исследования: на смену наблюдению с целью познания приходит познание через действие (или познание действием). Действуя, социолог выступает не просто участником, актором наблюдаемого действия, но в значительной степени драматургом и постановщиком «социологической драмы» [1, т. 1, с. 14]. Отсюда и возникает термин, которым Алексеев характеризует свой подход – *драматическая социология*. Когда же он распространил принципы наблюдающего участия на самого себя, возникла *социологическая саморефлексия*, или *ауторефлексия*.

Сегодня, через два десятилетия, прошедших после завершения этого проекта Алексева, можно предложить и несколько иную интерпретацию природы его метода и результатов его социально-научного эксперимента. Погрузившись в мир производственных и жизненных обстоятельств, окружавших его, он осознанно вышел за рамки традиционного для 1980-х годов видения советской социологией механизмов функционирования трудовых коллективов, особенностей образа жизни некоторых групп населения и деятельности ряда властных институтов. Таким образом, его социология сразу стала *драматической*. В новом для того времени семантическом пространстве переставали действовать наработанные советскими социологами приемы анализа социальной информации и возникла потребность в выработке каких-то новых способов прочтения и описания наблюдаемого, а также

в понимании своего места в этом мире отношений. Так появилась потребность в *ауторефлексии*.

«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» – это не только итоги анализа рабочим-социологом многих сторон жизни производственного коллектива и других аспектов социальных отношений, характерных для завершающего периода советского общества; не только схема и убедительный пример целой системы мягких методов для изучения драматических ситуаций или конфликтов. Это одновременно и полезная *книга по истории советской социологии*. Аргументирую кратко последнее утверждение.

Прежде всего, книга содержит описание и анализ многих значимых событий, протекавших в ряде исследовательских команд ленинградской социологии, в Институте социально-экономических проблем АН СССР и Ленинградском отделении Советской социологической ассоциации. Ленинград является одним из центров зарождения постхрущевской советской социологии, городом, в котором сложилась особая социологическая культура, и поэтому документы и личные наблюдения Алексеева, свидетеля и участника многого, что происходило в 1970–1980-е годы в этом социологическом сообществе, – ценнейший материал для будущих историков. Подчеркну, содержание многих сюжетов, приведенных им, уникально, без них история отечественной социологии явно будет неполна. Прежде всего, назову тему «интереса» КГБ к работе социологов, эта тема обсуждалась мною в интервью с В.А. Ядовым, А.Г. Здравомысловым и другими учеными, но многое в ней еще предстоит осветить будущим историкам. Также отмечу зафиксированные в книге факты неуникальности перехода Алексеева из научного института в заводской цех. В Ленинграде в рабочие пошли еще два социолога: Юрий Щеголев и ныне покойный Сергей Розетт, а также переехавший из Ленинграда в Вильнюс Анри Кетегат. Главный мотив – «сохранение через перемену»: если не можешь примениться к обстоятельствам – измени обстоятельства [1, т. 1, с. 78–79].

Андрей Алексеев как историк отечественной социологии

Интерес для историков науки представляет уже сам список действующих лиц «Драматической социологии», кото-

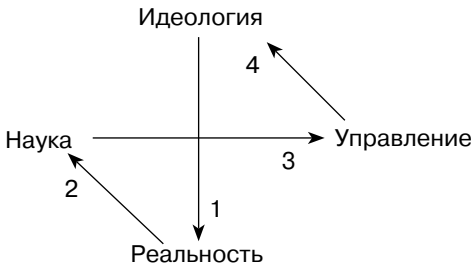
рый может стать базой для вычерчивания коммуникационных графов, характеризующих сеть общения значительного числа социологов, и не только ленинградских. Назову имена лишь некоторых из них: Ю. Вооглайд, Т. Дридзе, В. Дудченко, Л. Кесельман, М. Лауристин, Б. Максимов, А. Назимова, В. Паниотто, С. Рапопорт, Р. Рывкина, Г. Саганенко, Э. Соколов, А. Тихонов, Б. Фирсов, В. Хмелько, В. Шляпентох, В. Шубкин, В. Ядов, А. Ющенко.

Ценным для будущих историко-биографических исследований является *образ самого автора* драматической социологии. Направленное чтение книги дает редчайший познавательный материал: детальное описание профессиональной и публичной жизни социолога.

И завершу этот параграф трактовкой Алексеевым «судеб советской социологии». Мне представляется, что это *одна из первых попыток* выделить в отечественной социологии основные этапы ее развития. Изначально материал не предназначался для публикации, это – фрагмент его личного письма Тамаре Моисеевне Дридзе (1930–2000), пришедшей в социологию в середине 1960-х и хорошо знавшей, как все происходило. Отмечу также, что рассматриваемая ниже модель развития советской социологии была изложена Алексеевым более 25 лет назад (в мае 1981 г.) и потому предлагаемая им периодизация охватывает лишь первую четверть века пост-хрущевской российской социологии [1, т. 1, с. 219–226].

Рисунок

**Пространство развития российской социологии:
середина 1950-х – начало 1980-х**

Движение социологии как науки рассматривается Алексеевым в двумерной системе координат, задаваемой четырьмя полюсами (направлениями); вертикальная ось

«Идеология – Реальность», горизонтальная – «Наука – Управление» (см. рис.).

До середины 1950-х, пишет автор, «социология благополучно размещалась в “лоне” Идеологии и даже имени своего не имела (“буржуазная социология” не в счет!)». Она родилась в конце 1950-х и стала двигаться «вниз», в область Реальности. После столкновения с реальными социальными процессами она направилась к полюсу Наука, в 1960-е годы происходило освоение методологии, методики и техники социологии. В следующем десятилетии обозначилось движение «вправо», ориентация на Управление; возникла заводская социология, работы по хозяйственным договорам, стремление формулировать управленческие рекомендации в различных сферах жизни общества. И здесь желание социологов «поручить» встретило сопротивление со стороны власти, и социология вынуждена была двинуться обратно по направлению к Идеологии.

По характеру движения социологии Алексеев выделил четыре этапа: первый – «секуляризация», второй – сайентификация, третий – прагматизация, последний – идеологизация (точнее, реидеологизация). Четвертый этап тогда лишь начинался. Эти же этапы автор переформулировал в терминах функциональных приоритетов науки: гражданственный, исследовательский, управленческий и идеологический. Общий вывод из анализа 4-этапного процесса таков: сейчас «кто-то ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому» [1, т. 1, с. 221].

Далее, развивая одну из генеральных линий своего исследовательского проекта, Алексеев говорит об ожидании перемен. Ровно за четыре года до прихода к власти Михаила Горбачева он, понимая необходимость «нового прорыва к реальности», предполагал, что это может произойти в 1980-х годах под давлением хода общественной жизни, добавляя при этом: «Правда, ей (социологии – *Б.Д.*) для этого придется как бы “отказаться от самой себя”» [1, т. 1, с. 222].

Обнаружив, что в целом прогноз Алексеева (особенно по части «отказа от себя») оправдался, я заинтересовался, какие периоды он сегодня выделил бы в последних двух десятилетиях развития российской социологии. Он сделал это,

не меняя конфигурации предложенного им классификационного пространства. Приведу его ответ полностью: «Насчет периодизации российской социологии. Для советской – цикл в свое время завершился от “секуляризации” до “реидеологизации”. Для последующей “жизни” нашей социологии был относительно недолгий период нового погружения в реальность, *публичная социология* (в смысле М. Буравого), далее – активное освоение *мирового опыта*, в значительной своей части эпигонское (тоже своего рода сайентификация) и – не последовательно, а, пожалуй, параллельно (в разных общественных секторах) – интенсивная *прагматизация*, с изрядной дозой очковтирательства. А в последнее время – опять *ре-идеологизация*, не менее крутая, чем на “закате застоя”. Тут уж – “православие, самодержавие и народность”, Союз социологов России, В.И. Добреньков – В.И. Жуков – Г.В. Осипов» [6]. Действительно, получается своего рода спиралевидное движение».

О жанре «Драматической социологии»

Особый разговор должен быть о *жанре* книги, ибо подача материалов в ней далека от академических канонов и потому может порождать представление о том, что книга должна идти не по «департаменту» социологической науки, а номинироваться «по разряду» литературных или журналистских произведений. Мне подобная точка зрения представляется ошибочной. Во-первых, просто не хочется выпускать эту работу из круга социологических исследований, какой она в первую очередь и является. Во-вторых, признание этой точки зрения фактически означало бы, что феноменология проекта Алексеева определяется не всей совокупностью действий, осуществленных им, но лишь избранной автором формой изложения полученных результатов.

Алексеев выделяет две составляющие жанра: *исследовательский* и *литературный*. О первой компоненте было кратко сказано выше; вопрос о «жанре литературном» Алексеев в значительной степени сводит к особой драматургической роли композиции использованных им документов. По его мнению, документы: личные и публичные, житейские и деловые, научные, даже справки или обращения в официальные органы, будучи поставленными в определенный кон-

текст, обретают смысл *социологического свидетельства*, а сама *композиция* становится способом первичной концептуализации, анализа и осмысления [7, с. 11–12].

На мой взгляд, форма изложения содержания обсуждаемой книги является производной объективных обстоятельств, детерминировавших логику и технологию исследования Алексева; отмечу три из них. 1) Специфика предмета и объекта изучения *требовали* использования мягких, качественных методов социологии. 2) Базовый методологический принцип исследования – не просто фиксация наблюдаемого, но обязательная *рефлексия* по поводу происходящего и *ауторефлексия*. 3) Стихийно, но верно была избрана первичная форма самоотчета о «приключениях социолога-наладчика». Немного разверну сказанное.

Каждый, кто поставит себя на место социолога, не просто наблюдающего процессы, происходящие в трудовом коллективе в связи с необходимостью решения комплекса производственных проблем, но работающего «по-правдошному», придет к заключению, что оптимальным приемом фиксации увиденного будет ежедневное ведение подробного дневника событий. Последовавшие вскоре после начала эксперимента события в жизни Алексева и его контакты с представителями различных формальных и неформальных образований внутри завода и за его пределами стали источником огромного числа документов, производимых и этими образованиями, и самим «наблюдателем». Следовательно, каким бы ни было (в будущем) решение о форме изложения итогов наблюдений, безусловно, оно предусматривало бы обращение к дневниковым записям и собранным документам. Более того, стремление к соблюдению норм оформления материалов научного эксперимента обязывало бы автора по возможности к полному воспроизведению документов и максимально развернутому цитированию дневниковых записей и его писем коллегам на темы исследования.

Установка на рефлексия и саморефлексию автоматически вносит фигуру автора, его «я» в текст отчета о результатах работы. Эта «личность» не вписывается в ортодоксальное понимание эпистемологии исследований, базирующихся на использовании жестких методов. Своего, личностного, советские социологи, как правило, избегали в доперестроечные годы. Ход своих рассуждений они обяза-

ны были соотносить с общими положениями марксистской социологии, с партийными документами, с манифестировавшимися и латентными, но оттого не менее жесткими предписаниями о том, «что можно, а чего нельзя», с представлениями о том, что будет пропущено цензурой, а что нет и т.д. В этих обстоятельствах в советских социологических текстах авторы вынуждены были сдерживать себя в рефлексии и воздерживаться от саморефлексии.

Но при использовании качественных методов (неформализованных и мягко формализованных схем сбора первичной информации) личный фактор оказывается принципиально неустранимым. Можно сказать и больше: оригинальность и полезность исследования становятся тем ярче и весомее, чем мощнее творческий и гражданский потенциал исследователя.

Первые два указанных обстоятельства не оригинальны, они *генетически* присущи исследованиям мягкого типа. Третье обстоятельство (первичная форма самоотчета) – если не уникально, то весьма специфично и связано с тем, что Алексеев из-за существования в начале 1980-х годов идеологических и цензурных ограничений на распространение социологической информации в принципе не мог ориентироваться на публикацию получаемых результатов. Как следствие возник своего рода социологический самиздат: жизненный и научный отчет перед друзьями в виде писем; всего делалась одна машинописная закладка. В 1980–1981 годах было написано 18 больших писем, составивших сериал, названный им «Письма Любимым женщинам» [1, т. 1, с. 270]. Эта коллекция дала импульс новому хроникальному циклу «Выход из “мертвой зоны”» и последующим сериям отчетов.

«Письма Любимым женщинам» – это неформальные описания событий, происходивших в жизни рабочего-социолога, его наблюдений, его рефлексия и опыт саморефлексии. Среди его адресатов были опытейшие социологи и журналисты, которых Алексеев знал многие годы и которые понимали не только написанное, но и то, что он не мог написать, оберегая их и себя. Не случайно по завершении этого цикла он писал: «Мои письма – принадлежат вам. Но все же прошу вас: не выпускайте их за пределы круга ваших *личных* друзей» [1, т. 1, с. 271].

Ядром тетралогии является социологический анализ производственных процессов на уровне предприятия и обстоятельств жизни рабочего-социолога. Однако здесь автор следует идее Гёте о том, что хорошо увиденное частное может всегда считаться общим. Желание и способность видеть в частном отражение общего (не случайно он цитирует Николая Гумилева: «В каждой луже запах океана, / В каждом камне веянье пустынь») и гражданская позиция проявляются в *публицистическом звучании* некоторых текстов, содержащих широкие социологические выводы.

Это говорит о сохранившемся умении Алексеева, филолога по образованию и журналиста в его досоциологической деятельности, выразительно писать и напоминает об общности социальных проблем, рассматриваемых социологами, журналистами и литераторами. В России социальная беллетристика возникла в начале 1840-х годов, социологические подходы присутствуют в литературно-публицистическом творчестве А.И. Герцена, далее идут Г.И. Успенский, А.П. Чехов («Остров Сахалин»), В.И. Короленко... А в советское время, в годы отсутствия в стране социологии, социальное в работах литераторов иногда присутствовало *зримее*, нежели художественное. Приступая к эксперименту (1980 г.), Алексеев немного знал о феноменологической социологии (читал только изданные тогда «для служебного пользования» переводы Леонида Ионина [8], фактически ничего не слышал о «социологии действия» А. Турена и «драматургической социологии» И. Гофмана, не читал работ П. Сорокина, был мало знаком с достижениями русской социологической мысли второй половины XIX – начала XX вв. Но, как выпускник филологического факультета, он был хорошо знаком с русской и мировой социальной публицистикой, и раньше многих других осознал близость этого рода литературы с социологией. Как отмечает сам Алексеев, важным событием для его профессиональной биографии был выход в 1978 г. знаменитой новомировской статьи В. Шубкина «Пределы» [9].

В.А. Ядову принадлежит *ключевая* роль в судьбе проекта Алексеева. Им был поддержан замысел работы, в его секторе проходили первые обсуждения наблюдений социолога-рабочего, он написал предисловие к первой версии рукописи этой книги. Давно все это было, двадцать лет назад;

тогда завершался 40-летний период классической советской социологии и зарождалась постсоветская российская социология. В 1999 г. Ядов опубликовал это предисловие в качестве рецензии, в ней он признал Алексеева «основателем нового направления в отечественной социологии» [1, т. 4, с. 15], имея в виду «социологию наблюдающего участия».

В этом отзыве Ядовым сказано много лестного в адрес методологии и результатов исследования Алексеева, но он отмечает в некоторых авторских текстах и особенность, ему не импонирующую, – «своего рода амбициозную тональность». Правда, Ядов здесь же заметил, что это сочетается со способностью быть твердым в соблюдении моральных принципов. И назвал эту черту личности Алексеева – сахаровской.

Конечно, это дорогого стоит, когда на одной чаше неких мысленных весов для измерения уровня моральности лежит «амбициозная тональность» текста, а на другой – сравнение с этическими императивами, отстаивавшимися А.Д. Сахаровым. Здесь можно было бы ничего не комментировать. Однако, солидаризируясь с Ядовым в оценках сделанного Алексеевым и считая справедливым заключение о «нравственной планке», поставленной последним для себя, хотел бы кратко высказаться по поводу ядовской ремарки об амбициозности.

В-первых, отмечу, что в СССР амбициозность как некая качественность была *отобрана от личности* и присвоена государством, поначалу замахивавшимся на мировую революцию, а потом на менее масштабные, но грандиозные планы, такие как высадка человека на Луну и поворот течения сибирских рек на юг. Но, живя в США уже почти полтора десятилетия и изучая биографии и наследие создателей американской рекламы и технологии опросов общественного мнения, я стал воспринимать амбициозность как нормальное и необходимое свойство творческой личности. Если, естественно, эта амбициозность базируется на значимых достижениях человека в том, чему он отдает всего себя.

Во-вторых, читая книгу и раздумывая о ходе проведенных Алексеевым познавательных операций, необходимо помнить, что природа «драматической социологии» включает элементы театральности, и потому социологу-испытателю приходилось в ряде случаев исполнять непростые сценические роли – «от Дон-Кихота до Швейка и от Воланда до

князя Мышкина» [1, т. 1, с. 15]. Таким образом, обнаруживаемая Ядовым амбициозность некоторых текстов может быть следствием убедительности игры Алексеева-актера, вошедшего в роль написанной им пьесы, но не до конца вышедшего из «игры» при анализе и описании свершившегося драматургического действия.

В-третьих, Алексей пишет, что в тетралогии около 500 «действующих лиц», но главным лицом является сам автор. И далее: «Отважусь утверждать, что такой относительный *эгоцентризм* здесь оправдан» [1, т. 3, с. 36]. С пониманием соглашусь с ним.

Кстати, я спросил Алексеева, как он относится к замечанию Ядова. Тот ответил: «Замечание совершенно справедливое в отношении “Писем Любимым женщинам”, которые еще тогда были обозваны мною “эпистолярным хулиганством”, а Светлана Минакова (мой давний соавтор и одна из адресатов писем), так даже написала остроумную пародию, начинавшуюся примерно так: “Я вошел в цех и взглянул окрест себя. В воздухе висело разгильдяйство...” (см. приложение к письму под названием «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха № 3»). Особенно в первых письмах с шутливым “ячеством” был перебор» [10].

Но даже с учетом сделанных оговорок мне не кажется, что в текстах Алексеева проступает амбициозность, в них нечто иное. Вспоминается история, относящаяся к самому началу его работы на заводе. В кругу друзей он рассказывал о выпивке с несколькими рабочими; не помню, было это после завершения ленинского субботника, по случаю одного из революционных праздников или просто – по поводу полочки. Когда уже высокий градус доверия возник, один из рабочих спросил его: «Ты меня уважаешь?» Ответ Алексеева на этот непременно в описываемой ситуации вопрос был абсолютно неожиданным: «Уважаю, но не больше, чем себя». Вот в моем понимании в общей конструкции книги, в отношении Алексеева к документам, к построению им схемы наблюдений производственной ситуации, в его восприятии и оценках поведения людей, наконец, в его авторской позиции проявляется ответственное и *уважительное* отношение к делу, к окружающим и к себе.

В интонации и духе книги проступает не только самоуважение, но и личностная и творческая *свобода*. Алексей

не был ни диссидентом, ни человеком, находившимся во «внутренней эмиграции». Но переход из академической среды в пролетарскую позволил ему освободиться от многих идеологических требований в анализе социальной реальности, которыми обязан был постоянно руководствоваться штатный социолог и которыми в значительно меньшей степени был связан гегемон советского общества – рабочий, человек физического труда. Однако, на мой взгляд, не переход в среду рабочих был первопричиной обретения Алексеевым свободы и права на реализацию общественно-го «разномыслия». Этот переход оказался лишь *катализатором* внутренних мыслительных процессов, которые возникли и развивались в этом человеке долгие десятилетия. То был второй добровольный, если угодно идейный, поход (или уход) Алексеева в рабочие; первый состоялся в начале 1960-х, за два десятилетия до описанного в «Драматической социологии».

Базовый импульс такой жизненной траектории не мог возникнуть сам по себе, без «драматической» ситуации, некой коллизии; и в смысле *драматической* социологии, и в более широком плане – как глубокое рационально-чувственное потрясение. Возможно, будет оправданно говорить о «драме идей».

Алексеев прошел долгий и трудный путь к свободе и самоуважению. В 1997 г., вспоминая события полувековой давности, он говорил: «я далек от идиллических воспоминаний о своих молодых годах. Так сказать, не уважаю и не люблю себя, каким был тогда». Каким же он себя не уважал?

Биографическое

Алексеев родился в Ленинграде в 1934 году, в семье с передававшимися из поколения в поколение идеалами служения обществу, высоко ставящей ценности личности и с глубокими традициями честного отношения к своему делу [11]. Он стал комсомольцем в школе, еще в 8–9-м классе, и гордился тем, что сделал это рано. Ему казалось, что он был честнее других, так как вступал в комсомол и позднее в партию по убеждению, а не для улучшения своей анкеты. Выучив благодаря матери три иностранных языка к моменту окончания школы (случай для того времени редкий),

он поступил на филологический факультет, чтобы изучать славянские языки. И там увлекся журналистикой, полагая, что таким образом он сможет влиять на общественное мнение, формировать его в нужном, как он считал, для общества направлении. Был отличником-активистом и сталинским стипендиатом. На пороге своего двадцатилетия, узнав о смерти Сталина, несколько суток не спал, демонстрируя самому себе, как надо «держать себя в руках», когда страна осиротела. «Слез не было, но до рези в глазах читал ночью (вовсе не для экзамена!) какой-то классический труд по лингвистике» [9, т. 4, с. 89]. В 1950–1960-е годы, уже работая в ленинградской молодежной газете «Смена», он был «певцом» движения за коммунистическое отношение к труду и отчасти «изобретателем» бригад коммунистического труда. В заключительный том «Драматической социологии» [1, т. 4, с. 91–107] автор включил образцы своих журналистских текстов. Их содержание передают заголовки и ключевые фразы: «Будем учиться жить в коммунизме», «уголок коммунизма», «разведчики будущего», «мы стоим на пороге коммунистического общества». В 1961 г. Алексеев, будучи в Англии, на вопрос одного из профессоров о том, не является ли коммунистическая убежденность неким аналогом веры, искренне отвечал: «Коммунизм – это в моем сердце», а позже в своем дневнике записал: «Трудно понять наши идеалы, если не хочешь понять, если не веришь, что мы строим счастье для человечества».

Потом были XX съезд КПСС, который, говоря словами Алексеева, развенчал для него культ одного «бога» и возвысил культ другого, Ленина. Затем (ключевые события!) – советское вторжение в Чехословакию в 1968 г., приобщение к литературе, не подлежащей «ввозу и вывозу» из СССР, наконец, война в Афганистане. Вот запись из его дневника (от 5 января 1980 г.), комментирующая начало этой войны: «Усилия нашей пропаганды в этой ситуации могут направляться лишь к доказательству того, что **стоит!** А вот **можно** или **нельзя** – обсуждению не подлежит. <...> Но в одном обыватель проявляет удивительную прозорливость: ввод советских войск в Афганистан так же невыгоден советскому правительству, как американскому была невыгодна война во Вьетнаме, а царскому – русско-японская война» [1, т. 1, с. 86].

Понятно, что автор этих строк в ту пору уже не питал каких-либо социальных иллюзий, но и не был лишен надежды, что отражено во фразе, вынесенной в заголовок статьи. Его друг и соавтор Роман Ленчовский, киевский философ и социолог, пишет на страницах книги (в «Драматической социологии» много текстов коллег и друзей «главного» автора) о том, как «старшие» и «младшие» шестидесятники, постоянно натываясь на «превращенные» (термин Маркса, активно использовавшийся М. Мамардашвили) и извращенные формы общественного устройства, напряженно искали способ осмысленного и достойного существования, пытались сопротивляться системной профанации своего утопического идеала. Соглашаясь с Ленчовским, Алексей пишет: «По этой логике получается: говорили, что думали, и действовали, как говорили. Пусть обманывались, но не лицемерили. Выбирали доступные для себя способы сопротивления». И тут же самокритично добавляет: «Вывод, пожалуй, не только объяснительный, но и утешительный. Что ж, жили (чувствовали, мыслили и действовали) – “как умели”; объясняем – “как можем”» [1, т 2, с 231].

Перейдя в рабочие, Алексей смог остаться и социологом, но это был уже иной, новый социолог. Освободившись от массы идеологических требований, налагавшихся на сотрудника социологического института, освоив ранее невозможное и малознакомое чувство свободы в размышлениях и действиях, он – вслед за своим другом-социологом Сергеем Розетом, несколько ранее его перешедшим из социологов в рабочие, – мог теперь сказать о себе: «Ныне я сознательно становлюсь “рабом” на фиксированное количество часов, а в остальное время я – свободен» [1, т. 1, с. 92]. Желание Алексева продолжить анализ социальной реальности однозначно задавало предмет его познания – производственные отношения в первичном трудовом коллективе. Отчасти это было продолжением того, чем ему в последние годы работы в Академии наук приходилось заниматься. Однако потребность быть честным перед собою и впервые представившаяся для этого возможность требовали выработки нового способа исследований всего происходящего. Оказалось, что это невозможно сделать, не определив своей позиции, своего положения в пространстве изучаемых коллизий, конфликтов, проблемных ситуаций. Мне дума-

ется, что отыскание этого «наблюдательного пункта» было не просто технологическим и организационным аспектом разворачивавшегося социологического исследования, но вопросом профессионально-этическим. Конечно, достижение научно-обоснованных результатов требовало решения ряда непростых инструментальных задач (все же цех – не исследовательская лаборатория, а координатно-револьверный пресс – не стол в кабинете ученого), но в еще большей степени это зависело от глубины познания себя и того, сколько, говоря словами А.П. Чехова, «капель раба» можно было выдавить из себя. Ведь было ясно, что в рождавшемся исследовательском проекте нельзя будет ограничиться ролью даже сколь угодно тщательно работающего стороннего наблюдателя и суперответственного летописца.

Не удивительно, что в поисках методологии задумывавшегося исследования Алексеев нашел «новых учителей жизни» [12]. Ими оказались не просто выдающиеся ученые XX столетия, но и апостолы высокой этики: Альберт Швейцер, Алексей Алексеевич Ухтомский и Александр Александрович Любищев.

То, что в работе Алексеева может показаться амбициозностью, в действительности является уважением к своему делу, самоуважением и ощущением собственной свободы. Но свобода – всему начало.

В последовавшие после выхода «Драматической социологии» годы научный интерес Алексеева сконцентрировался на анализе методологических проблем рефлексии и саморефлексии в социальном исследовании, на некоторых аспектах изучения биографий и использования в социологической работе методов анализа документов. По духу и жанру это было развитием начатого в четырехтомнике, но в предметном отношении все больше фокусировалось на процессах, протекающих внутри российского социологического сообщества. Хотя, как мне кажется, проблема роли, места, ответственности социолога в «обустройстве своего дома» в явном виде не заявлялась, она постепенно становилась одной из стержневых. В частности, этот вывод вытекает из рассмотрения серии его публикаций последних лет, размещенных на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» [13]. Своего рода программной можно назвать его

небольшую заметку под названием «Что такое публичная социология?» [14]. В концептуальном плане это – развитие построений Майкла Буравого, но объектом авторского анализа и поводом для беспокойства является российская социология.

И все же, даже пытаясь регулярно следить за исследованиями Алексева, я был удивлен масштабом охвата темы и объемом (около 100 печатных листов) его новой книги, сделанной совместно с киевским философом и социологом Романом Ленчевским. Я благодарен авторам за предоставленную мне возможность ознакомиться с рабочими вариантами текста, но, поскольку книга еще не вышла, не буду говорить о содержании рукописи, тем более что даже перечисление основных структурных элементов этого труда заняло бы немало места. Если в «Драматической социологии» анализируются, в частности, драмы, разворачивавшиеся внутри отдельного завода на закате застоя, то новая книга – в значительной своей части – о современных драмах, происходивших, да и продолжающихся, в российском социологическом сообществе. Принципиально то, что будущему читателю этой работы предъявляются не столько позиции авторов, сколько документы и мнения большого числа социологов, многие из которых известны всему профессиональному сообществу.

Название книги «Профессия – социолог», и прежде всего она обращена к социологам. Но в ней нет критериев, предписаний, которым должен следовать специалист, она предъявляет читателю ряд событий, процессов, обсуждавшихся социологами в последние два-три года, и предлагает ему задуматься о своем отношении к ним. Итогом такого анализа и станет личная интерпретация того, кем же является социолог как представитель определенной профессии. Она может совпадать полностью или частично с авторской трактовкой, а может коренным образом отличаться от нее. При этом факт отсутствия в книге намека на то, каким путем должен следовать читатель к своему выводу, автоматически запускает механизм многоуровневой рефлексии и саморефлексии. Книга – не для легкого чтения, она дает возможность самому сформулировать свое понимание «хорошего» и «плохого», «темного» и «светлого», «доброго» и «недоброе».

Название книги было предложено Ленчовским, и поскольку оно сразу показалось мне и публицистичным, и указывающим на актуальную для социологов научно-нравственную проблему, я заинтересовался историей его рождения. Ленчовский отметил, что в целом название было сразу принято Алексеевым и что во всех обсуждавшихся вариантах присутствовало сочетание «Профессия – социолог». Поначалу перебирались различные дополнения, точно наводящие на содержание работы. Хотелось показать то, что уже было отражено в тексте: его дисциплинарную «описанность» – социология социологии, а также сквозную идею – социолог не просто «держит ответ» перед вызовами мира социальных отношений, но действует в контексте «всего» своего профессионального пути.

Моя интерпретация названия «Профессия – социолог» была навеяна иными ассоциациями. Оно сразу напомнило мне давно виденный фильм Микеланджело Антониони «Профессия: репортер». И дело не только во внешнем сходстве этих двух словесных конструкторов, но и в том, как содержание этой ленты трактовалось некоторыми киноведами. По их мнению, Антониони хотел показать, что мир непознаваем для тех, кто лишь наблюдает, видимое не объясняет мир, нужно действие. Такая версия идеи фильма давала мне возможность лучше увидеть в новой книге развитие замысла «Драматической социологии».

Удивительно, что в действительности Ленчовский не видел фильма, а лишь слышал о нем, а Алексеев отчасти потому сходу согласился с предложением своего соавтора о названии книги, что оно оказалось «личностным римейком названия любимого фильма». В конце 1970-х эта лента произвела на него «оглушительное впечатление» не столько своей философией, сколько настроением, к тому же ему оказалась созвучной идея перемены судьбы.

В моей недолгой дискуссии с авторами книги Алексеев сформулировал и суть ее содержания: «Как бы там ни было, наша книга – про социологов и не только, и даже не столько про них, сколько про “человека в обществе” и про “общество в человеке”».

* * *

В 1960–1980-е годы социолог был тем человеком, которому власть доверяла рисовать картину радостного движения

общества по предложенному ею пути. Если социологу никак не удавалось обнаружить ни этой радости, ни этого движения, «подправляли» его самого. Андрей Алексеев оказался тем социологом, который одним из первых обнаружил нежелание общества принять предлагавшийся властью путь и стремление людей к переменам. И его самого «подправить» не удалось.

Каждый, кто начнет восхождение на скалу Андрея Алексеева, через какое-то время иначе, более масштабно, увидит ландшафт советской/российской социологии. И дышать начнет по-новому. Глубже. Смелее. Свободнее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 т. СПб.: Норма, 2003–2005 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>>.
2. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР: 1940–1960-е годы. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Европейский дом, 2008.
3. Соколов Э.В. В миру и наедине с собой <http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml>.
4. Электронное письмо И. Кона А. Алексееву от 22 июля 2009 г.
5. Кузнецов Б.Г. Встречи. М.: Наука, 1984.
6. Алексеев А. Электронное письмо Б. Докторову от 11 августа 2008 г.
7. Алексеев А.Н. Познание через действие // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2006. № 5 <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf>.
8. Новые направления в социологической теории / Пер. с англ. Л.Г. Ионина; Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1978.
9. Шубкин В.Н. Пределы // *Новый мир*. 1978. № 2.
10. Алексеев А. Электронное письмо Б. Докторову от 13 августа 2008.
11. Алексеев А.Н. Корни и ветви (XVIII–XXI век) <<http://7iskusstv.com/2013/Nomer6/Alekseev1.php>>.
12. Алексеев А.Н. Учителя жизни: Триптих <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/biographies/alekseev_triptych.html>.
13. Международная биографическая инициатива <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>.
14. Алексеев А.Н. Что такое публичная социология? <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_public.html>.

ВАЛЕРИЙ ГОЛОФАСТ. НЕЗАВИСИМЫЙ УМ²³

[Авторское дополнения] После публикации этой статьи в 2008 году я продолжил изучение биографии Валерия Борисовича Голофаства. В последней статье «Разговоры с Валерием Голофаством: мысленные и реальные» просуммировано все сделанное и опубликовано три десятка его писем из нашей обширной переписки в 2002–2004 годах («Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований», 2018. №2, с. 2–14).

*Все повторяется сначала,
И без конца, и без конца
Гондолой бьется у причала
Венецианского дворца.
История, народы, солнце,
радиокрик чужих миров,
И переполненное полнится,
Не выходя из берегов.*

В. Голофаств,
начало 60-х, Ленинград

Я благодарю моего коллегу Олега Божкова, много делающего для изучения наследия Валерия Голофаства, брата Валерия – Георгия Голофаства, дочь Оксану Голофаств и друзей Марата Бузовского и Владимира Трякина за присланные мне материалы. Мне приятно выразить благодарность Андрею Алексеву и Наталии Мазлумяновой за замечания по улучшению текста статьи.

Настоящая работа продолжает мои публикации в журнале «Социальная реальность», посвященные становлению советского/российского социологического сообщества. Я имею в виду статью о жизни и творчестве Ю.А. Левады [1] и интервью с представителями разных поколений работающих социологов: Еленой Петренко [2], Михаилом Тарусиным [3], Францем Шереги [4] и Владимиром Шляпентоном [5]. Более обстоятельно эта тема рассматривается в материалах рубрики «Современная история российской социологии»

²³ Докторов Б. Валерий Голофаств. Независимый ум // Социальная реальность. 2008. № 3. С.67 – 82.

журнала «Телескоп». К настоящему времени в ней опубликовано свыше двадцати интервью, проведенных мною с ведущими российскими социологами²⁴. Значительное число материалов об отечественных социологах представлено на сайте российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива»: это свыше сотни различного вида биографических текстов и статьи аналитического характера [6].

Изучение биографий социологов рассматривается мною как часть большой работы по исследованию и написанию истории современной, или постхрущевской, российской социологии. В моем понимании история должна отражать не только то, что было сделано за пять десятилетий советскими/российскими социологами, но по возможности подробно рассказывать о них самих.

Анализ жизни и творчества Валерия Борисовича Голофаста (1941–2004) позволяет увидеть некоторые существенные детали становления отечественной социологии, и в частности – затронуть тему поколений в нашем социологическом сообществе. Я не ставлю перед собою задачу целостного изучения биографии Голофаста, меня прежде всего интересует его путь в социологию. При анализе биографии деятелей культуры стало нормой обращение к периоду их ранней социализации и процессу профессионализации, другими словами, биографической информации присваивается статус историко-культурологической. Сейчас я не говорю о масштабах талантов и роли в истории того ли иного творца, но отмечаю собственно методологию историко-наукovedческих поисков, признающую целостность, неразрывность личного и творческого в человеке. В силу молодости современной российской социологии и ряда других обстоятельств история нашей науки пока не осознала в полной мере необходимости широкого культурологического анализа биографий участников процесса ее создания, видя в них (жизнеописаниях) лишь нечто сугубо приватное, не детерминирующее особенностей профессиональной деятельности социолога. Мне думается, что, не изменив по-

²⁴ [БД] Прошло десять лет, к настоящему моменту в этой рубрике опубликовано свыше 80 различных материалов по истории советской / российской социологии, из них половина – проведенные мною биографические интервью.

добного отношения к изучению биографий социологов, мы не только не ответим на многие принципиальные вопросы истории нашей социологии, но у нас даже не возникнет стремления к их формулировке.

Методологическое введение

В очерке о Голофасте представляется обоснованным и естественным обращение к общеметодологическим вопросам изучения биографии и использования биографического материала в исторических исследованиях. Геннадий Семенович Батыгин (1951–2003) и Голофаст являются одними из первых, кто в современной российской социологии обратил внимание на возможность использования биографического метода при анализе социальной реальности и кто начал систематически разрабатывать методологию изучения биографий. Для обоих обращение к биографиям было средством познания прошлого. Однако, если Батыгин изучал биографии, чтобы лучше понять и описать историю, то Голофаст – обращался к прошлому людей, то есть к истории, чтобы лучше понять процесс социализации человека. И в данном случае не столь важно, что первый занимался историей социологии, а второй – историей ряда поколений советских людей.

Кроме того, представляется, что Батыгина прежде всего интересовал институциональный и коммуникационный аспект науки, в частности его последние работы касались этих проблемных сфер, и потому биографический подход становился у него одним из методов исследований функционирования социального института. Голофаста более привлекало познание частной жизни людей, в его социологических изысканиях биографический метод был антропологическим инструментарием. Оба они были лишь в начале своих поисков, и потому трудно сказать, в каком направлении развивалась бы их работа.

Коллективная монография «Социология в России» под редакцией В.А. Ядова [7], книги Г.С. Батыгина [8] и Б.М. Фирсова [9] по истории советской социологии, ряд других работ дают возможность составить общее представление о том, как происходило становление постхрущевской

социологии и что было сделано по части познания советского общества второй половины прошлого века.

Четверть века назад исследования по истории современной российской социологии не казались актуальными, да и время было для того совсем неподходящим. Правда, если бы тогда наше профессиональное сообщество задумалось о необходимости фиксации и изучения пройденного им пути, то сегодня проведение историко-научно-исследовательских исследований было бы много проще; за последние два десятилетия мы потеряли многих, кто стоял у истоков развития социологии в Москве, Петербурге и в других регионах страны, прекратил свое существование ряд давно действовавших исследовательских коллективов, в связи с переездами лабораторий и сменой руководства исчезли архивы, казавшиеся непосвященным собранием старых, потерявших свое значение документов. Но специфику сегодняшних исторических поисков нельзя сводить только к активизации сбора и налаживанию хранения материалов для будущих исследований. Современный этап скорее всего следует назвать «вопрошающим»: необходим поиск вопросов, могущих стать координатами историко-научно-исследовательских исследований, ориентирующими, организующими их. Я отдаю себе отчет в сложности формулирования этих вопросов-ориентиров, но в порядке первого приближения назову следующие четыре, охватывающие достаточно широкую предметную сферу.

Прежде всего, вопрос собственно историко-научно-исследовательского плана: каков генезис постхрущевской социологии? каковы особенности ее возникновения? Мне представляется, что трактовка произошедшего как «возрождения» до-революционной русской и постреволюционной советской социологии неточна в силу недостаточного учета исторических обстоятельств и «человеческого потенциала», в частности, особенностей профессиональной подготовки тех, кого мы сейчас называем создателями советской социологии. Полагаю, что вернее говорить о «втором рождении» [10].

Следующий вопрос можно классифицировать как научно-организационный: в какой мере первым поколениям социологов удалось создать необходимую инфраструктуру для развития науки? Вопрос третий – научно-гражданский: в какой степени результаты теоретических и прикладных исследований 1960–1980-х годов отражают то,

что происходило в обществе и в сознании людей? И последний: советская социология позиционировала себя (внутри страны и для мирового научного сообщества) в качестве главной силы развития марксистской теории общества. Каковы в действительности эти теоретико-методологические достижения?

Как бы то ни было, без обращения к биографиям первых поколений советских социологов ответы на эти вопросы не могут быть полными.

Становление личности. Обращение к поэзии

По возрасту и по типу вхождения в социологию Валерий Голофаст принадлежит к третьему поколению советских/российских социологов. Соединяя то, что мне сообщил о Валерии его младший брат Георгий Борисович [11], живущий в Днепропетровске, и биографическую информацию, собранную О.Б. Божковым [12], можно сказать следующее о родительской семье и ранних годах жизни Валерия.

Голофаст родился 24 марта 1941 года в Днепропетровске. Его отец был конструктором одного из днепропетровских КБ, проектировал 1-й сварной мост в Днепропетровске, ленинградскую телебашню, крытый стадион в Индонезии. Мать была бухгалтером, в настоящее время пенсионерка, живет в Днепропетровске. После окончания 7 класса Валерий хотел поступить в летное училище, но не прошел медкомиссию. Любовь к технике у него началась с увлечения фотографией – отец с войны привёз несколько трофейных фото- и кинокамер. Окончив школу, Валерий проработал три года на мебельном комбинате, слесарем на металлургическом заводе и проучился два курса на вечернем факультете в Металлургическом институте.

В 1960 году Голофаст поступил на филологический факультет Ленинградского университета и прожил в Ленинграде отпущенные ему следующие сорок с небольшим лет, практически все это время работая в социологических структурах Академии наук.

Принимая во внимание то обстоятельство, что кандидатская диссертация Голофаста была посвящена анализу американской семьи [13], а его посмертно изданная книга озаглавлена «Социология семьи» [14], можно сказать, что

различные аспекты развития современной семьи всегда находились в центре его внимания. Но будет много вернее сказать, что как социолога его прежде всего интересовал человек как таковой и все, что помогало понять человеческое сознание и поведение. Если попытаться определить, что располагалось в фокусе его общеметодологических и урбанистических работ, исследований по образу жизни различных групп населения, науковедческих изысканий и статей по методам социологии, то скорее всего мы увидим там обыденного человека в повседневном мире.

Один из его коллег и друзей Игорь Травин, вспоминая Голофаста, так сказал о его научных интересах: «У него была такая знаменитая поговорка <...> Он начинал иногда какой-то цикл, период разговора с вводного пассажа – «меня интересует». <...> При прочих равных условиях у него интерес зачастую был, я бы сказал, шире чисто физических возможностей» [15]. Согласившись с Травиным в признании широты интересов Голофаста, я выскажу предположение о природе подобного феномена. Эрудиция Голофаста, знание многих языков, постоянное стремление узнать новое, любовь к технике (механике) и астрономии в некотором смысле сближают его с учеными того времени, когда философия была единой наукой и люди, занимавшиеся ею, испытывали «любовь к размышлениям».

И все это началось рано, к двадцати годам Голофастом было написано [16]:

Как только темнота засветится
Зеркальными морями месяца,
Вылазят телескопов щупальцы,
И человек на небо щурится.
И человек в Юпитер метится,
Он силою с планетой меряется,
Уже выходит побеждающим
Земную жажду притяжения,
Ему за это обещающе
В награду жизни продолжение
В пространственном ее и временном
Существовании отмеренном.
Все это здорово задумано,
Но что-то мы не этак делаем.
И ходят юноши задумчивые,

Как будто не хватает детства им.
И люди, жалкие и лживые,
Ослепленные желтой жилюю,
Все ходят, бродят в тьме невежества
И прикрывают это вежливостью,
И прикрывают это важностью,
И прикрывают это ваше-ством.
Не потому ли смотрят, глупые,
И по-воловы отворачиваются,
Что очи их закрыты лупами,
В которых только сено значитя?
Все потому, что люди ленятся,
Все потому, что мало ломаются
В окошки уравнений Лоренца,
В захлебывающиеся строчки Лейбница.
Вам, юноши, о всем мечтающие,
Не только числа почитающие,
Не только денежки подсчитывающие,
Как сколько книжечки почитывающие;
Найдите где-то среди них
Срывающегося с губ моих,
Как ласточку с карниза – стих!
Как сокола с обрыва – стих!
Растите многолапым деревом!
Землею под корнями – дело вам!
Водою под корнями – знания!
И солнце над ветвями – знаменем!

Здесь есть и космос (Юпитер), и теория относительности (Лоренц), и философ-математик Лейбниц, и лирика – извечные вопросы, которые задает себе молодой человек. Желание знать у Голофаства всегда было импульсом к продолжению познания. На мой взгляд, он не был всеяден, но, возможно, ощущал абсурдность сдерживания себя от погружения в то, что представлялось ему интересным.

О. Божков, который по просьбе семьи Голофаства, разобрал его архив, отмечает, что в переписке Голофаства видны его напряженные размышления об окружающем социальном мире, в ней – море разнообразных тонких и точных наблюдений. И далее: «Думаю, что людям, с которыми переписывался Валерий, чрезвычайно повезло в жизни – они соприкоснулись с удивительным интеллектом» [17]. Я – один их тех, кому повезло. Благодаря Божкову у меня

есть, если иметь в виду объем, три-четыре печатных листа наших с Голофастом электронных бесед. И это лишь часть. Эта переписка охватывает период с октября 2001 года (все началось раньше) до декабря 2004 года; последнее письмо пришло от Валерия за две ночи до его смерти...

Приведу лишь короткие фрагменты из писем Голофаста, показывающие его и как личность, и как исследователя.

9 февраля 2003 г.

<...> Как ты знаешь, я когда-то, сугубо дилетантски, чуть коснулся истории социологии (семьи) в Америке. И первое же впечатление, которое потом многократно подтверждалось, что это страна с усеченной историей, но... И в этом-то вся прелесть. Истоки – известны (частью письменно, частью в легендах, частью в пересказах). И пересказы очень важны, свидетельства, письма, дневники <...> Из короткой истории американцы сделали культ. Чтобы выигрышно выглядеть перед всеми новыми мигрантами тоже. Очень важная черта <...> восхождение и снижение статуса целых этнических или локальных групп, маркированное успехами их представителей, символических героев или легендарных предков, которые, однако, все реальны, хотя и чуть надуты усиленным вниманием. Внимание к личности в таких условиях нормально, как и к небольшим общинам. Итог – напряженное историческое и личное самосознание. Этого теперь нет даже в старой Европе. А у нас – в СССР, России и пр. – травилось и травилось весь XX век.

11 июня 2003 г.

Я когда-то <...> был шоссейником. Объездил пол Украины. На шоссе самое трудное – это ехать в группе.

1 января 2004 г.

<...> В общем, я не пессимист и не оптимист. Не хотелось бы быть фаталистом. Делай, что интересно, – мой скромный девиз...

10 января 2004 г.

<...> Человек живет в машинерии общества, рано или поздно, занимаясь чей-то жизнью, обнаруживаешь и привычки, клички, особенности твоего персонажа или других

людей. Но это в воображении так можно развести. В реальности поддерживается иллюзия, основанная на культуре и самом по себе живом процессе (истории), что все только в конкретных людях или их поступках, словах, движениях, действиях. Это дилемма – индивидуальное-общее. На ней были помешаны на рубеже XIX-XX веков. Манера науки – вычленять общее, так полностью и не принята. Поскольку есть кино, литература, теле и пр. А там принципы иные. Хотя известно, что частное должно быть свернуто в общем, иначе общее пусто, вздорно. И в поиске без частного не только не обойтись, ибо оно след, свидетельство, окошко в жизнь, но в нем немалая часть эмоций, реакций, живой плоти.

11 января 2004 г.

В Бостоне я был в нескольких церквях, даже на пасхальной службе с одной семьей. Либо пусто, либо чисто статусное светское раз в год мероприятие. Но я был в высоколобой среде. <...> Я тут Как-то сформулировал, что были три волны секуляризации в прошлом Европы: Реформация, Франц. Революция и наш пример. Ведь почти все протестанты на самом деле могут быть мистичны индивидуально, но они давно равнодушны к культу, церкви, да, думаю, и к глубокой вере. А секулярные верования поверхностны или психопатичны. Интеллектуалы – те могут еще что-то искать. А все остальное – это наносное, как ветер.

25 января 2004 г.

...Единственно, что не дает мне впасть в полный пессимизм, – я заглянул на сайт выпускников школ – на самом деле самодельный форум – Днепропетровска и нашел свою школу. Но не искал свой институт-университет пока. Я ведь когда-то учился и в институте, металлургическом, бросил после 2 лет.

16 мая 2004 г.

Развлекаюсь тем, что читаю очень старую литературу Японии, до этого был Китай.

30 мая 2004 г.

Мое любимое – даосизм, ранний, поздний – напоминал алхимиков в Европе. А о раннем есть классные романы.

И притчи, которым нет равных даже в народном иудаизме из Польши-Чехии 16–17 веков. Слушай, Вам там не дают бесплатно Тору на каком-либо языке? Я об этом мечтаю. Или более поздние апокрифы? Прости, если это тебя ставит в тупик. Ты же знаешь, мой интерес сугубо интеллектуальный!...

8 июня 2004 г.

... Что касается Анны Карениной, то она у меня лежит у изголовья. Я ее читал на ночь месяца три-четыре, теперь пауза примерно уже года полтора. <...> До университета я очень увлекался Толстым. В моей провинции я нашел в одной библиотеке 90-томное собрание и сканировал его по разным поводам. В «Карениной» потрясающе интересный быт, неправдоподобный, непредставимый уже. И странные теории насчет народа, утопических стремлений, порывов. Я когда-то любил Толстого много глубже, чем Достоевского, если сравнивать....

12 марта 2004 г.

<...> Много лет назад у меня был интерес к любительской астрономии и телескопостроению. Я имел канал в БАН и давно знал всех библиотекарей на кафедре философии. Одна из них достала мне три тома из Пулковской обсерватории, в которых были собраны за много лет статьи из журнала Sky and Telescope, где был весь опыт американских любителей, начиная с войны и после, до 60-х гг. (единственный экземпляр в СССР). Один факт имеет фундаментальное значение. Во время войны потребовалось срочное производство прикладной оптики (бинокли, перископы, трубы, для авиации, флота, танков и пр.). Никакой промышленности оптической в США не было. Оптике-любители сделали все – проекты, технологию, первые линии штучного, а затем массового производства. <...> Когда-то американец изобрел суппорт для токарного станка. Это было в начале девятнадцатого века. И это стало революцией в этой технологии. Были соревнования между Европой – старой промзоной и США – еще прериями. Потом к 80-м гг. американцы сделали первые в мире сборочные линии с взаимозаменяемыми частями на своем первом часовом заводе. И посадили в лужу королей часового дела – швейцарцев, французов и пионеров этого ремесла-англичан. То есть я хочу сказать, что в

Америке это была надындивидуальная культурная модель или семейство моделей.

22 сентября 2004 г.

Про праздники – ведь их традиционное обрамление бесконечно богато, рассчитано на всех, даже на детей. Это – одна из тем моих размышлений последнего времени. Я обнаружил (потом и у других) что все теории-схемы-идеологии модернизации всегда давали слишком черно-белую картину, просто переключения от традиционного существования к другому. Возможно, структура ценностей так и переключается. Как будто человеку-обществу сдаются другие карты, и он уже играет иначе. <...> Новое расталкивает локтями старое. Специально выбираю материальные и грубоватые примеры, чтоб оттенить. Но то же относится к мыслям, чувствам, стремлениям, страхам, тоске и прочая. Язык слишком традиционен и груб, чтоб выразить эту смесь.

26 сентября 2004 г.

Когда я начинал заниматься биографиями, я сказал себе и своим коллегам, что от двух линий мы будем уходить в своей активности – от лагерей и репрессий и от военных воспоминаний. Первое мучительно и напряженно идеологично – требует огромной социотехнической работы с людьми, которые об этом пишут. Второе же – выдающийся пример эксплуатации государством военной темы – гигантская машина пропаганды во главе – с верху до низовых организаций – в том числе и по фабрикации соответствующих текстов. <...> Советская власть много сделала, чтобы многие люди забыли своих предков. Включая уничтожение (и добровольное) документов об этих временах и людях. <...> В культуре (а написание – это прямой перевод в культуру) человек становится почти бессмертным. Почти, поскольку были Тойнби, Шпенглер и прочие, которые спокойно принимали факт, что культуры смертны, как и личности. Пока я живу, я могу беседовать с Конфуцием, или с Гэллапом. Как со своей мамой. Когда она далеко.

6 декабря 2004 г.

<...> Читал ли ты когда-нибудь Люиса Мамфорда? Я пропустил здесь издание его книг, придется искать в би-

блиотеках. Я когда-то читал, но мало, статьи. Он философствующий историк. Любимый жанр. Очень независимый ум вроде.

Привет, В.

Это было последнее письмо, написанное мне Голофастом. Но мой мысленный диалог с ним продолжается.

Для Голофаста – сначала было слово

Я познакомился с Голофастом году в 1973–м или 1974–м, и с 1975 года до моего отъезда в Америку в 1994 году мы работали в соседних секторах академической организации, многократно менявшей свое название и сейчас именуемой Социологическим институтом РАН. Но лишь из приводимого ниже фрагмента его письма от 11 июля 2003 г. я узнал, что в юности Валерий писал стихи. Для меня это сообщение оказалось в высшей степени значимым, лишь после него я начал понимать истоки того, что про себя многие годы называл стилем Голофаста. Речь идет не только о языке, хотя стиль во многом и задается им, но о логике видения мира.

Все произошло случайно: я спросил Валерия, не знал ли он, обучаясь на филологическом факультете, Сергея Довлатова, и в ответе среди прочего прочел: «На филфаке я учился в 1960–1965. Когда я приехал в Л-д, у меня еще был поэтический период. В 60–61 годах я знал всех, кто был активен в студиях, на вечерах в кафе, сам выступал в них и в кинотеатрах. Но потом резко ушел из этой среды. Может быть, ты слышал про Костю Кузьминского (он теперь в США), мы были приятелями, и я частенько ночевал у него дома на бульваре Профсоюзов. Ушел по личным мотивам – меня завалили по языку – а это было хана пребыванию в Л-де. Пришлось мобилизоваться. А в этом процессе я стал искать другие интересы».

Может быть, именно эту смену своих жизненных планов, а также состоявшийся уход из технического вуза и начало обучения на филфаке и имел в виду Голофаст, когда за месяц до смерти писал мне: «Я тут сказал одной девушке, знаешь, можно ведь сейчас завернуть за угол, и уйти совсем в другие края, не возвращаясь... Я пару раз в жизни так

делал. Правда, в другом возрасте. Я без пессимизма, учти» (17 ноября 2004 г.).

Ленинград второй половины 1950-х – 1960-х годов был городом, в котором, несмотря на многие идеологические барьеры и бытовые проблемы, велась активная литературная жизнь, существовал ряд литературных объединений и неформальных групп, объединявших молодых прозаиков и поэтов близких творческих ориентаций и политико-гражданских установок. Достаточно сказать, что именно в той среде формировались Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман и Евгений Рейн, Виктор Кривулин и Виктор Соснора и ряд других поэтов, несколько позже в значительной степени определивших общий уровень советской поэзии, культуры в целом.

Константин Кузьминский – человек-легенда, один из героев ленинградского литературного андеграунда [18] конца 1950-х – начала 1960-х, обладает феноменальной памятью на стихи. Значительная часть статьи об истории неофициального искусства в СССР посвящена оценке его многообразной деятельности. Отмечается, что в 1960-х его комната во флигеле во дворе между Красной улицей и бульваром Профсоюзов стала местом литературных чтений, вечеров, выставок живописи и фоторабот, печати самиздата. Дом Кузьминского, наряду с мастерской Михаила Шемякина на Загородном проспекте, стал образцом нового богемно-артистического стиля, не без влияния которого в дальнейшем складывался быт многих квартир литераторов и художников. Кузьминского считают одним из первых, кто осознал значение неофициальной культуры и понял необходимость ее внимательного изучения и сохранения [19].

Я ответил Валерию, что не был знаком с Кузьминским, но одно время мы принадлежали к пересекающимся дружеским компаниям. После смерти Валерия я нашел электронный адрес Кузьминского и написал ему. Он ответил, что считает стихи Голофаства гениальными, и указал сайт, на котором расположены его воспоминания о Валерии и несколько его стихотворений. Приведу крошечный фрагмент из воспоминаний Кузьминского, как мне представляется, чрезвычайно важный для понимания Голофаства не просто как социолога, но и как представителя одного из типов социологов третьего поколения: «...стихи, с которыми он при-

шел, были – уже – написаны мастером. Блестящий классический стиль, философичность – вот философичность-то, по-моему, Голофаста и подкосила. Его стихи стали переходить в прозу, в философское размышление. <...> Хорошо, что Голофаста не напечатали. Тогда ему было бы еще хуже. Человек он был серьезный, положительный, и в своем процессе становления советским писателем – дошел бы до полного самоотрицания. А так – хоть подышал. <...> Голофаста я встретил перед отъездом в “Сайгоне”, поблекшего, усталого и голодного. <...> И сейчас мне грустно: какого поэта я потерял, или он – потерял сам себя? Кто теперь скажет? И не только поэта, но и все его рукописи. <...> Но ощущение большего знания – у меня осталось надолго. Был он умнее всех нас. Что стало с человеком? Куда и почему он пошел?..» [16].

О том периоде, когда Голофаст начинал писать стихи, вспоминают друзья его юности, а вот слова его брата: «Стихи начал писать в старших классах, начинал с переводов Шевченко на русский язык. Ходил в литературную студию во дворце студентов <...> Под влиянием руководителя студии Валерий отослал стихи на творческий экзамен в Литературный институт имени Горького».

Раннее обращение Голофаста к поэзии рассматривается его братом и друзьями по литературной студии как отдельный, самостоятельный факт его и их далекого общего прошлого, мне представляется, что в нем ядро, суть понимания многого в его жизни. Для Голофаста – сначала было *слово*.

Рано возникло у Голофаста и критическое отношение к окружавшему его социальному устройству. В интервью Дмитрию Шалину, состоявшемуся в апреле 1990 года, он говорил: «Я был достаточно молодым человеком... Полная утрата иллюзий [произошла] где-то в середине правления Хрущева, потому что стало ясно, что все предложения фальшивые, абсолютно [все]. И никакой надежды, что они когда-то будут реализованы. То есть для меня никогда не было проблемы и, следовательно, для меня всегда существовал мир общественных правил игры и внутренний мир моего восприятия, моей оценки, который всегда был дистанцирован. Я мог принимать или не принимать политические конвенции, но это не имело значения. В общем, для меня [этот процесс] в моей биографии начался очень рано... Я научился

спокойно переносить эту двойственность и особой проблемы не испытывал <...> я знал, что существует другая жизнь, существует более широкий мир» [20].

Движение в социологию

Мое изучение биографий представителей первых двух поколений советских/российских социологов позволяет заметить, что выбор ими специальности и начало социологической деятельности были прежде всего связаны с их стремлением к познанию и усовершенствованию общества, социальных отношений. Социологи третьего поколения были менее идеологически, граждански «заряжены», и многие из них пришли в социологию, имея базовую специальность, далекую от изучения социума. Есть группа ученых, которые пришли в социологию из журналистики и которые изменили свою профессию в силу возникшего у них стремления к более глубокому, теоретически фундированному пониманию той социальной реальности, которую они анализировали в прессе.

Движение в социологию Голофаства схематично можно описать так: поэзия, постепенно приобретающая философичность, – филология – философия – социология. Причем социология, не «господствовавшая» в то время в СССР. Вот слова из некролога, написанного В.А. Ядовым: «Валерий Голофаств вошёл в нашу команду, имея за плечами филологическое образование. Потому не случайно феноменологический подход к социальным проблемам был ему близок. Именно это имело неопределимое значение в сообществе “жестких позитивистов”» [21]. Отсутствие устремленности Голофаства к быстрой публикации результатов его исследований Ядов связывал со спецификой «понимающей» социологии и индивидуальными особенностями Валерия. С этим можно согласиться. Действительно, приверженность Голофаства к «понимающей» социологии и проделанная им в юности и ранней молодости работа со словом, его причастность к андеграундной «сайгонской» культуре, с одной стороны, делали невозможным для него принятие доминировавшего тогда идеологизированного языка советской социологии, с другой – препятствовали принятию его ритори-

ки структурами, определявшими, что можно публиковать, а что – нельзя. Став социологом, Голофаст одновременно оставался филологом, и слово всегда было для него важнейшим инструментом познания и описания реальности. В 1970–1990-е в социологии всем было сложно публиковаться, но «отягощенному» поэтическим опытом Голофасту это было сложнее, чем другим.

«Сайгонная культура»

Здесь я должен сделать одно отступление «регионального» характера и пояснить значение использованного выше термина – «сайгонная» культура.

Ленинград всегда был городом, в котором одновременно с официальной культурой существовало множество андеграундных субкультур, либо пресекавшихся властью, либо частично разрешенных, но контролировавшихся идеологическими организациями и органами правопорядка. Одним из таких очагов андеграундной культуры было кафе, расположенное в самом центре города, на углу Невского и Владимирского проспектов. Формально это было кафе от ресторана «Москва», но все, знавшие это место, называли его «Сайгоном». В настоящее время признается, что «Сайгон» – и еще несколько небольших кафе – были местом, где развивалось творчество очень сильной группы поэтов, писателей и музыкантов, определивших ряд направлений в современной русской художественной культуре. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «митьков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой. Приведу несколько реминисценций о сайгонной атмосфере людей, которые знали ее досконально.

В одной из эмигрантских рецензий Сергей Довлатов вспоминал: «Ну что «Сайгон»... Грязноватое кафе в центре Питера, на углу Невского и Владимирского проспектов, со странной богемно-уголовной публикой, где встречались, пили кофе и портвейн, обменивались новостями, читали стихи. Юный лопух, случайный посетитель (сам был из таких) мог заметить только это. Но для своих, для посвященных (тут должны были совпасть не только место, но время и поколение), «Сайгон» был непрерывно творимой леген-

дой, продолжением петербургского мифа (у “них” – салон Волконской или башня Вяч. Иванова, у нас – «Сайгон»), символом второй настоящей культуры, оказавшимся, как по заказу, напротив – на расстоянии Литейного -официальных цитаделей: кагэбэшного Большого дома и ленинградского Дома писателей. <...> Естественно, читались стихи, естественно, передавались рукописи, так что это время можно с полным правом окрестить как “сайгонский период русской литературы”» [22]. Виктор Кривулин: «В «Сайгон» приходили люди и стояли, попивая кофе, минут сорок, час... <...> Поначалу были столики, за которыми сидели, но потом их заменили, и сиденьями служили разве что подоконники. Приносили с собой портвейн, распивали вместе с кофе... На это, как и на курение, смотрели сквозь пальцы. <...> Гэбэшники имели интерес к этому заведению и поэтому не прикрывали его – так было удобней. Стояли, как все, пили кофе... Захожу, скажем, встаю рядом с человеком – и вспоминаю его лицо – он у меня на обыске был...» [23].

«Сайгон» открылся осенью 1964 года, и на протяжении последующих почти двух десятилетий оставался для молодежи центром инакомыслия.

Атмосфера «Сайгона» была близка и ряду ленинградских социологов следующего поколения, которые в 1970-х встречали там иных людей, но такое же резкое отторжение императивов и норм советского общества. По мнению Бориса Гребенщикова (писавшего о себе: «Детство прошло в Сайгоне, / Я жил, никого не любя...»), «наиболее значимой для заведения была компания поэтов, познакомившихся в литературном клубе “Дерзание” при Дворце пионеров» [24]. Среди активистов этой группы он называет Елену Здравомыслову, плодотворно и многосторонне работающую сейчас в социологии. Ей принадлежит одно из наиболее интересных исследований природы «Сайгона» и его роли в ленинградской культуре: она называет его местом встречи, или социальным пространством, общения ленинградских маргиналов, системным протестом против важнейших элементов существовавшей политической организации общества. «Люди “Сайгона”, – пишет она, – создавали для себя гражданское общество. Они делали вид, что социалистический мир вокруг них не существует» [25].

Не только, что сказать, но как сказать

Философия – это любовь к мудрости, филология – любовь к слову, но поскольку слово и есть мысль, легко понять, что эти науки находятся в постоянном взаимодействии, в некоторых случаях – в прямом соприкосновении. Так, согласно М.Л. Гаспарову история философии – глубоко филологическая дисциплина [26].

Стремление к абстрактному, научному анализу природы этого диалога способно приносить человеку радость, но постоянное ощущение и переживание конфликта между этими науками во многом драматично. В отличие от многих других социологов, задумывающихся лишь о том, что сказать о социуме, Голофаст в равной мере был сконцентрирован и на мысли о том, как выразить итоги своих размышлений. Когда я сказал ему, что объем написанных мною сюжетов по истории американской рекламы и изучению общественного мнения перевалил за миллион знаков, он ответил – «пиши романы» и затем: «А меня вот тянет на афоризмы почти. Я тут начал один маленький-маленький текстик. Но его тоже трудно продолжать без читателей. А их не найти, особенно на предварительной стадии» (1 ноября 2004 г.). Мой ответ был: «Боюсь, что этот текст не сможет остаться маленьким.<...> Знаешь, как вода, пока мелко – трудно плыть, а на глубине вода держит... такой кайф... если море теплое... это я к тому, что пиши и высылай, я буду читать».

Сейчас, перечитывая последние короткие статьи Голофаста [14], я начинаю понимать, что именно к этому жанру он шел, пробивался, ибо только в нем он в принципе мог в полной мере выразить себя. Что означает «тянет на афоризмы»? По большому счету это указывает на то, что Голофаст искал форму выражения, риторику, близкую к поэзии. Ему нужны были емкие фразы, которые одновременно передают его мысль и активно иницируют со-творчество, со-размышления читателя. Зачем ему нужна была такая форма? Потому что о многом хотелось сказать, хотя бы обозначить, наметить. То не была некая универсалия, вокруг которой все другое естественным образом группировалось бы, располагалось, то были суждения о многом, своего рода итоги тех циклов разговоров, начинавшихся с вводной –

«меня интересует». Дмитрий Шалин, процитировав в своем эссе слова Голофаства о том, что его тянет на афоризмы, заметил: «По Тынянову, фрагмент и афоризм – жанр наиболее созвучный романтической школе. В Валерии никогда не умирал поэт-романтик, хотя его воображение опосредовано философской рефлексией» [20].

На мой рассказ о поиске фактов для моих исторических обобщений и новых гипотез Голофаств отреагировал следующей репликой (10 января 2004 г.): «Ты как ищейка, идущая по следу. Go, go, go...» Работая над этим текстом, мне тоже хотелось «поохотиться» и найти что-либо, позволяющее глубже понять истоки, мотивы работы Голофаства.

О. Божков в своих комментариях обращает внимание на дневниковые записи Голофаства 1960 года, посвященные Леониду Борисову: «“Маленький, сухонький, совершенно седой старичок с неожиданно громким, хотя и старческим уже голосом. Очень энергичный и горячий. Один из последних наших романтиков”. Борисов говорил о Паустовском, Ахматовой, Блоке, Скрябине, Эренбурге» [12].

Леонид Ильич Борисов (1897–1973) пережил многое. Было время, когда его не публиковали и приходилось зарабатывать на жизнь литературной поденщиной, но все же его миновали аресты и лагеря. Начинал он как поэт в 1916 году, сразу после окончания гимназии. Его первый роман «Ход конем» (1927 год) был высоко оценен Горьким [27]. В докладной записке о деятельности журналов «Звезда» и «Ленинград», послужившей их разгрому в 1946 году, отмечалось: «На страницах «Звезды» ведется пропаганда идеалистических взглядов на искусство. Повесть Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» (№ 4, 5–6 за 1946 г.) сплошь заполнена призывами уйти от действительности в область «сладостных легенд», «в мир фантастики и чистой выдумки». Образ писателя Грина, являющегося героем этой повести, идеализируется как образ мечтателя, человека «не от мира сего», погруженного в свои бесконечные фантазии» [28]. Сам Борисов считал, что туча над его головой прошла мимо, так как его защитил Сталин, которому, – как кавказцу (слова Борисова) – эта повесть понравилась [29]. В коротких справках о творчестве Борисова отмечается, что начиная с 1940-х годов он много работал в области биографической прозы и писал преимущественно о жизни

русских и зарубежных писателей и композиторов (А. Грин, Ж. Верн, Р. Стивенсон, С.В. Рахманинов и др.).

Знакомство с биографиями ученых и писателей позволяет утверждать, что в их памяти годами, десятилетиями хранятся факты и наблюдения, интуитивно селективируемые и откладываемые в кладовые сознания. Через много лет каким-то непонятным образом все всплывает, осмысливается заново и вплетается в их творческую жизнь, нередко определяя ее наиболее существенные грани. Возможно, еще в 1960-е годы биографические романы, повести и эссе Борисова чем-то заинтересовали Голофаста, видевшего себя литератором. Но, отказавшись от планов профессионально заняться литературой, он отошел от биографической тематики.

Прошло два десятилетия, и изучение биографий стало для Голофаста одним из доминирующих направлений его социологических исследований. Было бы хорошо, если бы его коллеги, продолжающие эту работу, вспомнили обстоятельства рождения биографического проекта и назвали факторы, определившие его развитие. Однако в любом случае это будут внешние, «проговаривавшиеся» моменты, мне же представляется, что один из интимных, не манифестировавшихся Голофастом мотивов разработки этой тематики мог лежать в глубинах его сознания с далеких «досоциологических» времен как отклик на книги Борисова. Таким образом, ранний литературный опыт стал не только основой приверженности Голофаста к феноменологической социологии, но нашел отражение и в его биографических исследованиях.

В связи обсуждением моей работы над биографией Арчибальда Кроссли – одного из «отцов-основателей» опросов общественного мнения в США – и стремлением привести в ней письма его дочери, Голофаст заметил: «Но ты работаешь на грани литературы. Посему будь пост-пост модернистом, смело делай любые коллажи из любых вариантов и кусков» (23 января 2004 г.). Не обратив внимания на два «пост» я сразу ответил: «Да, буду постмодернистом...». И здесь же – от Валерия: «...Пост – это уже давно не ново» (23 января 2004 г.).

Помня о совете Голофаста быть постпостмодернистом, я обозначаю один сюжет, связывающий траектории развития литературы и социологии в СССР, о котором – впол-

не возможно – размышлял Голофаст, интересовавшийся историей. Речь пойдет об академике Георгии Федоровиче Александрове (1908–1961), с деятельностью которого иногда связывают, а при определенном развитии событий в стране могут связать крепче становление советской пост-хрущевской социологии. Голофаст мог впервые услышать эту фамилию в разговорах с Борисовым.

Г.Ф. Александров, будучи многие годы начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), был одним из инициаторов – или активных участников – разгрома журналов «Звезда» и «Ленинград», состоявшегося в 1946 году и надолго определившего особенности развития ленинградской (и советской) литературы. В 1949 году, когда он руководил Институтом философии АН СССР и принимал деятельное участие в проводившейся в стране борьбе с «безродными космополитами»; в центре его внимания были философия и наука в целом. Парадокс эпохи заключался в том, что борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом напрямую коснулась и самого Александрова. Его книга «История западноевропейской философии» (1946) была подвергнута, говоря словами того времени, критике за объективизм, терпимость к идеализму и декадентству, отсутствие должного напора в критике философских противников. С приходом к власти Н. Хрущева Александров в силу разных обстоятельств был снят с ряда высоких правительственных постов, отстранен от исполнения обязанностей депутата Верховного Совета и «отправлен в ссылку» – руководить сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН Белоруссии.

В 1955 году Александров начал читать в Белгосуниверситете спецкурс «История социологических учений», а в 1958 в Минске вышла его книга «История социологии как науки» – это была стенограмма его лекций. Через год им были опубликованы еще две работы: «Очерк истории социальных идей в древней Индии» и «История социологических учений: Древний Восток». В каталоге Российской национальной библиотеки отражена и его более ранняя публикация (1948 год), имеющая отношение к социологии: это стенограмма его публичного выступления в Центральном лектории Общества по распространению политических и

научных знаний в Москве – «Банкротство буржуазной социологии» [30].

Сюжет с деятельностью Александрова является продолжением обсуждения с Валерием некоторых аспектов развития современной советской социологии, которое, по сути, происходило на наших глазах; тогда он написал: (9 декабря 2003 г.): «Собственно, меня самого интересует, кто первый сказал «Да» и где: среди философов, в ЦК и пр.». Очевидно, что рассмотрение вопроса о генезисе постхрущевской социологии потребует прочтения и оценки многого, что дискутировалось в советской литературе и отражено в ряде официальных документов по поводу места социологии в системе советского обществоведения и роли тех или иных ученых в становлении этой науки. Более десяти лет назад Г. Батыгин и И. Девятко писали, что к 1956 году в Советском Союзе было, по крайней мере, два человека, активно работавших в области социологии [31]. Первым назывался Александров, вторым – Марк Петрович Баскин (1899–1964). В действительности здесь не все однозначно, и предстоит понять, создавали ли указанные книги Александрова предпосылки для начала теоретико-эмпирических исследований общества в СССР или то были работы в области идеологии или социальной философии. Во всяком случае, мне не припоминаются ссылки на указанные выше публикации Александрова в пионерных работах советских социологов первых поколений; не цитируются его книги и в «Лекциях по социологии» Ю.А. Левады.

Мои обсуждения со А. Здравомысловым и В. Шляпентохом позволяют предположить, что труды Александрова не имели заметного значения для развития социологии в СССР. В справедливости этих предположений меня укрепил И. Кон, недавно написавший мне: «...никакого интеллектуального содержания в его [Александрова] книгах нет и никогда не было. Все сочиняли помощники. А поскольку большим начальником он уже не был, никто, кроме штатных подхалимов, его книг не читал» [32].

Дважды Голофасту пришлось пережить серьезные неприятности в связи с жесткой идеологической критикой его работ. Первый раз, когда руководством Института социально-экономических проблем АН СССР была приостановлена его с соавтором работа над книгой «Семья в крупном городе»,

хотя уже осуществлялась вычитка корректуры [33], [34]. Второй – когда профессором Б.Д. Парыгиным необоснованно были раскритикованы его материалы, подготовленные для книги трудов одного из советско-венгерских семинаров в Ленинграде. Итог был тем же, сборник не увидел света. Сегодня я думаю, что во всем этом Голофаст мог видеть элементы борьбы с космополитизмом, что безусловно обсуждалось в «сайгонной среде». Ведь в основном предъявлявшиеся ему обвинения сводились к низкому идейно-теоретическому уровню, недооценке своеобразия развития советского общества, к увлечению западными концепциями.

Подытоживая воспоминания о Голофасте как начинавшем поэте, Кузьминский писал: «...но судьбу Голофаста я тоже на Советы записываю. Счетик им предстоит – за многих...» [16]. К сожалению, эти слова относятся и к тому, что происходило в жизни Голофаста-социолога.

* * *

В настоящем очерке были намечены общие методологические подходы к изучению биографий и сопряжению биографического с историческим, о которых многие годы размышлял Голофаст и которые мы пытались обсуждать с ним в нашей переписке «сразу обо всем». Наша электронная беседа прервалась более трех лет назад, когда я только приступал к обобщению материалов по истории становления исследований общественного мнения в США [35] и когда были закончены первые биографические интервью с российскими социологами. Я не могу сказать, что в моей последующей работе я пользовался какими-либо специальными, профессиональными советами Валерия; кто помнит его, понимает, что он таких советов и не давал. Но мне ясно и то, что многое в моем видении природы историко-научоведческих поисков, в которых изучение биографий творческих людей является центральным элементом и цементирующим составом, навеяно реальным и мысленным диалогом с Голофастом.

На следующий день после смерти Геннадия Батыгина Голофаст написал: «В таких случаях всегда восклицаешь: не может быть... <...> только два дня назад я прочел 4 номер за прошлый год, который Гена прислал. Круг сужается. Ты ведь знаешь ощущение – вокруг много незнакомых людей» (2 июня 2003 г.).

«Не может быть» – говорил и я себе, когда получил от Оксаны Голофаст сообщение о смерти ее отца. Написанный мною некролог завершился словами: «Я посмотрел мои публикации последних лет... чаще всего я благодарил в них за помощь Валерия Голофаста... спасибо Валерий... я понимаю, что без тебя мой интеллектуальный мир станет много беднее... а значит, и все остальное будет серее...» [36]. Так оно и оказалось...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Докторов Б.* Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Социальная реальность. 2007. № 6. С. 67–82 <http://socreal.fom.ru/files/sr0706-067-081.pdf>.
2. “Социологический поворот в моей профессиональной жизни носил несколько мистический характер...” (Интервью Е. Петренко Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. №2. С. 79–95 <http://socreal.fom.ru/files/sr0702-079-095.pdf>.
3. “Мы формировались во времена отрицания” (Интервью М. Тарусина Б. Докторову) // Социальная реальность. 2007. №7. С. 55–79 <http://socreal.fom.ru/files/sr0707-055-079.pdf>.
4. “У нас был «генетический» иммунитет недоверия к любым формам власти” (Интервью Франца Шереги Борису Докторову) // Социальная реальность. 2007. №9. С. 65–83 <http://socreal.fom.ru/files/sr0709-065-083.pdf>.
5. “Советские социологи лучше американцев в организации опросов” (Интервью В. Шляпентоха Б. Докторову) // Социальная реальность. 2006. №12. С. 67–81 <http://socreal.fom.ru/files/sr0612-067-077.pdf>.
6. Проект “Международная биографическая инициатива” <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>.
7. Социология в России / Отв. ред. В.А. Ядов. 2-е изд. М.: ИС РАН, 1998.
8. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. М.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999.
9. *Фирсов Б.М.* История советской социологии 1950–1980-х годов. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2001.
10. *Докторов Б., Ядов В.* Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3. (В печати).

11. Электронное письмо Г.Б. Голофаства Б.З. Докторову от 10 января 2008 г.
12. *Божков О.* Эскиз портрета друга <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/memorial/golofast_bozhkov.html>.
13. *Голофаст В.Б.* Проблемы изменения семьи в современной американской социологии. (Критический анализ). Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. М.: АН СССР; Институт философии, 1972.
14. *Голофаст В.* Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О.Б. Божкова. СПб.: Алетейя, 2006.
15. *Травин И.И.* «В социологию я пришел совершенно сознательно» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 9. <http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1203611700419046file.pdf>
16. *Голофаст В.* У голубой лагуны // Антология новейшей русской поэзии: Т. 5–А / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. С. 260–266 <http://kkk-bluelagoon.nm.ru/tom5a/zub_golofast.htm#1>.
17. *Божков О.Б.* Разнообразие интеллектуальной биографии // Право на имя. Биография вне шаблона. СПб.: НИПЦ «Мемориал», 2006. С. 146–156.
18. *Константин Кузьминский:* Умеренности я в себе не наблюдаю, ни в чем... <<http://www.pchela.ru/podshiv/12/no measure.htm>>.
19. *Долинин В.Э., Северюхин Д.Я.* Преодоление немоты. <<http://www.polit.ru//country/2003/07/25/621950.html>>.
20. *Шалин Д. Н.* Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью // // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 3 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/saganenko_golofast.html>.
21. *Ядов В.А.* Валерий не скупился на разбрасывание идей <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_Yadov.htm>
22. *Пономарев И.* Неформалы на Невском // Нева. 2004. № 3. <<http://magazines.russ.ru/neva/2004/3/ponom22.html>>.
23. Невский до и после великой кофейной революции. Интервью с Виктором Кривулиным. <<http://www.pchela.ru/podshiv/6/coffee.htm>>.
24. *Гребенщиков Б.* Сайгон. < <http://www.pchela.ru/podshiv/6/saigon.htm>>.
25. *Здравомыслова Е.* Кафе «Сайгон» как общественное место. <http://www.cisr.ru/files/publ/wp3/wp3_Zdravomyslova.pdf>.
26. *Гаспаров М.Л.* Примечание псевдофилософское // Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 100–102 <http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=12418>.

27. Борисов Леонид Ильич <http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=12418>.
28. Докладная записка управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». 7 августа 1946 г. <http://www.sovlit.ru/articles/zapiska_zhdanovu_1946.html>.
29. Давыдов А. Писатель Леонид Борисов // Нева. 2003. № 11 <<http://magazines.russ.ru/neva/2003/11/davydov.html>>.
30. Александров Г.Ф. Банкротство буржуазной социологии / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М.: Правда, 1948.
31. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Социология и власть: эпизоды советской истории // Тоталитаризм и посттоталитаризм (Статьи и подготовительные материалы): Кн. 2. М.: ИС РАН, 1994. С. 174–201.
32. Электронное письмо И. Кона Б. Докторову от 3 марта 2008 г.
33. Божков О., Протасенко Т. «Гляжу в себя как в зеркало эпохи» // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 6. С. 2–13.
34. Докторов Б. Как это было – 2. Анатомия закрытия // *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*. 2005. № 6. С. 14–16.
35. Докторов Б.З. Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
36. Докторов Б. Валерий Борисович Голофаст (1941–2004) <http://www.pseudology.org/Golofast/Golofast_indivd2.htm>.

Г.С. БАТЫГИН И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ/РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ²⁵

В этом году исполнилось 60 лет со дня рождения Г. С. Батыгина (1951–2003). Он прожил короткую жизнь, но внес заметный вклад в советскую / российскую социологию. Батыгин занимался общими вопросами теории и методологии социологии, историей отечественной науки, природой «жестких» и «мягких» методов. В течение многих лет он играл ключевые роли в редакционной политике журнала «Социологические исследования», а позже создал «Социологический журнал». Под его редакцией вышли переводы ряда книг. Он многие годы серьезно занимался преподаванием социологии, под его руководством защищено около трех десятков кандидатских диссертаций. Придавая большое значение стилю социологических текстов, Батыгин определил некоторые черты языка современной российской социологии.

В статье продолжается изучение биографии Батыгина [1] и впервые обсуждаются вопросы, относящиеся к природе названного поколения отечественных социологов. Ранее биографии представителей четвертого поколения советских/российских социологов не были объектами направленных историко-научных исследований.

Изучение биографии: личностное и поколенческое

Одно из главных направлений моих исследований по истории отечественной постхрущевской социологии связано со становлением поколений внутри сообщества советских/российских социологов. Рассмотрение этой темы позволяет изучить процесс формирования нашего профессионального цеха, особенности различных возрастных когорт, специфику меж- и внутрипоколенной коммуникации, подойти к выявлению функций различных поколений в нашей науке.

²⁵ Докторов Б. З. Г.С. Батыгин и формирование четвертого поколения советских/российских социологов // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 114-127. <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/1193/submission/original/1193-2249-1-SM.pdf>

Информационной основой для конструирования лестницы поколений советских / российских социологов и разработки методологии поколенческого анализа этого профессионального образования является архив биографий ученых, причастных к созданию современной социологии.

Во второй половине 1990-х начало созданию этого архива было положено Г. С. Батыгиным и его коллегами [2], а также рядом других исследователей. Значительную часть биографического архива составляют проведенные мною интервью по электронной почте.

Говоря о методологии изучения поколений, укажу на два взаимодополняющих подхода, которые назову макро- и, соответственно, микроподходом. Объектом макроизучения является вся совокупность поколений, а предметом – атрибуты отдельных когорт и всей их совокупности. Микроизучение фокусируется на анализе жизненных траекторий отдельных ученых. Другими словами: макроподход – это создание «групповой фотографии», на который различим каждый герой, но главная цель «портрета» – создать образ сообщества в целом. Микроподход – это портретирование отдельного человека, «выхваченного» из групповой фотографии.

Ниже будут представлены временные границы выделенных поколений, сейчас же отмечу, что изучение жизни и творчества отдельного социолога, при всей значимости подобного рода работы, становится частью исторического исследования, только если оно помещено в более широкий контекст развития социологии, и в частности – в пространство становления поколения, к которому принадлежит этот социолог; именно в этом проявляется единство макро- и микровидения поколенческой проблематики. В такого рода анализе существует множество проблем науковедческого, информационного, этического характера, однако его осуществление отчасти упрощается благодаря тому, что перечисленные поколения давно сложились и место, роли многих его представителей в становлении российской социологии в целом определены.

Четвертое поколение работает уже давно, его представителями внесен заметный вклад в развитие постперестроечной социологии, тем не менее в историко-науковедческом плане эта профессиональная когорта абсолютно не изучена. Не выявлены особенности ее формирования, теоретическое,

объектно-предметное и методическое пространство исследований, проводимых этой группой, понимание ею генезиса постхрущевской социологии, отношение к наследию допостроечного периода и так далее.

Рассмотрение биографии и постбиографии Батыгина дает серьезное основание для обсуждения личного и поколенческого применительно к четвертому поколению. С одной стороны, сделанное им признавалось и высоко оценивалось при его жизни и не потеряло своего значения в настоящее время; этот факт делает обособанным направленное изучение его жизни, творчества и наследия. С другой стороны, наличие биографии еще тринадцати представителей²⁶ этого поколения позволяет при изучении жизненной траектории Батыгина не ограничиваться личностным, но обратиться к поколенческому.

Четвертое поколение в постхрущевской русской социологии

Поколение социологов – это достаточно однородная по возрасту группа ученых, удовлетворяющая двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических, социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Поколенческое стратифицирование социологического сообщества трактуется как построение типологии, в определенные секции которой по заданным правилам может быть занесен каждый, кто в СССР / России занимался, занимается и будет заниматься в ближайшем будущем социологическими проблемами. В таком случае совокупность *всех* поколений – это идеальная конструкция, которая в историко-наукоеведческих построениях может служить *моделью*, или теоретико-эмпирическим описанием, возрастных страт этого профессионального цеха.

Согласно предложенному мною алгоритму поколенческой стратификации, в настоящее время в русской социологии

²⁶ БД: к настоящему времени проведено около полусотни интервью с социологами Поколения IV.

работает шесть поколений²⁷ и постепенно начинает работать седьмое. Каждое из них формируется в течение 12 лет, таким образом, новая ступень лестницы поколений образуется автоматически. Это – следующее двенадцатилетие.

Так, четвертое поколение – рожденные в 1947–1958 гг., – первое послевоенное поколение советских людей. Все социологи, представленные в таблице 1, принадлежат к этому поколению. Для удобства анализа они объединены в три страты: старшая часть, центральная и младшая.

Интервью с Батыгиным было проведено Н. Я. Мазлушной 23 января 2002 года, за месяц до того, как ему исполнился 51 год и за полтора года до его внезапной смерти. По сути, это рассказ Батыгина обо всей прожитой им жизни [3].

Беседы с другими социологами, имена которых представлены в таблице, были проведены мною в 2007–2011 гг. и почти все они опубликованы. Среди этих 13 социологов: пять женщин, восемь мужчин; двое не имеют научных степеней, четверо – кандидаты наук и семеро – доктора наук. Пятеро – философы по базовому образованию, трое – психологи, по два историка и филолога и один компьютерщик. Лишь шесть человек родились в мегаполисах – Москве и Петербурге, остальные – в средних и небольших городах.

На момент опроса шестеро жили в Москве, пятеро – в Петербурге и по одному человеку в Иваново и Тюмени. Четыре человека работали в академических социологических институтах, четверо – в государственных и независимых вузах, еще четверо – в независимых аналитических организациях и один являлся независимым исследователем. Четверо имели многолетний опыт издания (редактирования) социологических журналов.

Годы вхождения в социологию специалистов, представленных в таблице 1, заключены в достаточно широком интервале. В первой половине 1970-х – четверо, во второй половине 1970-х – начале 1980-х – шестеро и четверо – во второй половине 1980-х. Двое – из семей социологов первого поколения. У большинства по крайней мере один из роди-

²⁷ БД: на момент работы над книгой мною изучается семь поколений советских / российских социологов.

телей имел высшее образование. Четверо мужчин прошли военную службу до обучения в университете или после.

Более половины всех опрошенных окончили школу с серебряной или золотой медалью, университеты – с красным дипломом.

Таблица 1

Социологи четвертого поколения, с которыми были проведены интервью

ФИО	Годы прихода в социологию	Годы защиты канд./докт. дис.
<i>Старшая часть поколения: 1947–1950 гг. рождения</i>		
Бачинин Владислав Аркадьевич	конец 1980-х	1980/1991
Ильин Владимир Иванович	конец 1980-х	1980/2000
Семенова Виктория Владимировна	первая половина 1970-х	1981/2000
<i>Центральная часть поколения: 1951–1954 гг. рождения</i>		
Батыгин Геннадий Семенович	1974	1977/1987
Давыдов Андрей Александрович	начало 1980-х	1989/1996
Здравомыслова Елена Андреевна	начало 1970-х	1997
Илле Михаил Евгеньевич	1976	без степ.
Мягков Александр Юрьевич	конец 1970-х	1984/2003
Ослон Александр Анатольевич	1970–1980-е	1984
Чирикова Алла Евгеньевна	конец 1980-х	1978/2003
<i>Младшая часть поколения: 1955–1958 гг. рождения</i>		
Беспалова Юлия Михайловна	середина 1980-х	1984/1999
Козлова Лариса Алексеевна	1973	1989
Тарусин Михаил Аскольдович	начало 1980-х	без степ.
Ядов Николай Владимирович	начало 1980-х	1989

Отсутствие данных о составе всего сообщества советских/российских социологов, в том числе информации о социологах, рожденных в 1947–1958 гг., не позволяет говорить о степени соответствия статистики, описывающей этих 13 респондентов, параметрам (гипотетической) генеральной совокупности. Однако цели настоящего исследования не требуют формирования обширной репрезентативной выборки. Преобладание среди опрошенных специалистов с научными степенями и учеными званиями, авторов значительного числа статей и монографий позволяет рассматривать (пусть в первом приближении) эту группу как отражающую состав активно и успешно работающих социологов четвертого поколения. Также весом их совокупный опыт проведения прикладных социологических исследований, общения с западными учеными и издания социологических журналов.

Выбор профессии

По жизни Батыгин – человек, сделавший себя сам, а в профессии в ядовом смысле – самоучка, человек, которого социологии никто не учил [4]. Свой рассказ о прожитом он суммирует так: «Вряд ли я смогу припомнить какие-нибудь экстраординарные обстоятельства, повлиявшие на выбор мною сначала философского образования, а затем профессии социолога. Что касается первого, то роль внешних событий здесь весьма незначительна. А если говорить о профессии социолога, то скорее не я выбрал ее, а она выбрала меня» [3, с. 132].

Детство – в военных городах: запах стиранных гимнастеров и гуталина, фуражки, ремни, сапоги... начищенные асидолом бляхи, кокарды, пуговицы, погоны... заваленные снегом финские домики где-то в саратовских степях, развод караула и военный оркестр.

Его отец был строевым офицером. Во время войны шестнадцати лет он пошел в армию, и учиться у него не было никакой возможности; все образование – одногодичное пехотное училище во время войны; вечернюю школу он закончил уже майором, когда срок его службы подходил к концу. Но, замечает Батыгин об отце, «в нем сидело врожденное еврейское почитание книжности», среди офицеров с высшим об-

разованием, он слыл «знающим человеком». Ни о какой военной карьере не могло быть и речи, хотя он считался одним из лучших ротных командиров в Приволжском военном округе. Ситуация «перекрестного давления»: местечковый еврей, не имеющий шансов на образование и повышение по службе и преданный казарме и плацу.

Мать Батыгина – из Архангельска, чисто русская, из поморов. Ее мать была дочерью священника, а отец – военным фельдшером, который свое звание получил в русско-японскую войну. Он жил в селе недалеко от города Шенкурска и был зажиточным человеком. В период раскулачивания, крестьянских репрессий семья лишилась всего хозяйства – коров, лошадей, работников. Но ссылать их было некуда – они уже жили на Белом море, в Архангельской губернии.

Батыгин сменил несколько школ и окончил обучение в Сызрани, небольшом старинном волжском городе в Самарской области. По его оценке, физику, математику, химию и биологию знал плохо, а литературу, русский язык и историю – достаточно хорошо. Учительница русского языка иногда предоставляла ему возможность самому разъяснять в классе особенности правописания или управления в русском языке. Его круг общения большей частью включал детей офицеров.

В восемь лет он заболел ревмокардитом (осложнение после ангины), угрожавшим пороком сердца, и в детстве был типичным «больным ребенком». Большую часть времени вынужден был проводить в постели. Разрешалось только чтение, он читал все подряд и «научился жить в литературных мирах». В нем развилась способность «воспринимать воображаемое как реальное», и позже он считал, что его «социализация была связана с созданием фантазмагорических миров на основе текстового материала». Стремление к философии начало формироваться в нем в пятнадцать, тогда он познакомился с учебником В. Г. Афанасьева «Основы философских знаний», где для него оказалось важным не содержание, а само философствование. После этого учебника были тома Канта, изданные в «Философском наследии», но здесь уже он многого не мог понять.

С первых месяцев пребывания в комсомоле, с четырнадцати лет, Батыгин был активистом. В девятом и десятом классах избирался секретарем комитета комсомола школы.

В целом тот период жизни он вспоминал без сожаления, хотя свою искреннюю службу в комсомольском подразделении по охране общественного порядка не одобрял. Тогда партия и комсомол боролись с пережитками прошлого без каких-либо представлений об административном и уголовном праве. Он уточнял: «Хулиганство имело просто невообразимые масштабы. Создавались разные общественные формирования: добровольные народные дружины, комсомольские оперативные отряды. Мы работали вместе с милицией. Таскали пьяных, драки разнимали, но это имело вид комсомольского подвижничества, мы были бешеными борцами с правонарушениями...» [3, с. 138]. Родители пытались противодействовать его увлечению, но это лишь укрепляло его «идейную убежденность».

В процессе интервью Батыгин замечает: «Во мне обнаружилась постыдная склонность к моральному суждению. У подросткового строя мысли, довольно глупого самого по себе, есть какой-то авторитаризм. Я имею в виду прерогативу морального суждения и осуждения, попытку присвоить себе знание, которое даст возможность быть умнее других людей, судить их, или судить о них, что одно и то же. Видимо, этот авторитаризм также повлиял на выбор философии» [3, с. 136]. Сильное впечатление произвела на него книга, которая тогда являла собой некий кристалл социального знания, – Всеволод Кочетов, «Секретарь обкома». Возникло желание получить возможность, такую же, как наделенный властью секретарь обкома, осуществлять справедливость и преобразовывать мир. Именно так он описал предысторию выбора философского факультета.

Родители Батыгина хотели, чтобы он поступил в авиационное училище и стал летчиком, офицером. Большинство его одноклассников избрали этот путь и, возможно, многие из них погибли в афганскую войну. Если бы не философия, то и он стал бы военным летчиком, очень сильно было влияние военной среды. В 1968 году он приехал поступать в Московский государственный университет. Экзамены не сдал, но вернулся домой с твердым желанием поступать на следующий год.

Перед вторым приездом в Москву он прочел книгу Емельяна Ярославского «Библия для верующих и неверующих». В ней обильно цитировались священные тексты, и Батыгин многое

выучил наизусть. Еще в Сызрани он думал обратиться к священнослужителю, чтобы поучиться у него, но одновременно осознал, что этого нельзя делать. Во-первых, такие контакты могли негативно отразиться на службе отца, во-вторых, он понимал границы возможного для комсомольца. В Москве ничто не мешало ему «прощупать богословскую почву». Поехал в Троице-Сергиеву лавру просто поспрашивать и подумал: может, поступить в духовную семинарию? Понимал, что в этом случае он будет ближе к «финальной истине», чем на философском факультете. Но человек, с которым он беседовал, увидел в нем «умника», которого «надо как можно дальше держать от православной церкви, от клира» [3, с. 139]. Тогда Батыгин поступил на философский факультет.

Знакомство с биографиями социологов разных поколений показывает, что юношеское стремление Батыгина к освоению философских построений, его ранние попытки чтения Канта и Сократа, бурная общественная активность и желание улучшить мир более сближают его не с представителями его профессиональной когорты, но с рядом социологов первого поколения. В своих рассказах о школьных годах социологи четвертого поколения предстают менее «философичными» и подчеркнута менее социально активными. С другой стороны, Б. А. Грушин отмечал, что пришел в университет, не освободившись от образа Павла Корчагина, «в кожанке и с маузером», а Ядов называет себя настоящим хунвейбином. Конечно, о стремлении к истине в богословском понимании они и не задумывались.

Стремительный старт: лидер своего поколения

При поступлении в МГУ Батыгин не добрал одного балла и был зачислен на отделение научного коммунизма, там конкурс был чуть поменьше. Он вспоминал: «На отделении научного коммунизма с преподавателями была беда: знания их имели большей частью пропагандистский характер. Философский факультет не давал никакой профессиональной подготовки вообще, за исключением нескольких направлений: кафедры логики, где был очень сильный контингент, кафедры истории зарубежной философии и отчасти кафедры научного атеизма, к которой я примкнул. По

этой причине я всегда писал две курсовых и защитил два диплома» [3, с. 141–142]. Обращаясь к студенческим годам, Батыгин с благодарностью вспоминает лекции профессора Г. А. Багатурии, крупнейшего специалиста по К. Марксу, марксизму, «великого текстолога». Одним из духовных кумиров Батыгина среди преподавателей был и Э. В. Ильенков; все студенты зачитывались его книгой о восхождении абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса.

Историю античной философии им читал В. Ф. Асмус. Был еще Н. М. Рахманов, преподававший историю КПСС; он был слепым. По словам Батыгина, Рахманов оказал на него большое влияние: он очень хорошо понимал внутреннее движение идей и учил студентов обнаруживать в самых тривиальных текстах внутренний подтекст и понимать «что в мире нет ни одного текста, который нельзя было бы расшифровать таким образом, чтобы в нем не обнаружились неординарные идеи» [3, с. 142].

После окончания университета Батыгина должны были призвать на срочную военную службу, и он был готов работать с личным составом и вступить в КПСС. Но в июле 1974 года обнаружилось, что он и другие выпускники философского факультета не нужны Вооруженным силам. Пришлось самому искать работу. Батыгин (тогда он еще носил фамилию отца – Гантман) стал ходить по разным московским институтам; адреса кафедр философии и научного коммунизма переписал из справочника для поступающих в вузы. Нигде для него работы не было. Он чувствовал себя дистанцированным от системы; все его ожидания, красный диплом, знание Аристотеля – и полная ненужность.

В конце сентября он случайно пришел в Институт социологических исследований. Здесь его не спросили ни о партийности, ни о рекомендации в аспирантуру (которой у него и не было). Слово «социология» для него было внове. В очную аспирантуру не поступил, конкурс был слишком большой, стал «заочником». Нашлась для него временная работа кодировщиком в секторе И. В. Бестужева-Лады, «прокалывать дырки в перфокартах». Далее, отмечает Батыгин: «Стал работать как сумасшедший, сутками. Через полгода меня приняли на постоянную работу лаборантом, а через год, когда я сдал кандидатские экзамены, сделали младшим научным» [3, с. 146].

Через много лет Батыгин оценил все произошедшее как везение. Он попал в другую область, в процессе работы у него произошла смена интересов. Тема кандидатского исследования сформировалась «независимо от него». Анализируя общие вопросы типологии социальных показателей образа жизни [5], он создал перечень тематических блоков переменных – классификатор показателей и предлагал экспертам оценить значимость каждого показателя. Было около тридцати экспертов, оценка шла по семибалльной шкале; затем вручную провел статистическую обработку. Защита состоялась в 1977 году.

Через два года в должности старшего научного сотрудника Батыгин начинает работать в редакции журнала «Социологические исследования». Можно согласиться с его словами: «Мне было 28 лет, и это был абсолютный рекорд, потому что в таком возрасте стать старшим научным сотрудником мог только кто-то либо с очень большим блатом либо высокоодаренный» [3, с. 151]. В институтах математического и физического направления доктора наук и старшие научные сотрудники, не достигшие 30 лет, – не редкость, но для институтов гуманитарного профиля это исключительный случай.

В 1986 году на базе серии статей, опубликованных в «Социологических исследованиях», Батыгиным была выпущена книга по методологии прикладной социологии» [6], получившая признание специалистов. Через год была защищена докторская диссертация [7].

Батыгин явно обгонял в профессиональном признании и в карьерном росте многих членов своей возрастной когорты. То, что он ранее других представителей своего поколения защитил кандидатскую и докторскую диссертации (табл. 1), согласно ряду наукометрических выводов, уже дает основание говорить о нем как об одном из лидеров своего поколения российских / советских социологов. Вместе с тем это утверждение – не только плод анализа статистики защит, оно учитывает и информацию, содержащуюся в проведенных интервью.

Отвечая на мой вопрос о том, кто из социологов старшего или ее поколения оказал на нее наибольшее влияние, А.Е. Чирикова ответила, что ее знакомство с миром социологии состоялось в 1985 году. Тогда она, уже кандидат пси-

хологических наук, вместе с коллегой подготовила статью о профессиональных ориентациях молодежи и отправила ее в «Социологические исследования». Их пригласил к себе Батыгин – заместитель главного редактора, которому статья понравилась. «Я, – продолжала Чирикова, – не знала, кто такой Геннадий Батыгин, но он мне показался умным и понимающим человеком. Несмотря на то, что Харчев по своим мотивам попытался притормозить выход статьи в свет, Батыгин настоял на том, чтобы она была напечатана. Так я узнала первого социолога, который к тому же оказался весьма интеллигентным и обязательным человеком» [8, с. 10].

Теперь – небольшой фрагмент из интервью с А. Ю. Мягковым. В первых числах декабря 2001 года он привез в Москву статью для «Социологического журнала» и заодно решил посоветоваться с Батыгиным относительно возможности защиты докторской диссертации в совете ИС РАН. Они немного знали друг друга с начала 1980-х годов; Мягков в то время был начинающим аспирантом, Батыгин заметным человеком в «Социологических исследованиях». Намечавшаяся встреча фактически была первой после многолетнего перерыва. Мягков вспоминает, что его сильно поразили теплота приема и непринужденность общения. Было такое ощущение, как будто они всю жизнь знали друг друга и никогда не расставались. Мягков предъявил план диссертации, список публикаций и рукопись монографии и затем рассказал о своих намерениях. На его робкую просьбу выступить в роли научного консультанта по диссертации Батыгин ответил: «Зачем же консультантом, я мог бы пригодиться вам в качестве официального оппонента. Это гораздо важнее» [9, с. 10].

Очевидно, для проводимого анализа не требуется множества примеров, из этих двух уже следует, что ровесники (Батыгин, Мягков и Чирикова принадлежат к центральному слою поколения) видели в Батыгине «старшего», а он легко понимал их и старался помочь. Это и есть явная атрибутика лидерства в науке.

Однако было бы неверным видеть в Батыгине лишь правофлангового четвертого поколения советских/российских социологов. Сделанное им до середины 1980-х и составившее основу его диссертаций вписывается в тематику, активно разрабатывавшуюся советскими социологами: методология исследования образа жизни, природа социальных

показателей, логические и эмпирические методы социологии. Но уже в начале 1990-х под воздействием многих обстоятельств он отходит от изучения известного не только ему, но многим предметного пространства и начинает зондировать поверхностно описанные или совсем нехоженые предметные области. Ведь в то время советские социологи много лучше были знакомы с парадигматикой и методами классической и послевоенной западной социологии, чем с опытом, достижениями дореволюционных русских социологов и социологов, работавших в 1920–1930-е годы. Освоением всей этой многослойной тематики начал заниматься Батыгин, более того, в сферу его интересов попало также становление и развитие постхрущевской советской/российской социологии. К концу 1990-х, охватив своими историческими исследованиями социологию постреволюционных десятилетий и родившуюся в постоттепельный период, Батыгин не только укрепил лидерские позиции в своем поколении, но приобрел новый статус. Он быстро занял ведущую позицию среди социологов разных поколений, причастных к изучению прошлого отечественной социологии. Симптоматично, что В. А. Ядов, собрав для работы над фундаментальным томом «Социология в России» [10] очень сильный коллектив авторов, доверил написать первую и крайне сложную главу – о российской социологической традиции – Батыгину, возможно, самому молодому в той команде.

История российской социологии – не единственное расширение исследовательского поля отечественной социологии, сделанное Батыгиным. Я полностью согласен с Л. А. Козловой в том, что Батыгиным многое сделано для развития в стране обособленной методологии применения качественных методов [11].

Язык, стилистика, ритмика советских социологических текстов в конце 1950-х – начале 1960-х обладали некоторыми особенностями. Во-первых, они формировались по образцу, задававшемуся идеологически рафинированными журналами «Коммунист», «Философские науки» и книгами, которые выпускал «Политиздат». Редактировались не только мысли, выводы, даже немного отклонявшиеся от «буквы» директивных документов, но «причесывался» и сам текст. Во-вторых, язык советской социологии складывался под влиянием ан-

гласящей социологической литературы, и еще отсутствовал опыт ее перевода. В-третьих, в социологию шли люди, не имевшие гуманитарного образования и не придававшие самостоятельного значения стилю своих тестов.

Чтение и заучивание многих художественных, философских и религиозных текстов, усвоение речевого стиля ряда профессоров МГУ, желание много писать (вспоминая середину 1970-х, Батыгин отметил: «Я стал очень много писать, даже фантастическое много» [3, с. 148]), редактирование текстов для журнала «Социологические исследования», сотрудничество с опытнейшими журналистами О. Чайковской и В. Сырокомским, которых он называл своими учителями, и многое другое способствовало формированию у Батыгина собственного стиля в подготовке социологических текстов. Интервьюируя Д. Л. Константиновского, социолога и писателя, я спросил у него, не кажется ли ему, что в своих последних работах Батыгин был не только социологом, но и (почти) писателем. Константиновский сказал: «...Батыгин был человек колоссальной эрудиции, плюс память у него была феноменальная. И огромные литературные пассажи необъятными цитатами хранились у него в голове. Конечно, не потому, что он просто их запоминал. Мне сразу было ясно, что он тяготеет к литературе, к художественному восприятию» [12, с. 9].

Сначала обращение Батыгина к исторической тематике и поиск им стиля изложения полученных результатов трактовались мною как две независимые характеристики его творчества. Сейчас я думаю иначе. Его движение от анализа индикаторов образа жизни к методологии прикладных социологических исследований не могло не сопровождаться поисками нового языка, стилистики. Обращение к истории социологии заставляло его идти дальше. Батыгин оказался первым или одним из первых в современной российской социологии, кто стал обращать самое серьезное внимание на стиль научного текста. И это тоже – и личностное, и поколенческое.

* * *

Имея в виду то обстоятельство, что в годы перестройки для 30–35-летних социологов раздвинулись горизонты возможного, открылись перспективы для расширения предметности научного поиска, ушла в прошлое цензура, прин-

ципиально упростился механизм общения с западными учеными, я назвал четвертое поколение советских/российских социологов «спасенными перестройкой». В начале февраля 2011 г. я разослал всем социологам, указанным в таблице 1, письма с просьбой прокомментировать это «имя» их поколения. Откликнулись одиннадцать человек, десять из которых в целом одобрили это название. Ответы – достаточно развернутые, аргументированные, приведу лишь несколько фрагментов из них:

– «...Согласен – поколение “спасенных перестройкой”. Раздвинулась структура возможностей, и те, кто получил и сохранил профессию, реализовали себя – думаю, что так».

– «...Я подумал и пришел к выводу, что это определение точно отражает реальность, по крайней мере, по отношению ко мне и многим моим сверстникам. Годится! <...> Вот так все сошлось в одно время в одной стране, и именно наше поколение получило историческую возможность (не каждому поколению такое дается) делать социологию по мировым стандартам, учась у наших великих учителей».

– «...Лично про себя я не думала, что меня “спасла перестройка”. Но, точно, она круто поменяла и мою, и моих коллег жизнь в профессии. Стало свободно идеологически, стало больше самых разных возможностей для работы в социологии. Думаю, что перестройка повлияла на изменение моей траектории в профессии».

– «...Если брать меня как типичного представителя поколения, то точнее названия не придумать: мы “спасенные перестройкой”. Если бы не перестройка, если бы все шло, как шло, то я имел бы очень мало шансов стать социологом».

– «...Очень удачное название (яркое, запоминающееся и по сути). В значительной мере можно сказать, что я – “спасенный перестройкой”».

Батыгин в интервью 2002 года ранее других представителей своего поколения обратил внимание на то, что дала ему обновлявшаяся социально-политическая среда. Он сказал: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, то есть вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя

судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось» [3, с. 164].

В этих словах – тоже и поколенческое, и личное.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б. Ни о каком другом пути он даже помыслить не мог... Биографические заметки о Геннадии Батыгине // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 12–14.
2. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
3. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 132–167.
4. Ядов В.А. «Мы все – самоучки в социологии» // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1999. С. 42–63.
5. Батыгин Г.С. Типология социальных показателей образа жизни. Методологические и методические проблемы. Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Ин-т социологических исследований АН СССР. М., 1977.
6. Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
7. Батыгин Г.С. Методологические проблемы обоснования научного вывода в прикладных социологических исследованиях. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ин-т социологических исследований АН СССР. М., 1986.
8. Чирикова А.Е. «Мой профессиональный выбор был правильным» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 1. С. 2–13.
9. Мягков А.Ю. «Иной судьбы для себя просто не представлял» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 2. С. 2–11.
10. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. Изд. 2-е. М.: Институт социологии РАН, 1998.
11. Козлова Л. Ремесло Геннадия Батыгина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 1. С. 14–17.
12. Константиновский Д.Л. «Такие вот динамические ряды...» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2006. № 4. С. 2–13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надеюсь, что мне удалось в какой-то мере приблизиться к двум намеченным целям в работе над этой книгой. Во-первых, познакомить читателей с биографиями людей, преданных своему делу и много сделавших для развития теории и практики изучения общества и человека. Во-вторых, немного показать, приоткрыть процесс историко-биографических поисков. Подчеркну, что это не было движением по двум отдельным, самостоятельным направлениям. Как в создаваемом биографическом тексте непременно присутствует его автор, так и характер изучения и написания биографии в развиваемой мною методологии не свободен от авторского отношения к герою биографического повествования. И всматриваясь в сделанное, мне сложно сказать, движение к какой из целей было легче. Написание биографии, об этом говорилось в вступительном разделе, это приятный, но очень непростой мысленный диалог с людьми, к которым я испытываю уважение и сделанное которыми признаю значимым. Рассказ о собственной работе всегда труден, поскольку приходится вербализовать нечто внутреннее, протекающее бесконтрольно. К тому же работа над биографиями порождает и особые трудности, приходится прислушиваться к голосам героев, и тех, которых знал десятилетиями и помнишь их глаза, голоса, смех и характерные движения, и тех, чей образ сам создал на основе прочитанного.

Буду рад, если после ознакомления с содержанием книги у читателя останется впечатление о встрече с интересными человеческими судьбами и если захочется поразмышлять над узнанным. И, конечно же, мне будет приятно, если читатели признают полезным труд историков-биографов.

На первых страницах книги сказано, что моя историко-наукведческая работа началась в 2000 году стихийно, с увлечения биографией Джорджа Гэллапа, и на протяжении ряда лет мои поиски ограничивались анализом прошлого методологии и культуры американских исследований общественного мнения. Пришлось уйти очень далеко, ко времени освоения Америки европейцами. Выше назывались и мои книги, в которых изложены результаты этого периода работы.

Однако рассмотрение прошлого не стало самоцелью, отчасти неожиданно для меня оно послужило основой для исследования «самого горячего» настоящего и отчасти будущего – технологий изучения общественного мнения населения

Америки. Так, в 2008 году был проведен мониторинг первой президентской кампании Барака Обамы и рассмотрены методы, с помощью которых современные полстеры измеряют электоральные установки и прогнозируют итог борьбы за Белый дом. Результаты этой работы представлены в книге «Явление Барака Обамы» [1],²⁸ а схема наблюдения за динамикой электоральных установок использовалась при изучении еще двух президентских выборов: в 2012 и 2016 годах.

В 2004 году зона историко-биографических поисков была расширена, и началось изучение истории советской / российской социологии. В тот момент и на протяжении полутора-двух следующих лет я считал, что работаю по двум направлениям: американскому и российскому. Но затем пришло понимание того, что «географическая специфичность» этих двух направлений не является их доминирующим атрибутом, главное это их цель – изучение жизни и деятельности представляющихся мне интересными участников двух процессов: формирование технологии опросов общественного мнения в США и развитие советской / российской социологии.

Впервые такое понимание было обсуждено 2007 году в переписке с историком социологии и опытным редактором социологических текстов Ларисой Козловой; в начале июля сложившийся таким образом текст был размещен на портале «Международная биографическая альтернатива» под заголовком «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев», важен и подзаголовок «Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии» [2].²⁹ Граф Алессандро Калиостро – мистик, гипнотизер, авантюрист, живший во второй половине XVIII века; он побывал во многих странах, в том числе в России, встречался со многими известными в те годы людьми. Его жизнь была полна реальных и придуманных им приключений.

Известный советский историк и философ науки Б. Г. Кузнецов – автор книг о Декарте, Галилее, Ньютоне, Спино-

²⁸ Докторов Б. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. Москва, Издательство «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011 <http://fom.ru/uploads/files/B-Obama.pdf>.

²⁹ Докторов Б., Козлова Л. «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев. Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии» http://cdclv.unlv.edu//archives/Comments/doktorov_kozlova.html.

зе и выдержавшей множество изданий книги «Эйнштейн». В 1975 году Кузнецов опубликовал книгу «Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками» [3].³⁰ Мои воспоминания о Кузнецове, рассказ о его жизни и научном наследии составили содержание небольшой книги: «Все это вместила одна жизнь». Б. Г. Кузнецов: историк, философ и социолог науки» [4].³¹

Я познакомился с «Мемуарами графа Калиостро» летом 1975 года, когда никаких планов заниматься биографиями у меня не было, как и социологией, как и историей науки. Но мне было интересно читать, и многое в моей последующей жизни было определено работами Б. Г. Кузнецова и именно этой небольшой книгой.

Исходно я воспринимал книгу как удачно найденную форму популяризации знаний по истории науки и, в частности, истории физики. Но прошедшие десятилетия и многие годы собственных занятий историей социологии кардинально изменили мое понимание «Путешествий». Как и все написанное Кузнецовым, книга – при известной подготовке – легко читается и может рассматриваться как некий синтез истории науки и научной фантастики. Но прежде всего, это оригинальная работа историко-научного и социологического плана, показывающая огромные возможности мысленного диалога автора историко-биографических книг со своими героями. Ведение такого разговора через время и расстояние предполагает, что автор достаточно информирован о жизни и деятельности своего героя, обладает опытом биографического анализа и признает этические принципы своего собеседника. Таким образом, мысленный диалог – это и наука, и культура общения. Мне кажется, что понимание всего этого автором дает ему моральное право писать биографию интересующего его человека, и это уже не предполагает

³⁰ Кузнецов Б. Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками. – М.: «Молодая гвардия», 1975.

³¹ Докторов Б. Все это вместила одна жизнь. Б.Г. Кузнецов: историк, философ и социолог науки / В кн.: Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс]. Редактор-консультант Алексеев А.Н., редактор электронного издания Григорьева Е. И. М.: ЦСПиМ. 2016. Том IX, Книга 1. http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/tom9_content.htm.

личного знакомства с ним. Сколько написано о Пушкине после его гибели... о Толстом, о Достоевском, о Ломоносове... а сколько еще будет написано... А разве нельзя писать сейчас о Н. Я. Данилевском, Н. М. Михайловском, П. А. Сорокине и других русских социологах рубежа XIX и XX веков? А сколько за последние годы умерло наших современников, внесших заметный вклад в советскую / российскую социологию, жизнь и творчество которых не изучено? Моральное право приобретается, прежде всего, долгой работой, ознакомлением с наследием ученых. И есть еще одно непеременимое условие – желание писать о них.

Для графа Калиостро, точнее – для Б. Г. Кузнецова не существовало временного интервала между Данте и Ахматовой, Спинозой и Эйнштейном, а ведь это – разные эпохи, разные культуры, разное состояние литературы, в первом случае, и науки – во втором. Завершая обсуждение с Л. Козловой, я задавался вопросом: «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?» Мне кажется, что читатель после ознакомления с десятью биографиями, расположенными в книге, сам может стать графом Калиостро, попытаться поразмышлять о судьбах каждого и всех вместе, задаться вопросами, на которые каждый из героев книги мог бы ответить.

В названии книги присутствуют слова: «нескончаемые беседы». В книге собраны мои беседы, но одновременно это и приглашение многих к подобным разговорам. И, безусловно, не только с моими героями. Социология – бесконечна, история социологии – бескрайня.

Уверен, классики и современники нашей науки всегда откликнутся на наше стремление побеседовать с ними. Дело – за нами...

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторов Б. Явление Барака Обамы. Социологические наблюдения. Москва, Издательство «Европа», Институт Фонда «Общественное мнение», 2011 <http://fom.ru/uploads/files/B-Obama.pdf>.
2. Докторов Б., Козлова Л. «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев. Рассуждения о том, как и для чего пишутся биографии» http://cdclv.unlv.edu//archives/Comments/doktorov_kozlova.html.

3. *Кузнецов Б.* Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйнштейном и многими другими современниками. – М.: «Молодая гвардия», 1975.
4. *Докторов Б.* Все это вместила одна жизнь. Б.Г. Кузнецов: историк, философ и социолог науки / В кн.: Докторов Б. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс]. Редактор-консультант Алексеев А.Н., редактор электронного издания Григорьева Е. И. М.: ЦСПиМ. 2016. Том IX, Книга 1. http://www.socioprognoz.ru/hta_9/htm/tom9_content.htm.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	6
РАЗДЕЛ 1	
МЕТОДОЛОГИЯ	9
О КНИГЕ И ЕЕ ГЕРОЯХ	11
Литература	20
РАБОТА НАД БИОГРАФИЕЙ – ЭТО ОБЩЕНИЕ С ТЕМ, О КОМ ПИШЕШЬ	22
Особенности исследовательской методологии	–
Работе над биографией – это общение с ее героем	40
От биографии к истории	44
Литература	54
РАЗДЕЛ 2	
БЕСЕДЫ С КЛАССИКАМИ	57
ДЖОРДЖ ГЭЛЛАП: ЧЕЛОВЕК ИДЕЙ И ИДЕАЛОВ	59
Айовский период: первые три десятилетия жизни.	60
Американец в десятом поколении	61
«Будь радикальным!»	63
Начало научной деятельности. Метод Гэллапа	66
«В области изучения рекламы Гэллап сделал больше всех нас вместе взятых»	70
«Мне всегда нравилось изучать рекламу...»	71
Полвека изучения эффективности рекламы	78
Общественное мнение. От идеи к триумфу	85
Поиски нового	–
От городского собрания Новой Англии к гэллаповскому городскому собранию	88
Литература	106
ХЭДЛИ КЭНТРИЛ.	111
Университетский ученый становится полстером.	114
Работа на президента.	119
Кросскультурные зондажи общественного мнения	123
Исследования опросных методов	126
Ведущий журнал: первое десятилетие.	134
Литература	142
ДЭВИД ОГИЛВИ: РЕКЛАМИСТ НА ВСЕ ВРЕМЕНА	145
Европеец в американской рекламе	147
Два «европейских» периода жизни Огилви в Америке	157
Освоение Америки. Встреча с Гэллапом	160
Творческие вершины.	170
Литература	184

РАЗДЕЛ 3

БЕСЕДЫ С СОВРЕМЕННОКАМИ. ФРАГМЕНТЫ КНИГ 186

Б. А. ГРУШИНА. ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	187
Все мы вышли из «грушинской шинели»	187
Один из «диастанкуров»	191
Всеу начало: Институт общественного мнения “Комсомольской правды”	196
Три книги – три главных направления исследований Грушина	203
ВЦИОМ и ВР	214
Параллели и перпендикуляры	218
«Четыре жизни России». Ментальное пространство и голограмма Грушина	229
Наследие Б.А. Грушина: для всех и надолго	237
Литература	248

МИР ВЛАДИМИРА ЯДОВА	251
Введение	251
У входа в «Мир Ядова»	253
Автобиографические письма	258
Психологический автопортрет	260
Что бы я сказал о своей жизни	263
На пороге личного пространства	268
Предбиография и ранние годы биографии	268
Философский факультет ЛГУ	275
Долгий и извилистый путь в социологию	280
«Точки сгущения» профессионального пространства: ленинградский период	286
Нам всем повезло	310
Литература	314

РАЗДЕЛ 4

БИОГРАФИИ СОЦИОЛОГОВ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ 314

ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ЗАСЛАВСКАЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЕЕ ЖИЗНИ.	318
Становление личности и профессиональное самоопределение	321
Оставлено нам	326
Немного сугубо личного	335
Литература	337

О ЮРИИ ЛЕВАДЕ. ЖИЗНЬ В ПОИСКАХ «НАСТОЯЩЕЙ ПРАВДЫ»	338
Жизнь состоялась	338
Дважды шестидесятник	340
Молодой блестящий ученый	341
За «не те» слова он был обречен на молчание	344
«Не припомню, когда бы я говорил, писал или заявлял то, чего я не думал...»	347

Востребован новым временем	349
Наследие Левады: это надолго	352
Он уходил очень далеко от берега.	358
Литература:	361
СКАЛА АЛЕКСЕЕВА	364
Био-логический подход	365
Драматическая социология	368
Наблюдающее участие.	372
Андрей Алексеев как историк отечественной социологии	374
О жанре «Драматической социологии»	377
Биографическое	383
Литература	389
ВАЛЕРИЙ ГОЛОФАСТ. НЕЗАВИСИМЫЙ УМ	390
Методологическое введение	392
Становление личности. Обращение к поэзии	394
Для Голофаства – сначала было слово.	401
Движение в социологию	404
«Сайгонная культура»	405
Не только, что сказать, но как сказать.	407
Литература	413
Г.С. БАТЫГИН И ФОРМИРОВАНИЕ ЧЕТВЕРТОГО	
ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ/РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ	416
Изучение биографии: личностное и поколенческое	416
Четвертое поколение в постхрущевской российской	
социологии	418
Выбор профессии	421
Стремительный старт: лидер своего поколения	424
Литература	431
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	432

Научное издание

Докторов Борис Зуسمанович

**НЕСКОНЧАЕМЫЕ БЕСЕДЫ
С КЛАССИКАМИ И СОВРЕМЕННОКАМИ.
Опыт историко-биографического анализа**

Монография

Издатель:

Центр социального прогнозирования и маркетинга
127106, г. Москва, ул. Гостиничная, дом 9, корп. 4.

Тел. (495) 482-18-38

Email: info@sheregi.ru

www.socioprognoz.ru

Подписано в печать 12.06.2018.

Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 27,5. Тираж 300 экз.

Заказ

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpk.ru

8(495) 988-63-76, т/ф. 8(496) 726-54-10